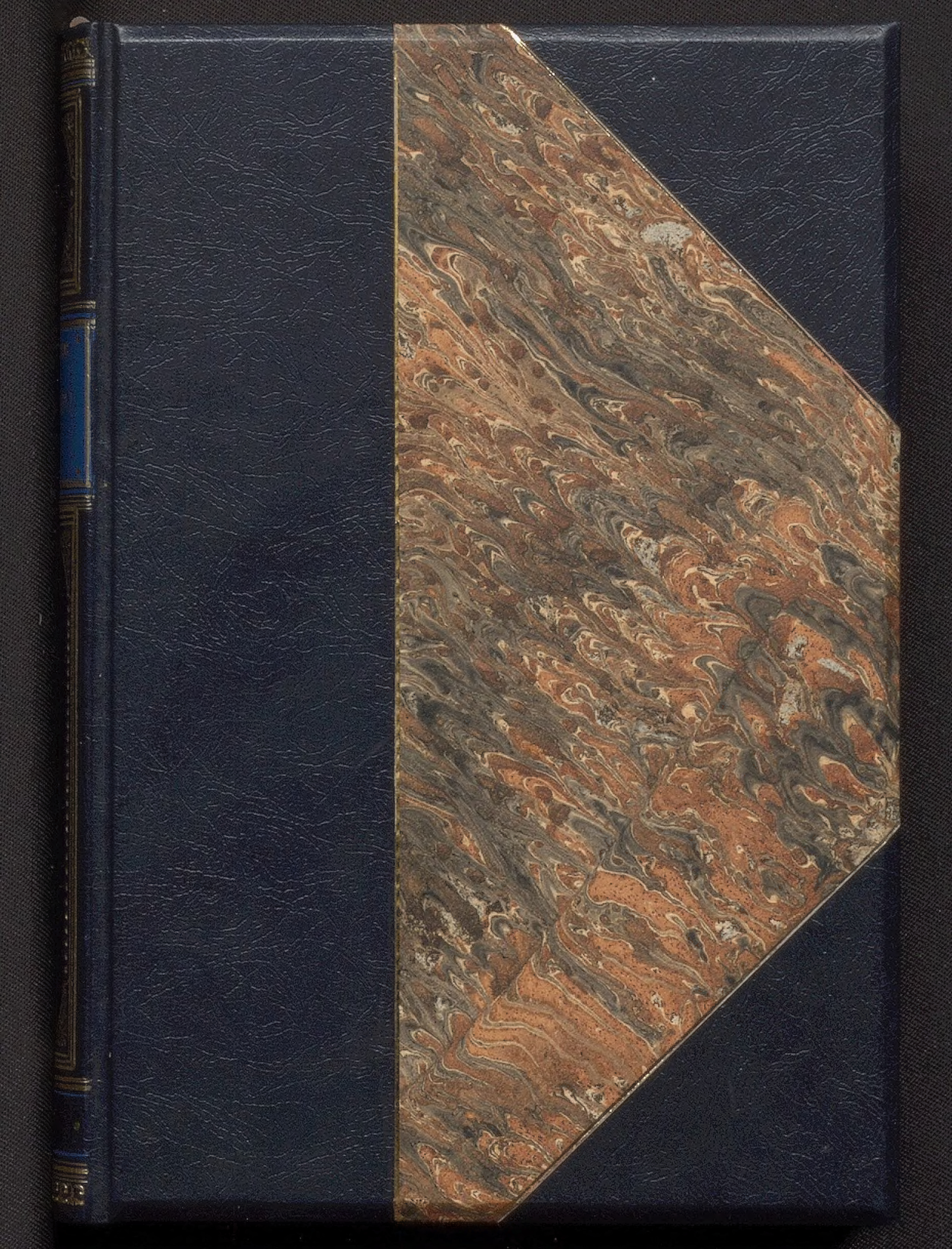

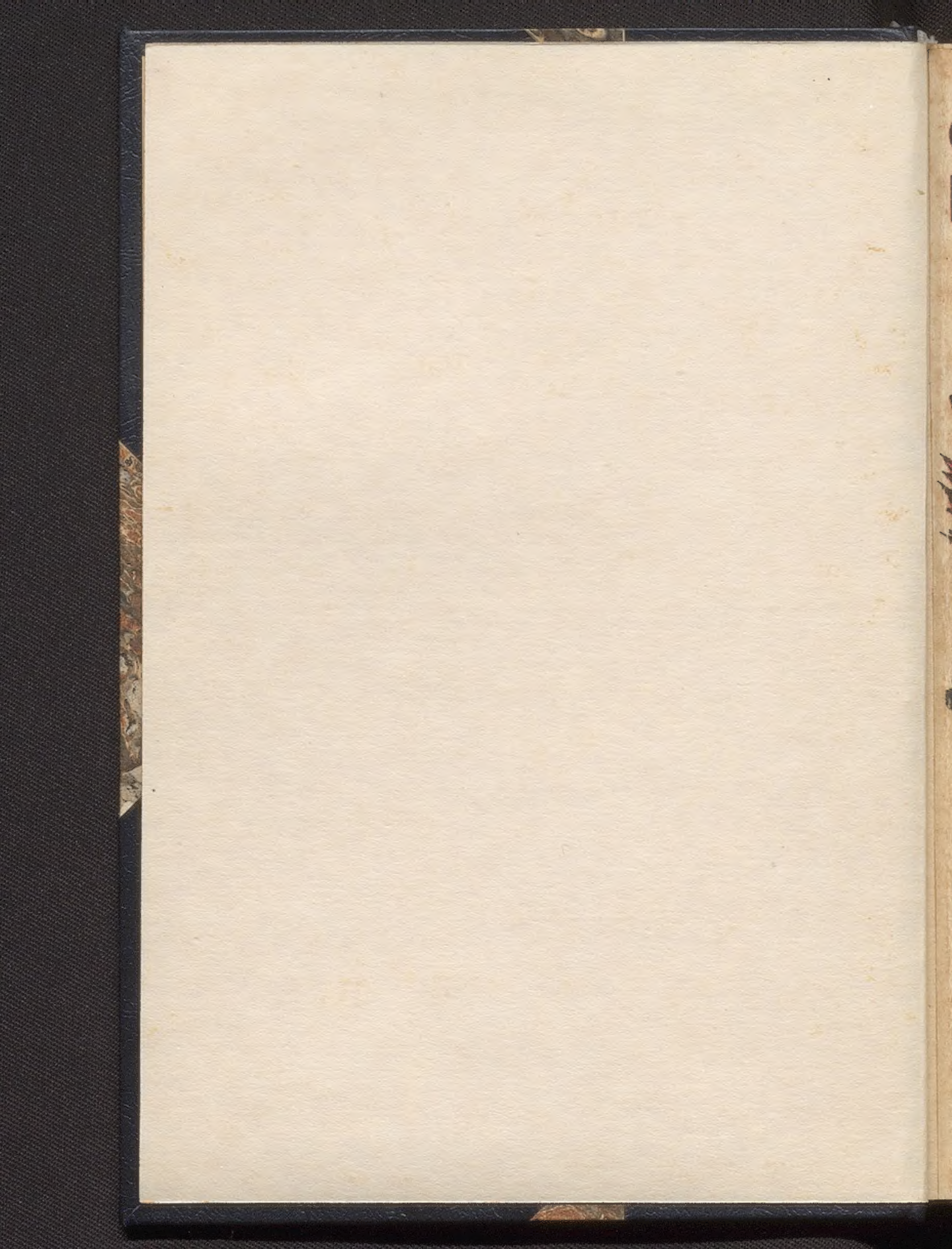

П. Н. КРАСНОВЪ.

ОТЪ ДВУГЛАВАГО ОРЛА КЪ КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ

ТОМЪ II

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ АВТОРОМЪ ИЗДАНІЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“ РИГА.

П. Н. КРАСНОВЪ.

ОТЪ ДВУГЛАВАГО ОРЛА КЪ КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ

1894 — 1921.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Изданіе третье,
пересмотрѣнное и исправленное авторомъ.

ТОМЪ II.

ЧАСТИ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ № 37.
1 9 3 0

Печатано въ типографіи „Глобусъ“
Рига, Латвія, Елизаветинская 22

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I

Любовинъ ѣхалъ съ правильнымъ пассажирскимъ билетомъ, съ заграничнымъ паспортомъ, мало того, — Коржиковъ досталъ ему и передалъ на вокзалѣ удостовѣреніе отъ сталелитейнаго завода въ томъ, что онъ мастеръ и командированъ въ Берлинъ для выбора какихъ-то особенныхъ стальныхъ сверлъ, и все таки чувствовалъ онъ себя скверно. Всякій разъ, какъ отворялась въ вагонѣ дверь и входилъ контроль, онъ вздрагивалъ и блѣднѣлъ. Съ сосѣдями Любовинъ не разговаривалъ, заявивъ, что у него нестерпимо болятъ зубы. На станціяхъ Любовинъ не выходилъ и болѣе сутокъ ничего не ѣлъ.

Онъ сидѣлъ, забившись въ углу отдѣленія, закрывшись съ головою пальто, повѣшеннымъ на крючокъ, и старался заснуть. Но сонъ не приходилъ къ нему. Все мерещился убитый Саблинъ и растрепанная, небрежно одѣтая Маруся. Совѣсть мучила его. «Да, хорошо ли я сдѣлалъ», — думалъ онъ, — «вотъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ какъ будто не одобрилъ совсѣмъ. Поступилъ я погосподски, а не по-пролетарски. Ну, что въ самомъ дѣлѣ — побаловалась дѣвчонка. Вонъ, какъ Коржиковъ на это высоко смотритъ. «Женюсь», говоритъ. Сидитъ, значитъ, во мнѣ буржуазная мораль, крѣпко сидитъ. А откуда она? Какъ будто и не откуда ей взяться? Отецъ... Отецъ дѣйствительно въ господа лѣзъ, хотѣлъ, чтобы какъ у баръ было, вотъ и вдолбилъ. Что Маруся теперь будетъ дѣлать? Догадалась ли выскочить и убѣжать съ квартиры? Да, все одно. Найдутъ... Обличатъ, по слѣдствіямъ, да судамъ тягать бу-

дутъ. Господи, сраму то, сраму то сколько! Не оберешься скандалу. Отцу то каково будетъ?»

Любовинъ откидывалъ пальто съ головы и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ кругомъ. Поѣздъ стоялъ на станціи. По всему вагону шелъ густой переливистый храпъ. Тускло горѣли свѣчи въ фонаряхъ, наполовину прикрытыхъ сѣрыми занавѣсками. Сосѣдъ старался во снѣ устроиться поудобнѣе и ногами въ высокихъ сапогахъ все толкалъ прижавшагося въ углу у окна Любовина. Верхнія полки были подняты, и противъ Любовина на разостланномъ пледѣ лежала молодая дѣвушка. Она крѣпко спала, дыханія ея не было замѣтно и только во снѣ подъ пристальнымъ взглядомъ Любовина хмурились тонкія, темныя брови.

«И чего стоитъ такъ долго», — думалъ Любовинъ. — «Господи! ну и чего стоитъ! И шелъ бы да шелъ бы. А, можетъ быть, задержали нарочно? Ищутъ... По телеграммѣ... У нихъ вѣдь сыскъ. Они все знаютъ».

Опять воображеніе рисовало ему жуткія сцены ареста. «Арестуютъ, такъ безпремѣнно по шеѣ вдарятъ, это уже всегда такъ.»

Онъ поджималъ шею, точно ощущая ударъ тяжелаго кулака.

Дверь открылась, Любовинъ вздрогнулъ, съежился и быстро закрылся полами пальто. Онъ поглядывалъ въ щелку, кто шелъ, не за нимъ ли, обдумывалъ что будетъ говорить. «Вызовутъ Любовина», думалъ онъ, «ну а какой же я Любовинъ? Я Станиславъ Лещинскій, слесарь, да... по порученію завода ѣду въ городъ Берлинъ, что же особеннаго?» Ему казалось, что сейчасъ кто то крикнетъ — «есть здѣсь Любовинъ?» — и боялся, что отвѣтитъ невольно: — «я Любовинъ». Было страшно. Сосѣдъ потянулся, уперся въ него ногами, зѣвнулъ протяжно, замѣтилъ съежившагося Любовина и сказалъ: — «извиняюсь».

Вошелъ истопникъ въ шубѣ, запорошенной снѣгомъ и съ цинковымъ большимъ чайникомъ въ рукахъ. Со-

сѣдъ Любовина посмотрѣлъ на него мутными глазами и спросилъ:

— Чего такъ долго стоимъ?

— Букса въ багажномъ загорѣлась, такъ замѣняли. Сейчасъ тронемъ.

— А не опоздаемъ?

— Должно нагонимъ.

«Какъ онъ можетъ такъ спокойно говорить», — думалъ Любовинъ, — «и не боится ничего. Я бы слова теперь не вымолвилъ. До ужаса страшно. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, всю дорогу, какъ по Обводному шли, твердилъ: — надо переродиться, надо переродиться — и теперь Лещинскій Станиславъ Казиміровичъ, нѣтъ у васъ другого имени, поняли?» У завода Келлера остановился, показалъ на маленькій двухэтажный домикъ, розовой краской покрашенный. Любовинъ хорошо его запомнилъ. Внизу трактиръ былъ, извозчики чай пили и ихъ лошади съ санями стояли во дворѣ. — «Вотъ вы здѣсь, во второмъ этажѣ живете, запомните номеръ»... Любовинъ номеръ забылъ, а домъ помнилъ. «Да, хорошо такъ говорить. А ну какъ обыскивать станутъ. А у него письмо рекомендательное къ Варнакову и тамъ все прописано, что и какъ, и бумажки, какъ дальше въ Швейцарію пробираться... Вотъ и докажи!..»

Прозвонили два раза, потомъ три, заскрипѣли примерзшія колеса и Любовинъ вздохнулъ спокойнѣе. На ходу не было такъ страшно.

Уже совсѣмъ ободняло, когда онъ заснулъ. Проснулся: — подходили къ Вержболову. Пассажировъ стало меньше. Многіе слѣзли за станцію.

«Видно», — подумалъ Любовинъ, — «границу избѣгаютъ. Переходить будутъ тайно. Эхъ, и мнѣ бы такъ...»

Но было поздно. Показались станціонныя постройки, жандармы, таможенные служители. Стали отбирать паспорта.

Въ большомъ, холодномъ, свѣтломъ сараѣ, разгороженномъ по длинѣ невысокою стойкою съ желѣзными полосами шелъ таможенный досмотръ. Громыхали сунду-

ками, сбрасываемыми на прилавокъ, звенѣли ключи и замки. Какая-то дама истерично смѣялась и чиновникъ съ зелеными кантами на черномъ пальто любезно говорилъ ей:

— Не иначе, сударыня, какъ вамъ раздѣваться придется. Да вы не смущайтесь, тамъ у насъ все дамы и комната особенная...

Любовинъ — у него не было никакихъ вещей — жался въ углу. Каждыя двѣ, три минуты изъ двери, ведшей въ паспортное отдѣленіе, выходилъ рослый жандармъ и зычнымъ голосомъ выкликалъ тѣхъ, у кого были осмотрѣны паспорта.

— Генералъ Старцевъ!

Маленькій сѣденькій человѣкъ въ штатскомъ поднялся со скамьи подлѣ Любовина и жандармъ сейчасъ же подбѣжалъ къ нему и подалъ ему паспортъ.

— Пожалуйте, ваше превосходительство. Вещи ваши досмотрѣны?.. Это онѣ?.. Не извольте безпокоиться, за вами снесутъ.

Залъ пустѣлъ. Любовина-Лещинскаго все не вызывали. И опять тоска тянула Любовина, обмякали ноги, руки безсильно опускались, жутко становилось на сердцѣ. «Опредѣлили... догадались, что паспортъ фальшивый. Подвелъ Коржиковъ, что-нибудь не такъ сдѣлалъ. Печать не на мѣстѣ.»

— Лещинскій! — вызывалъ жандармъ второй разъ.

— Станиславъ Лещинскій!

Любовинъ очнулся... вздрогнулъ и быстро подошелъ къ жандарму. Онъ чуть не упалъ со страха. Ему показалось, что передъ нимъ стоитъ самъ Иванъ Карповичъ. Такая же могучая, массивная фигура, красное лицо съ рыжими усами и круглые строгіе глаза были у жандармскаго вахмистра. Кулакъ, въ которомъ онъ держалъ паспортъ, былъ такой же красный, волосатый и такъ напомнилъ Любовину кулакъ Ивана Карповича, что показалось ему, будто слышитъ онъ страшныя злобѣщія слова — «я подъ тобою, Любовинъ, насквозь землю, на семь кукишей вижу!»..

— Что не отзываетесь, другихъ пассажировъ задерживаете, — строго, но вѣжливо сказалъ вахмистръ. — Станиславъ Лещинскій, Ковенской губерніи?

— Такъ, проше пане, — пролепеталъ Любовинъ.

— Слесарь?

— Такъ, проше пане.

— Извольте вашъ паспортъ. Можете ѣхать.

— Дзенкуе пане.

Любовинъ умиленно посмотрѣлъ на вахмистра. Онъ былъ преисполненъ къ нему такой благодарности, что готовъ былъ поцѣловать его красную, жирную, волосатую руку. Вахмистръ не смотрѣлъ на него.

— Госпожа Твердохлѣбова! — вызывалъ онъ — и та самая барышня, что спала на верхней полочкѣ противъ Любовина, быстро подошла къ вахмистру.

— Господинъ Кепстенъ, Рафаловичъ — бубнилъ вахмистръ.

Любовинъ пошелъ въ вагонъ.

«Скорѣе, скорѣе», думалъ онъ, «только тронуться бы скорѣе, скорѣе заграницу».

II

Заграницей Любовинъ почувствовалъ себя Станиславомъ Лещинскимъ. Въ гимназіи онъ училъ французскій и нѣмецкій языки, дѣлалъ переводы съ нѣмецкаго на Русскій и съ Русскаго на нѣмецкій, твердилъ стихи и теперь онъ старался вспомнить, какъ по-нѣмецки — колбаса. Пиво — онъ вспомнилъ — Bier, — хлѣбъ — тоже зналъ — Brot, но колбасу вспомнить не могъ. Не могъ вспомнить и «сколько стоитъ», или «дайте мнѣ». Въ голову лѣзли все неподобающіе отрывки изъ Musterstücke Массона — «Die Pantoffeln des Abu-Kasem». вспомнилъ заученныя когда-то фразы: «wo sind Alexanders und Peters Bücher? — Sie sind in dem Schranke, aber der Hund meiner alten Tante bellt im Hause.» Все было не то. «Эхъ, если бы Маруся была со мною, она умѣетъ по всякому.

И по-французскому, и по-нѣмецкому, и по-англійскому, а я... «Unweit, mittels, kraft und während»*) вспоминалъ онъ и даже не зналъ, что это обозначаетъ.

На станціи, однако, купилъ всего, чего хотѣлъ и напился кофе, первый разъ послѣ Петербурга. Чувствовалъ себя хорошо и свободно. Называлъ всѣхъ — «камрадъ» и казался счастливымъ, глупо улыбался, дивился относительному теплу, досталъ зашитыя въ пальто бумаги, данныя Коржиковымъ и разобралъ ихъ.

Въ каждомъ городѣ, гдѣ была пересадка, Любовинъ по данному адресу находилъ товарища, члена партіи и тотъ провожалъ его дальше, давая записку и адресъ слѣдующему. Любовинъ невольно обратилъ вниманіе, что всѣ товарищи были евреи. Они были предупредительно вѣжливы, ласковы, старались всѣми силами помочь ему, разсказать, указать, какъ ѣхать. Австрійскій товарищъ проводилъ его до швейцарской границы и посадилъ на поѣздъ, шедшій въ Бернъ. Онъ долго и обстоятельно разсказывалъ и записалъ, на какой станціи надо слѣзать, нарисовалъ, какъ идти.

— Тамъ, товарищъ, дорога то путаная. Горы. Да вездѣ написано. Или спросите у кого.

— А по каковски спрашивать надо?

— По-нѣмецки. Это нѣмецкая Швейцарія.

— Чортъ его знаетъ, какъ и спросить то, — раздумчиво сказалъ Любовинъ.

— А постойте, я напишу. Вы бумажку покажете, вамъ и укажутъ.

— Ну, ладно, доберусь какъ-нибудь.

На конечной станціи, въ Рейхенбахѣ, Любовинъ слѣзъ и долго не могъ понять, гдѣ онъ, въ какой волшебной странѣ, какимъ упоительнымъ воздухомъ дышетъ! По пути мало смотрѣлъ въ окна. Горъ, кромѣ Дудергофа и Кирхгофа, сродясь не видалъ и теперь.

---

*) «Туфли Абу Казема»... «Гдѣ книги Александра? Онѣ въ шкапу, а собака моей старой тетки лаетъ въ домѣ»... «Недалеко, посредствомъ, вслѣдствіе.»

сойдя со станціи, стоялъ и оглядывался направо и налѣво, восхищенный красотою зимняго вида.

Сразу стояли за станціей горы. Серебряный лѣсъ съ елями, густо покрытыми снѣгомъ, убѣгалъ по глубокой долинѣ, развѣтвлялся на двое и отдѣльными, сверкающими на солнцѣ островами поднимался по скату къ синему прозрачному небу. Дышать было легко, воздухъ былъ тихъ и прозраченъ, дали четки, никакая дымка ихъ не заволакивала. Было холодно, паръ шелъ изо рта, а казалось тепло. Любовинъ обернулся кругомъ и застылъ въ восторгѣ. Кіентальская долина разстилалась передъ нимъ, сверкало голубое во льду озеро и странно было видѣть, что по нему бѣгали на конькахъ и отражались, какъ въ водѣ, люди. Дальше чернѣли, а потомъ бѣлѣли горы, уходившія подъ самое небо. Любовину сначала показалось, что вдали нависли тяжелыя тучи. Но по тучамъ лѣпились бѣлые домики, колокольня кирки, красная, острой пирамидой четко рисовалась на снѣгу. «Снѣговыя горы! Снѣговыя горы!» сказалъ очарованный Любовинъ. — «Что Дудергофъ или Кирхгофъ! да развѣ то горы! Ихъ сюда поставить и не примѣтишь — такія маленькія!» Снѣгъ кругомъ былъ бѣлый, чистый, повсюду тянулись узкія полоски отъ лыжъ, или отъ маленькихъ санокъ. Синія тѣни шли отъ деревьевъ, утреннее солнце радостно и ярко свѣтило.

Здѣсь забывалась драма въ казармѣ, чувствовалась свобода. Радостно лаяла гдѣ то собака и далеко звенѣли бубенцы, кто то ѣхалъ на саняхъ. «Какъ у насъ на масляной», — подумалъ Любовинъ и бодро зашагалъ по широкой улицѣ.

Всему онъ дивился. Ему сказали, что это деревня. Каменные двухъ- и трехэтажные дома красивой архитектуры тянулись вдоль улицы. Громадные дубы въ серебряномъ инеѣ протягивали вѣтви и образовывали бѣлый, точно кружевной сводъ. Тихо падалъ съ нихъ иней и лежалъ тонкими сверкающими трубочками на панели.

Низкая, пузатая, квадратная колокольня кирки съ часами на всѣ четыре стороны, съ сквозной на столбахъ

галлереей, гдѣ колпакомъ поднимался тонкій шестигранный шпиль съ крестомъ выдавалась на улицу. Отъ колокольни Любовинъ, какъ ему объяснилъ товарищъ въ Австріи, свернулъ налѣво и пошелъ по узкой серебрящейся дорогѣ въ гору. Онъ по желѣзному, тонкому, висячему мосту перешелъ черезъ пропасть, заросшую лѣсомъ, и высокія ели были вершинами вровень съ его лицомъ и чуть поднимали остроконечные стволы надъ мостомъ. На каждую иголку морозъ надѣлъ тоненькій ледяной футлярчикъ, прибѣлилъ снѣжными звѣздочками и все это сверкало подъ голубымъ небомъ, точно радуясь своему ослѣпительному убору. Мостъ чуть подрагивалъ подъ его ногами и серебряная пыль сыпалась внизъ на деревья.

Шоссе круто свернуло вправо, пошло вдоль оврага, стало раздваиваться, троиться, на скатахъ горы тутъ и тамъ появились домики подъ снѣгомъ, гдѣ два, гдѣ три, гдѣ десятокъ, дорога, то шла по открытому, то входила въ лѣсъ, елки обступали ее и пахло нѣжнымъ ароматомъ зимней хвои, мороза и чистаго нетронутаго снѣга.

Любовинъ чувствовалъ, что сбился съ дороги. Дѣти со смѣхомъ катились навстрѣчу ему на санкахъ по скату, размахивали шапками, попалась крестьянка съ коровой, Любовинъ остановилъ ее и спрашивалъ, гдѣ Зоммервальдъ, она качала сочувственно головою и ничего не понимала. Навстрѣчу шли какой то чернобородый человѣкъ хмураго вида и съ нимъ дѣвушка съ льняными, коротко остриженными волосами, худая, стройная, миловидная. Любовинъ рѣшилъ, что не стоитъ ихъ и спрашивать: все равно не поймутъ его.

Молодыя елки густою порослью лѣпились по скату и было въ нихъ что то чистое и задорно юное. Любовинъ первый разъ почувствовалъ, какъ прекрасна природа.

Изъ зеленой чащи раздался громкій окрикъ по Русски.

— Смотрите, товарищи, козы.

— Да, ты-жъ ихъ напугалъ, — ядренымъ басомъ крикнулъ чернобородый.

Любовинъ подошелъ къ нему и, приподнимая шляпу, сказалъ:

— Товарищъ, вы будете не изъ Зоммервальда?

Чернобородый подозрительно осмотрѣлъ Любовина съ головы до ногъ и ничего не отвѣтилъ.

— Можетъ быть вы въ немъ знаете товарища Варнакова?

— А вамъ къ чему это знать? — сказалъ чернобородый и весь насторожился.

Дѣвушка отошла на шагъ отъ Любовина и тоже подозрительно смотрѣла на него. Чернобородый былъ невысокъ ростомъ, широкоплечъ, могучаго сложенія, имѣлъ конопатое въ веснахъ лицо, большой широкій носъ и черные усы, прикрывавшіе ярко красныя губы. На немъ была теплая ватная куртка, вязаная шерстяная шапочка колпакомъ сидѣла на головѣ, придавая смѣшное выраженіе его бородатому лицу. Ноги въ короткихъ штанахъ, на которые были натянуты длинные сѣрые вязаные штиблеты, были толстыя и кривыя. Весь онъ былъ неладно скроенъ, да крѣпко сшитъ.

— Я имѣю къ нему письмо отъ товарища Өедора Коржикова. — Я Любовинъ, по паспорту Станиславъ Лещинскій.

— Экъ вы какъ, товарищъ! Первому встрѣчному и такъ откровенно. Развѣ можно такъ?

Любовинъ смутился.

— Неосторожно, товарищъ, — сказала дѣвушка. Ея голосъ звучалъ глухо и блѣдно и соотвѣтствовалъ ея блѣдному худому, красивому лицу.

— Надо было раньше обнюхаться, да узнать, кто мы такіе... Положимъ, вы можете быть спокойны. Эта дыра выбрана замѣчательно удачно. Тутъ никого такого нѣтъ. Итакъ, товарищъ, я Василій Варнаковъ. — сказалъ протягивая руку чернобородый.

— Товарищъ Лена Долгополова, — сказала дѣвица.

Кричавшій изъ кустовъ вылѣзъ и подошелъ. Это

былъ долговязый парень съ блѣднымъ больнымъ лицомъ безъ усовъ и безъ бороды. онъ былъ въ такомъ же костюмѣ, какъ и Варнаковъ.

— Это что за индивидумъ? — спросилъ онъ.

— Отъ товарища Өедора изъ Петербурга, — сказала Лена.

— А... А я Бедламовъ, прошу любить и жаловать.

— Ну что же, пойдемте, товарищъ, обсудимъ въ чемъ дѣло, — сказалъ Варнаковъ и пошелъ съ Любовинымъ впереди.

Бедламовъ шелъ сзади съ Леной.

III

Любовинъ кончилъ разсказъ. Въ низкой, квадратной комнатѣ наступила долгая тишина.

Курили, молчали. На простомъ столѣ стояли стаканы съ блѣднымъ, давно остывшимъ чаемъ и лежали куски сѣроватаго хлѣба. Въ широкое, составленное изъ трехъ оконницъ окно лились желтые лучи заходящаго солнца и панорама горъ сверкала вдали, ежесекундно мѣняя окраску.

— Выходитъ, товарищъ, — наконецъ, сказалъ Варнаковъ, — что вы вовсе и не политическій?

Любовинъ молча вздохнулъ.

— Вы убили, — продолжалъ Варнаковъ, попыхивая папиросой, — изъ мести, за поруганную сестру. Вы своимъ убійствомъ помѣшали, быть можетъ, большой и полезной работѣ, которую она вела, жертвуя собою. Мнѣ интересно было бы все таки ближе познакомиться съ вами, узнать ваши политическія убѣжденія. Такіе копченные люди иногда могутъ быть намъ полезны. Товарищъ Өедоръ проситъ за васъ. Располагайтесь здѣсь, какъ-нибудь васъ устроимъ. Вы что умѣете дѣлать?

Любовинъ не понялъ вопроса.

— То есть, въ какомъ смыслѣ?

— Ну, брошюру составить сумѣете, экстрактъ изъ книги, или лекцій?

— Не пробовалъ, думаю, что не выйдетъ.

— Да вы чѣмъ послѣднее время были?

— Эскадроннымъ писаремъ.

— Почеркъ хорошій имѣете?

— Ничего себѣ. Вотъ я могъ бы набирать, — косясь на печатный станокъ, стоявшій въ углу, сказалъ Любовинъ, — или при машинѣ быть, я одно время при отцѣ слесарилъ.

— Ну и ладно... Тамъ посмотримъ.

Любовинъ остался жить въ той же комнатѣ.

Прошло три недѣли. Наступала швейцарская весна, налетала шумными вихрями, ѣла снѣгъ теплыми быстролетными дождями, шумѣла бѣлопѣнными шумными водопадами, неслась по долинамъ ручьями и рѣками и отовсюду выпирала бѣлыми и лиловыми подснѣжниками, робкими съ желтой коронкой, низкими примаверами, разсыпалась по болотамъ бѣлыми, похожими на опущенные внизъ тюльпаны колокольчиками и высматривала лиловыми душистыми фіалками.

За быстрою весною какъ то сразу наступило лѣто.

Оно стояло жаркое съ далекими нарядными горными грозами, съ прохладными тихими вечерами и сладкимъ запахомъ травъ и цвѣтовъ. Горы сверкали, переливаясь перламутромъ, на зеленыхъ плоскогорьяхъ паслись коровы и смотрѣли на Любовина большими добрыми углубленными въ себя глазами. По утрамъ всѣ четверо купались въ озерѣ, безъ костюмовъ, Любовинъ поодаль, Бедламовъ и Варнаковъ вмѣстѣ съ Леной.

Однажды вечеромъ, когда тоскующій Любовинъ шелъ мимо громадной ели, одиноко стоявшей на полѣ и раскинувшей далеко свои вѣтви, его окликнули изъ-подъ нея. Подъ вѣтвями у ствола были прислонены два велосипеда и Лена сидѣла съ какою то рыхлой, курносой, краснощекой дѣвушкой съ плутовскими сѣрыми глазами.

— Пожалуйте, товарищъ Викторъ, — окликнула Лена, — я познакомлю васъ съ товарищемъ Эльзой.

Эльза, балтійская нѣмка, простодушная, простая, оказалась сестрою казненнаго въ Россіи коммуниста.

— Вотъ, товарищъ, моя подруга, Эльза. Славная, одинокая, тоскующая, какъ и вы, дѣвушка. Сумѣйте утѣшить ее, — сказала Лена, добрыми глазами глядя на Любовина.

Лена встала, взяла велосипедъ и покатила изъ-подъ елки на дорогу. Любовинъ молча слѣдилъ за ея стройной тонкой фигурой, легко уносившейся по пологому скату шоссе. Эльза любопытными глазами разглядывала Любовина.

Въ тотъ же вечеръ, подъ елкой, Любовинъ бренчалъ на гитарѣ и пѣлъ романсы и пѣсни и въ ту же ночь ушелъ въ маленькую комнатку Эльзы на третьемъ этажѣ подъ крышей, гдѣ было жарко и душно, но чисто, опрятно и по-нѣмецки слащаво убрано. Отъ Эльзы онъ не вернулся домой, зашелъ за своими вещами и остался у нея.

Эльза дала ему лѣнивое, мѣщанское счастье, склонность къ которому всегда была у Любовина. Она поила его кофеемъ, кормила простымъ, но хорошимъ обѣдомъ, помогала ему надписывать конверты, развозила ихъ, а по вечерамъ часами слушала, какъ онъ пѣлъ, глядѣла своими большими, блѣдно-голубыми глазами ему въ ротъ и улыбалась безмятежно тихо. Она полнѣла и пухла, ея голосъ становился груднымъ и бархатистымъ, волосы рѣдѣли и она прибѣгала къ различнымъ накладкамъ и руло, но привлекательности для Любовина не теряла.

Товарищи смѣялись надъ нимъ. Его называли «товарищъ буржуй», а Эльзу называли его женою, «товарищемъ Любовиной».

Въ этой тихой животной жизни иногда острымъ лучомъ прорѣжетъ мракъ соннаго существованія больное воспоминаніе о Марусѣ, — Любовинъ уже зналъ, что его отецъ и она умерли, — о ихъ домикѣ на Шлиссельбургскомъ проспектѣ, проданномъ Коржиковымъ, о Петербургѣ, о бѣлыхъ ночахъ и холодной Невѣ и до боли потянетъ на сѣверъ. Почудятся перезвоны колоколовъ Исакія въ воскресный день, цоканье копытъ по мостовой и звонки конокъ. Съ ненавистью посмотритъ Любовинъ

на прекрасныя горы, сверкающія на солнцѣ ледниками, на голубое озеро, точно кусокъ неба сорвавшійся съ вершинъ и низринувшійся въ бездны, на зеленыя долины и стиснетъ зубы. Чужое!.. Но придетъ Эльза, станетъ звать своихъ куръ: — у нихъ былъ свой домикъ и свое хозяйство, купленное на деньги, привезенныя Коржиковымъ послѣ ликвидаціи Петербургскаго дома его отца и Любовинъ успокоится. Все равно — иначе нельзя: онъ дезертиръ, оскорбившій офицера. Ему возврата нѣтъ.

Напротивъ, черезъ улицу, жилъ Коржиковъ съ сыномъ Викторомъ. Въ открытое окно видно было лицо хорошенькаго мальчика и слышались склады, повторяемые маленькимъ Викторомъ. Виктору едва минуло четыре года, когда Коржиковъ засѣлъ съ нимъ за грамоту. Эльза учила мальчика по-нѣмецки.

Было маленькое счастье... Грѣло солнце, зеленѣли луга. Эльза мурлыкала пѣсни, по вечерамъ играли на цитрѣ и гитарѣ, Любовинъ пѣлъ и уносилось время. Зима смѣняла пеструю золотисто-красную осень, а за бѣлой зимой, съ бѣгомъ на конькахъ и на лыжахъ, съ играми въ снѣжки, приходила звенящая ручьями и ревущая водопадами весна. Странно было Любовину, что эти перемѣны не скрашивались, не обозначались праздниками православной церкви, въ Рождество не горѣла елка, какъ бывало у нихъ дома, когда они были дѣтьми, или въ эскадронѣ. Великимъ постомъ не говѣли и не пріобщались, а на страстной не красили яйца и не стояли со свѣчами на длинныхъ двѣнадцати евангеліяхъ, переминаясь съ ноги на ногу и чуть позванивая шпорами, на Пасху не христосовались. Но привыкъ и къ этому. Было немного скучно, бездѣльной и сѣрой казалась жизнь, отвратительными казались иногда рѣдкіе волосы Эльзы и ея руло изъ проволоки, обтянутой рыжеватымъ плюшемъ, но вспоминалъ, что онъ дезертиръ и большевикъ — и успокаивался.

Въ 1905 году на работу въ Россіи уѣхали Бедламовъ, Варнаковъ и товарищъ Лена, и вскорѣ стало слышно,

что Бедламова повѣсили, а Варнакова и Лену сослали въ Якутскую область.

Потомъ Коржиковъ съ Викторомъ уѣхали въ Неаполь, гдѣ они поступили въ школу коммунистовъ.

Событія изъ Россіи доносились глухо, но что то готовилось и заграницей. Участилась гоньба Любовина съ пакетами, весь округъ кишѣлъ Русскими и евреями. Вернувшійся Коржиковъ имѣлъ таинственный, замкнутый видъ, точно зналъ что то и не хотѣлъ говорить. Викторъ, ставшій красавцемъ юношей, обнаглѣлъ, не давалъ проходу ни одной дѣвушкѣ въ селеніи и среди эмиграціи.

Жизнь шла.

IV

Любовинъ принесъ Коржикову пакетъ отъ центральнаго комитета. Ни Θедора Θедоровича, ни Виктора не было дома. Пакетъ былъ «въ собственныя руки» и Любовинъ рѣшилъ подождать.

Было лѣто. За окномъ толкались въ воздухѣ и ровно и скучно жужжали мухи, со двора густо пахло коровьимъ навозомъ, въ полѣ звонко перекликались швейцарки. Любовинъ сидѣлъ за столомъ у окна и машинально перебиралъ тетради въ синей обложкѣ съ записками Виктора.

На одной онъ прочелъ слова: «важно, глубоко и вѣрно. Руководствоваться въ жизни».

«Чѣмъ можетъ руководствоваться въ жизни этотъ шалопай мальчишка, сынъ корнета Саблина и моей сестры Маруси», — подумалъ Любовинъ. — «У него, кажется, есть только одно руководство: — «я хочу» — и ничего другого онъ не признаетъ.»

Онъ надѣлъ на носъ очки. Съ годами онъ сталъ дальнозорокъ и безъ очковъ не могъ читать.

... «Люди — животныя,» — читалъ онъ въ тетради, — «имѣющія видъ человѣка для лучшаго служенія и большей славы Израиля, ибо не подобаетъ сыну цареву, чтобы ему служили животныя во образѣ животныхъ, но

животныя во образѣ человѣка.» Мидрашъ Тальпіотъ.

...«Возвысся и стань, какъ Израиль. По заслугамъ воздается тому, кто въ силахъ освободиться отъ враговъ еврейства. На вѣки прославится тотъ, кто сумѣетъ избавиться отъ нихъ и сокрушить ихъ»... Зогаръ.

...«Побѣдить міръ? Борись съ обществомъ людей, не покладая рукъ, пока не установится должный порядокъ, всѣ земные народы не станутъ рабами твоими»... Зогаръ.

... «Лучшаго изъ гоевъ умертви, лучшей изъ змѣй раздроби мозгъ»... Мехильта.

... «Справедливѣйшаго изъ безбожниковъ лиши жизни»... Софоримъ.

... «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь.»

... «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.»

... «И если вошь кричитъ въ твоей рубашкѣ, возьми и убей!.. Убей!.. Убей!..» — Ропшинъ (Борисъ Савинковъ).

Любовинъ снялъ очки, отодвинулъ отъ себя тетрадь и глубоко задумался. Потъ прошибалъ его, внутри что то тянуло и холодная тоска вползала въ сердце.

«Вотъ оно что!» — подумалъ онъ, — «вотъ, почему наверху все евреи. И Троцкій, недавно уѣхавшій по какому то дѣлу въ Америку и бывшій вмѣстѣ съ Викторомъ въ Неаполѣ, и Зиновьевъ, и Радекъ и всѣ, всѣ вожди — евреи. Одинъ Ленинъ, какъ будто не еврей... Какъ будто! Но вѣдь Өедоръ Өедоровичъ и Викторъ не евреи, однако, какъ чтитъ Викторъ эту еврейскую мудрость Талмуда и Каббалы! Какое странное сходство между изреченіями древняго еврейства и тѣми лозунгами, подъ которыми идетъ наша партія».

Любовинъ закрылъ ладонями лицо и крѣпко прижалъ глаза пальцами. Огненныя искры, фіолетовыя и красныя линіи побѣжали передъ глазами и ему стало казаться, что кто то сильный, могущественный схватилъ его и тянетъ въ черную длинную яму, подобно сточной трубѣ, и не вырваться ему оттуда.

Шумъ отворяемой двери и стукъ шаговъ заставили его очнуться. Коржиковъ подымался по лѣстницѣ. Онъ былъ какъ будто чѣмъ то озабоченъ.

— А, Викторъ Михайловичъ, — разсѣянно сказалъ онъ. — Съ пакетомъ. — Онъ словно ожидалъ этого пакета. Непривычно дрожащими руками схватилъ данный ему Любовинымъ конвертъ и вскрылъ. Лицо его темнѣло по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ содержаніе письма. Привыкшій скрывать свои мысли, онъ теперь не скрывалъ, или не могъ скрыть своего глубокаго волненія.

— Ну, — со вздохомъ проговорилъ онъ. — Пусть будетъ такъ!.. Жребій брошенъ... Все равно, когда-нибудь надо было начинать... Вы знаете, Викторъ Михайловичъ, Германія, а потомъ Австрія, объявили Россіи войну, Франція объявила войну Германіи, на очереди объявленіе войны Англіей и, можетъ быть, Италіей... Европа въ огнѣ!

— Какъ же быть... Θедоръ Θедоровичъ, вѣдь это значитъ... Мобилизація... Я запасной солдатъ.

— Вы дезертиръ, — сказалъ, смотря прямо въ глаза Любовину, Коржиковъ.

— Θедоръ Θедоровичъ, но... Родина въ опасности.

— Родина... — сказалъ Коржиковъ, сурово улыбаясь, — родина. Бросьте, Викторъ Михайловичъ. Вы читали Маркса и Энгельса?.. Усвоили?

— Смутно все... Вотъ теперь эта тетрадь у Вити...

— Какая тетрадь?

Любовинъ подалъ записки Виктора.

— Ну что же?

— Такъ вѣдь это, Θедоръ Θедоровичъ — жиды.

— Сколько разъ я говорилъ вамъ, Викторъ Михайловичъ, чтобы вы такъ не называли евреевъ. Это ругательное и оскорбительное для еврейскаго народа слово. Это народъ, достойный всяческаго уваженія.

— Я сопоставлялъ, Θедоръ Θедоровичъ... У меня тутъ цѣлое открытіе.

— Америку открыли?

— Вы смѣетесь, а мнѣ страшно.

— Въ бредни о масонахъ, что распространяютъ черносотенцы увѣровали. Не даромъ я видалъ, какъ вы зачитывались «Сіонскими протоколами». Но вѣдь вы знаете, что они подложны?

— Совершенно вѣрно-съ. Подложны-съ. Но мысли, мысли не подложны. А теперь эта тетрадка. Наверху у насъ все жиды-съ... евреи-съ. Марксъ — еврей, Троцкій, Зиновьевъ, Радекъ, все — они-съ.

— Но, позвольте, дорогой Викторъ Михайловичъ, во главѣ нашей партіи — Ленинъ, — не еврей.

— Кто его знаетъ. Я уже сомнѣваюсь.

— Плеханова, надѣюсь, вы не заподозрите?

— Но въ 1903 году на Лондонскомъ съѣздѣ Плехановъ вышелъ изъ партіи. Партія раскололась. Я пакеты ношу, почитай, все евреи. И смотрите выписки у Вити. Неужели это программа? Вѣдь это уничтоженіе христіанъ. И подумайте, такъ и было. Убивали лучшихъ! Императора Александра II весь народъ обожалъ — а убили-съ... Возьмите опять Столыпинъ... Что же, развѣ хутора не нравились крестьянамъ?.. Убили...

— Экъ вы, какую пѣсню запѣли. И въ какое время! Ну, слушайте. Повторимъ уроки соціализма.

Коржиковъ сѣлъ за столъ, взялъ тетрадку Виктора и, глядя прямо въ глаза Любовину, заговорилъ тономъ учителя, затверживающаго урокъ.

— Что такое государство? Энгельсъ опредѣляетъ: — государство есть форма организованнаго властвованія одного класса надъ другимъ. Что же нужно для свободы угнетаемаго класса, то есть — пролетаріата? Пролетаріатъ долженъ организовать такой порядокъ производства, при которомъ прекращается дѣленіе общества на классы съ непримиримыми враждебными интересами. Съ уничтоженіемъ классоваго дѣленія исчезаетъ и форма насильственнаго подчиненія одного класса другому — государство. Государство становится ненужнымъ и отмираетъ. Усвоили?

— Туманно немного. Главное невѣроятно. Я боюсь, что вотъ это то оно самое и есть, что написано у Вити.

— Что такое?

— Позвольте тетрадку... Вотъ, извольте видѣть. «Я говорю о побѣдѣ надъ міромъ. Воюй съ обществомъ людей, не покладая рукъ, пока не установится должный порядокъ, пока всѣ земные народы не станутъ рабами твоими.» Такъ писано въ Зогарѣ. Вотъ я и думаю. Государство исчезнетъ и люди станутъ рабами у еврейства, станутъ животными во образѣ человѣка, какъ сказалъ Мидрашъ Тальпіотъ.

— Сказки черносотенца Нилуса.

— Нѣтъ, Θедоръ Θедоровичъ, это написано въ тетрадкѣ у Вити во время поѣздки въ Неаполь, гдѣ онъ всей этой премудрости обучался.

— Просто случайныя выписки любознательнаго мальчика.

— Совпаденія странныя.

— Бросьте вы это. Слушайте дальше. Ленинъ, разбирая это положеніе Энгельса, спрашиваетъ: какимъ путемъ пролетаріатъ достигнетъ своей цѣли? и отвѣчаетъ: — прежде всего путемъ превращенія изъ класса подчиненнаго въ классъ господствующій. Онъ устраиваетъ диктатуру пролетаріата, беретъ въ свои руки всю власть и мѣрами насилія держитъ въ своемъ полномъ подчиненіи низвергнутый, но еще борющійся классъ эксплоататоровъ. Усвоили?

— Трудно это все. Значитъ — царя долой и кто вмѣсто него?

— Да хотя бы любая кухарка.

— Кухарка... А, если эти самые... евреи?.. Вонъ ихъ сколько сюда понаѣхало и со всего свѣта... Потомъ, Θедоръ Θедоровичъ, легко сказать: превратится изъ класса подчиненнаго въ классъ господствующій. Да, сдѣлаете то какъ? Ну, какъ я, къ примѣру, въ эскадронѣ, стану на мѣсто Гриценки?.. Даже подумать страшно.

— Эхъ! Забыть не можете капральской палки! А война на что?.. Вы понимаете, война уже началась!

— Война?.. Да развѣ вы?

Любовинъ широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на

Коржикова. Онъ давно видѣлъ, что партія многочисленна, что у нея связи со всѣмъ свѣтомъ, но никогда онъ не подозрѣвалъ, чтобы она была такъ могущественна, чтобы миръ и война были въ ея власти.

— Ну что вы!.. Экъ вы какой!.. Императоръ Вильгельмъ объявилъ войну Россіи... Императоръ Францъ Іосифъ объявилъ войну Сербіи. Въ Сараевѣ убили австрійскаго принца. Ну что же! Яблоко падаетъ на землю не оттого, что земля имѣетъ притяженіе, а оттого, что оно созрѣло и стебелекъ высохъ и умеръ. Созрѣла и война... Да... Въ центральномъ исполнительномъ комитетѣ партіи постановлено, что съ точки зрѣнія рабочаго класса и трудовыхъ массъ всѣхъ народовъ Россіи, наименьшимъ зломъ будетъ пораженіе царской монархіи и ея войскъ.

— То есть... Я не понимаю васъ... — сказалъ Любовинъ и даже всталъ изъ-за стола и стоялъ, сгибая и разгибая тетрадь Виктора.

— Чудакъ вы. Для насъ выгоднѣе, чтобы Россія была побѣждена.

— Россія?.. побѣждена?.. нѣмцами?..

Любовинъ вдругъ ярко представилъ себѣ послѣдній парадъ въ Красномъ Селѣ. Солнце играетъ на царственномъ лицѣ Монарха. Генералъ Древеницъ на большой сытой лошади галопомъ, съ поднятой шашкой, заскакиваетъ къ Государю. Рослые, красивые люди, молодецъ къ молодцу, на подборъ, на прекрасныхъ лошадяхъ скачутъ галопомъ и пики съ флюгерами колеблются въ ихъ рукахъ. Передъ Любовинымъ скачетъ въ передней шеренгѣ красивый Дыбенко, солдатъ съ нѣжной, какъ у дѣвушки душою, мечтающій вернуться домой, жениться и жить своею тихою, счастливою крестьянскою жизнью на хуторѣ подъ Полтавой, справа нажимаетъ на ногу Любовина литовецъ Адамайтисъ и у него есть тоже свое тихое счастье. Впереди стройная фигура корнета Саблина. Гремитъ музыка. По всему полю видны расходящіеся полки пѣхоты, рослыхъ, красивыхъ, сильныхъ людей... Русскихъ... Они будутъ побѣждены, они бу-

дутъ покорены нѣмцами во имя того, чтобы во главѣ государства вмѣсто императора Николая II, осіяннаго солнцемъ, стала кухарка, или... жиды... или Ленинъ съ жадной усмѣшкой идіота. И все это предвидѣно, все разсчитано теперь, когда война только что началась...

Туманъ пошелъ передъ глазами Любовина. Онъ не видѣлъ уже блѣднаго лица Коржикова, нетронутаго лѣтнимъ загаромъ и его маленькой рыжей бородки. Въ ушахъ назойливо звучалъ величественный Русскій гимнъ и слышался воркующій грохотъ полковыхъ литавровъ. Какъ издалека доносились до него четкія фразы длинной рѣчи Коржикова.

— Марксъ говоритъ: «исполнительная власть съ ея чудовищной бюрократической и военной организаціей, съ ея широко раскиданнымъ и искусственнымъ государственнымъ аппаратомъ, арміей чиновниковъ въ полмилліона наряду съ военной арміей въ другіе полмилліона — это страшное паразитическое гнѣздо, подобно гангренѣ обвивающееся вокругъ общества и закупоривающее всѣ его поры, — возникла въ періодъ абсолютной монархіи, при гніеніи феодализма во Франціи», я добавлю: при крѣпостномъ правѣ въ Россіи. Марксъ требуетъ разрушенія этой бюрократически-милитаристической машины. Марксъ напоминаетъ, что первымъ декретомъ Коммуна упраздняла постоянное войско и замѣняла его всеобщимъ вооруженіемъ народа. Коммуна образовалась изъ городскихъ совѣтовъ, избранныхъ въ различныхъ округахъ Парижа на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Они были отвѣтственны и могли быть во всякое время отозваны. Большинство ихъ состояло, само собою разумѣется, изъ рабочихъ, или признанныхъ представителей рабочаго класса. Полиція, до сихъ поръ инструментъ государственной власти, тотчасъ же была лишена всѣхъ своихъ политическихъ функцій и была превращена въ отвѣтственное и во всякое время смѣняемое орудіе Коммуны, точно такъ же и чиновники всѣхъ вѣдомствъ. И привело это все къ Наполеону и имперіализму, который не изжитъ Франціей и до сего времени. Усвоили?

Любовинъ молчалъ. Свои мысли бродили въ его головѣ. Петербургъ и Москва заняты нѣмцами и жидъ, жидъ стоитъ во главѣ Россіи! Развѣ этого хотятъ Иванъ Карповичъ, Дыбенко, Адамайтисъ, объ этомъ мечтала его милая, кроткая Маруся!?.. Пораженіе!.. Какой вздоръ эта французская революція!

И, точно повторяя его мысли, съ силой воскликнулъ Коржиковъ.

— Какой вздоръ эта французская революція, говоритъ нашъ великій вождь Владимиръ Ильичъ Ленинъ. Пролетаріатъ не можетъ не желать пораженія своего отечественнаго имперіализма — онъ долженъ его добиться. Мы пошлемъ своихъ людей въ армію и въ общество, мы широко используемъ мобилизацію и мы истребимъ все то, что носитъ слѣды имперіализма. Если нужно, мы попросту убьемъ ихъ...

— И лучшаго изъ гоевъ убей! — прошепталъ Любовинъ, но Коржиковъ, увлеченный своею рѣчью, не слыхалъ его.

— Мы, говорилъ намъ Ленинъ, — мы усыпимъ бдительность обманомъ. Мы вольемся въ ряды арміи и будемъ кричать о побѣдѣ, а вести армію къ пораженію. И, когда разбита и унижена будетъ Россія, мы вознесемся. Мы назовемъ подлостью и низостью всѣ поступки высшихъ классовъ и мы не остановимся, если нужно ни передъ какою клеветою и ложью... Мы будемъ кричать, что кругомъ предательство и измѣна и мы назовемъ всѣхъ лакеями и прислужниками стараго строя, но у насъ будетъ все: и непревзойденное мужество и самоотреченіе, и вотъ, когда мы выроемъ эту бездну между правящимъ классомъ и народомъ, мы столкнемъ все правительство и сядемъ сами. Мы заберемъ средства производства изъ частнаго обладанія въ собственность новаго государства — такъ учатъ и Марксъ и Энгельсъ. Ни у кого не будетъ собственной иголки, ни у кого не будетъ своего плуга, но все будетъ государственное — и люди станутъ нашимъ послушнымъ орудіемъ.

— На вѣки прославится тотъ, кто сумѣетъ изба-

виться отъ враговъ еврейства, — такъ сказано въ Зогарѣ, — сказалъ Любовинъ.

— Вы все свое, бросьте! — крикнулъ Коржиковъ, вырывая тетрадку изъ рукъ Любовина. — Я вамъ дѣло говорю. Это и васъ касается. Ленинъ считаетъ, что первымъ дѣломъ по достиженіи власти нужно не заниматься парижскимъ бредомъ или измышленіями соціалъ-предателей и распускать армію, но создать свою армію, этотъ инструментъ власти. На сегодняшнемъ засѣданіи исполнительнаго комитета наши роли распредѣлены. Вся наша ячейка получитъ средства и нужныя бумаги и отправится въ армію. На Виктора возложена боевая работа. Онъ, подъ именемъ гимназиста Холмской гимназіи, Виктора Модзалевскаго, долженъ отправиться въ Заболотье и работать на разрушеніе казаковъ и гдѣ можно истреблять лучшихъ вождей, авторитетныхъ среди казаковъ лицъ. На меня возлагается агитаціонная работа, распусканіе волнующихъ слуховъ въ арміи объ измѣнѣ начальствующихъ лицъ, о предательствѣ и пр. Вы, Викторъ Михайловичъ, должны устроиться писаремъ при большомъ штабѣ и добывать всѣ свѣдѣнія и передавать ихъ мнѣ. Въ наше распоряженіе будутъ отпущены значительныя средства.

— Откуда эти деньги? — спросилъ Любовинъ и въ упоръ посмотрѣлъ на Коржикова.

Никогда не краснѣвшій Коржиковъ залился краской и рѣзко отвѣтилъ:

— Это не наше дѣло. Наше дѣло исполнять то, что приказано.

— Предательство Родины... — тихо качая головою проговорилъ Любовинъ. — Шпіонажъ въ пользу врага, убійство лучшихъ вождей во время ужаснѣйшей войны... Это... это соціализмъ?.. Это то ученіе, которое мы считали выше христіанства?!...

— Викторъ Михайловичъ, — угрожающе сказалъ Коржиковъ, — не забывайте, что вы связаны партійной дисциплиной и партія сумѣетъ заставить васъ молчать.

— И даже на вѣки, — проговорилъ Любовинъ. —

Это и называется свободою слова!

Онъ направился къ выходу, но выйти ему не удалось. Въ распахнувшуюся дверь, не спрашивая разрѣшенія, вскочилъ юркій, вертлявый еврей, лѣтъ тридцати пяти, съ вьющимся кокомъ бронзовыхъ волосъ надъ лбомъ, въ пенснэ на носу и съ маленькими усами и рыжей бородкой на блѣдномъ исхудаломъ лицѣ.

V

— Здравствуйте, товарищи! здравствуйте, товарищъ Ѳедоръ. Ну и дайте мнѣ пожать вашу руку. О! какой восторгъ охватываетъ мое пламенѣющее сердце! Ну и здравствуйте, товарищъ Викторъ... Ну и почему вы такой пасмурный, когда наконецъ, мы у порога нашей побѣды!

Онъ поздоровался съ Коржиковымъ и Любовинымъ и сталъ на фонѣ окна, опираясь на подоконникъ и скрестивъ на груди руки.

— Ой! какъ хорошо! Ну вы, конечно, знаете — ужъ-же война! Война научитъ людей презирать жизнь, научитъ людей убивать. Вы понимаете, это главное, остальное все готово.

— Вы забываете, товарищъ Бродманъ, — сказалъ Любовинъ, останавливаясь у двери и припирая ее спиною — что въ сердцахъ людей есть еще любовь. Война еще не значитъ — ненависть.

Больное чувство зародилось въ немъ и жуткая струна звенѣла въ его сердцѣ, казавшемся опустошеннымъ до дна. Точно эта бесѣда съ Коржиковымъ порвала тѣ послѣднія нити, что оставались въ немъ и привязывали его къ жизни. До этого разговора онъ все еще вѣрилъ, что соціалисты противъ смертной казни, противъ крови и насилія.

— Любовь?.. Странный вы человѣкъ, товарищъ Викторъ Любовь — это похоть. И вы, — интеллигенція Русская, вы, писатели Русскіе, давно свалили въ помой-

ную яму чувство любви. Вы всегда любите говорить, что это все сдѣлали евреи... Ну и гдѣ же евреи?.. Вы вѣроятно помните «Бездну» Леонида Андреева. А?... Сладострастно просмакованная штучка... Неправда-ли?.. Вы помните, какъ слюнявые гимназисты читали «Бездну» и «Бездна» кое-кого поглотила?.. А?.. Помните «огарочниковъ» 1905 года, помните Русскихъ блѣдныхъ дѣвушекъ съ подсиненными вѣками, что отдавались направо и налѣво, а потомъ гордо уходили изъ жизни?.. Отъ «Крейцеровой Сонаты» Толстого, къ «Безднѣ» Леонида Андреева и «Санину» и «У послѣдней черты» Арцыбашева, — вы видите, это-же большая работа!.. Литература отраженіе жизни. И Санинъ — идейный большевикъ и такими мы должны стать.

— Зачѣмъ? — глухо спросилъ Любовинъ.

— Какъ зачѣмъ? А чтобы наплевать въ самое сердце людей, вытравить изъ него то, что влечетъ ихъ на подвиги.

— У Русскаго народа съ его неприличной руганью это уже давно сдѣлано, — сказалъ Любовинъ.

— Что народъ? Стадо скотовъ! Надо вытравить слѣды этого рыцарства у тѣхъ, кто ведетъ этотъ народъ, и въ этомъ отношеніи товарищъ Яковъ правъ, — сказалъ Коржиковъ.

— Но у простого народа есть религія, — сказалъ Любовинъ.

Онъ ненавидѣлъ густою страшною ненавистью въ эти минуты и Коржикова, и Бродмана.

Бродманъ засвисталъ.

— Ну и что вы говорите, товарищъ Викторъ, смѣху подобно! Религія?.. Ну и кто теперь вѣруетъ?.. Посмотрите, что дѣлается у храмовъ?.. Внутри — старики и старухи, а подлѣ толпа парней и дѣвокъ. Смѣхъ, шутки, ругань, гулянье, деревенскій флиртъ. Ну и это, вы скажете, — религія? Вы скажете — Русскій народъ — вѣрующій народъ... Ничего подобнаго. Ну и какая деревенская дѣвушка до брака не имѣла ребенка? И вы скажете послѣ этого — бракъ таинство? Въ Русскомъ

народѣ давно нѣтъ таинствъ. Это намъ очень хорошо извѣстно.

— Хорошо, — сказалъ Любовинъ, — допустимъ, что все, о чемъ мы говорили съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ сейчасъ, удастся. Допустимъ, что мы станемъ у власти. Кто пойдетъ къ намъ?

— Ну о чемъ думать, товарищъ Викторъ?.. Ну, и что вы не знаете Русскаго народа?.. Это у насъ, въ Россіи, говорится: — было бы болотное мѣсто, а черти найдутся, ну я вамъ такъ скажу: — явится власть, а подлецы и подхалимы, лакеи революціи, найдутся... Прикормимъ... Человѣкъ самое подлое животное въ мірѣ, а Русскій особенно. И знаете: — не только найдутся, но руки будутъ намъ цѣловать, славословить насъ, въ газетахъ такія статьи печатать!

— Кто? — устало сказалъ Любовинъ. — Чернь, холуи, хамы!

— Нѣтъ, товарищъ, — съ убѣжденіемъ сказалъ Бродманъ, — академики, ученые, вельможи, князья, артисты, писатели.

— Но кто вы такіе, что такъ убѣжденно говорите: мы, мы. Кто вы такое?

— Я?... Я вамъ таки прямо отвѣчу, кто я. Я — жидъ. Да, жидъ, котораго долгіе вѣка гнало и гнело Русское правительство, я человѣкъ слишкомъ знакомый съ тѣмъ, что называется чертою осѣдлости. Не вы ли, товарищъ Викторъ, въ гимназіи складывали изъ полы мундира свиное ухо и кричали: «жидъ свиное ухо съѣлъ!» Въ университетѣ я долженъ былъ попасть въ процентную норму, а на Невскомъ во время демонстраціи меня казакъ избилъ нагайкой только за то, что я жидъ! Ну, и вы знаете, я поклялся тогда, что будетъ день, когда молодежь, студенты и гимназисты будутъ привѣтствовать меня и носить на рукахъ. Да... И, знаете, эти самые казаки будутъ повиноваться мнѣ и станицы изберутъ меня своимъ почетнымъ казакомъ. Ну да! и дѣвушки лучшаго общества придутъ ко мнѣ и будутъ ласкаться.

а я буду терзать и мучить у нихъ на глазахъ ихъ братьевъ и жениховъ.

— Вы сами не понимаете того, что говорите! — Казаки... дѣвушки...

— Ну и что такого?.. И вы не знаете, что нѣтъ предѣла человѣческой подлости!

— Вы мнѣ кажетесь сумасшедшимъ. Извѣстіе о войнѣ опьянило васъ.

— Ну что товарищъ! Ну и вы слыхали — per aspera ad astra — черезъ бездны къ звѣздамъ, ну мы устроимъ — per astra ad aspera! — подойдемте къ пучинамъ и заглянемъ въ самыя черныя пропасти! Что?.. Раскроемъ тайну бытія и посмѣемся!

— Посмѣемся, — глухо и мрачно сказалъ Коржиковъ.

Онъ былъ чѣмъ то недоволенъ и все искоса поблескивалъ своими маленькими карими глазками на Любовина.

Бродманъ не унимался. Онъ все это время ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, теперь остановился въ углу и скрестилъ на груди руки въ наполеоновской позѣ. Онъ и, правда, въ эту минуту чувствовалъ себя какимъ-то большимъ и всесильнымъ. Ему казалось, что все, что онъ говоритъ, уже осуществляется. Онъ мысленно окидывалъ взоромъ всю партію, гдѣ зналъ только ближайшихъ руководителей, но чувствовалъ мощную организацію.

— Война, — сказалъ онъ торжественно, и рѣшительно тряхнулъ подбородкомъ. — Какое безуміе! Старый міръ гибнетъ. Народы, гонимые властью, по волѣ своихъ императоровъ, бросятся уничтожать другъ друга. Капиталисты всѣхъ странъ перегрызлись между собою и милліоны людей погибнутъ, отстаивая ихъ золото! Пхе! Люди гибнутъ за металлъ! Сатана тамъ правитъ балъ!!.. Свершается то, что мы готовили въ таинственной тиши долгіе, многіе годы. Изъ потоковъ крови встанутъ уже не люди, а животныя, объединенныя жаждою крови и насилія. Эта война — послѣдняя схватка народовъ

Бродманъ замолчалъ. Коржиковъ сѣлъ за столъ и еропшилъ свои густые волосы. Какая-то забота тяготила его. Онъ все посматривалъ на Любовина. Любовинъ по прежнему стоялъ у двери и внимательно, боясь проронить хотя одно слово, слушалъ Бродмана. Онъ былъ мертвенно блѣденъ и тяжело дышалъ. Казалось, вотъ-вотъ онъ бросится на Бродмана.

— Все полетитъ! Все къ чорту! — вдругъ вскрикнулъ Бродманъ такъ неожиданно, что Коржиковъ вздрогнулъ и поднялъ на него лохматую голову.

— Все, все погибнетъ. Погибнутъ народы, націи потеряютъ свой обликъ. Благородство, честность, вѣра, чувство долга — все къ свиньямъ подъ хвостъ! Туда имъ и дорога! Ни къ чему это, товарищи, — буржуазные предразсудки. Не мы, а они разрѣшили народу кровь... И не остановятъ... И, когда ослабнутъ, когда погибнутъ лучшіе люди, когда вытечетъ вся ихъ кровь, встанемъ мы и предъявимъ длинный счетъ. Когда вы пьянствовали, сладострастничали, когда вы сидѣли въ дворцахъ и раскатывали на автомобиляхъ, когда вы носили тонкое сукно, шелки, брилліанты и опьянялись виномъ, музыкой и женщинами, мы сидѣли въ темныхъ рабочихъ кварталахъ, мы изнемогали въ страшной цѣлодневной работѣ, мы стояли у раскаленныхъ горновъ на ледяномъ вѣтру сквозняковъ, мы задыхались въ вони жилищъ, мы отдавали своихъ дочерей вамъ, на наслажденіе. Мы умирали вашими рабами!.. Га! Мало кровушки нашей попили! Теперь мы будемъ пить вашу кровь, мы потребуемъ на свои постели нѣжное мясо вашихъ подругъ, мы войдемъ въ ваши дворцы и съѣдимъ и выпьемъ ваши запасы!.. Мы устроимъ пиръ бѣдноты и мы расхитимъ и растащимъ все, что вы копили и берегли! Га!.. Прошлое, предки, исторія, слава!.. Къ чорту въ болото и славу и исторію!!.. Все блѣдно и сѣро и нѣту героевъ!.. Нѣтъ, товарищи, въ грядущей революціи мы не дадимъ вамъ Наполеона!.. Пусть та сѣрая, липкая, вонючая грязь, что накапливали мы въ рабочихъ кварталахъ, зальетъ мишурный блескъ ихъ

знаменъ и орловъ. Красная тряпка, а не знамя! Кровавыя лохмотья, а не шитые золотомъ мундиры... Общій голодъ и чавканье людей, пожирающихъ трупы, а не брачные пиры. Смердѣніе разлагающихся тѣлъ, а не ѳиміамъ побѣдныхъ куреній!.. Все лучшее къ свиньямъ, къ чортовой матери!.. И лучшаго изъ гоевъ убей! Убей!.. И, если вошь кричитъ въ твоей рубашкѣ — возьми и убей!.. Пусть въ звѣриномъ сладострастіи копошатся люди, какъ бѣлые черви въ навозѣ!.. Вотъ вамъ равенство!.. Всѣ одинакіе, всѣ бѣлые, всѣ склизкіе, всѣ вонючіе, всѣ однимъ навозомъ питаются! Вотъ наши цѣли! Создать равенство червей!..

Бродманъ поднялъ руки кверху, растопырилъ пальцы и съ силой выкрикнулъ, ни къ кому не обращаясь:

— Мы дали вамъ Бога и мы дадимъ вамъ — царя!..

Громко, какъ ружейный выстрѣлъ хлопнула дверь. Любовинъ вышелъ изъ комнаты.

VI

Любовинъ спускался по лѣстницѣ, держась за перила и ноги не слушались его, передъ глазами была темнота и сознавалъ онъ одно: — конецъ.

Онъ стремился къ тому, чтобы всѣмъ было хорошо. Ему хотѣлось, чтобы не будили пѣсенниковъ въ два часа ночи для удовольствія дѣвокъ и разгулявшихся офицеровъ, чтобы не было солдатчины и не грозилъ багровымъ кулакомъ ему подъ самое лицо вахмистръ Иванъ Карповичъ. Ему хотѣлось, чтобы не было насилій, крови, не было смертной казни и страха возмездія. Онъ шелъ въ партію и вѣрилъ, что она несетъ равенство, братство и свободу, несетъ любовь и теплое отношеніе однихъ къ другимъ. Онъ хотѣлъ вѣрить, что тамъ, куда онъ шелъ, тоже христіанство, но только безъ поповъ, безъ обрядовъ, безъ мистицизма и легендъ.

Тетрадка Вити, жесткія слова Коржикова, порученіе ѣхать предавать Россію, наконецъ, истеричные, полные

страшнаго смысла выкрики Бродмана его поразили.

Вотъ куда его вели!.. Къ равенству навозныхъ червей. Вотъ, что ему обѣщаютъ, вмѣсто красиваго императора, царственно величественнаго, ему даютъ — жида! Онъ думалъ, что, если вымокнетъ подъ дождемъ на парадѣ Государь, или убьютъ его, не станетъ царя и все станетъ по новому, лучше, красивѣе, богаче.

Что же на дѣлѣ? Торжествующій жидъ и море крови!

И нѣтъ возврата! Никуда не убѣжишь!.. Всѣ слѣдятъ другъ за другомъ, всѣ, какъ заклейменные другъ другу извѣстны. Заставятъ исчезнуть при малѣйшемъ намекѣ на измѣну.

Исполнить ихъ волю? Ѣхать въ армію, поступить писаремъ? А узнаютъ? А попадешься?.. Висѣлица...

Любовинъ переходилъ улицу. Онъ не видѣлъ яснаго солнечнаго дня, не чувствовалъ нѣжной игры тѣней отъ листьевъ густыхъ акацій, дубовъ и клеповъ. Глициніи на фасадѣ его дома, усѣянныя гроздьями лиловыхъ цвѣтовъ, его не радовали. Къ нему бросилась, ласкаясь, собака Эльзы, онъ невнимательно погладилъ ее. «Эльза», подумалъ онъ. «Эльза, вѣрная, какъ собака. Эльза милая, уютная, ласковая, простая. Укрыться у нея, сказаться больнымъ и лежать дома, пока всѣ они не уѣдутъ. А потомъ опять: — кофе по утрамъ, кормленіе куръ, хожденіе на почту, а вечеромъ гитара и цитра и сладкія пѣсни такъ любимой Родины.»

«Ну, что-же! Все-таки жить!»

Онъ смѣлѣе сталъ подниматься на крыльцо своего дома. Въ столовой и гостиной нижняго этажа Эльзы не было, но наверху, въ ихъ спальнѣ слышалась какая-то возня.

Любовинъ сталъ подниматься въ спальню. Онъ пріоткрылъ дверь... Заглянулъ...

Раздался женскій крикъ... Грубое ругательство.

Любовинъ тихо закрылъ дверь. Шумъ продолжался. Сомнѣній не было. Онъ потеръ себѣ лобъ и медленно сталъ спускаться съ лѣстницы. Никакихъ мыслей у не-

го не было въ головѣ. Послѣднія капли жизненной энергіи были выплеснуты безжалостною рукою. Онъ уже ничего не понималъ. Вмѣсто радостнаго іюльскаго дня онъ видѣлъ страшную дыру, куда тянули его невидимыя руки. Онъ имъ не противился. Онъ не могъ остановиться. Онъ повиновался имъ. Два раза повторилъ: — «Сынъ Маруси... Викторъ... Викторъ!» и потомъ громко сказалъ: — «отъ него всего можно ожидать!»

И уже рѣшительно, точно твердо зная, что ему надо дѣлать, пошелъ черезъ дворъ въ сарай, гдѣ были сложены дрова и гдѣ висѣли тонкія крѣпкія бичевки для просушки бѣлья. Онъ старательно осмотрѣлъ сарай, заперъ двери, дѣловито, хозяйски, осмотрѣлъ лоханку, отыскалъ въ ней маленькій обмылокъ, точно обрадовался ему, схватилъ его жадными руками и, отвязавъ веревку, полѣзъ на столъ и сталъ прилаживать ее на балкѣ.

Онъ дѣлалъ все спокойно, раздумчиво, внимательно, движенія были увѣренны, руки не тряслись и только изъ темныхъ глазъ, ставшихъ вдругъ большими, глядѣла страшная пустота. Душа не смотрѣлась больше въ нихъ.

VII

— Вы уже слишкомъ это, товарищъ Бродманъ, — сказалъ Коржиковъ. — Такъ нельзя. Нельзя забывать того, что товарищъ Любовинъ колеблющійся. Онъ не пойметъ.

— Ну и чортъ съ нимъ, — сказалъ Бродманъ и сѣлъ за столъ противъ Коржикова. — Знаете, у меня теперь такая энергія, такая энергія, ну и надо было вылиться этой энергіи. Что вы думаете, если я на митингѣ скажу все это. А что? Хорошо это будетъ?

— Давайте, товарищъ, обсудимъ лучше положеніе работы нашей ячейки. Вы знаете, я на Любовина не надѣюсь. Трусъ онъ и тряпка.

— Выдастъ?

— Нѣтъ, его и на это не хватитъ. Просто ничего не будетъ дѣлать... Вилять...

— Вотъ, кто у насъ, товарищъ, молодецъ на всѣ руки, — сказалъ, глядя въ окно, Бродманъ. — Вашъ сынъ.

— Что вы его такъ вспомнили?

— Онъ вышелъ изъ дома Любовина и направляется къ намъ. Что за красавецъ!

— Отлично. Мнѣ его и нужно. Вы потомъ оставьте насъ одних.

— Сегодня же и отправите?

— Да. Въ Кienталь, за деньгами и инструкціями, а оттуда прямо на фронтъ.

— Хорошее дѣло.

Дверь съ трескомъ распахнулась на обѣ половинки и въ комнату ворвался оживленный, раскраснѣвшійся, весь прорываемый смѣхомъ Викторъ. •

Викторъ былъ во всей красотѣ и блескѣ своихъ восемнадцати лѣтъ. Онъ очень походилъ на отца — корнета Саблина, въ дни его юности. Только волосы были темнѣе, какъ у Маруси, и самъ онъ былъ крѣпче, коренастѣй: приливъ простой крови сказался. То, что придавало чертамъ Саблина оттѣнокъ капризной страстности, тонкія, легко расширяющіяся ноздри, чувственная складка пухлаго рта, что было такъ мило въ немъ и такъ чаровало женщинъ, въ Викторѣ было подчеркнуто и грубо. Онъ долженъ былъ нравиться простымъ дѣвушкамъ, или зрѣлымъ дамамъ. Было и что-то отталкивающее въ его красотѣ. Густые волосы были сзади коротко острижены, а спереди оставлены длинными локонами и, какъ женская чолка, спускались на лобъ. Большіе, сѣрые глаза были жестки и наглы. Они властно смотрѣли кругомъ и никогда и ни передъ чѣмъ не опускались. Борода еще не росла на его подбородкѣ, молодые усы были острижены и только два черныхъ кустика были оставлены подъ самыми ноздрями. У него была длинная, полная, красиво обрисованная шея, выказывающая непреклонную волю. Бѣлая, просторная рубашка, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ, пріоткрывала грудь, гдѣ на золотой

цѣпочкѣ висѣлъ дорогой кулонъ съ темнымъ гранатомъ. Широкій поясъ охватывалъ поверхъ рубахи талію. Ниже были свободные панталоны и легкіе башмаки.

Ни съ кѣмъ не здороваясь, Викторъ бросился на койку Өедора Өедоровича и разразился веселымъ смѣхомъ.

— Ну и исторійка сейчасъ вышла, — говорилъ онъ въ перерывѣ припадковъ смѣха. — Вотъ умора. Зашелъ я къ тетушкѣ напротивъ. Она меня шоколадомъ напоить обѣщала. Выпилъ я шоколаду, гляжу на нее. Ничего бабечка, полная, рыхлая, надо думать, — аппетитная... Она мнѣ: «Витя, Витя»... Солнце свѣтитъ, тепло у нея. Духами пахнетъ. Я думаю — была не была... «Пойдемте», говорю, «тетенька, въ спальню». Она, дура, ничего не понимаетъ. Идемъ... Ну вошли... Я ее повалилъ на кровать... Она и не пикнула, только красная стала, горячая, тяжело дышитъ... Ну, и вдругъ... Дверь... и дядюшка!.. Табло!.. Эльза увидала, кричитъ... А мнѣ въ зеркало тоже видать. Ничего, думаю... Потерпи минутку... Дядюшка, дуракъ, дверь закрылъ и на цыпочкахъ спускается... Вотъ идіотъ!

Викторъ опять залился смѣхомъ.

Бродманъ хохоталъ, Өедоръ Өедоровичъ былъ серьезенъ.

— Ну что ты нашелъ интереснаго въ этой старой, крашеной бабѣ, — сказалъ онъ спокойно.

— А право ничего. Такъ минута такая нашла. Отчего, думаю, не взять для коллекціи.

— Эхъ, Викторъ, Викторъ! Пора бы кончить все это. Не такія теперь времена. Ты нуженъ на крупное дѣло... Прощайте, товарищъ Бродманъ, — обратился онъ къ Бродману, вставшему при началѣ этого разговора. — Вы, можетъ быть, зайдете ко мнѣ.

— Я пойду къ товарищу Любовину. Знаете любопытно посмотрѣть ихъ теперь вмѣстѣ.

— Ну, что тамъ интереснаго, — промычалъ Коржиковъ.

— Вотъ что, Викторъ, — сказалъ Өедоръ Өедоро-

вичъ, едва Бродманъ скрылся за дверью. — Мнѣ надо поговорить съ тобою.

— Говорите, я слушаю, — отвѣтилъ Викторъ, смотря большими глазами на Коржикова.

Отношенія между сыномъ и отцомъ были дружескія, но дѣловыя. Никакой ласки, или нѣжности между ними не было. Очень рѣдко Викторъ говорилъ Коржикову «отецъ», но больше «вы», или «Өедоръ Өедоровичъ». Коржиковъ звалъ его по имени. Про его рожденіе, про первые годы дѣтства они никогда не говорили.

Коржиковъ досталъ изъ шкатулки бумаги и подробно разсказалъ о работѣ, возложенной комитетомъ на Виктора. Онъ далъ ему карты, показалъ на нихъ, какъ онъ долженъ пробираться къ Заболотью, какъ войти къ казакамъ и что тамъ дѣлать.

— Валить авторитетъ начальниковъ. Смущать души простыхъ людей. Лгать, клеветать, подводить гдѣ только можно, — говорилъ Коржиковъ.

— Убивать лучшихъ.

Коржиковъ поморщился, но промолчалъ.

— Вотъ, Викторъ, можетъ быть, мы никогда больше и не увидимся. Я раньше не говорилъ съ тобою о твоемъ рожденіи, о твоихъ первыхъ дняхъ.

— Ну, вѣрно, родился, какъ и всѣ. Не подъ лопухомъ же меня нашли?

Коржиковъ досталъ портретъ Маруси и подалъ его Виктору.

— Это твоя мать.

Викторъ съ любопытствомъ сталъ разглядывать старую карточку Маруси въ гимназическомъ платьѣ, въ черномъ передникѣ и съ волосами, уложенными въ косы.

— Хорошенькая дѣвочка! А ловко вы ее подцѣпили, Өедоръ Өедоровичъ?

— Это мать твоя, Викторъ! — съ возмущеніемъ въ голосѣ сказалъ Коржиковъ.

— Ну такъ что же!? Развѣ мать не женщина? Только и всего, что она на восемнадцать лѣтъ старше

меня, а то — такая же женщина. Эльза то, поди, еще много старѣе будетъ.

— Оставь, Викторъ! Она была глубоко несчастлива и умерла, родивъ тебя.

— Бѣдная! Молода она была?

— Ей было девятнадцать лѣтъ.

— Жаль дѣвчонку. Поди и вы убивались. Какъ же вы такъ неосторожны были, Өедоръ Өедоровичъ, не п берегли ее?

Гримаса отвращенія невольно искривила лицо Коржикова.

— Я никогда не былъ ея мужемъ, — сказалъ Коржиковъ, подавая Виктору карточку Саблина. Саблинъ былъ снятъ у лучшаго тогдашняго фотографа Бергамаско. На лакированной, въ лиловатыхъ тонахъ, карточкѣ, въ выпукломъ овалѣ было поясное изображеніе Саблина въ кирасѣ, поверхъ колета. Гордо, ясно и самоувѣренно смотрѣли большіе красивые глаза.

— Я понимаю мамашу, — сказалъ Викторъ. — Экой какой фертъ! Фу ты — ну ты! Какъ устоишь!.. И поди ерникъ большой былъ... Офицеръ, — протянулъ онъ. — Я сынъ офицера! вотъ такъ игра природы! Какъ же вы то рога себѣ наставить позволили. Вѣдь она, поди, не такая соломенная дура была, какъ Эльза. Воображаю, какъ вы злились!

— Молчи, Викторъ! Ты ничего не понимаешь! Слушай.

Коржиковъ разсказалъ исторію Маруси. Когда онъ дошелъ до того момента, какъ Любовинъ ворвался въ квартиру Саблина, Викторъ захохоталъ.

— Экая балда!.. Хоть онъ мнѣ и дядюшка, а не далекій парень... Экій оселъ!.. Стрѣлять!.. Ну, и, конечно, промазалъ. Развѣ онъ можетъ убить!.. Онъ и клопа то на спичкѣ жаритъ, такъ покаянную молитву шепчетъ. Однако, чортъ возьми, романтическое происшествіе... Сынъ офицера!.. Гляди — богатаго. Что-же онъ мамашу обезпечилъ по крайности? Вы на приданомъ женились, или какъ?

Коржиковъ, досадуя на себя, что началъ разговоръ, разсказалъ о причинахъ, заставившихъ его жениться на Марусѣ.

— Какія дикія понятія! Что-же, дѣвушка и родить не смѣетъ?

— Викторъ, какія у тебя чувства къ этому офицеру?

— Какія?.. Да никакихъ...

— Онъ жестоко оскорбилъ твою мать, заставилъ ее страдать.

— Ну поди, и наслаждалась немало. Вѣдь хорошъ офицерикъ-то! Это что же, гусаръ что-ли?

— Онъ зачалъ тебя и бросилъ, что же ты чувствуешь къ нему?

— Какъ къ офицеру, или какъ къ отцу?

— Какъ къ отцу.

— Ничего. Мало-ли бываетъ. Побаловался, не его въ томъ вина. Поди, и отъ меня гдѣ-нибудь дѣти пойдутъ. Чего добраго, эта старая дура забеременѣетъ... что же думать объ этомъ? Это уже плохой коммунистъ, если надъ такимъ пустякомъ голову крутить. А къ нему, какъ къ офицеру — обычно, какъ ко всякому классовому врагу — ненависть. Задушить его надо и все, безъ особой пощады. Офицеръ онъ, навѣрно, хорошій, такой много вреда намъ дѣлаетъ. Хотите, я своими руками задушу, если попадется.

— Отомсти за нее, — глухо сказалъ Коржиковъ и закрылъ руками лицо, вдругъ странно покраснѣвшее пятнами.

— А вы что же, отецъ, а?.. Любили ее?.. Любили? ха-ха-ха-ха!.. Вотъ здорово. Өедоръ Өедоровичъ. Любили! Ха-ха-ха...

Коржиковъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Онъ съ трудомъ владѣлъ собою. Наконецъ, справившись, онъ почти спокойно сказалъ:

— Ты когда же пойдешь въ Кienталь за деньгами и окончательными инструкціями?

— А сейчасъ, — становясь серьезнымъ, сказалъ Викторъ.

— Сюда вернешься?

— Нѣтъ, прямо оттуда на желѣзную дорогу.

Коржиковъ, не глядя на Виктора, пошелъ изъ комнаты.

Протяжный вой собаки, крики и плачъ во дворѣ у Любовина поразили Коржикова. Онъ пошелъ во дворъ. Лицо его было замкнуто и серьезно. Онъ догадывался, что произошло. «Иначе и быть не могло. Развязалъ», — подумалъ онъ и горькая складка легла поперекъ его лба. Почти сорокъ лѣтъ, съ самаго рожденія зналъ отъ Виктора Михайловича и, по своему, любилъ его.

Въ сараѣ, на тщательно намыленной веревкѣ висѣлъ, склонивъ голову на бокъ, Любовинъ. Эльза причитала и визжала подъ нимъ, собака ей вторила, задравъ кверху морду. Бродманъ что-то кричалъ... Никто не догадался снять трупъ съ петли.

— Да снимите же его, чортъ возьми! — крикнулъ Коржиковъ и полѣзъ на столъ, чтобы развязать веревку.

Съ помощью Эльзы, — Бродманъ только размахивалъ руками: онъ боялся покойниковъ, — Коржиковъ снялъ Любовина и отнесъ его въ домъ.

Когда онъ снова вышелъ, уже вечерѣло. Луна поднималась надъ горами. Викторъ, одѣтый по дорожному, съ маленькимъ мѣшкомъ за плечами, выходилъ на дорогу.

— Викторъ, — крикнулъ ему Коржиковъ, — постой! Ты знаешь... Викторъ Михайловичъ сейчасъ повѣсился.

— Экій идіотъ! — откликнулся Викторъ. Никакая тѣнь не набѣжала на его лицо. Оно было холодно, самодовольно и спокойно.

— Викторъ, ты не простишься съ нимъ?

— Ну вотъ еще?.. Очень надо... Вѣдь онъ все равно мертвый!

Бродманъ стоялъ у воротъ и восхищенными глазами смотрѣлъ на удаляющагося по Кiентальской дорогѣ Виктора.

— Вотъ, — сказалъ онъ, дотрагиваясь до рукава Өедора Өедоровича, — это сила!.. Это идетъ — настоящій большевикъ!

VIII

Про Заболотье говорятъ, что оно маленькій Люблинъ, а Люблинъ маленькая Варшава, а Варшава маленькій Парижъ, такимъ образомъ Заболотье въ глазахъ его обитателей, казалось маленькимъ, самымъ маленькимъ скажемъ — Парижемъ, однимъ кварталомъ Парижа. Построенное въ XIII вѣкѣ, среди болотъ и лѣсовъ Холмщины, оно долгое время было оплотомъ католичества. Въ немъ былъ громадный костелъ съ мраморными памятниками въ честь его основателей графовъ Заболотскихъ, съ могучими, въ четыре охвата, дубами и липами, съ каменной рѣшеткой, былъ величественный магистратъ съ наружной лѣстницей на два марша, какъ въ Фонтенебло. Съ этой лѣстницы привѣтствовали Петра Великаго, когда онъ ѣхалъ изъ-заграницы; подлѣ города была могила сына Богдана Хмѣльницкаго — Юрія, убитаго въ бою съ поляками. Весь городъ, видный насквозь изъ улицы въ улицу, прекрасно мощенный, съ канализаціей и водопроводами, съ молодыми круглыми каштанами вдоль панелей, со старымъ рынкомъ съ аркадами, гдѣ были маленькіе еврейскіе магазины, съ дворцомъ графовъ Заболотскихъ, обращеннымъ въ офицерскія квартиры гарнизона, съ конюшнями графа, перестроенными въ офицерское собраніе казачьяго полка, съ другимъ костеломъ, обращеннымъ въ казарму, со старыми, временъ Николая I, равелинами и бастіонами крѣпости, былъ чистенькій и веселый, полный оживленной еврейской толпы, офицеровъ, казаковъ и солдатъ.

Въ іюльскій день 1914 года онъ млѣлъ подъ солнечными лучами, и чистые камни мостовыхъ сверкали такъ, что больно было на нихъ смотрѣть. Окна домовъ были открыты. Изъ нихъ свѣшивались одѣяла, подушки и перины, выставленныя для провѣтриванія и кое-гдѣ выглядывала черноволосая женская голова съ масляными большими глазами, точенымъ носомъ и пунцовыми чувственными губами.

Въ большомъ тѣнистомъ скверѣ, подъ раскидистыми

капитанами, на скамейкахъ сидѣли гарнизонныя дамы и играли дѣти. Сквозь тѣсный переплетъ вѣтвей, съ большими лапчатыми листьями, солнце бросало на песокъ маленькіе золотые кружки, и въ скверѣ, чисто подметенномъ, съ лужайками, покрытыми травой, была такая мирная истома, такая отрадная тишь, что тянуло къ мечтамъ и лѣни и невольно вспоминались слова гарнизоннаго батюшки, отца Бекаревича, что климатъ Заболотья не уступаетъ климату Ниццы.

Было двѣнадцать часовъ дня. Все Заболотье вдругъ наполнилось сочными звуками военнаго оркестра и дробнымъ топотомъ конскихъ подковъ по камнямъ. Звуки врывались въ улицу, отражались о дома, о выступы стѣнъ и плескали по всему городку, радостные, бодрые и веселые. Казачій полкъ возвращался съ маневра.

Впереди полка, на крупномъ рыжемъ конѣ Донского Провальскаго завода ѣхалъ командиръ полка, полковникъ Павелъ Николаевичъ Карповъ. Это былъ рослый, красивый мужчина, лѣтъ сорока пяти. Темная борода была расчесана на подобіе бакенбардъ на двѣ стороны «подъ Бакланова» и чуть-чуть серебрилась сѣдиною. Онъ былъ худощавъ и строенъ, широкій ремень съ револьверомъ и биноклемъ ловко стягивалъ его тонкій станъ. Онъ легко сидѣлъ на лошади, и вся посадка обличала въ немъ смѣлаго и неустрашимаго наѣздника. Рядомъ съ нимъ, по правую сторону, на золотисто-рыжемъ, сытомъ конѣ, ѣхалъ его помощникъ по хозяйственной части, войсковой старшина Семенъ Ивановичъ Коршуновъ, по другую, его адъютантъ, маленькій и толстенькій, рано начавшій лысѣть, Георгій Петровичъ Кумсковъ.

За ними широкою шеренгою ѣхали трубачи. Лошади тѣснились и жались, а трубачи въ свѣжихъ защитныхъ рубахахъ и фуражкахъ, лихо надѣтыхъ на бокъ, играли, надувая щеки, веселый бодрый маршъ, отдававшійся эхомъ о стѣны домовъ.

Карповъ свернулъ въ боковую улицу, остановилъ коня и сталъ пропускать полкъ мимо себя. Искреннее удовольствіе сверкало въ его глазахъ, когда казаки, про-

ѣзжая мимо него, задирали подбородки кверху и сворачивали головы въ его сторону. Пѣсенники умолкли. Поваленныя з а п л е ч о на петляхъ пики тихо колебались и, сталкиваясь, звенѣли. Прекрасно одѣтые, красивые люди съ сухими, загорѣлыми лицами, на которыя изъ-подъ фуражекъ волнами падали густые, тщательно расчесанные волосы, припудренные пылью, внимательно и весело смотрѣли на своего командира. Они знали, что они хороши, что они молоды и что командиръ ими любуется. Они гордились тѣмъ, что они казаки лихого Донского полка, лучшаго полка кавалерiйской дивизiи, что они Донцы, что они сыны великой Русской армiи. Они чувствовали, что войско лучше ихъ трудно придумать и создать.

Сверкающiя червоннымъ золотомъ на солнцѣ лошади 1-й сотни всѣ, какъ одна, свѣтло-рыжей шерсти, въ передней шеренгѣ лысыя, въ задней безъ отмѣтинъ, прекрасно, масть въ масть, подобранныя, отлично тренированныя и вычищенныя, съ разобранными рукою, волосъ къ волосу, пушистыми хвостами, поднявъ сухiя головы съ красивыми темными глазами, торопливо проходили мимо командира.

Рыжую первую сотню смѣнила бурая вторая, потомъ шла вишнево-гнѣдая третья, дальше караковая четвертая. Одна была лучше другой. Карповъ зналъ каждую лошадь, каждаго казака. Ихъ всѣхъ онъ горячо любилъ, точно они были дѣтьми его. Этотъ блѣдный, свѣтлорусый казакъ Хоперсковъ, печальными глазами глядѣвшiй на командира, всего недѣлю тому назадъ вернулся изъ отпуска. Онъ ѣздилъ на Донъ хоронить молодую жену. У него въ станицѣ на попеченiи чужихъ людей осталась дѣвочка двухъ лѣтъ, — все, что привязываетъ его къ жизни. Сзади него ѣхалъ плотный и короткiй, съ лицомъ, обрамленнымъ рыжеватой бородкой Пастуховъ, сотенный кузнецъ, первый силачъ въ полку, а рядомъ, юный, прекрасный, съ чуть пробивающимися черными усиками Поляковъ, изъ богатой семьи, маменькинъ сынокъ и баловникъ, все никакъ не могущiй научиться

прыгать черезъ деревянную кобылу.

— А что, — обратился Карповъ, къ стоявшему подлѣ него на нервной сѣрой лошади, есаулу Траилину, — Поляковъ научился, наконецъ, черезъ кобылу прыгать?

— Постигаетъ, господинъ полковникъ, — сказалъ командиръ сотни, прикладывая руку къ козырьку и мягко, какъ «х», выговаривая букву «г».

— А лошади у васъ, Иванъ Ивановичъ, все никакъ не поправятся.

— Уже и не знаю, что дѣлать, — сказалъ Траилинъ.

— Кормить надо, — сказалъ Карповъ. — Я разжалую вахмистра, если осенью не подравняетесь съ другими сотнями. Каргинъ! — строго крикнулъ онъ на зазѣвавшагося казака, — ты чего, другъ, голову на командира не сворачиваешь, а?

Казакъ испуганно повернулъ голову на командира полка.

— А у Медвѣдева опять поводья на лещоткѣ не выравнены; взыскать!

«Э, виноватаго найдетъ!» — подумалъ Траилинъ и облегченно вздохнулъ; его сотня прошла и за нею громыхала колесами и тарахтѣла пулеметная команда.

Сытыя, съ блестящей шерстью, большія гнѣдыя лошади легко, безъ усилія, везли желѣзныя двуколки, на которыхъ стояли закутанные въ чехлы пулеметы. Каждая пряжка амуниціи блестѣла, каждый ремешокъ сбруи былъ тщательно вычищенъ и почерненъ. Лицо Карпова прояснилось. Въ пулеметную команду были отобраны лучшіе люди и она проходила въ щегольскомъ порядкѣ. За нею потянулась пятая сотня на сѣрыхъ лошадяхъ и дальше шестая на вороныхъ. Чернобородый есаулъ Захаровъ, командиръ шестой, такими же влюбленными глазами провожалъ казаковъ и лошадей.

— А, Константинъ Помпеевичъ, — сказалъ, обращаясь къ командиру сотни Карповъ, — хотя бы и въ бой съ такимъ полкомъ! Хорошая ваша сотня!

— Да, какъ бы и не пришлось.

— Никто, какъ Богъ!

— Да будетъ Его святая воля. — Потрудились вы не мало, господинъ полковникъ, и есть съ чѣмъ поработать.

— Да... Хорошъ полчокъ, — сказалъ Карповъ, ни къ кому не обращаясь, и тронулъ лошадь за послѣдней сотней. — Прикажите пѣсенникамъ играть.

Захаровъ поскакалъ по мостовой догонять голову сотни.

Въ тепломъ, напоенномъ ароматами зелени и скошенной травы воздухѣ, раздались веселые громкіе звуки бодрой залихватской пѣсни:

Э-эй — э-э-эй! Донцы пѣсни поютъ!
Черезъ рѣчку Вислу-ю,
На коняхъ плывутъ.

— А что, господинъ полковникъ, — обратился къ нему Коршуновъ, — будетъ все таки война?

— Ну, не думаю... А, впрочемъ, кто ее знаетъ!.. Штабъ дивизіи почему то увѣренъ, что война будетъ... Черезъ полчаса въ канцеляріи.

— Слушаюсь, господинъ полковникъ. — сказалъ Коршуновъ.

— Адъютантъ, что бумагъ много?

— Не особенно, господинъ полковникъ. Опять жалоба на хорунжаго Лазарева.

— Жидовъ побилъ?

— Есть немного.

— Экій какой! Ни одной субботы не пропуститъ.

— Нахальны очень стали. Этотъ разъ его сами задѣли.

— Ну, Романа то Петровича не очень задѣнешь! Пьянъ, что ли былъ?

— Совсѣмъ трезвый.

— Разберемъ... — сказалъ, слѣзая съ лошади у своей квартиры, командиръ полка и сталъ ласкать своего большого коня.

IX

Вся жизнь Павла Николаевича Карпова прошла съ казаками и въ строю. Внѣ строя, внѣ лошадей, внѣ пѣсенъ казачьихъ, джигитовки, поѣздокъ, ученій, маневровъ, пыли въ сухую погоду, грязи въ дожди, Карповъ не могъ представить себѣ жизни. Онъ былъ женатъ, у него былъ сынъ, юноша семнадцати лѣтъ, уже поступившій въ военное училище, но семья была не главнымъ, но лишь дополненіемъ къ службѣ. Сынъ долженъ былъ продолжать дѣло, начатое отцомъ, долженъ былъ служить такъ же, какъ отецъ, и всѣ заботы семьи были направлены къ тому, чтобы одѣть и снарядить сына для той же военной службы, которой отдалъ всего себя Павелъ Николаевичъ. Онъ женился рано, по любви. Былъ романъ между бравымъ, лихимъ юнкеромъ Новочеркасскаго училища и робкой, застѣнчивой институткой Маріинскаго института Анной Владиміровной Добриковой. Были встрѣчи на Маріинской улицѣ и на балахъ, въ стѣнахъ института и кадетскаго корпуса. Мило улыбалось хорошенькое чистое лицо, изъ-подъ барашковой институтской шапочки нѣжно смотрѣли большіе глаза и такая всеобъемлющая, вѣрная любовь глядѣла изъ нихъ, что Карповъ понялъ свое счастье. Со свадьбой не откладывали. Было сказано все, что, казалось Карпову, онъ долженъ былъ сказать. Было сказано, что у него ничего, кромѣ службы, нѣтъ, что впереди: бѣдность, глухая стоянка въ польскомъ захолустьи, кочевки со льготы на службу и обратно, голодъ и нищета. Въ отвѣтъ Карповъ получилъ тихій взглядъ прекрасныхъ глазъ и слова, поразившія еще въ институтѣ воображеніе Ани Добриковой. — «Гдѣ ты Кай — тамъ и я — Кая.»

Такъ говорили римлянки своимъ суженымъ, такъ сказала и Аня, — современная римлянка, донская казачка.

Да, все было. Была и нищета, и голодъ, и пища изъ солдатскаго котла. Аня сама ходила съ корзинкой на базаръ, сама, при помощи денщика, стряпала. Была

тѣснота маленькой комнаты, снимаемой у еврея на окраинѣ польскаго мѣстечка, были денежныя драмы, когда внезапно отъ коликъ пала строевая лошадь и надо было купить другую. Были долги, униженія, просьбы отсрочки, было разореніе при отъѣздѣ на льготу на Донъ, унылое прозябаніе въ станицѣ въ зависимости отъ казаковъ, въ казачьей хатѣ, въ глуши, безъ книгъ, была обратная кочевка съ эшелономъ молодыхъ казаковъ въ полкъ, новое устройство бѣднаго гнѣзда среди суетливой полковой жизни.

Но гдѣ былъ Кай, тамъ была и его вѣрная Кая. Ни онъ ей, ни она ему ни разу не измѣнила. Она чинила ему бѣлье, штопала чулки, нашивала лен на рейтузы, она, одинокая, ждала его, когда онъ былъ на маневрахъ, она трепетала за его жизнь, когда онъ ѣздилъ подавлять безпорядки и гасить революцію. Она сумѣла оторвать отъ своего сердца горячо любимаго сына, отправить его въ корпусъ и остаться опять совсѣмъ одной, съ мелочными заботами жизни, съ ея дрязгами и обидами и съ тихими мечтами о томъ, какъ пріѣдетъ ея Алеша на каникулы.

Да, тяжелая была жизнь, но было въ ней и счастье. Удачно сошедшій смотръ, призъ, взятый на скачкѣ, любованіе другъ другомъ на скромномъ балу въ офицерскомъ собраніи, куда дамы приходили въ блузкахъ и танцовали съ вихрастыми, припомаженными хорунжими, охватывавшими ихъ таліи потными руками безъ перчатокъ, гдѣ на ужинъ подавали рубленыя котлеты съ макаронами и сливочное мороженое; чтеніе вмѣстѣ книгъ, перечитываніе старой, но горячо любимой литературы, письма сына, похвала командира полка въ приказѣ, бравые казаки, хорошо содержанныя лошади. Мѣщанское счастье — скажутъ многіе — христіанское счастье, думали Карповы, счастіе въ подходѣ къ каждому человѣку съ любовью и въ исполненіи до мелочей своего долга.

Жизнь улыбнулась имъ лѣтъ семь тому назадъ, когда неожиданно жена его получила небольшое наслѣдство. Эти деньги дали возможность поступить въ

Кавалерійскую Школу, привести туда виднаго статнаго коня, обратить на себя вниманіе. Случилось такъ, что бывшій начальникъ школы оказался командиромъ того армейскаго корпуса, гдѣ Карповъ командовалъ сотней, онъ продвинулъ лихого офицера и въ 1911 году Карповъ, совершенно неожиданно, на 45 году жизни, получилъ въ командованіе Донской полкъ въ N-ской дивизіи. Онъ все отдалъ службѣ, и служба наградила его. Полкъ былъ распущенный. Предшественникъ Карпова былъ пьяница и картежникъ, офицеры ничего не дѣлали, казаки ходили оборванные и грязные. Карповъ въ три года сдѣлалъ полкъ лучшимъ въ дивизіи. Онъ съ пяти часовъ утра былъ въ полку на коновязяхъ, велъ занятія съ офицерами лично, сумѣлъ заинтересовать ихъ спортомъ, высоко поставилъ гимнастику, ѣзду и стрѣльбу, и, когда онъ уже поздно ночью возвращался домой къ своей Анютѣ, усталый, измученный, онъ находилъ тихій уютъ семейнаго очага, кипящій самоваръ, домашнія булки, онъ находилъ, — счастье.

Мимо неслась грознымъ потокомъ громадная политическая жизнь. Волновалась и шумѣла Государственная Дума, откалывались политическія партіи, шли интриги и подкопы подъ власть — Карповъ былъ далекъ отъ всего этого. Отчетовъ о засѣданіи Думы онъ не читалъ, онъ не зналъ, что такое партія, какія онѣ, чего домогаются. Интересоваться этимъ онъ считалъ преступнымъ, а о Думѣ думалъ съ огорченіемъ. «Чего они тамъ не подѣлили, о чемъ волнуются.» Онъ ничего не зналъ ни о Распутинѣ, ни о его вліяніи на Государя. Какъ всю жизнь, такъ и теперь, онъ неизмѣнно боготворилъ Государя и его семью и въ Царскіе дни, устраивая церковные парады, согласно съ гарнизоннымъ уставомъ, онъ всегда находилъ нѣсколько теплыхъ словъ, чтобы сказать очередной сотнѣ, поздравляя ее съ Царскимъ праздникомъ.

Каковъ попъ — таковъ и приходъ. Каковъ былъ Карповъ, таковъ былъ и весь его полкъ. Онъ отъ послѣдняго казака до старшаго офицера жилъ только службою, забывая семью, не интересуясь политикой,

строго исполняя приказы, воспитывая казаковъ въ христіанской морали и безпредѣльной любви къ Государю и Родинѣ.

Полкъ Карпова былъ идеальный полкъ, такой, какихъ очень много было въ Императорской Россійской Арміи въ 1914 году.

Карповъ не переживалъ мученій, что испытывалъ Саблинъ. Онъ не сомнѣвался въ Государѣ, потому что былъ далекъ отъ него, онъ не сомнѣвался въ Россіи и Русскомъ народѣ, потому что не зналъ политики, онъ былъ увѣренъ въ каждомъ казакѣ своего полка.

X

Въ полковой канцеляріи, во второмъ этажѣ каменнаго стариннаго дома, скучной казенной стройки, окрашеннаго въ блѣдно-желтую краску, всѣ окна были растворены. Напротивъ, по другую сторону узенькаго переулка, тоже въ раскрытомъ окнѣ сидѣли двѣ молоденькія, хорошенькія еврейки и шили. Тамъ была модная мастерская госпожи Пуцыковичъ. Еврейки были: ея дочь Роза Львовна и ея подруга Марія Давыдовна Канторовичъ.

Адъютантъ Кумсковъ, подобравъ бумаги для доклада, высунулся въ окно и переговаривался съ еврейками.

— Роза Львовна, вы будете сегодня въ городскомъ саду на музыкѣ? — спросилъ онъ.

Пуцыковичъ оторвалась отъ шитья, подняла длинные глаза, окруженные темными тѣнями, на офицера и сказала:

— Вашъ оркестръ будетъ играть?

— Нѣтъ, пѣхотный.

— Ну, я тогда-же не пойду. Я люблю, когда играетъ вашъ оркестръ. Вашъ оркестръ играетъ оперы, а Б-цы такъ, всякіе пустяки. Только барабанъ громко бьетъ. А вы пойдете?

— Не знаю, какъ управлюсь съ бумагами.

— Если вы пойдете, и я пойду.

Ея подруга засмѣялась.

— Роза такая ваша поклонница, — сказала она. — Ахъ, господинъ Кумсковъ, отчего у васъ такъ мало осталось волосъ на головѣ? Совсѣмъ бы вы были солидный аппетитный господинъ. Куда вы ихъ подѣвали?

— Любилъ много, — смѣясь, сказалъ Кумсковъ.

— Пфуй, какія вещи вы говорите интеллигентнымъ барышнямъ. Вы бы попробовали средство моего папаши. Очень помогаетъ.

— Что же, попробую, отчего не попробовать. А что вашъ папаша давно пріѣхалъ изъ Австріи?

— Вчера вечеромъ только вернулся.

— Ну, какъ тамъ?.. Будетъ война?

— Охъ, и не говорите, господинъ Кумсковъ. Такой ужасъ. Народъ обезумѣлъ совсѣмъ. Вы представьте себѣ, тамъ уже идетъ мобилизація... Да... На моего папу напали, арестовать хотѣли. Вы, говорятъ, русскій шпіёнъ, не иначе. Да. Ну, спасибо знакомый начальникъ станціи его выручилъ. Да, очень плохо. Но только мой папа говоритъ: не будетъ войны. Евреи не хотятъ. Тамъ что то у нихъ вышло. Главные какіе то хотятъ, значитъ, чтобы война была, ну а вообще то евреи боятся, что, значитъ, послѣ войны — погромы и насилія будутъ и бѣдному еврейскому народу не устоять. Ой, господинъ Кумсковъ, и, если война, что тогда будетъ! Ужасъ какой!.. Вы уйдете, придутъ запасные и прямо пропадать придется. Хотя бы васъ то оставили.

— Мало развѣ васъ Лазаревъ обижаетъ?

— Пфуй, какой скандалистъ! Ну, только, пусть, знаете, Романъ Петровичъ обижаетъ. Онъ, любя, обижаетъ. Ну что за бѣда, что онъ Хаймовича поколотилъ; опять же Хаймовичъ самъ виноватъ, зачѣмъ дорогу не уступилъ господину офицеру. Охъ, господинъ, Кумсковъ, какая озорная становится молодежь!.. Что-то будетъ, что то будетъ!

— Болтайте, болтайте, господинъ Кумсковъ, — сказала Пуцыковичъ, — а вонъ я вижу, идетъ панъ пол-

ковникъ. Достанется вамъ, коли у васъ не все готово.

— Готово у меня все, — сказалъ адъютантъ и пошелъ на встрѣчу Карпову.

Карповъ поздоровался съ писарями, надѣлъ на носъ пенснэ; онъ былъ дальнозорокъ и не могъ читать безъ стеколъ, и сѣлъ за свой столъ. Въ канцеляріи всѣ молча работали. Въ сосѣдней комнатѣ трещали пишущія машины, черезъ коридоръ глухо гремѣлъ литографскій станокъ; тамъ печатали приказъ. Сухой черноволосый дѣлопроизводитель щелкалъ въ углу на счетахъ и бормоталъ вполголоса итоги. Коршуновъ сидѣлъ за другимъ столомъ и быстро писалъ, обмѣниваясь короткими фразами съ командиромъ полка и дѣлопроизводителемъ.

— Семенъ Ивановичъ, почемъ окончательно установили овесъ съ Наемъ? — сказалъ, отрываясь отъ бумагъ и глядя поверхъ пенснэ, Карповъ.

— По пятьдесятъ пять.

— А справочная — восемьдесятъ. Что же, поправимъ, пожалуй, хозяйственныя, можно будетъ на весь обозъ хомуты новые заказать.

— Господинъ полковникъ, а когда же фанфары съ подвѣсками купимъ, какъ въ гусарскомъ полку? Вѣдь у насъ у однихъ нѣтъ, — сказалъ адъютантъ.

Карповъ посмотрѣлъ на него.

— Купимъ, можетъ быть, и фанфары. Но это уже роскошь, а хомуты необходимость.

— Хомуты у насъ хорошіе, господинъ полковникъ. Я такъ думаю, что, если новые покупать, то старые продать. Я и покупателя нашелъ, — сказалъ Коршуновъ.

— Только не заграницу, — сказалъ Карповъ.

— Боже упаси. Пивоваренный заводъ Рубинштейна беретъ у насъ.

— Охъ, не хотѣлось бы жидамъ... Хомуты вѣдь хорошіе.

— Да какъ же вы безъ жида здѣсь обойдетесь?.. Невозможно. Я поговорю съ управляющимъ графскимъ. Можетъ быть экономія возьметъ.

— Да, это лучше.

Опять щелкали счеты и глухо гудѣлъ станокъ. За окномъ яркое солнце лило горячіе лучи и двѣ еврейки, опустивъ хорошенькія головки, прилежно шили.

— Георгій Петровичъ, мобилизація у насъ въ порядкѣ? — спросилъ Карповъ.

— Сами, господинъ полковникъ, на прошлой недѣлѣ пересматривали, — отвѣчалъ адъютантъ.

— Самъ-то самъ. А измѣненія внесли?

— Да и перемѣнъ никакихъ не было. Никто не умеръ, не заболѣлъ. Отпуски запрещены.

— Такъ что... если? Вы мнѣ ручаетесь?

— Ручаюсь, господинъ полковникъ. Да, право ничего не будетъ.

— Ахъ... Ну, да что объ этомъ говорить! А какъ сегодня, Семенъ Ивановичъ, второй дивизіонъ атаковалъ! Ей Богу, жутко было смотрѣть! Буря! Съ этакими молодцами на войну одно удовольствіе... Покажемъ венгерцамъ силу казачью.

Карповъ всталъ.

Что же, господа. Это и всѣ бумаги? Лазареву выговоръ въ приказѣ. Вотъ, отдайте сегодня же. Значитъ, можно и обѣдать.

— И то третій часъ, господинъ полковникъ, — сказалъ адъютантъ.

— Проголодались, поди. Третій часъ, а мы съ шести на ногахъ. Такъ, господа, если ничего не будетъ, вечеромъ можемъ пошабашить. Четвергъ сегодня. Льготный день. Пойдемъ на музыку.

Карповъ съ Коршуновымъ и адъютантомъ вышли на улицу и пошли по домамъ. Коршуновъ свернулъ въ первый же переулокъ, — онъ снималъ квартиру у поляка по сосѣдству съ канцеляріей. Карповъ съ адъютантомъ жили въ казенномъ домѣ на городской площади, противъ сада.

Въ эти послѣполуденные часы мѣстечко какъ бы вымерло. Каштаны неподвижно свѣсили широкіе лапчатые листья, ни одного дуновенія не было въ воздухѣ. Старый костелъ, окруженный липами и дубами, четко рисовался

тонкими шпилями башенъ на голубомъ сверкающемъ небѣ и казался декораціей изъ оперы. Миръ и тишина были кругомъ. Гдѣ-то, за два квартала, играли гаммы на фортепьяно и эти звуки, доносясь въ тихую улицу, усиливали мирное настроеніе.

«Неужели война?» — подумалъ Карповъ, поднимаясь къ себѣ на квартиру.

Прелестный бѣлый шпицъ, собака жены, бросился къ нему навстрѣчу. Денщикъ принялъ отъ Карпова фуражку и бережно положилъ ее на столикъ въ прихожей. Въ гостиной ярко блестѣлъ хорошо натертый паркетный полъ, висѣли въ рамахъ олеографіи, преміи «Нивы» — «Свадебный боярскій пиръ», «Русалки» Маковскаго и «Цѣловальный обрядъ» изъ «князя Серебрянаго». Все было просто, почти убого, но уютно и мило. Анна Владиміровна поднялась ему навстрѣчу. Худая, высокая, смуглая, она выглядѣла моложе своихъ сорока трехъ лѣтъ. Ни одного сѣдого волоса не было въ ея густыхъ, гладко причесанныхъ черныхъ волосахъ. Каріе глаза смотрѣли ласково.

— Усталъ, проголодался? — мягкимъ груднымъ голосомъ спросила она.

— Немного. Обѣдъ готовъ?

— Да. Идемъ. Какъ я любовалась твоимъ полкомъ.

— Смотрѣла? А, правда, хорошъ? Вотъ что, Анюта. Тамъ, можетъ быть, это и вздоръ болтаютъ, а все таки готовымъ надо быть ко всему. Такъ, послѣ обѣда, пересмотри-ка, мать, вьюки, да тамъ по списочку переберн, съ Николаемъ, что уложить и куда. Потому, сама знаешь, если мобилизація, мнѣ и дыхнуть некогда будетъ, уйду въ канцелярію и ужъ о себѣ думать не придется.

— А что? — спросила Анна Владиміровна, — есть что новое?

— Новаго то ничего... Ну да вѣдь, и то, мобилизація не война. Въ 1911 году мобилизовались, да такъ ничего и не вышло... Ну а все таки, если будетъ — поѣзжай, Анюта, въ Новочеркасскъ.

Она молчала. Всю жизнь они были вмѣстѣ, не разставались. Но она понимала, что война не женское дѣло и ей тамъ мѣста при мужѣ не было. Это была служба, а служба была все.

Съ глубокою тоскою посмотрѣла она на мужа, тихо вздохнула и сказала:

— Хорошо. Въ Новочеркасскъ, такъ въ Новочеркасскъ, мнѣ все равно. Вьюки я пересмотрю и все соберу. Идемъ обѣдать.

XI

Карповъ послѣ маневра чувствовалъ себя усталымъ и рано легъ спать. Онъ легъ въ кабинетѣ, рядомъ со спальней жены и сейчасъ же заснулъ, но не проспалъ и пяти минутъ, какъ проснулся. Заботная мысль разбудила его.

Никогда онъ не думалъ о войнѣ. Готовился къ ней ежечасно, ежеминутно, все у него въ полку было для войны, а вотъ, какъ она начнется и что тогда будетъ, не думалъ. Была японская война. Онъ былъ посланъ на нее съ пулеметами, но дошелъ только до Харбина, какъ былъ заключенъ миръ и онъ вернулся обратно, не видавъ войны. Теперь представилъ себѣ, что война можетъ быть и, слѣдовательно, и разлука, кто знаетъ, можетъ, навсегда. И такая жгучая, жуткая, безконечная любовь къ женѣ охватила его, что хотѣлось встать, подойти къ ней, стать на колѣни и цѣловать ея руки и глядѣть въ ея лицо, чтобы запомнить его навѣки и унести его съ собою... на войну. Онъ прислушался. Въ комнатѣ жены было тихо. Вѣрно, спала. Устала сегодня, топтавшись цѣлый день по комнатамъ и укладывая бѣлье и все необходимое въ походъ. «Ну, спи, спи», подумалъ онъ, «Богъ дастъ, ничего еще и не будетъ». И онъ лежалъ, не смѣя побезпокоить ее, осыпалъ ее самыми нѣжными именами, передумывалъ и переживалъ всю свою жизнь съ нею. И не находилъ ни одного пятна.

Рядомъ въ комнатѣ, уткнувшись лицомъ въ подушки, лежала Анна Владиміровна. Женскимъ сердцемъ своимъ, чутьемъ смертельно раненой души, она уже знала, что война будетъ и будетъ разлука. Она не плакала — горе было слишкомъ велико, чтобы плакать, она не жаловалась, не упрекала никого, потому что глубоко вѣрила, что это ея крестъ, ея долгъ, что это отъ Бога, а Бога упрекать она не смѣла. И такъ же, какъ и ея мужъ, она переживала всю свою жизнь, и память воскрешала только счастливые моменты и стирала всѣ тяжелыя мелочи жизни, всѣ обиды и огорченія бѣдности. Всѣ двадцать четыре года ихъ совмѣстной жизни казались ей сплошнымъ, ничѣмъ не смущеннымъ счастьемъ. Тихо поднявшись съ постели, она встала на колѣни передъ большимъ образомъ Донской Богоматери и начала беззвучно молиться. Изъ золотого фона кротко смотрѣло смуглое лицо съ широко раскрытыми, устремленными на нее печальными глазами.

«Да будетъ воля Твоя!» повторяла она и знала, что, если будетъ на то воля Господа силъ, безъ стона, безъ ропота, она отдастъ его войнѣ, и останется одна, съ своими тяжелыми думами, исполнитъ тихо и кротко свой долгъ жены офицера!..

На кухнѣ раздался звонокъ. Въ тихой квартирѣ былъ слышенъ тревожный голосъ. Денщикъ, ступая босыми ногами, пошелъ къ кабинету Карпова...

— Ваше высокоблагородіе, — раздался его шопотъ. — Телеграмма штаба дивизіи.

Чиркнула спичка.

— Давай ее сюда.

На оффиціальномъ бланкѣ торопливою рукою начальника штаба было набросано: — «Первымъ часомъ мобилизаціи считать 23 часа 59 минутъ 17-го іюля 1914 года. Начальникъ дивизіи Генералъ-Лейтенантъ», — слѣдовала знакомая подпись барона Лорберга.

Жена уже стояла въ дверяхъ спальни. Она была одѣта въ темный капотъ. Большіе глаза смотрѣли на Карпова съ неземною великою любовью и тоскою.

— Объявлена? — сказала она.

— Да, — глухо отвѣчалъ Карповъ.

— Идешь сейчасъ?

— Да. Николай, — бѣги къ адъютанту, скажи, чтобы всѣ командиры сотенъ, войсковой старшина Коршуновъ и чины штаба сейчасъ шли въ канцелярію, — сказалъ Карповъ денщику.

Денщикъ вышелъ. Анна Владиміровна бросилась къ мужу. Нѣсколько секундъ они застыли въ безмолвномъ объятіи. Когда она оторвалась отъ мужа, она была спокойна.

— Когда выступаете?

— Въ шесть утра.

— Подъ вьюкъ Шалуна?

— Да. А въ двуколку Шарика.

— Хорошо. Я все теплое уложу въ двуколку.

— Алешѣ напиши, чтобы ко мнѣ въ полкъ не выходилъ. Не хочу.

— Понимаю. Значитъ въ гвардію?

— Да, уже если въ разлукѣ, пусть въ гвардію.

Онъ поспѣшно одѣлся. Она помогла ему, подала китель и фуражку, со свѣчею провожала на лѣстницу и съ тоскою смотрѣла, какъ онъ спускался внизъ.

— Новые сапоги съ раструбами положи во вьюкъ по ту сторону овсяныхъ кармановъ, — сказалъ онъ снизу.

— Овесь сыпать въ передніе карманы, или въ задніе?

— Какіе больше, — сказалъ онъ.

Дверь хлопнула на скрипучемъ блокѣ и его шаги затихли въ пустынной улицѣ.

Анна Владиміровна бросилась къ образу и застыла въ горячей молитвѣ.

Черезъ полчаса она зажгла всѣ лампы въ комнатахъ, разложила вьюки и вмѣстѣ съ вернувшимся денщикомъ укладывала вещи мужа на войну, свои въ Новочеркасскъ, — то, что оставалось, надо было бросить, оставить на чужихъ людей.

XII

Телеграмма была секретная и содержанія ея никто не могъ знать, но Заболотье жило тревожною, безпокойною ночною жизнью. Почти во всѣхъ домахъ, изъ-за спущенныхъ занавѣсей и задернутыхъ портьеръ, въ щели ставень былъ виденъ свѣтъ, слышался таинственный шорохъ и сдержанный разговоръ. Заболотье шевелилось, и въ немъ каждый житель зналъ, что Россія объявила мобилизацію арміи: война съ Германіей и Австріей неизбѣжна. И прежде чѣмъ сотенные командиры успѣли собраться въ канцелярію полка, «пантофельная», быстрая, невидимая почта понесла извѣстіе о мобилизаціи и войнѣ по городамъ и селамъ губерніи, на границу и заграницу.

Мобилизація въ полку была шестичасовая. Это значило, что полкъ ровно черезъ шесть часовъ выступалъ на границу, въ походъ. Она была за много лѣтъ продумана и написана. Каждому было указано, что и какъ онъ долженъ былъ сдѣлать и въ какой часъ. Всѣ расчеты, всѣ требованія были загодя написаны, теперь оставалось только провѣрить ихъ и подписать.

Въ полковой канцеляріи ярко горѣли большія висячія лампы подъ плоскими желѣзными абажурами и отъ нихъ было чадно и душно. Окна были настежь раскрыты и темная ночь глядѣла въ нихъ. Карповъ засталъ всѣхъ писарей на мѣстахъ. Адъютантъ, войсковой старшина Коршуновъ и большинство командировъ сотенъ были въ большей комнатѣ, гдѣ занимался командиръ. Всѣ догадывались о причинѣ вызова, но никто не говорилъ объ этомъ.

— Ты спалъ? — спрашивалъ командиръ 1-й сотни Хоперсковъ у маленькаго, толстаго Ильина, начальника пулеметной команды.

— Нѣтъ. Мы у Захарова въ картишки заигрались. Засидѣлись мало-мало. А ты?

— Я съ девяти завалился. Такъ заснулъ, долго понять не могъ, чего это денщикъ будитъ, неужели уже утро. Анъ вонъ оно що?

Худощавый Агафошкинъ, командиръ 2-й сотни, отецъ семерыхъ дѣтей, жившій почти что въ нищетѣ, тревожно совался своимъ блѣднымъ лицомъ, обросшимъ жидкой бородкой и спрашивалъ: — ну что? ну что? такъ въ чемъ же, господа, дѣло то? А?

Ему никто не отвѣчалъ. Считали неприличнымъ говорить объ этомъ, пока не скажетъ командиръ. Адъютантъ, успѣвшій заснуть и не прогнавшій сна со своего полнаго лица, узкими сонными глазами оглядывалъ толпившихся офицеровъ и считалъ, всѣ ли пришли. Всѣ были въ кителяхъ съ серебряными погонами, съ золотымъ номеромъ полка, при шашкахъ. Одновременно вошли запыхавшіеся, разгоряченные скорою ходьбою Захаровъ, Траилинъ и маленькій сѣдой, лысый и беззубый пятидесятилѣтній Тараринъ, командиръ 5-й сотни — суета и лотоха, но честнѣйшій человѣкъ и рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Господинъ полковникъ, — сказалъ во вдругъ наступившей тишинѣ адъютантъ, — всѣ собрались.

Слышно было, какъ затихли въ сосѣдней комнатѣ писаря и стали наноскахъ подкрадываться къ двери, чтобы услышать, что будетъ говорить командиръ полка.

Офицеры стали въ порядкѣ номеровъ сотенъ, какъ они становились всегда, когда ихъ вызывалъ по службѣ командиръ полка и Карповъ любовно оглянулъ своихъ сотрудниковъ.

— Господа! — сказалъ онъ спокойнымъ, ровнымъ баритономъ хорошо изученнаго имъ въ командахъ и приказаніяхъ голоса. — Объявлена мобилизація. Первымъ часомъ 23 часа 59 минутъ. Теперь уже шесть минутъ перваго. Всѣ на работу. Мобилизаціонные пакеты у всѣхъ въ порядкѣ?

— Въ порядкѣ — за всѣхъ отвѣтилъ Тараринъ. На лицѣ его, вдругъ поблѣднѣвшемъ, разлилось сильное волненіе.

— Господа, мобилизація, еще не война. Объясните это казакамъ. Въ шесть часовъ утра полкъ долженъ

быть на гарнизонномъ плацу. Я надѣюсь, господа, что все будетъ, какъ всегда, въ нашемъ полку?

Офицеры молча поклонились.

— Знамя, — спросилъ адъютантъ, — прикажете имѣть безъ чехла?

Командиръ отвѣтилъ не сразу.

— Да, — сказалъ онъ.— Безъ чехла.

И почему то, въ этомъ случайно отданномъ приказаніи, всѣ увидали, что война будетъ.

— Можно идти? — опять за всѣхъ спросилъ Таринъ.

— Да, идите, господа. Я надѣюсь, все пройдетъ у насъ тихо и гладко.

— Постараемся.

Канцелярія опустѣла. Писаря кинулись по своимъ столамъ. Адъютантъ поднесъ командиру полка бумаги, запечатанныя въ красные конверты, на которыхъ крупными буквами было написано: «вскрыть по объявленіи мобилизаціи».

Карповъ усѣлся за столъ и сталъ просматривать и подписывать подаваемыя ему бумаги. Ихъ выросла передъ нимъ на столѣ цѣлая стопа. Тутъ были требованія, списки, донесенія, инструкціи, приказы, отчеты, послужные списки.

Кругомъ глухо, какъ большая фабрика, шумѣло мѣстечко, переполненное казаками, гусарами и солдатами пѣхотнаго полка. Всѣ окна казармъ, до этой минуты темныя и слѣпыя, съ тускло мигавшими ночными лампами и образными лампадками, ярко освѣтились сверху до низу. На дворахъ и на улицахъ стали появляться озабоченные люди. Открылись настежь широкія ворота обозныхъ сараевъ и неприкосновенныхъ запасовъ. Люди вывозили оттуда на себѣ новыя повозки, грузили ихъ вещами и везли на себѣ по дворамъ казармъ. Изъ казармъ несли узлы, сундуки и ящики съ собственными вещами и парадныхъ обмундированіемъ, остававшимися въ Заболотьи. Никому въ голову не приходило, что За-

болѣтье когда-нибудь можетъ быть оставлено нашими войсками.

Въ сотняхъ копошились и гомонили люди. Всѣ офицеры были при своихъ взводахъ, сотенные командиры съ вахмистрами и каптенармусами считали, записывали, выдавали и отмѣчали вещи. Полковая машина работала стройно, серьезно и безотказно. Карповъ улучилъ минуту между потокомъ бумагъ и прошелъ въ ближайшую сотню. Она кишѣла людьми, какъ муравейникъ. Койки уже были убраны и одѣяла и матрацы сложены. Раздалась команда «смирно» и всѣ люди замерли въ неподвижныхъ позахъ. Бравый дежурный лихо отрапортовалъ.

— Ваше высокоблагородіе, во второй сотнѣ N—ского Донского полка происшествій не случилось. Сотня занята мо-би... ли-би... заціей,—съ трудомъ выговорилъ мудреное слово молодой казакъ.

Карповъ поздоровался съ людьми, приказалъ продолжать работу и пошелъ по сотнѣ.

Не было говорено никакихъ громкихъ и шумныхъ рѣчей, никто не объяснялъ значенія и цѣли мобилизаціи, возможности войны, но всѣ отлично понимали, что творится, что то важное, къ чему готовились и для чего учились.

— Ну что же, — спросилъ Карповъ, останавливаясь подлѣ молодого, румянаго, безъ усовъ и бороды казака, носившаго страшную фамилію Лиховидова, но имѣвшаго самый безобидный видъ, — боишься, если война будетъ?

Казакъ краснѣлъ и мялся. Его товарищи прекратили работу — они насыпали въ это время сахаръ и чай въ маленькіе мѣшочки и смотрѣли на Лиховидова, улыбаясь. Вниманіе товарищей смущало Лиховидова еще болѣе и онъ молчалъ.

— Ты понимаешь, что, можетъ, и война будетъ?

— Такъ точно, — наконецъ, проговорилъ Лиховидовъ. — А только чего бояться то? Все одно — присяга. А помирать, кому какъ указано, такъ и будетъ.

— Ну а рубить то не забылъ, какъ?

— Да, извѣстно какъ учили. По головѣ лучше всего, безъ промашки и перерубить ее лёгко.

— Молодецъ! — сказалъ Карповъ и пошелъ дальше. «Да,» думалъ онъ, «съ этими людьми и на войну не страшно.» Подумалъ о себѣ — боится ли онъ? И о себѣ сказалъ, «нѣтъ, не боюсь, ибо вѣрую.»

XIII

Короткая лѣтняя ночь убывала, а Карповъ все сидѣлъ въ канцеляріи, писалъ, подписывалъ и отвѣчалъ на короткіе вопросы, съ которыми приходили къ нему то посланные изъ сотенъ казаки, то офицеры, и вопросы всѣ были будничные, простые, не вызывавшіе сомнѣній.

— Ваше высокоблагородіе, старшій врачъ спрашиваютъ — когда индивидуальные пакеты раздавать, сейчасъ, какъ написано въ планѣ, или подождать, когда совсѣмъ объявится.

Карповъ видѣлъ, что въ войну все таки не вѣрили. Не могли допустить, что она такъ близка, что эта ночь еще миръ и тишина, а утромъ уже будетъ война, и кровь, и раны, и индивидуальные пакеты могутъ понадобиться.

— Раздайте сейчасъ, какъ по плану указано.

— Господинъ полковникъ, — говорилъ хорунжій, подходя къ столу — Брайтманъ за автобусъ для семействъ офицеровъ до станціи проситъ пятьдесятъ рублей, деньги впередъ, давать или нѣтъ?

— Давайте.

— Семьи отправлять?

— Да, завтра въ шесть часовъ вечера.

— Слушаюсь.

Въ три часа ночи, отчетливо ступая по полу, твердымъ ровнымъ шагомъ, подошелъ къ столу хорунжій Протопоповъ, румяный, могучаго сложенія юноша, звякнулъ шпорами и доложилъ:

— Господинъ полковникъ, честь имѣю явиться съ разъѣздомъ особаго назначенія прибылъ.

Адъютантъ передалъ ему пакетъ, гдѣ было написано: — вскрыть въ Звѣржинцѣ.

Звѣржинецъ было ближайшее пограничное мѣстечко.

— Австрійское золото получили? — спросилъ Карповъ.

— 626 коронъ золотомъ и 8000 марокъ бумажными деньгами, — отвѣчалъ хорунжій.

— Подрывной вьюкъ готовъ?

— Такъ точно.

— Гдѣ разъѣздъ?

— Во дворѣ канцеляріи.

— Я сейчасъ выйду, провожу васъ.

Въ мутномъ туманѣ приближающагося разсвѣта, когда ночь еще не уступила утру и звѣзды только что начали гаснуть, на дворѣ канцеляріи, полнымъ людей 2-ой сотни, виднѣлось шестнадцать конныхъ казаковъ, построившихся въ одну шеренгу. Сзади стояли двѣ лошади съ вьюками. Это былъ разъѣздъ особой важности. Онъ долженъ былъ, по объявленіи войны, скрытно перейти границу Австріи, пройти по лѣснымъ дорогамъ далеко вглубь страны и взорвать мосты на шоссе и на желѣзной дорогѣ. Казаки смотрѣли сурово. Они отдавали себѣ отчетъ въ важности и опасности порученія.

— Съ Богомъ, станичники! Будете ожидать приказанія. Помните, что война еще не объявлена. Ведите себя честно и благородно, достойно высокаго званія Донского казака, — сказалъ Карповъ.

— Постараемся, ваше высокоблагородіе, — дружно отвѣтили казаки.

— Хорунжій Протопоповъ, ведите разъѣздъ.

— Справа рядами, шагомъ маршъ, — скомандовалъ Протопоповъ.

Карповъ вышелъ за ворота. Передній дозоръ отошелъ за угломъ и пошелъ крупной рысью по мостовой города. Лѣвая лошадь сорвалась на галопъ и не могла успокоиться, и долго были слышны въ утреннемъ туманѣ ровная четкая рысь правой лошади и неровные скач-

ки лѣвой, пока не заглушилъ ихъ топотъ ногъ идущаго шагомъ разъѣзда.

Раннее утро, чуть поблѣднѣвшее на востокѣ небо, усталость безсонной ночи — придавали особенный, полный тайны видъ этому разъѣзду, медленно удалявшемуся за городъ. Во мглѣ скоро скрылись силуэты всадниковъ, но еще слышенъ былъ стукъ копытъ. Карповъ стоялъ у воротъ, слѣдя за нимъ. Стукъ сразу стихъ. Мостовая кончилась, разъѣздъ вступилъ на пыльную дорогу.

Когда Карповъ вернулся въ канцелярію, на его столѣ лежала большая стопка темныхъ книжекъ — паспортовъ. Онъ взялъ первую, чтобы подписать и задумался. На первомъ листочкѣ съ государственнымъ двуглавымъ орломъ, напечатаннымъ на коричневой сѣткѣ, значилось: Анна Владиміровна Карпова, 43 лѣтъ, православная, жена полковника...

Представилась она въ пустой квартирѣ, глубокою ночью, совсѣмъ одна. И надолго. Можетъ быть, навсегда. Образы прошлаго на мигъ окружили его. Почудилась прохлада громаднаго войскового собора и появилась въ группѣ одинаково одѣтыхъ дѣвушекъ, скромная, темноволосая Аня Добрикова... Пригрезилась тѣнистая аллея Александровскаго сада, съ медвянымъ сладкимъ запахомъ бѣлой акаціи, длинными гроздьями свѣшивающейся изъ-за перистыхъ нѣжныхъ листьевъ, темное небо съ луною, застывшей надъ сверкающимъ займищемъ разливнагося Дона и тихій покорный отвѣтъ на его страстную рѣчь: — «гдѣ ты Кай, тамъ и я Кая»...

Теперь онъ ей подписываетъ отдѣльный паспортъ. Теперь, когда сурова подкрадывается старость и болѣе, чѣмъ когда-нибудь они нужны другъ - другу.

Усиліемъ воли Карповъ прогналъ мысли и быстро подписалъ свою фамилію на паспортѣ жены.

Писарь гасилъ лампы. Блѣдный утренній свѣтъ вмѣстѣ съ легкой прохладой входилъ въ растворенныя окна. Наступалъ день — день похода, можетъ быть, — войны.

XIV

Въ 6 часовъ утра, 18-го іюля 1914 года, на гарнизонномъ, такъ называемомъ Бородинскомъ плацу, выстраивалась 2-ая бригада N—ской кавалерійской дивизіи.

Карповъ въ это время возвращался въ свою квартиру. Въ столовой, по мирному, кипѣлъ, пуская къ потолку густые пары, громадный фамильный, красной мѣди самоваръ. Въ желѣзномъ лоткѣ лежали булки. Было приготовлено масло и сливки. Анна Владиміровна въ лучшемъ своемъ платьѣ ожидала мужа. Она была спокойна, и только покраснѣвшія вѣки и глубокая синева подъ глазами говорили о томъ, что за эту ночь пережито было много горя. Нѣсколько серебряныхъ волосъ пробились сквозь черноту ея кось, уложенныхъ на головѣ. Чай пили торопливо. Говорить, — такъ надо было передать другъ-другу такую массу нѣжныхъ словъ, глубокихъ ощущеній драмы, совершающейся въ душѣ у каждаго, весь ужасъ тоски разлуки, а это говорить было слишкомъ больно и долго, и потому говорили о пустякахъ.

— Ты на Сарданапалѣ поѣдешь? — спросила Анна Владиміровна.

— Да, на немъ. А Бомбардосъ въ заводу.

— Сарданапалъ покойнѣе. Я запасныя стремена положила въ сундучекъ. Николай знаетъ.

— Ну... Прощай, дорогая. Пиши...

— Куда писать то?

— Въ дѣйствующую армію.

— Ахъ да...

Она обняла его и стала крестить мелкимъ частымъ крестомъ. Губы ея вдругъ опухли и изъ глазъ часто, часто побѣжали слезы. Еще мгновеніе и она не выдержала бы — свалилась бы въ сбморокъ. Но онъ оторвался отъ нея и пошелъ внизъ во дворъ, гдѣ его ожидала лошадь. Когда онъ садился, она догнала его. Глаза у нея были красные, сухіе, губы еще дрожали. Она дала кусокъ сахара узнавшему ее и потянувшемуся къ ней губами Сарданапалу, перекрестила и его. Потомъ она

быстро прижалась лицомъ къ колѣну мужа и, когда оторвалась, двѣ слезы остались на аломъ лампасѣ.

Карповъ выѣхалъ за ворота.

На плацу за городомъ выравнивался его полкъ. Пятая, запоздавшая сотня рысью входила сзади и видно было взволнованное злое лицо Тарарина, трясшагося на большой, не по его росту, сѣрой лошади. На углу стоялъ взводъ со знаменемъ, ожидая, когда полкъ будетъ готовъ. Правѣе выстраивались гусары. Ихъ командиръ, солидный нѣмецъ фонъ Веберъ, еще не пріѣхалъ къ полку.

Карповъ влюбленными глазами смотрѣлъ на казаковъ. Полкъ былъ въ полномъ порядкѣ, хоть сейчасъ на смотръ. Обозъ — оглобля въ оглоблю, дышло въ дышло, весь заново покрашенный, стоялъ за пулеметной командой. Равненіе, «затылки» были идеальны. Пики были такъ выравнены, что сбоку была видна только одна пика. Моложавыя, загорѣлыя лица казаковъ были чисто вымыты и волосы причесаны. Ихъ успѣли накормить завтракомъ и напоить чаемъ, и никто бы не сказалъ, что всю ночь они провели въ спѣшной, лихорадочной работѣ. Въ сторонѣ собирались жители города. Отдѣльною группой стояли полковыя гусарскія и казачьи дамы и тамъ были пятна яркихъ зонтиковъ, освѣщенныхъ косыми лучами поднявшагося надъ городомъ солнца. Противъ фронта былъ поставленъ зеленый съ золотомъ аналой и высокій худой священникъ гусарскаго полка, въ лиловой рясѣ и скуфейкѣ, раскладывалъ книги. Подъ рѣзкіе звуки трубъ армейскаго похода привезли штандартъ и знамя.

Начальникъ дивизіи, старый генералъ Лорбергъ, пріѣхалъ вмѣстѣ съ бригаднымъ командиромъ и начальникомъ штаба. Онъ объѣхалъ полки, здороваясь съ людьми и хмуро покашливая. Онъ былъ взволнованъ. Надо было что-нибудь сказать людямъ, а что сказать—онъ не зналъ — война еще не была объявлена и онъ далеко не былъ увѣренъ, что она будетъ объявлена. Онъ ничего не сказалъ, но еще болѣе нахмурившись и надувъ свои короткіе, какъ иглы, сѣдые усы, торчавшіе надъ губою, галопомъ отъѣхалъ на середину фронта почти къ самому

аналою и хрипльмъ голосомъ закричалъ:

— Бригада, шашки въ ножны, пики по плечу, слушай!

Когда повторенная командирами полковъ, эскадроновъ и сотенъ команда была исполнена, онъ снова скомандовалъ:

— Трубачи на молитву!..

Медленно, подъ звуки пѣвучаго сигнала, полковые адъютанты вынесли къ аналою штандартъ и знамя. Пѣвчіе выходили изъ рядовъ гусаръ и казаковъ и, поддерживая за спиною винтовки, бѣжали къ аналою. Священникъ облачился въ ярко-зеленую шитую золотомъ ризу и взявъ крестъ, вышелъ впередъ.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, — началъ онъ не сильнымъ голосомъ. — Воины благочестивые! Насталъ часъ великой и трудной работы, когда вы должны будете передъ лицомъ Всевышняго дать отчетъ, истинно ли вы христолюбивое воинство, готовое душу свою отдать за вѣру, Царя и отечество.

Набѣгавшій вѣтеръ рвалъ его слова и относилъ въ сторону. Сзади, по шоссе, тарахтѣли и звенѣли кухни гусарскаго полка, чей то песъ, котораго денщикъ велъ на веревкѣ за подводой, рвался и визжалъ.

Священникъ кончилъ и пѣвчіе запѣли: «Царю небесный»...

Слишкомъ обыденными казались слова молебна для того, что совершалось. И опять переставали вѣрить, что война будетъ. Дамы стояли сзади принаряженныя, красивыя и некрасивыя, богатыя и бѣдныя. Съ ними были дѣти. Онѣ то знали, что война будетъ, потому что иначе имъ не пришлось бы бросать свои жилища и искать пристанища по всей Россіи, по чужимъ людямъ. Война еще не началась, но ея разореніе, ея ужасъ уже коснулся ихъ, и первыми были разорены и выброшены на улицу офицерскія семьи пограничныхъ полковъ. Послѣ молебна, когда убрали аналой, начальникъ дивизіи, потрясая шашкой надъ головою, сказалъ нѣсколько словъ, казавшихся ему сильными и важными:

— Смотрите, молодцы! Обывателя не грабь и не обижай, помни, война еще не объявлена. Ну, а объявятъ войну — такъ всѣ ум-р-р-р-емъ за вѣру, Царя и отечество! Поняли, ребята... А?.. Руби, коли, какъ учили. Сумѣй доказать свою силу, оправдать себя передъ Царемъ — батюшкой!

— Поста-р-раемся, ваше превосходительство, — дружно грянули люди, стоявшихъ ближе къ нему эскадроновъ и сотенъ.

— Такъ съ Богомъ, господа. Казаки въ авангардъ!

Карповъ подалъ команды, и первая сотня рысью стала выдвигаться въ головной отрядъ и отъ нея наметомъ поскакали дозоры впередъ, вправо и влѣво. Отъ второй сотни пошла цѣпочка связи и скоро все шоссе до самаго лѣса покрылось парными всадниками на равныхъ промежуткахъ. Карповъ нарочно не отпускалъ по мѣстамъ трубачей и когда полкъ тронулся, трубачи грянули полковой маршъ.

Такъ просто, скромно, буднично и обыденно пошли на войну передовые полки Русской арміи.

Анна Владиміровна сухими глазами смотрѣла на удаляющійся полкъ. Замерли звуки полкового оркестра и, сверкая трубами, разъѣхались по сотнямъ трубачи, выше и гуще стала подниматься пыль, заслоняя всадниковъ, и только острія пикъ горѣли надъ колонной. Сѣрая змѣя гусарской колонны стала заслонять ихъ, затрещали повозки обозовъ, задымили походныя кухни съ огнями углей въ поддувалахъ, проскакалъ запоздавшій казакъ, и стало пусто и сѣро на затоптанномъ пыльномъ плацу. Толпа любопытныхъ стала расходиться. Заболотье горѣло въ утреннихъ лучахъ жаркаго іюльскаго солнца.

— Ну эти то больше никогда не вернутся! — сказалъ кто-то, обгоняя Анну Владиміровну.

Она пошатнулась и чуть было не упала. Жена есаула Траилина поддержала ее. Нѣсколько минутъ она шла, спотыкаясь и ничего не видя. Въ ушахъ еще слышались обрывки бравурнаго марша, а въ головѣ неотступно стоя-

ла тяжелая мысль о томъ, что все кончено. Кончено ихъ бѣдное — мѣщанское счастье. Кругомъ шли такія же печальныя, спотыкающіяся женщины, иныя плакали. Молодая, всего шесть мѣсяцевъ тому назадъ обвѣнчанная и уже беременная жена сотника Исаева рыдала навзрыдъ, и ее вели, успокаивая, двѣ посторонніе женщины польки.

Полки уходили къ границѣ.

XVI

Восьмой день полкъ Карпова стоялъ въ 12-ти верстахъ отъ границы въ маленькой польской деревушкѣ Бархачевѣ, среди густыхъ и зеленыхъ дубовыхъ Лабунскихъ лѣсовъ. Черезъ деревню, весело журча по камнямъ, протекала неширокая рѣчка. Подлѣ рѣчки стояла покинутая учителемъ и дѣтьми сельская школа и въ ней въ классной комнатѣ, между сдвинутыхъ къ стѣнамъ ученическихъ партъ, помѣщался штабъ Донского полка.

По стѣнамъ висѣли хромолитографированныя таблицы: — жизнь пчелы, народы всего міра, сельско-хозяйственныя орудія, сѣверное сіяніе, большая карта Европы, изображенія земныхъ полушарій, карты Африки, Америки и Австраліи и надъ учительскимъ мѣстомъ въ рамкахъ два большихъ, отпечатанныхъ въ краскахъ портрета Государя и Государыни.

Карпова по утрамъ не бывало дома. Полкъ выставилъ сторожевое охраненіе и Карповъ объѣзжалъ заставы и посты. Въ школѣ, неудобно подогнувъ ноги за маленькими дѣтскими партами, сидѣли дѣлопроизводитель, полковникъ Коршуновъ и писаря, и считали и писали, заготовляя полевыя отчетныя книжки для сотенныхъ командировъ. И на войнѣ каждая казенная копѣйка была на счету.

Было раннее утро 26-го іюля. Наканунѣ узнали, что Германія, а вслѣдъ за тѣмъ и Австрія, объявили войну Россіи, разъѣздамъ было приказано выдвинуться за гра-

ницу и «войти въ соприкосновеніе съ противникомъ». Такъ значилось въ приказѣ, стереотипною, со школьной скамьи заученною фразою, но никто еще не уяснялъ себѣ, что это значитъ.

Погода стояла жаркая, небо млѣло въ солнечныхъ лучахъ, румяныя зори смѣнялись тихими лунными ночами. Несказанно красивыми казались тогда густые лѣса.

Въ это утро на дворѣ школы, еще не просохшемъ отъ ночной росы, подлѣ денежнаго ящика, стоявшаго у сарая, заросшаго репейникомъ, толпился народъ. Полковой писарь, Карданильсковъ, маленькій приземистый казакъ, уже пожилой, десятый годъ бывшій на сверхсрочной службѣ, лысый и важный, правая рука адъютанта, стоялъ впереди всѣхъ, заложивъ руки въ карманы. Онъ только что умылся, и его лицо было красно и лоснилось отъ холодной ключевой воды. Штабъ-трубачъ Лукьяновъ, стройный черноусый красавецъ, въ рубахѣ, при револьверѣ съ алымъ шнуромъ и съ серебряной сигналкой за плечами на пестромъ шнурѣ съ кистями, совсѣмъ готовый, чтобы ѣхать съ командиромъ полка, его помощникъ Пастуховъ, командирскіе ординарцы Мироновъ, Дьяковъ, Медвѣдевъ, Апостоловъ, Лихачевъ и Безмолитвенновъ, писаря, денщики, обозные казаки и кашевары обступили только что пріѣхавшихъ съ донесеніемъ маленькаго бѣлобрысаго казака Лиховидова и большого плотнаго, обросшаго черною бородою старообрядца Архипова. Они привели съ собою двухъ небольшихъ караковыхъ нарядныхъ лошадей въ не-нашемъ уборѣ. Къ сѣдламъ были привязаны ружья, сабли съ желтыми плетеными темляками и темно-синія куртки на густомъ бѣломъ бараньемъ мѣху, красныя шапки-кепи и мундиры, расшитые желтыми шнурами. Одна изъ шапокъ была перерублена и въ мѣстахъ разрѣза темнѣла запекшаяся кровь. На бѣломъ бараньемъ мѣху были алыя, еще не успѣвшія потемнѣть пятна. Лица привезшихъ были сѣры и утомлены безсонною ночью, но возбуждены и полны воодушевленія.

Это были первые боевые трофеи полка.

Мироновъ задумчиво гладилъ рукою по бѣлому мѣху австрійскаго ментика и говорилъ:

— Тю!.. Густая какая шерсть! Ес, глянь, и не перерубишь...

— Дяржися! — дѣловито, сознавая себя героемъ дня, сказалъ Лиховидовъ, — мы такъ одного-то зачали рубить, какъ по пустому мѣсту. Не врѣжешь! Шашка отдаетъ.

— Ты, гля, перерубишь! — снисходительно оглядывая маленькую тощую фигуру Лиховидова, сказалъ Кардаильсковъ. — Куда тебѣ! И шашку въ рукѣ не удержишь.

— А вы, Лиховидовъ, хотя одного взяли? — спросилъ его же сотни урядникъ, ординарецъ Апостоловъ.

— Дыкъ какъ же! — гордо воскликнулъ Лиховидовъ, — я стрѣлилъ одного. Такъ съ коня и загремѣлъ. Въ разъ упалъ. Голова прострѣлёная оказалась.

— А это кто по головѣ рубилъ такъ важно? — спросилъ Мироновъ, бросая мѣхъ и разглядывая разрубленное австрійское шако.

— Это? Это самъ Максимъ Максимычъ, хорунжій. Они и привезть наказывали командиру. Скажи, молъ, что я, хорунжій Протопоповъ, убилъ.

— Постойте, ребятежъ, — сказалъ Лукьяновъ, — что зря ребятъ разспрашиваете, пусть толкомъ разсказываютъ, какъ дѣло было.

— Много ихъ было? — спросилъ Мироновъ.

— Говорю, 24 человѣка. 14 положили на мѣстѣ, а 10 утекли.

— А нашихъ?

— Двѣнадцать, офицеръ, значитъ, тринадцатый.

— И четырнадцать положили? — съ сомнѣніемъ въ голосѣ сказалъ Кардаильсковъ.

— Вѣрно... положили, — подтвердилъ басомъ, молчавшій до сихъ поръ Архиповъ.

— А лошадей двѣ привели. Идѣ-жъ остальныя? — спросилъ Мироновъ.

— Убѣгли. Дыкъ развѣ поймаешь? Онѣ гладкія, а

наши приморенныя, всю ночь болтались по лѣсу. Одну хорунжій себѣ взялъ.

— Ну, разсказывай толкомъ, какъ было? — сказалъ Лукьяновъ.

— Да что! Да вотъ какъ. Значитъ, вышли мы въ разъѣздъ вчора, еще въ 6 часовъ утра. Какъ приказъ о войнѣ получили. Ну, переѣхали, значитъ, границу. Максимъ Максимычъ разъѣздъ остановилъ, приказалъ столбъ пограничный снять: теперь, говоритъ, граница земли нашей лежитъ на арчакѣ нашего сѣдла, гдѣ мы, тамъ и граница.

— Правильно сказано, — сказалъ Кардаильсковъ.

— Дальше-то что? — сказалъ Лукьяновъ.

— Дальше?... Идемъ... Чудно такъ, прямо полями. Поля топчемъ. Картофь попался, по картофлю прошли, такъ и шелеститъ. Значитъ, война: — топтать можно. Непріятельское. До самаго Бѣлжеца мало не дошли, повернули, пошли вдоль границы. Въ лѣсу остановились, передохнули, по концергу съѣли. Жителей нигдѣ никого, и спросить некого. Даже не то, что человѣка, — собаки, кошки нигдѣ нѣту. Пусто. Ночь шли лѣсомъ.

— Жутко? — спросилъ Кардаильсковъ.

— Ничего, — со вздохомъ сказалъ Лихсвидовъ.

— Не перебивайте его, ребята, — сказалъ Лукьяновъ.

— Свѣтать стало. Только дозоръ намъ съ опушки лѣса рукой машетъ, да такъ показываетъ, чтобы мы потихоньку шли, не шумѣли. Подходимъ... Вотъ такъ, значитъ, объ эту опушку мы идемъ безъ дороги, а о ту опушку угломъ, значитъ, по дорогѣ, о н и идутъ. Дозоры его прошли. Насъ не примѣтили. Впереди офицеръ, серебро сверкаетъ, синяя шубка за спиной виситъ. Мѣхъ ладный такой, сзади они, по четыре въ рядъ. 24 мы насчитали, шесть шереножъ, сзади никого не видали. Солнце всходить уже стало. Сабли на солнцѣ сверкаютъ, брунжатъ. Лошади фыркаютъ, видать, недавно изъ дома вышли, сытыя, неприморенныя. Идутъ рысцой. Ну, урядникъ Быкадоровъ и говоритъ его благородію: — Ваше

благородіе, вдаримъ ихъ, покель они насъ не примѣтили...» — Максимъ Максимычъ головой кивнулъ. Знакъ дѣластъ: — шашки чтобы вынуть. Повалили мы пики. Урядникъ Быкадоровъ мою пику взялъ... Ай-да... Погнали! Зашумѣли — ура! Они вразъ стали. Офицеръ ихній крикнуть, что хотѣлъ, или что, раскрылъ сазаній ротъ, Быкадоровъ ему пикой подъ самое горло... Запрокинулся... А красивый, братцы, офицеръ-то... Серебромъ зашитый. Австріецъ заразъ наутекъ... Мы опять погнали. И чудно, таки, братцы. Его лошади сытыя, а мы настигаемъ. Антоновъ скобленулъ одного... Тотъ только защиту дѣластъ... Не рубятъ. Антоновъ еще — по шубѣ. Зашумѣлъ кто-то: «руби по головѣ!...» Глянь, Максимъ Максимовичъ своего рыжаго выпустили въ догонъ пошелъ за австрійцемъ... Хватилъ по затылку... Мозги брызнули. Упалъ. Я свово не могу догнать — вотъ онъ, а уходитъ. Винтовку снялъ. Приложился... Крою... Завоевалъ! Падастъ... Ноги въ стремѣ. Конь волокётъ... Сталъ... Я коня схватилъ — вотъ онъ! Мой конь... Оглядѣлся... Наши пріотстали... Его останные на наше вышли — припустили... Порожніе кони впереди скачутъ — домъ почуяли... Она хоть и животная, лошадь, а съ понятіемъ, къ намъ не идстъ. Трехъ поймали. Максимъ Максимычъ себѣ одну завоевалъ. Славная кобылица. Ростомъ повыше этихъ. Вотъ оно и все дѣло.

— А наши пострадали?

— Ничего. Агафошкину на щекѣ кожу стесало. А то — безъ урона.

— Хорошія лошади, — дѣловито сказалъ Мироновъ и погладилъ по крупу сытую австрійскую лошадь.

— Лиховидовъ! — крикнулъ съ крыльца школы адъютантъ, — командиръ зоветъ.

Маленькій Лиховидовъ пріосанился, снялъ съ сѣдла перерубленное шако, окровавленный ментикъ, винтовку и саблю, и важно пошелъ въ школу.

Толпа стала расходиться. У всѣхъ было повышенное праздничное настроеніе. Война началась и такъ

удачно. Трофеи, побѣда, отсутствіе своихъ убитыхъ и раненыхъ радовали и были хорошей примѣтой.

— Да, — говорилъ Кардаильсковъ Лукьянову, — а жидокъ, выходитъ, этотъ австріецъ и снаряженъ не по-боевому. Этакая жара, а онъ уже въ мѣхъ нарядился.

— А главное, Антономъ Павловичъ, мнѣ предполагается такъ: — почииъ дороже денегъ.

XVI

При первомъ же извѣстіи объ объявленіи войны Россіи, венгерская кавалерійская дивизія, стоявшая противъ русскаго города Владиміра-Волынскаго, собралась и рѣшила овладѣть конною атакою городомъ Владиміромъ-Волынскимъ, сорвать всю русскую мобилизацію и овладѣть складами.

Эта дивизія состояла изъ венгерскихъ магнатовъ, людей лучшихъ фамилій. Она сидѣла на прекрасныхъ кровныхъ гнѣдыхъ и вороныхъ коняхъ, была одѣта въ блестящую, шитую серебромъ, форму. Ея разъѣзды и соглядатаи донесли начальнику дивизіи, что расположенная во Владимірѣ-Волынскомъ русская кавалерія ушла, что въ городѣ остался только Лейбъ-Бородинскій пѣхотный полкъ, занятый мобилизаціей. Весь городъ переполненъ запасными солдатами, телѣгами и лошадьми, поставляемыми по военно-конской повинности. Впереди города накопаны окопы, гдѣ стоятъ небольшія пѣхотныя заставы.

Венгерцы рѣшили умереть, или прославить въ исторіи свое имя. Начальникъ дивизіи, родовитый графъ Мункачи, мужчина пятидесяти пяти лѣтъ, низкій, кряжистый, крѣпкій, съ краснымъ лицомъ, съ большими сѣдыми, развѣвающимися усами, уходящими въ длинные подъуски, вѣрилъ въ побѣду. Съ нимъ служило пять его сыновей, молодцовъ, одинъ лучше другого. Четверо были женаты, пятый былъ шестнадцатилѣтній юноша и

состоялъ ординарцемъ при отцѣ. Это былъ любимецъ графа.

Раннимъ утромъ, 30-го іюля, дивизія на рысяхъ, въ стройномъ порядкѣ перешла русскую границу, смявъ посты пограничной стражи и быстро стала приближаться къ Владиміру-Волынскому. Она шла густыми волынскими лѣсами. Венгерцы одѣлись, какъ на парадъ. На нихъ были темносиніе шако, темносинія, расшитыя шнурами венгерки и такіе же ментики на опашь на лѣвомъ плечѣ. Прекрасные кони были круто собраны на мундштукахъ. Это была красота стараго коннаго строя, гармонія изящныхъ всадниковъ, нарядныхъ лошадей и блестящей одежды. Подойдя къ городу, дивизія остановилась. Изъ-за ея рядовъ выкатили подводы маркитантовъ и янтарное венгерское заиграло въ кубкахъ. Пили за здравіе короля и императора, за славу венгерской конницы, за прекрасныхъ дамъ.

А въ это время, стройными сѣрыми рядами, блестя круто подобранными штыками, и отбивая тяжелый шагъ по шоссе, молчаливая и серьезная, извѣщенная своими заставами, вливалась русская пѣхота въ окопы, клала винтовки на брустверы, едва возвышающіеся надъ землею, опиралась локтями на края, устраивая поудобнѣе локти для стрѣльбы. Офицеры обходили по окопамъ и спокойно говорили:

— Безъ приказа не смѣть стрѣлять, хотя бы тебя рубить стали. Цѣлить, куда укажу, либо въ грудь, либо подъ мишень. Стрѣлять, не торопясь. Помни, какъ учили! Затаи дыханіе, всю свою мысль собери на выстрѣлъ и цѣлься внимательно. Лучше одинъ выстрѣлъ попади, чѣмъ десять патроновъ зря просадить.

За спиною этой прекрасной пѣхоты спокойно шла во Владимірѣ-Волынскомъ работа, и хотя стоустая молва во много разъ преувеличила силы венгерской кавалеріи, никто не считалъ возможнымъ, что венгерцы могутъ овладѣть городомъ и выбить изъ окоповъ россійскую пѣхоту.

Было около 10 часовъ утра, когда венгерская кавалерія построилась поэшелонно. Графъ Мункачи, старшій

сынъ начальника дивизіи, командиръ перваго полка, на зеленомъ широкомъ арабѣ, въ сопровожденіи адъютанта и двухъ трубачей, въ блестящемъ, залитомъ серебромъ мундирѣ, объѣзжалъ ряды полка и говорилъ слова ободренія:

— Не бойтесь этой русской сволочи! Помните 1848 годъ и отомстите за своихъ братьевъ! Рубите этихъ собакъ безпощадно.

Жаднымъ, страшнымъ огнемъ горѣли черные глаза солдатъ и сурово смотрѣли сухія, темныя, загорѣлыя лица съ черными усами.

На сытомъ хёнтерѣ, украшенномъ золотомъ и шелками, съ пѣной, проступившей у подперсья, галопомъ прискакалъ начальникъ дивизіи, горячо обнялъ сына, поцѣловалъ его въ губы на глазахъ всего полка и воскликнулъ:

— За славу Венгріи, за славу короля и императора, впередъ!...

Полкъ зашумѣлъ по кустамъ и травѣ лѣсной опушки и рысью сталъ выходить на чистое поле, отдѣлявшее лѣсъ отъ города. Въ полутора верстахъ были видны бѣлыя стѣны, дома, то высокіе, каменные, то низкіе деревянные, церкви съ сверкающими на солнцѣ куполами, фабричныя трубы и башня костела. Сжатыя поля смѣнялись чернымъ паромъ. Вдоль полей шло шоссе съ телеграфными столбами съ оборванной проволокой. По полямъ и поперекъ шоссе чуть намѣчалась линія пѣхотныхъ окоповъ, присыпанная соломой. Въ нихъ не было видно никакого движенія.

Полкъ четырьмя ровными шеренгами, одна за другой, шелъ мощнымъ полевымъ галопомъ и по жирной пахоти полей, стоявшихъ подъ паромъ, летѣли отъ копытъ тяжелые черные комья и чеканились слѣды подковъ. Яркое солнце блистало на серебрѣ шнуровъ офицерскихъ венгерокъ, на мундштукахъ и обнаженныхъ cабляхъ, на свѣтлыхъ ножнахъ. Лошади начали блестѣть и покрываться потомъ

Изъ окоповъ, зарытые по самыя брови въ землю, гля-

дѣли на эту атаку лейбъ-бородинцы. Винтовки были положены на брустверъ и люди, чтобы не было соблазна, не прикасались къ нимъ. Казавшіеся темными точками венгерскіе кавалеристы, то разъѣзжались шире, то смыкались. Они, приподнимаясь и опускаясь, быстро приближались, росли и становились отчетливѣе. Стали видны отдѣльныя лошади и по блеску мундировъ стало возможно отличить офицеровъ отъ солдатъ.

— Унтеръ-офицеры и лучшіе стрѣлки! — раздалось по окопамъ, — возьмите на мушку офицеровъ.

Чуть шевельнулись люди въ окопахъ и нѣсколько штыковъ приподнялось отъ земли.

Тысяча сто шаговъ, девятьсотъ, семьсотъ, шестьсотъ...

Молчатъ окопы.

Тайная радостная надежда закралась въ сердце графа Мункачи и его венгровъ. Русскихъ нѣтъ — они ушли, они испугались. Венгерская дивизія ворвется въ пустой городъ и займетъ его съ бѣлыми храмами и высокими домами во славу венгерской кавалеріи!

— За Венгрію! Императора и короля! — крикнулъ графъ хриплымъ голосомъ, оборачивая красивое лицо къ солдатамъ. — Hourra!

И могучій, глухой, непривычный для русскаго уха крикъ донесся до окоповъ.

Стали видны лица всадниковъ. Дальнозоркіе люди различали черноту усовъ и нависшихъ бровей.

— Въ поясъ груди, наведи, попади! — раздался тонкою колеблющеюся нотой пѣхотный сигналъ открытія огня, поданный командиромъ, и сейчасъ же грянулъ одинокій, какъ-будто неувѣренный выстрѣлъ, другой, третій и вдругъ вся длинная линія окоповъ загорѣлась ярко вспыхивающими огоньками ружейныхъ выстрѣловъ и окопъ сталъ такъ часто трещать, что не стало уже слышно отдѣльныхъ выстрѣловъ, но трескотня слилась въ общій гулъ. Властно разрѣзая трескотню ружей, точно громадныя швейныя машины, строчили кровавую строчку пулеметы.

Упалъ арабскій жеребецъ подъ графомъ Мункачи.

Мункачи, стараясь высвободить изъ-подъ него ногу, оглянулся назадъ. Какъ мало осталось людей! Какъ рѣдки шеренги! Какъ много людей и лошадей уже лежатъ неподвижными синими и темными пятнами на черномъ полѣ и на сизо-желтой стернѣ... Атака отбита!... Полкъ уничтоженъ!

Пуля ударила его повыше сердца и онъ упалъ ничкомъ въ черную землю.

— За Венгрію! Императора и короля! — пролепетали его синѣющія губы.

Оставшіеся въ живыхъ немногіе люди поскакали назадъ къ лѣсу и ихъ преслѣдовали тонкимъ свистомъ одинокія пули. Навстрѣчу имъ спокойными, величаво властными волнами вышелъ еще полкъ и также понесся, встрѣчаемый зловѣщей тишиной затихшей по сигналу пѣхоты.

— Протри винтовки! Остуди пулеметные стволы, — говорили офицеры по рядамъ солдатъ, словно дѣло шло объ учебной стрѣльбѣ на стрѣльбищѣ по мишенямъ.

Четыре атаки отбито.

Старый графъ Мункачи былъ въ ярости. Онъ собралъ остатки полка и лично, сопровождаемый младшимъ сыномъ, послѣднимъ отпрыскомъ славнаго рода, повелъ пятую атаку.

Они, съ группой людей дошли до самыхъ окоповъ, но не дрогнула, такъ же величаво спокойна была россійская Императорская пѣхота и вѣренъ глазъ у маленькихъ землеѣдовъ лейбъ-бородинцевъ. На самомъ окопѣ упали отецъ и сынъ, а тѣ, кто перескочилъ наполненный людьми окопъ, были живьемъ переловлены солдатами резерва.

Такъ, въ первый день войны, подъ стѣнами Владиміра-Волынскаго погибла въ безумномъ стремленіи побѣдить русскую пѣхоту лучшая въ Австріи венгерская кавалерійская дивизія.

Бой затихъ. Санитары по приказу вышли собирать раненыхъ венгерцевъ, роты выходили изъ окоповъ и су-

мрачно торжественные строились побатальонно. Конные развѣдчики и патрульная цѣпь пошли къ лѣсу.

По пыльнымъ улицамъ спасеннаго Владиміра-Волынскаго расходились по казармамъ роты. Высоко, по-гвардейски, подтянувъ штыки и подравнявъ приклады, стройными сѣрыми рядами въ колоннахъ по отдѣленіямъ, съ пѣснями всею ротою, безъ вызова пѣсенниковъ, шли бородинцы, гордые сознаніемъ только что одержанной побѣды.

— Тверже ногу! Отбей шагъ! — кричалъ на роту ея командиръ, старый сорокалѣтній капитанъ.

На сытомъ конѣ у перекрестка улицъ командиръ полка пропускалъ мимо себя полкъ.

— Спасибо, двѣнадцатая! — крикнулъ онъ, — славно стрѣляли!

— Рр-рады стараться, ваше высоко-бро-д-іо-оо, — заревѣла, отбивая могучій шагъ, рота...

По всему Владиміру-Волынскому неслись пѣсни и мѣрно гремѣлъ тяжелый шагъ русской пѣхоты...

Барабанъ громко бьетъ,
Бородинскій полкъ идетъ,
Идетъ, идетъ, идетъ!...

Лихо пѣла двѣнадцатая, пройдя мимо командира.

Изъ деревень, распоряженіемъ исправника, вышли мужики съ лопатами копать могилы и собирать убитыхъ. Ихъ было около двухъ тысячъ. Среди нихъ пали люди лучшихъ фамилій Венгріи. Санитары снимали съ нихъ шитые серебромъ мундиры, сабли, револьверы, обыскивали карманы. На телѣги складывали винтовки и сабли, конные ординарцы и обозные солдаты ловили разбѣжавшихся лошадей.

Жарко и душно на улицахъ Владиміра-Волынскаго. Вкусно пахнетъ печенымъ хлѣбомъ, солдатскими щами и гречневой кашей и никому нѣтъ дѣла до того, что у самыхъ окоповъ лежитъ полураздѣтый трупъ красиваго старика съ сѣдыми усами и рядомъ юноша съ лицомъ хе-

рувима, а по всему полю раскиданы вздувшіяся буграми темныя тѣла лошадей и рядомъ распластавшись лежатъ убитые люди.

Это война.

Гулко гудитъ мѣдный колоколъ собора. Духовенство собирается служить благодарственный молебенъ за избавленіе отъ опасности и блестящую побѣду и, замирая въ дальней улицѣ, слышна лихая солдатская пѣсня:

Барабанъ громко бьетъ,
Бородинскій полкъ идетъ,
Идетъ, идетъ, идетъ!..

XVII

На 1-ое августа всей русской кавалеріи было приказано перейти австро-германскую границу, вторгнуться возможно глубже въ непріятельскую страну, внести въ нее пожаръ и разореніе, помѣшать мобилизаціи и сбору лошадей и разрушить пути сообщенія.

Полкъ Карпова около шести часовъ вечера, 31-го іюля, втянулся въ небольшой пограничный городъ Ромашовъ, куда собралась вся N—ская кавалерійская дивизія и сталъ квартиро-бивакомъ.

Штабъ дивизіи занялъ низъ большого каменнаго дома, бывшаго до войны собраніемъ и офицерскими квартирами Донского Казачьяго полка. Наверху, въ разоренной командирской квартирѣ, были отведены ночлеги командиру и офицерамъ гусарскаго и казачьяго полковъ.

До глубокаго вечера Карповъ просидѣлъ съ адъютантомъ и дѣлопроизводителемъ въ комнатѣ за трехногимъ столомъ, подписывая требованія и составляя приказъ на завтра. Когда онъ вышелъ на балконъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, солнце уже зашло за австрійскую границу и закатное зарево пылало за темною зеленою громадныхъ Ромашовскихъ лѣсовъ. На балконѣ сидѣлъ

командиръ гусарскаго полка баронъ фонъ Веберъ съ адъютантомъ.

— Красивая картина, — сказалъ фонъ Веберъ. Отсюда Австрія видна почти до самой Равы—Русск ій. Куда-то попадемъ завтра?

Небо синѣло вверху, а внизу яркимъ пламенемъ догоралъ закатъ. Четкой щетиной выступали на немъ лѣса. Слегка всхолмленная мѣстность розовѣла отъ закатнаго свѣта. Въ сторонѣ, совсѣмъ близко, стояли сосны большого лѣса, онѣ обрывались шагахъ въ четырехстахъ отъ дома и здѣсь была песчаная площадь, гдѣ стояли сѣрыя деревянныя конюшни Донского полка. Между конюшнями, на коновязяхъ, были привязаны лошади казачьяго полка и около нихъ располагались на ночлегъ казаки. Красными пятнами въ сгущавшейся внизу темнотѣ подъ лѣсомъ выступали топки казачьихъ кухонь. Тамъ толпились и гомонили люди и слышался визгъ поросенка.

У конюшенъ, накинувъ шинели на плечи и собравшись въ кружокъ, человѣкъ шесть казаковъ протяжно и складно пѣли тягучую пѣсню.

Ахъ, ты садъ, ты мой садъ,

начиналъ одинъ задушевнымъ низкимъ голосомъ и всѣ шесть пристраивались къ нему разомъ:

Садъ, зеленый виноградъ.

— Хорошо поютъ ваши, — сказалъ фонъ Веберъ.

— Да, — задумчиво проговорилъ Карповъ, — старая это казачья пѣсня, низовая пѣсня. Тамъ се поютъ, гдѣ берега Дона и южные пристѣны балокъ покрыты густыми кустами виноградной лозы, гдѣ казакъ живетъ виноградомъ и виномъ, гдѣ приголые стени съ одной стороны, съ другой густая тѣнь виноградниковъ. И голоса я узнаю. Это Аржановсковъ заводитъ, а Смирновъ, Петровъ, Зимовейсковъ и еще кто, не разберу, пристраиваются.

— Вотъ поютъ и не думаютъ, что будетъ завтра, — сказалъ гусарскій адъютантъ.

— А что же думать-то? — просто сказалъ Карповъ. — Будемъ пить чай, обѣдать, будемъ жаждать сна и спать будемъ. Это жизнь.

— А кому и смерть, — сказалъ адъютантъ.

— Да вѣдь смерть-то, это тѣлесное. Есть душа и думы, и мысли, и молитвы, и обожаніе красоты — это одно. И къ этому смерть никакъ не относится. Это само по себѣ — и есть тѣлесное — пить чай, обѣдать, спать — это смерть разрушитъ. А того она не коснется. То останется, — сказалъ Карповъ.

— Хорошо, если такъ, — тихо сказалъ адъютантъ.

Всѣ замолчали.

Послѣднія краски заката догорали за темными лѣсами, тянуло легкой прохладой, стихалъ гомонъ людей у кухонь. Внизу, уже невидимые люди, пѣли другую, тоже медленную, пѣсню:

Ахъ, да ты подуй, подуй,
Вѣтеръ съ полуночи,
Ты развей, развей,
Тоску мою, кручину ..

Лошади на коновязяхъ мѣрно жевали овесъ и иногда тяжело вздыхали, точно и онѣ думали свои думы, слушали тоскливыя пѣсни и понимали ихъ.

Вдругъ въ темнотѣ рѣзко протрубилъ дежурный трубачъ повѣстку къ зарѣ и люди стали выходить изъ темныхъ угловъ на песчаную дорогу, гдѣ полосами отъ оконъ ложился свѣтъ, и строиться длинными темными шеренгами. Слышна была перекличка. Вахмистръ внизу читалъ приказъ и дежурный свѣтилъ ему свѣчкой и было такъ тихо, что пламя свѣчи не колебалось.

Пѣвуче проиграли на флангѣ полка кавалерійскую зорю. Пропѣли Отче нашъ и Спаси, Господи. На секунду стихли. Запѣвало откашлялся и вѣрнымъ.

чуть-чуть колеблющимся голосомъ одинъ, давая тонъ, пропѣлъ:

— «Бо-же!...»

Хоръ разомъ, могуче подхватилъ: — «Царя храни! Сильный державный, царствуй на славу намъ...»

Звуки гимна лились все величавѣе и полнѣе, захватывая душу.

Когда кончили пѣть, гусарскій адъютантъ тихо сказалъ:

— Я вотъ что думаю. Если убьютъ этихъ людей, вотъ всѣхъ этихъ, вѣрующихъ въ Бога, преданныхъ Государю и Родинѣ, что тогда будетъ съ Россіей? Когда одна дрянь-то останется. Я бы этихъ поберегъ, а вотъ изъ тюремъ каторжанъ, да вотъ ссыльныхъ-то этихъ, Родины не признающихъ, — въ первую голову. Пусть ихъ истребляютъ. И сами на нихъ зубы поломаютъ, да и намъ, кромѣ хорошаго, ничего не сдѣлаютъ. А то, чуетъ мое сердце, что насъ перебьютъ, покалѣчатъ, изломаютъ, а когда надо будетъ — полѣзетъ всякая мразь... Ахъ! не хорошая это штука война!

— Да что вы, Иванъ Николаевичъ, такое все думаете, — сказалъ Кумсковъ, адъютантъ Донского полка.

— Не знаю почему, — но чувствую, что меня завтра убьютъ. Въ первый день войны... И мать мнѣ днемъ сегодня снилась. Все крестила и благословляла меня! — сказалъ гусаръ, порывисто всталъ и пошелъ съ балкона.

Ночь окончательно поглотила предметный міръ. Лошади перестали жевать, рѣдко вздыхали и тяжело и грузно ложились на песокъ.

— Ты, чего, сволочь, чужую протирку взялъ? А? Иродъ проклятый! Я тебѣ морду-то начищу, анафема!... — слышалось изъ-за конюшенъ.

Австрійская земля тонула въ темнотѣ и казалась таинственной, страшной и непреступимой.

XVIII

Въ четыре часа утра дивизія построилась въ резервномъ порядкѣ на песчаномъ полѣ возлѣ шоссе. Въ Донскомъ полку, по приказу Карпова, сняли чахолъ и развернули знамя. Солнце еще не встало, но было свѣтло и тепло.

Полкъ Карпова назначили въ авангардъ. Карповъ послалъ первую сотню впередъ и теперь стоялъ, дожидаясь, когда она отойдетъ на версту.

— Ну, съ Богомъ, впередъ! — сказалъ онъ и попустилъ рвавшагося Сардапапала.

Шоссе до самой границы, бывшей въ четырехъ верстахъ, шло густымъ сосновымъ лѣсомъ. Пахло хвоей, мохомъ и грибами. Впереди, въ двухстахъ шагахъ, ѣхало два казака цѣпочки связи, дальше еще два и тамъ, гдѣ шоссе шло прямо, эти звенья, все уменьшаясь, уходили далеко и видна была маленькая колонна головной сотни.

Перешли границу. Посмотрѣли на столбъ съ чугунной доской и выпуклымъ на ней австрійскимъ орломъ съ надписью черными буквами: «Oesterreichisches Reich» *). Спустились внизъ и вышли въ поля. Вправо, по жнивью, были разбросаны скирды недавно сжатаго хлѣба. Его еще не успѣли увезти. Влѣво тянулись низкіе овсы. Утреннее солнце косыми лучами свѣтило на нихъ и отбрасывало длинныя живыя тѣни отъ казаковъ. Далеко въ поляхъ, то появлялась, то скрывалась между скирдами маленькая группа всадниковъ. Шла правая застава. А дальше, совсѣмъ далеко, была видна высокая пыль — тамъ шла первая бригада.

— Правую заставу вижу, — сказалъ Карповъ, — а гдѣ лѣвая?

— И лѣвая была, — сказалъ Кумсковъ. — Я сейчасъ дозоры видалъ. Да вотъ они. Видите, по хребтику маячатъ.

---

*) Австрійское государство.

— Хорошо идутъ. Заставу ведетъ логомъ, только дозоры обнаружилъ.

— Это, вѣроятно, Коньковъ тамъ.

— Да, надо полагать, онъ...

Ѣхавшіе впереди казаки остановились. Вся цѣпочка стояла.

— Чего стали? — крикнулъ Карповъ и вопросъ его сталъ передаваться отъ звена къ звену.

— Стрѣляютъ... аютъ... стрѣляютъ... тамъ, сказываютъ, стрѣляютъ, — понеслось отвѣтомъ по звеньямъ цѣпочки.

— Э, на войнѣ всегда стрѣляютъ, — проворчалъ Карповъ и, толкнувъ коня шпорами, поскакалъ широкимъ галопомъ впередъ. Когда онъ выѣхалъ изъ перелѣска, стали слышны рѣдкіе глухіе удары далекихъ выстрѣловъ. Первая сотня спустилась въ балку и стояла, спѣшившись и ничего не предпринимая. Командиръ сотни, поднявшись изъ балки, гдѣ опять былъ лѣсъ, изъ-за дерева смотрѣлъ впередъ.

То и дѣло съ легкимъ жужжаніемъ пролетали пули. Иногда вдругъ падала подбитая вѣтка и страшнымъ казалось ея паденіе.

— Ваше высокоблагородіе, — крикнулъ Карпову фланговый урядникъ, — здѣсь нельзя на конѣ, убьютъ.

— Ерунда! — проворчалъ Карповъ и верхомъ подъѣхалъ къ Хоперскову.

— Въ чемъ дѣло, Алексѣй Петровичъ? — спросилъ онъ.

— И не разберу. Стрѣляютъ, а откуда, не пойму, — отвѣчалъ, отрываясь отъ бинокля, командиръ сотни.

Адъютантъ, уже соскочившій съ лошади, смотрѣлъ въ бинокль.

— Это изъ сторожки, — сказалъ онъ. — И тамъ не болѣе, какъ два человѣка.

— Вы патрули послали? — спросилъ Карповъ.

— Послалъ. Еще не вернулись.

— Высылайте цѣпи и айда-те впередъ, черезъ лѣсъ, ничего тамъ страшнаго нѣтъ, — сказалъ Карповъ.

Пули перестали свистать, стрѣльба затихла.

Изъ лѣсной заросли показался казакъ. Лицо его было красное, рубаха взмокла, воротникъ былъ разстегнутъ и красная, мокрая отъ пота шея выдавалась изъ ворота.

— Чего ты, Ларіоновъ? — сказалъ Карповъ.

— Тамъ всего два человѣка ихней финанцовой стражи было. Никого больше и не было. Мы стали было съ Шумилинымъ подкрадаться, чтобы захватить ихъ. А они убѣгли. Шумилинъ въ сторожкѣ остался, а я побѣгъ съ донесеніемъ. Можно идти впередъ.

Карповъ приказалъ сотнѣ идти лѣсомъ, спѣшившись цѣпью, а самъ поѣхалъ верхомъ по шоссе. Онъ доѣхалъ до сторожки пограничнаго поста. Адъютантъ и нѣсколько казаковъ вошли въ сторожку. На полу валялись прорѣзныя обоймы отъ патроновъ, гильзы, недокуренная трубка, старая записная книжка, платокъ. И на всѣ эти столь обыденныя, скучныя и простыя вещи смотрѣли съ вниманіемъ. Многіе казаки брали ихъ на память. Они были непріятельскія и потому пріобрѣтали особое значеніе.

За сторожкой опять былъ лѣсъ, потомъ была небольшая прогалина, уставленная кладками свѣже напиленныхъ дровъ, затѣмъ начинался новый лѣсъ. Въ прогалинѣ пахло сырымъ деревомъ, смолою и грибами. Едва вошли въ нее, какъ съ разныхъ сторонъ засвистали пули и изъ лѣса стали раздаваться двойные выстрѣлы австрійскихъ ружей и рѣзкіе сильные отвѣтные удары нашихъ винтовокъ. Карповъ сразу увидѣлъ, что нашихъ силъ было слишкомъ мало. На каждый нашъ выстрѣлъ отвѣчало десять австрійскихъ.

— Георгій Петровичъ, — сказалъ онъ адъютанту, — скажите Тарарину и Траилину, чтобы со своими сотнями на рысяхъ шли сюда. Здѣсь, у дровяныхъ кладокъ, пусть спѣшиваются и разсыпаются — пятая правѣе первой и четвертая лѣвѣе. Надо выкурить изъ лѣса этихъ молодчиковъ.

— Патрули доносятъ, господинъ полковникъ, — ска-

залъ, подходя, Хоперсковъ, — что́ по опушкѣ лѣса и въ лѣсу разсыпано двѣ роты австрійской пѣхоты, да еще двѣ цѣпями подходятъ.

— Ничего, справимся, — бодро сказалъ Карповъ и приказалъ слѣдовавшему за нимъ сотнику Сантѣеву, начальнику команды связи, тянуть телефонъ къ начальнику дивизіи.

XIX

Изъ лѣса галопомъ на большой сѣрой лошади выскочилъ маленькій сѣденькій Тарарииъ.

—Слѣзайте! — крикнуло на него нѣсколько голосовъ. Онъ недоумѣнно осмотрѣлся кругомъ, слѣзъ и пошелъ, ковыляя тонкими ногами, по вереску между пней срубленнаго лѣса, къ командиру полка. Пули свистали часто. Иногда какая-нибудь вдругъ неожиданно сильно ударяла въ землю, или въ дерево и заставляла вздрагивать стоявшихъ близко людей.

Тарарииъ блаженно улыбался и, казалось, ничего не соображалъ.

— Что это такое, какъ поетъ? — сказалъ онъ, когда непріятельская пуля просвистала подлѣ самаго его уха и трудно было понять, представляется онъ дурачкомъ, или, дѣйствительно, не понимаетъ страшнаго значенія ѳтихъ звуковъ.

— Пули, — сердито, рывкомъ, сказалъ адъютантъ.

— А, вотъ оно... Пули... Никогда не слыхалъ, — и восторженная улыбка застыла на лицѣ Тараріна. — Славно поютъ.

Онъ получилъ задачу отъ командира полка и пошелъ къ подходящей на рысяхъ сотнѣ...

— Сотня! — закричалъ онъ, — готовься къ пѣшему строю.

Его голосъ звучалъ торжественно и торжественность голоса передалась людямъ. Казаки проворно снимали съ головъ фуражки и крестились.

Цѣпи вошли въ лѣсъ и стали продвигаться впередъ. Карповъ шелъ за ними, шагахъ въ двадцати и покрикивалъ:

— Впередъ, впередъ!

— Идемъ впередъ, — слышалъ онъ бодрый голосъ Тарарина и видѣлъ его маленькую худощавую фигуру, сопровождаемую трубачомъ съ сигнальной трубою на спинѣ.

Огонь разгорался по всему лѣсу. Изъ цѣпей передавали, что еще двѣ роты разсыпались правѣе и охватываютъ лѣвый флангъ четвертой сотни. Карповъ вызвалъ третью, шестую и вторую сотни и разсыпалъ ихъ влѣво. Весь полкъ былъ въ бою. Карповъ послалъ за пулеметами.

Изъ лѣса показались два казака. Они несли за плечи и за ноги раненаго. Весь животъ его былъ залитъ кровью и по кустамъ и песку они оставляли кровавый слѣдъ.

— Чего носить-то, — сказалъ державшій за ноги, — все одно кончился.

Но раненый въ это время мучительно застоналъ.

— Неси, неси, полно. До шоссе донесемъ, тамъ линейку подать можно.

— Кого это? — спросилъ Карповъ.

— Урядникъ Ермиловъ, — хрипло сказалъ раненый, открывая мутные, страдающіе глаза.

— Ничего, Ермиловъ, поправишься, — сказалъ Карповъ, подходя къ нему.

Раненый улыбнулся блѣдной улыбкой.

— Ку-ды-жъ! — сказалъ онъ, — въ животъ, вѣдь. Самъ понимаю, какъ слѣдоваетъ. Отцу, женѣ отпишите, ваше высокоблагородіе, что, какъ слѣдоваетъ... Нелицемѣрно.

— Поправишься, — сказалъ Карповъ и отвернулся отъ раненаго. — Несите, — сказалъ онъ казакамъ и пошелъ къ цѣпямъ.

— Впередъ, впередъ! — крикнулъ онъ, увидавъ, что

Тараринъ прочно залегъ подъ кустомъ и не подается впередъ.

— Идемъ впередъ, — отвѣчалъ Тараринъ, но въ голосѣ его не было прежней бодрости. Онъ поднялся, однако, и пошелъ къ опушкѣ.

Лѣсъ обрывался здѣсь стѣною и съ опушки было видно песчаное поле, гдѣ возвышался точно нарочно насыпанный большой, высокій холмъ съ отвѣсными скатами. Онъ былъ сильно занятъ австрійской пѣхотой. За нимъ въ отдаленіи были видны красныя крыши и зеленые сады мѣстечка Бѣлжецъ.

До холма было не болѣе шестисотъ шаговъ, но идти нужно было по открытому полю. Въ бинокль было видно, что весь холмъ изрытъ глубокими окопами. Оттуда и былъ сосредоточенъ огонь по казакамъ. Казаки отстрѣливались, укрываясь въ кустахъ.

Карповъ пошелъ назадъ на телефонъ доложить обстановку и просилъ начальника дивизіи прислать хотя два орудія, чтобы продвинуться впередъ и занять Бѣлжецъ. Возвращаясь, онъ встрѣтилъ нѣсколько легко раненыхъ. Они шли, опираясь на ружья, безъ провожатыхъ. «Ничего», — подумалъ онъ, — все идетъ хорошо». Онъ дождался, пока не пришелъ къ нему командиръ батареи. Командиръ батареи, молодой полковникъ Матвѣевъ, съ академическимъ значкомъ на груди и неизмѣнной сигарой въ зубахъ, разсмотрѣлъ позицію и сталъ по телефону отдавать приказанія объ открытіи огня.

— Впередъ, впередъ! — крикнулъ Карповъ.

— Идемъ впередъ, — отозвался уныло Тараринъ и не тронулся съ мѣста. Лежала и цѣпь.

Въ это время за лѣсомъ ухнула пушка и сейчасъ же бѣлый дымокъ вспыхнулъ надъ самымъ песчанымъ холмомъ. Непріятельскій огонь стихъ на мгновеніе, затѣмъ снова загорѣлся безпорядочно частый.

— Впередъ, впередъ! — крикнулъ Карповъ.

— Идемъ впередъ, — бодро отозвался Тараринъ и пошелъ изъ лѣсу. За нимъ поднялась вся цѣпь и поле на-

полнилось людьми, быстро идущими къ холму. Бѣлые дымки шрапнелей окутывали вершину холма. Подоспѣвшiе пулеметы стучали часто.

Пули свистали и рыли песчаное поле. Карповъ шелъ за своими людьми, не останавливаясь. Онъ увидалъ, какъ хорунжiй Өедосьевъ, кумиръ Заболотскихъ гимназистокъ, красивый юноша, лучшiй танцоръ и гимнастъ въ полку, вдругъ выскочилъ впередъ и съ крикомъ ура! побѣжалъ на гору. За нимъ побѣжали казаки.

Громадный австрiецъ въ сѣро-синемъ мундирѣ, въ шако, съ тяжелымъ ранцемъ за плечами, всталъ во весь ростъ на краю холма и направилъ штыкъ на Өедосьева. Өедосьевъ схватилъ винтовку у него изъ рукъ и ловкимъ движенiемъ вырвалъ ее отъ великана, потомъ перевернулъ прикладомъ, обитымъ мѣдью, впередъ и могучимъ ударомъ раскроилъ черепъ австрiйцу. Черная кровь залила ставшее бѣлымъ лицо, австрiецъ опрокинулся назадъ и упалъ въ окопъ. Өедосьевъ вдругъ отбросилъ австрiйскую винтовку и, опускаясь на край холма, закрылъ лицо руками и заплакалъ, какъ женщина, истерично всхлипывая.

Но никто не обратилъ на него вниманiя. Казаки стремительно бѣжали въ окопы, раздавались удары прикладовъ, рѣдкiе выстрѣлы, австрiйскiй офицеръ поднялся сзади, крикнулъ что-то бѣгущимъ солдатамъ, вложилъ револьверъ себѣ въ ротъ и застрѣлился.

Весь полкъ Карпова длинною цѣпью подавался за убѣгающими австрiйцами и входилъ въ мѣстечко Вѣлжецъ; правѣе двигались гусары.

XX

Чистенькiй маленькiй городъ какъ бы вымеръ. Пустыя стояли виллы, окруженныя садами съ желѣзными рѣшетками на каменномъ фундаментѣ. Изъ садовъ яблони и груши свѣшивали свои вѣтви, отягченныя плодами, пестрые цвѣты цвѣли въ грядкахъ. Шоссе вилось меж-

ду домами и уходило въ улицы. Въ домахъ никого не было. Наконецъ, гдѣ-то въ подвалѣ, разыскали старика-еврея съ длинною сѣдою бородою, въ черномъ сюртукѣ ниже колѣнъ и потащили для допроса къ Карпову. Но старикъ мало что зналъ. По его словамъ здѣсь утромъ высадился одинъ батальонъ австрійской пѣхоты, хотѣли подавать второй, но въ это время загремѣла артиллерія и все побѣжало изъ города. Разсказъ походилъ на правду. Старика отпустили.

Карповъ поѣхалъ на станцію желѣзной дороги. Станція была пуста.

— Смотрите, — крикнулъ адъютантъ Карпову, высовываясь изъ окна станціоннаго дома. — Какъ поспѣшно они бѣжали... Хотите закусить?... Завтракъ готовъ.

Карповъ зашелъ на квартиру начальника станціи. Онъ былъ знакомъ съ нимъ. Онъ не разъ пріѣзжалъ сюда изъ Заболотья пить австрійское пиво. Начальникъ станціи, нѣмецъ, всего полгода, какъ женился на бѣлокурой чистенькой нѣмочкѣ, и они любили разсказывать Карпову, что они выписали себѣ для хозяйства изъ Вѣны. На кухнѣ, въ плитѣ, ярко горѣли дрова. На сковородкѣ жарились четыре котлеты, яичница пригорала. Закипѣвшее молоко вылилось на плиту и испарялось. Кошка съ комода испуганно смотрѣла на вошедшихъ. Рядомъ, въ столовой, былъ накрытъ столъ. Дальше была спальня. Двѣ рядомъ стоявшія постели были неприбраны, по всей спальнѣ были разбросаны вещи. Валялась на постели соломенная шляпа съ цвѣтами. Корсетъ, юбка и ночная рубашка лежали на полу подлѣ умывальника, тутъ же было форменное пальто и голубая фуражка съ галунами. Какъ видно: — метались впопыхахъ, хватали однѣ вещи, бросали ихъ, не зная, что взять, обмѣнивались словами ужаса и отчаянія. Брали не то, что нужно.

Карпову было тяжело смотрѣть на это грозное разореніе мирной жизни. Когда онъ видѣлъ умирающаго Ермилова съ животомъ, залитымъ кровью, когда видѣлъ австрійца съ раскроеннымъ черепомъ, убитыхъ казаковъ

и солдатъ — его не коробило. На войнѣ это было понятно. Онъ ждалъ этого. Но истерично плачущій на краю окопа Ѳедосьевъ, погромъ этого чистаго домика, интимная домашняя рухлядь, которую ворочали чужіе люди, на которую смотрѣли глаза постороннихъ, — это была та оборотная сторона войны, о которой онъ какъ-то не думалъ.

Его размышленія прервалъ Саитѣевъ. Онъ вошелъ въ комнату и доложилъ:

— Прикажете взрывать? Шашки уже заложены.

Карповъ даже не понялъ сразу, что взрывать? Такъ далекъ онъ былъ отъ мысли, что можно завершить этотъ погромъ еще и взрывомъ и окончательнымъ уничтоженіемъ этого маленькаго невиннаго счастья.

— Да, — глухо сказалъ онъ, — взрывайте!

Онъ вышелъ изъ комнаты.

Глухой взрывъ раздался по мѣстечку. Огонь весело заигралъ въ окнахъ, охватывая занавѣски и пожирая полы и мебель. На платформѣ горѣли громадные штабели шпалъ. Тамъ и тамъ загорались дома. Казаки бѣгали съ пучками соломы по мѣстечку, и дома и сараи занимались огнемъ.

Карповъ приказалъ трубить сборъ. Его полкъ вмѣстѣ съ гусарами шелъ дальше, уничтожать и рвать желѣзнодорожный мостъ у станціи Любичи, чтобы помѣшать подвозу войскъ къ границѣ.

Было уже три часа пополудни, когда Карповъ, взорвавъ мостъ и предавъ огню мѣстечко Любичи, шелъ къ Равѣ-Русской, гдѣ, по свѣдѣніямъ, собиралась австрійская пѣхота въ большихъ силахъ. Люди и лошади, бывшіе съ четырехъ часовъ утра на походѣ, безъ ѣды и корма, устали и лѣниво подвигались впередъ. Карпова нагналъ гусарскій офицеръ отъ начальника дивизіи съ приказаніемъ возвращаться обратно въ Романовъ. Начальникъ дивизіи считалъ свою задачу исполненной и боялся далеко зарываться.

Карповъ собралъ полкъ и повернулъ назадъ.

Онъ ѣхалъ сзади батареи. На томъ мѣстѣ, гдѣ было

прекрасное мѣстечко, бушевало пламя. Многіе дома уже догорѣли, и вмѣсто красивыхъ виллъ, торчали закоптѣлыя трубы и разрушенныя темныя стѣны. Ему бросилась въ глаза нелѣпо стоявшая посреди сада почернѣлая желѣзная кровать со скрюченными отъ жары пружинами. Рѣшетки заборовъ прихотливо изогнулись и были красны отъ жара. Деревья стояли обугленныя, безъ листьевъ и плодовъ.

Черезъ мѣстечко шли рысью, опасаясь задохнуться и загорѣться. Впереди Карпова громыхала батарея. Вдругъ у зарядного ящика загорѣлось колесо. Сначала пошли по краскѣ бѣлые дымки, потомъ показалось пламя.

— Стой, стой! — раздались взволнованные крики.

— Взорветъ!

Ѣздовые растерянно оглядывались. Батарейная прислуга и проходившіе мимо казаки сотенъ скакали въ карьеръ. Паника начинала охватывать людей. Карповъ и Матвѣевъ остановились. Откуда-то сзади появился широкоплечій могучій солдатъ съ рыжей бородой, онъ катилъ передъ собою запасное колесо.

Пламя бушевало кругомъ. Лошади въ передкѣ пугливо бились, колесо горѣло. Бородачъ дѣловито поплевалъ на руки, вынулъ чеку и снявъ горѣвшее колесо, подперъ могучимъ плечомъ ящикъ и надѣлъ новое.

— Ай-да, ребята, — кинулъ онъ ѣздовымъ. Ничаво, не взорветъ!

— Да, — попыхивая неизмѣнной сигарой, сказалъ Матвѣевъ, — у насъ есть люди.

— А могло взорвать?. — спросилъ Карповъ.

— Ну, конечно.

— А что тогда?

— Да побило бы прислугу, лошадей. Насъ бы съ вами зацѣпило.

— Значитъ, вашъ солдатъ совершилъ геройскій подвигъ.

— Да, если хотите, — невозмутимо сказалъ Матвѣевъ. — А что такое геройство?

XXI

Наступила ночь. Но она не была такая трепетно ждущая, полная томленія, тихая и темная, какъ прошлая ночь.

Когда Карповъ съ Матвѣевымъ и фонъ Веберъ вышли на балконъ того же дома, гдѣ были наканунѣ, передъ ними открылось безконечное зарево. Небо кругомъ было красное. Горѣли города и мѣстечки, горѣли лѣса и хлѣбъ въ скирдахъ. Эти багряные факелы съ безпощадною ясностью говорили о пришедшей войнѣ.

Зарево бросало красный отблескъ на лѣса, и темнота внизу казалась глубже и страшнѣе.

— Вся Австрія въ огнѣ, — сказалъ Матвѣевъ. — У васъ какъ, — обратился онъ къ гусару, — есть потери?

— Адъютанта убили, — отрывисто сказалъ фонъ Веберъ.

— Гдѣ? — спросилъ Карповъ, — вѣдь вашъ полкъ въ бою не участвовалъ.

— А вотъ подите вы! Шли лѣсомъ, знаете, уже за Вѣлжкенемъ. Вдругъ изъ лѣса нѣсколько выстрѣловъ. Пульки засвистали. Начальникъ дивизіи съ нами ѣхалъ. Заволновался. «Это,» — говоритъ, — «что такое? Пошлите узнать.» Адъютантъ рванулся въ лѣсъ, верхомъ, за нимъ ординарцы. Скоро все стихло. Привели плѣнныхъ. Двое мальчишекъ. Знаете польскіе соколы — они себя называютъ. Залегли въ лѣсу и стрѣляли. Адъютанта наповалъ свалили. Прямо въ сердце. Царство ему небесное.

— Хорошій, кажется, былъ человѣкъ, — сказалъ Матвѣевъ.

— Очень. Семейный. Не пьющій. Золотой человѣкъ. Музыкантъ. На скрипкѣ игралъ. И такъ глупо. Польскіе соколы. Мальчишки. Ихъ драть нужно.

Внизу копошились люди. Опять, какъ вчера, жевали овесъ лошади и тяжело вздыхали, точно думали о своей печальной долѣ, опять огнями сверкали кухни, слышенъ былъ звонъ котелковъ, и запахъ щей и каши щекоталъ

въ носу. Весело гомонили казаки. И перекличка была, какъ вчера, и также величаво плыли надъ лѣсами Русскій гимнъ и молитва.

Въ древяномъ сараѣ, при свѣтѣ тусклой свѣчи, два казака, длинный и худой Антоновъ и небольшой чернобородый Золотовсковъ, изъ тонкихъ сосновыхъ досокъ мастерили гробъ. Покойникъ, накрытый съ головою окровавленной шинелью, лежалъ тутъ же и видны были его ноги, обутыя въ хорошіе сапоги. Это былъ тотъ самый Ермиловъ, котораго несли мимо Карпова.

Къ нимъ зашелъ тоже ихъ же одностаничникъ, черноусый бравый казакъ Шаповаловъ.

— Богъ въ помочь, — сказалъ онъ, и присѣлъ на обрубокъ дерева.

— Спасибочка, — отвѣчалъ Золотовсковъ, сильной рукою отрывая недопиленную доску.

— Жилище, значитъ, ему мастерите. Хорошій урядникъ былъ. Ни ругаться, или такъ обидѣть кого, никогда за нимъ не водилось. А вотъ померъ и никому не нуженъ. Онъ что же, съ вашего хутора?

— Однохуторецъ, — отвѣчалъ Золотовсковъ. — Съ Конкина мы всѣ трое. Изо всей станицы что ни на есть самый бѣдный хуторъ, а Ермиловъ со всего хутора бѣднѣющій, значитъ, казакъ. Жена у него, трое дѣтей малыхъ, а хозяйство всего ничего. По міру семья то теперь пойдетъ.

— Такъ, — сказалъ Шаповаловъ. — А конь у него лучшій въ сотнѣ былъ и сапоги, ишь справные какіе.

— Коня справлялъ ему отецъ. Три пары воловъ продали, такъ коня брали. Съ того и разореніе пошло, съ коня этого самаго. Шестьсотъ рублей за него помѣщику Ефремову отдали. Вотъ какъ.

— Что же такъ? — спросилъ Шаповаловъ.

— Гордые они вишь очень. Дѣдъ у нихъ хорунжимъ въ 12 году былъ. Съ крестами и регаліями, ну вотъ съ того и пошло, что ему надо дослужиться до хорунжія. Вотъ и коня — разорились, а какого справили.

— Такъ. Добрячій конь, знаю.

— А куда теперь дѣвать будутъ?

— Сотенный взялъ.

— А по какому праву?

— Онъ правовъ и не спрашивалъ. Призвалъ вахмистра и сказалъ: — мой конь, а я тамъ съ наслѣдниками разсчитаюсь.

— Да какъ же это такъ? Надо же по закону, — сказалъ Золотовсковъ.

— По закону? Ты видалъ ли гдѣ этотъ законъ? Да и опять, по закону — съ аукціона продавать надо. Кто теперь купитъ? Видалъ какихъ коней гусары изъ-за границы пригнали? Тутъ и вся то цѣна коню копѣечка. Все равно за нимъ же и останется.

— А домой послать! Съ дома то пишутъ, коней не хватаетъ, по тысячѣ и больше платятъ. Да и въ хозяйствѣ такой конь капиталъ не малый. Все вдова бы заработала на ёмъ.

— Чудной, — сказалъ Шаповаловъ. — Взяли и все тутъ.

Онъ вдругъ сѣлъ передъ покойникомъ и сталъ снимать съ него сапоги.

— Ты что же это, другъ, — строго сказалъ Антоновъ.

— Да на что ему, мертвому, сапоги? У него добрые, а у меня, вишь, прохудились.

— Это его дѣло. А только мы не позволимъ.

— Ладно. Ишь захолодалъ какъ. Давно скончался, что-ли?

— Да ты что! очумѣлъ что-ли? Ты это не шутейно?

— Ну, какъ же! Что я зря мараться что ль буду. Нашъ братъ живъ не будетъ, чтобы не слямзить. На что ему?

— А вдовѣ послать?

— За мной не пропадетъ. Я вдову знаю. Ублажу, — сказалъ Шаповаловъ и сталъ скручивать папироску.

— Ты что же сдурѣлъ окончательно, — сказалъ Антоновъ, — курить еще при немъ будешь.

— Да ему что! Развѣ почувствуетъ.

— Уходи вонъ, — строго сказалъ Антоновъ. — Я сотенному скажу на тебя.

— Говори, братъ. У него тоже рыло въ пуху, какъ коня забралъ. И то пойтить что-ль, а? — сказалъ Шаповаловъ, отворяя дверь. — Ухъ да и ночь, братцы, хорошая.

И онъ скрылся за дверью.

— Вѣдь унесъ таки сапоги-то, — сказалъ Золотовсковъ. — Мертваго обокралъ, аспидъ.

— Унесъ. Ну да ему это такъ даромъ не пройдетъ.

Антоновъ всталъ и началъ прилаживать доски.

— Ну что, Вася, сколачивать что ли будемъ? Не затѣйливый гробъ вышелъ, а все-таки гробъ.

— Я такъ думаю, другъ, надоть намъ ночку посидѣть и крестъ смастерить хорошiй, осьмиконечный изъ цѣльной сосны, а писаря попросимъ, значитъ, дощечку написать, кто и при какихъ геройскихъ обстоятельствахъ и гдѣ, значитъ, убитъ. Можетъ быть, когда вдова, или дѣти разбогатѣютъ, тѣло, значитъ, разыщутъ и отправятъ на родной погостъ. А, другъ?

— Ну-къ что жъ! Посидимъ и ночку. Вотъ гробъ сколотимъ и пойдемъ за лѣсомъ. Онъ, Ермиловъ то, чувствуетъ, какую мы заботу объ немъ имѣемъ. А ловкачъ энтотъ! Шаповаловъ! Ну, народъ пошелъ, самой жуликъ. Ему и то, что онъ покойника, здѣ лежащаго изобидѣлъ и обокралъ, ему ничего. Никакого уваженiя.

— Да что Шаповаловъ. Шаповаловъ на всю ихъ станицу славу худую имѣетъ. А сотенный съ конемъ? Ты какъ понимаешь? Красиво это или нѣтъ?

Золотовсковъ сокрушенно покачалъ головой, досталъ гвозди и подойдя къ Антонову сталъ забивать доски. Мѣрный тяжелый стукъ молотка разбудилъ ночную тишину и далеко разнесся по лѣсной опушкѣ.

— Что тамъ? — спросилъ спросонья Карповъ.

— Это, господинъ полковникъ, гробъ Ермилову сколачиваютъ, — отвѣтилъ не спавшiй Кумсковъ.

— Одинъ онъ умеръ?

— Одинъ. Ничего дѣло. Убитый у насъ одинъ, да

раненыхъ двадцать шесть. Всѣ и потери. Вы пойдете завтра на похороны?

— Пойду непремѣнно. Въ которомъ часу?

— Ермилова въ семь часовъ, а гусарскаго адъютанта въ девять.

— Хорошо. Вы что же не спите?

— Расходъ патроновъ подсчитываю, да еще реляцію маленькую составить надо, — отвѣчалъ Кумсковъ.

— Надо бы наградные листы хоть завтра подготовить. Хорунжій Өедосьевъ, видали, первымъ ворвался на укрѣпленную позицію непріятеля — статутное дѣло.

— А вы знаете, что съ Өедосьевымъ? Его уже въ лазаретъ отправили. Нервы разыгрались. Вотъ вамъ и герой. Какъ такого представить?

— Однако по закону.

— Какъ прикажете, — сказалъ Кумсковъ. Но Карповъ не отвѣчалъ.

XXII

Четвертая сотня Донского полка на заставахъ. Вахмистръ, подхорунжій Поповъ, со взводомъ въ двадцать шесть человѣкъ занимаетъ заставу у деревни Рабинувки. Вся деревня три хаты, да два сарая. Подлѣ хатъ на пескѣ жалкіе вишневые садочки. Восемнадцать казаковъ спѣшено и сидитъ возлѣ покинутыхъ жителями маленькихъ халупокъ деревни, восемь, внизу, за картофельными огородами и сараями держатъ лошадей.

Ночь тепла и тиха. Западъ пылаетъ пожарными огнями. Надъ головами темнымъ шатромъ раскинулось синее небо. Сильно вызвѣздило и поздняя луна не умѣряетъ осенняго блеска звѣздъ. Млечный путь широкою парчевою дорогою разлился на полнеба и переливается искристымъ, зыбкимъ сіяніемъ. Каждые полчаса два казака уходятъ въ патруль къ темному лѣсу, а двое другихъ возвращаются изъ лѣса. До лѣса верста. Въ сумракѣ ночи лѣса не видно, но темная полоса его чудится

сейчасъ же за деревней. Патрульные идутъ то въ одну, то въ другую сторону и на полпути, въ полѣ, встрѣчаются.

Вахмистръ Поповъ смотритъ на часы, стараясь при свѣтѣ луны разобрать стрѣлки, и думаетъ свои думы. Думы двоякаго свойства и однѣ перебиваютъ другія. Однѣ печальныя. Изъ Заболотья отправлена на Донъ семья. Семья эта нежеланная тамъ. Поповъ женился давно, на мѣстной полькѣ, и родители не дали благословенія на бракъ. Онъ остался на сверхсрочную службу. Теперь сынъ и дочь у него въ гимназіи. Свое счастье, бѣдное и убогое, начинало налаживаться, а тутъ война. Семью приказали отправить на Донъ. Какъ то ее тамъ примутъ? Другія мысли о себѣ. О томъ, что можно отличиться, получить производство въ офицеры, сдѣлать карьеру. Маленькій взводъ его и участокъ въ полверсты, который онъ охраняетъ, рисуются ему чрезвычайно важными и онъ вспоминаетъ всѣ свои обязанности, какъ начальника заставы. У него при себѣ полевой уставъ: разсвѣтетъ — онъ его подчитаетъ.

— Талдыкинъ и Ажогинъ въ дозоръ! — говоритъ онъ.

Два казака, лежащихъ за домомъ, поднимаются, потягиваются, шумно зѣваютъ, оправляютъ ремни амуниціи, берутъ прислоненныя къ дому винтовки и идутъ къ вахмистру.

— Талдыкинъ за старшаго, — говоритъ Поповъ. — Обязанностя помните. Пропускъ — берданка, отзывъ — Бѣлжецъ. Отзыва помни, никому не говори, а самъ спрашивай, коли пропускъ сказалъ и не увѣрился, что свои. Ну, съ Богомъ!

Талдыкинъ и Ажогинъ идутъ мимо дома, сворачиваютъ на полевую дорогу и спускаются въ балку. Въ балкѣ туманъ гуще и кажется теплѣе. Пахнетъ зрѣлымъ сжатымъ хлѣбомъ. Этотъ запахъ сейчасъ же смѣняется запахомъ клевера. Дорога идетъ мимо клевернаго поля. Ночная птица вспорхнула изъ подъ самыхъ ногъ и оба казака вздрогнули. Когда они поднялись изъ балки, наверху показалось свѣтлѣе. Въ серебристомъ маревѣ озареннаго луною тумана стала намѣчаться темная полоса

лѣса. Сырость плотнѣе окутала ихъ и стала каплями осѣдать на шинели. Въ темнотѣ четко замаячили двѣ фигуры и казалось, что они шли очень быстро и качались изъ стороны въ сторону.

— Свои? — крикнулъ Талдыкинъ.

— Свои, свои, — растерянно и испуганно отвѣчали изъ сумрака ночи.

— Акимцевъ что-ль?

— Я.

Казаки сошлись. Въ темнотѣ ночи и тѣмъ и другимъ встрѣча была пріятна. Они остановились и закурили папироски.

— Ну что? — спросилъ Талдыкинъ.

— Ничего. — отвѣчалъ Акимцевъ. — Тихо. Его не видать. До самой границы доходили, на дорогѣ лежали, слухали. Гудетъ, а что гудетъ, не поймешь. То ли пожаръ гудетъ, то ли что другое. Ну только, — ни пѣшаго ни коннаго не видать. Далеко слышно: собаки брешутъ. А съ чего, не пойму никакъ.

— Такъ. Здря. Мало-ли, что ей, собакѣ, приснилось. Опять же пожаръ, днемъ бой былъ, ну и растревожилась.

— Да. Пожалуй и такъ. Ну, — бывайте здоровеньки.

Талдыкинъ и Ажогинъ опять одни. Они входятъ въ лѣсъ. Густой спиртовый запахъ можевельника, сосны и моха крѣпко охватываетъ ихъ. Такъ темно, что если встрѣтится человѣкъ, такъ и столкнутся съ нимъ, а не увидятъ. Идутъ съ остановками. Пройдутъ шаговъ двадцать и долго слушаютъ. Кажется, слышно, какъ колотится сердце въ груди, какъ лѣсная мышь перебѣгаетъ дорогу, или скачетъ потревоженная бѣлка. Въ лѣсу тихо. Когда выходятъ на опушку, въ поляхъ кажется свѣтло. Пожары уже не заливаютъ заревомъ неба, но лишь багровѣютъ пятнами тамъ, гдѣ еще горятъ уголья домовъ и мѣстечекъ. Небо на западѣ стало сѣровато синимъ и звѣзды погасли. Туманъ подымается кверху. Погода обѣщаетъ быть пасмурной. Казаки выходятъ на

большой шляхъ, идущій на Звѣржинецъ. Здѣсь сейчасъ и граница.

— Должно четвертый часъ уже, — говоритъ, зѣвая, Ажогинъ. — Свѣтать начинаетъ.

Прямая дорога идетъ полями. Она вся сѣрая и тонетъ въ туманѣ. Но и сквозь туманъ видно, что вся она во всю ширину занята какимъ-то темнымъ предметомъ. Неясный шорохъ несется оттуда, мѣрный, ровный, будто кто то громадный что то жуетъ.

— Глянь-ка, Ажогинъ, что тамъ такое?

Они стали посрединѣ и смотрѣли вдаль.

— Кубыть колонна, — сказалъ Ажогинъ.

— Бо-ольшая, — сказалъ Талдыкинъ. — Не иначе, какъ онъ наступаетъ.

— Пойти доложить, — спросилъ Акимцевъ. Его потянуло къ своимъ. Своя застава показалась надежнымъ оплотомъ и домомъ.

— Погоди. Чего зря будоражить. Опять посмотрѣть надо. А ну какъ наши?

— Наши?.. Оттуда?

— А что? Почемъ знать. Опять же и сосчитать надо.

Они стояли минуть пять съ блѣдными взволнованными лицами. Временами имъ казалось, что они слышатъ шаги справа, сзади, они пугливо озирались, хватали другъ-друга за руки, тяжело вздыхали.

— Видалъ?

— Ничего... вѣтка упала.

Развсвѣтъ надвигался быстро, шорохъ становился слышнѣе и темная масса отчетливѣе.

— Онъ, — прошепталъ Талдыкинъ. — Гляди — синѣютъ, и горбатые... Въ ранцахъ.

— Много!.. Ажникъ — страшно!..

— Съ полкъ будетъ. Сзади кавалерія.

Небо блѣднѣло. Послѣднія звѣзды угасли. Теперь уже ясно была видна колонна австрійской пѣхоты, шедшая прямо къ границѣ. Три эскадрона конницы ее сопровождали. Не доходя съ версту до опушки лѣса австрій-

цы остановились. Видно было, какъ люди сѣли на дорогу, засвѣтились огоньки папиросъ.

— Привалъ дѣлаютъ, — сказалъ Акимцевъ.

Отъ колонны отдѣлились одиночные люди и жидкою цѣпью быстро пошли къ лѣсу.

— Ну, Акимцевъ, бѣги, другъ, къ Попову, доложи, какъ оно есть, а я останусь, наблюдать буду. Куда они пойдутъ — на Звѣржинецъ, или на Томановъ. Понялъ, что сказать?

— Понимаю.

XXIII

Застава изготовилась къ бою. Вахмистръ Поповъ сѣлъ на лошадь и намётомъ проскакалъ впередъ, чтобы лично убѣдиться въ томъ, что Акимцевъ не вретъ. Онъ не доскакалъ и до опушки, какъ увидалъ Талдыкина, приготовившагося къ стрѣльбѣ. По лѣсу въ разныхъ мѣстахъ раздались выстрѣлы и попасть на опушку уже было нельзя. Поповъ вернулся на заставу и послалъ письменное донесеніе въ штабъ полка.

Застава его лежала по гребню, впереди домовъ Рабицувки. Шестнадцать человѣкъ растянулись почти на 300 шаговъ и зорко смотрѣли впередъ.

Въ лѣсу раздавались частые безпорядочные выстрѣлы. Австрійцы перестрѣливались съ Талдыкинымъ. Казакамъ съ ихъ мѣста было видно, какъ Талдыкинъ проворно перебѣгалъ отъ дерева къ дереву вдоль по опушкѣ и стрѣлялъ то съ одного, то съ другого мѣста, обманывая тѣмъ австрійцевъ. Но австрійцы все-таки подавались впередъ. Выстрѣлы становились громче и иногда надъ головами казаковъ съ жалобнымъ пѣніемъ пролетала далекая пуля.

Талдыкинъ дошелъ до дороги, врывшейся въ холмы и по ней бѣгомъ пустился къ своей заставѣ.

— Смотри, братцы, дуромъ не стрѣлять. Пали, когда подъ мишень подведешь, — говорилъ Поповъ, обходя ни-

зомъ бугра своихъ казаковъ, согнувшись такъ, чтобы изъ-за бугра его не было видно.

— Не подгадимъ, господинъ вахмистръ. Цѣлую его армію остановимъ, — отвѣчали казаки.

Талдыкинская стрѣльба прекратилась. Замолкли выстрѣлы австрійцевъ.

Поповъ съ волненіемъ ожидалъ, что будетъ. Каждая минута промедленія была ему дорога, каждая приближала помощь резервовъ, потому что онъ былъ увѣренъ, что Карповъ не замедлитъ придти на помощь. Объ отступленіи онъ не думалъ, хотя насчиталъ тридцать винтовокъ противъ Талдыкина, да сколько еще и не стрѣляло.

Утро наступило хмурое. Не то мелкій дождь моросилъ, не то снова садился туманъ. Въ небѣ клубились темныя тучи. Поповъ осмотрѣлъ свои фланги. И справа и слѣва къ нему подходили лѣса. Тамъ стояли другіе взводы ихъ сотни, но удержать ли они?

— Господинъ вахмистръ! — услышалъ онъ негромкій крикъ слѣва. — Можно?

Поповъ посмотрѣлъ впередъ. На опушкѣ лѣса, среди зелени молодыхъ елокъ, четко показались три австрійца. Сѣросиніе шинели, высокія кепи, ранцы за плечами были ясно видны на темномъ фонѣ лѣсной опушки.

Поповъ кивнулъ головой. Охотничья жажда охватила его, онъ схватилъ винтовку и поползъ на флангъ.

— Погоди, братцы, только не спугни раньше времени. Давай, и я пальну, по мишенямъ не мазалъ, ужели теперь пропуделяю.

Три выстрѣла раздались почти одновременно на флангѣ. Стрѣлялъ Поповъ и два крайнихъ казака. Одинъ изъ австрійцевъ осѣлъ и остался синеватымъ пятномъ среди молодыхъ елокъ, два другихъ исчезли.

— Попали, господинъ вахмистръ. — Одного подбили.

— А вы чего же промазали?

— Кубыть и вѣрно прицѣлъ взялъ...

— Да чудной, стрѣлялъ то поди съ постояннымъ.

— Ахъ ты! И то правда. Экая напасть.

— Станови на тысячу двѣсти, такъ вѣрно будетъ.

— Понимаю.

Въ то же мгновеніе весь лѣсъ огласился частой и сильной ружейной трескотней. Пули стали непрерывно свистать, выть и щелкать кругомъ Рабинувки. Казаки отвѣчали рѣдкимъ огнемъ. Стрѣлять было не по чему, австрійцы не были видны въ густой чащѣ лѣса. Били по опушкѣ, но сами сознавали, что эта стрѣльба была безполезная. Молодой Пастуховъ вдругъ уронилъ винтовку, дрыгнулъ ногами, перевернулся и затихъ съ побѣлѣвшимъ лицомъ.

— Пастухова убило, оттащить бы надо, — прошептали сосѣди, но уже страшно было вставать.

— Пастухова убили, — пронеслось по цѣпи.

Вахмистръ Поповъ поднялся, чтобы посмотрѣть что тамъ, но въ ту же минуту острая боль пронизала его ногу ниже колѣна и онъ упалъ на землю и покатился къ халупамъ.

— Ой, братцы, ногу перебило кажись совсѣмъ, — стоналъ онъ, — отнесите куда-нибудь, перевязаться бы.

Два казака отползли назадъ и взялись за Попова. Въ это время, сзади, изъ лѣса, показался пѣшкомъ командиръ полка. Онъ оставилъ адъютанта, ординарцевъ и трубачей въ лѣсу и самъ, не сгибаясь подъ пулями, смѣло шелъ къ Рабинувкѣ.

— Командиръ полка! — пронеслось по заставѣ и минутное колебаніе и желаніе уйти съ этого проклятаго мѣста, гдѣ на сотни винтовокъ австрійцевъ отвѣчало только десять, смѣнилось спокойною увѣренностью, что мы отстоимъ и этого мѣста не покинемъ.

Разорванныя тучи обнажили клочекъ голубого неба. Онъ сталъ шириться и расти, дождь пересталъ и солнце заблистало бриллiантами дождевой капели. Въ низинахъ трава казалась бѣлой отъ воды, лѣсъ смотрѣлъ яркій, точно вымытый. Дали ширились. Было восемь часовъ утра и день наступалъ, солнечный и веселый.

Карповъ, какъ только получилъ донесеніе, поднялъ дежурную сотню и приказалъ ей рысью идти къ Рабинувкѣ, начальнику связи приказалъ тянуть туда же те-

лефонъ, а самъ съ адъютантомъ и ординарцами, обгоняя третью сотню полевымъ галопомъ, поскакалъ къ заставѣ. Какое то чутье подсказало ему, что вахмистръ Поповъ и командиръ сотни Траилинъ не зря написали, что непріятель дѣйствительно наступаетъ.

Онъ стоялъ теперь надъ казаками въ ростъ и, не обращая вниманія на часто посвистывавшія и чмокавшія подлѣ пули, смотрѣлъ въ бинокль на лѣсъ. То, что онъ видѣлъ въ лѣсу и за лѣсомъ, его далеко не радовало, но онъ говорилъ громко:

— Великолѣпно! великолѣпно! Я такъ и зналъ. Ну, голубчики, сейчасъ вамъ третья пропишетъ. Продержись, молодцы, еще нѣсколько минутъ — третья подходитъ, — сказалъ онъ и сталъ спускаться въ лощину.

— Постараемся, ваше высокоблагородіе. Не сдадимъ. Не извольте безпокоиться, — раздались голоса.

Карповъ съ трудомъ удерживался отъ желанія нагнуться и побѣжать. Пули подгоняли его. Но онъ понималъ, что въ эти минуты онъ — все, и отъ стойкости тѣхъ пятидесяти человѣкъ, занимавшихъ всѣ заставы, зависитъ, можетъ быть, участь дивизіи, безпечно бивакировавшей въ Томашовѣ. Тамъ, — онъ зналъ это, — отпѣвали его урядника Ермилова и готовились торжественно хоронить перваго офицера, убитаго въ дивизіи, гусарскаго адъютанта. Но то, что онъ увидалъ въ свой бинокль, сильно его встревожило. Весь лѣсъ кишѣлъ людьми. За лѣсомъ, огибая правый флангъ нашихъ постовъ, двигалась большая колонна конницы; Карповъ насчиталъ 10 эскадроновъ. Поле за лѣсомъ было сѣро отъ австрійской пѣхоты, тамъ было не менѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Но артиллеріи Карповъ не видалъ и это его ободрило. Онъ понялъ, что это авангардъ большого отряда, пѣхотной дивизіи, а та вѣроятно идетъ во главѣ корпуса и обязанность ихъ дивизіи задержать и прикрыть во что бы то ни стало Заболотье и Холмъ, чтобы дать собраться нашей пѣхотѣ. Каждый день задержки имѣлъ громадное значеніе.

На опушкѣ лѣса онъ встрѣтилъ третью сотню. Без-

страстнымъ, спокойнымъ голосомъ, какъ будто дѣло шло о простомъ маневрѣ, онъ отдалъ ей приказаніе спѣшиться и идти, охватывая съ фланга опушку лѣса. Ему было жаль каждаго казака, каждаго онъ любилъ, какъ сына, но понималъ, что это нужно, и твердо и спокойно отдалъ приказъ.

Послѣ этого онъ пошелъ отыскивать телефонъ.

XXIV

Маленькій Санѣевъ самъ окликнулъ его, иначе Карповъ прошелъ бы мимо.

— Господинъ полковникъ, вамъ телефонъ?

Санѣевъ съ двумя телефонистами лежалъ на опушкѣ, въ песчаной ямѣ, поросшей верескомъ, подлѣ громадной сосны, гордо выдвинувшейся изъ лѣса впередъ.

— Телефонъ работаетъ? — спросилъ Карповъ.

— Сейчасъ отвѣчали.

— Давайте мнѣ штабъ дивизіи.

Онъ не скоро добился, чтобы начальникъ дивизіи подошелъ къ телефону. Минуты казались ему часами, кровь колотилась въ виски, ноги дрожали отъ волненія. Наконецъ онъ услышалъ старческій, хриплый, недовольный голосъ.

— Въ чемъ дѣло? — спрашивалъ Лорбергъ.

Карповъ доложилъ обстановку.

— Что же, отступать? — растерянно сказалъ Лорбергъ.

— Никоимъ образомъ, ваше превосходительство. Разрѣшите мнѣ спѣшить весь полкъ, пришлите мнѣ мои пулеметы и хотя одну батарею и мы ихъ и близко не подпустимъ, пока не подойдетъ къ нимъ артиллерія. Помните, что въ Заболотьи теперь хаосъ и, если пѣхота противника подойдетъ, — тамъ будетъ каша.

— Знаю, знаю... Ну хорошо. Я казаковъ вашихъ и седьмую батарею отдамъ вамъ, но гусары останутся при мнѣ и первая бригада въ Звѣржинцѣ. Я ее тронуть не

могу. Уланы вчера, одинъ эскадронъ атаковалъ австрійцевъ, говорятъ, такой ударъ вышелъ, сошлись въ рукопашную...

— Ну и что же? — спросилъ Карповъ.

— Наши разбили. Всѣхъ порубили и покололи, но и сами потеряли. Изъ 110 человѣкъ, цѣлыми только 40 и морально сильно потрясены. Такъ хорошо. Берите полкъ и батарею. Я подчиняю ее вамъ.

Карповъ отдалъ приказанія полку, а самъ, взобравшись на сосну, жадно смотрѣлъ въ бинокль. Онъ не спускалъ глазъ съ австрійской колонны, лежавшей на привалѣ, онъ ждалъ извѣстій справа о томъ, что будетъ дѣлать та конница, которая ушла туда. Карповъ понималъ, что пока отдыхаетъ большая колонна, это еще не бой. Къ нему подходили сотни его полка и онъ затыкалъ ими дырки. Мѣстами ему удалось потѣснить австрійскую цѣпь и глубже загнать ее въ лѣсъ. Перестрѣлка то совершенно затихала, то вспыхивала съ новою силою.

Австрійскіе развѣдчики донесли, что противъ нихъ только жидкіе казачьи аванпосты и начальникъ австрійскаго отряда не торопился.

Шелъ одиннадцатый часъ, когда Иванъ Ивановичъ Матвѣевъ въ сопровожденіи артиллеристовъ-развѣдчиковъ и телефонистовъ подъѣхалъ къ дереву, на которое ему указали казаки Карпова.

— Что батарея? — спросилъ его Павелъ Николаевичъ.

— Батарея становится. А у васъ что?

— Да вотъ, поглядите.

Матвѣевъ забрался на дерево, примостилъ свою большую рогатую трубу, прочно привязалъ ее ремнями, закурилъ сигару и попыхивая ею, щеголяя медлительностью своихъ движеній, сталъ разглядывать разстилавшуюся передъ нимъ мѣстность.

— Экая жалость! — далёко. Не хватитъ! — сказалъ онъ между клубами сизаго дыма сигары.

— Они подойдутъ, — сказалъ Карповъ.

— Несомнѣнно.

Взявъ трубку телефона, Матвѣевъ сталъ передавать команды старшему офицеру.

— Подождемъ, — сказалъ онъ.

Около полудня отрядъ австрійской пѣхоты поднялся. Это былъ 2-ой пѣхотный полкъ, краса австрійской арміи, занимавшій гарнизономъ Вѣну. Два дня тому назадъ, подъ звуки музыки, сопровождаемый лучшими пожеланіями Вѣнцевъ, онъ погрузился въ вагоны. Вчера ночью, при заревѣ пожаровъ, высадился въ Равѣ-Русской, всю ночь шелъ походомъ и теперь готовился раздавить казачьи заставы и занять Романовъ, гдѣ ему была назначена ночевка.

Въ большую артиллерійскую трубу была видна длинная колонна австрійской пѣхоты. Отчетливо рисовались новые голубовато-сѣрые мундиры, тяжелые ранцы, шако. Иванъ Ивановичъ видѣлъ конныхъ командировъ полка и баталіоновъ, маленькія фигуры, точно оловянные солдаты, шевелились, тянулись и занимали все полотно дороги. Шли долгія минуты, и въ бинокль колонна становилась отчетливѣе и яснѣе.

— Ага! ага! — вырвалось у Матвѣева и онъ на минуту отложилъ свою сигару. — Посмотрите-ка, Павелъ Николаевичъ.

Карповъ нагнулся къ трубѣ. До колонны оставалось немного больше трехъ верстъ. Она медленно входила въ углубленную дорогу, вившуюся по расщелинѣ между двухъ большихъ холмовъ. Щеки этихъ холмовъ были такъ круты, что по нимъ трудно было взбираться. Карповъ видѣлъ, какъ, нагнувшись и хватаясь руками за траву, ползли наверхъ одиночные люди, дозоры, и въ бинокль казалось, что это не люди, а маленькія, непріятныя насѣкомыя. Въ ущелье, заполняя всю дорогу, входила колонна. Карповъ видѣлъ блескъ ружей, ему казалось, что онъ различаетъ отдѣльныя лица, угадываетъ офицеровъ среди солдатъ.

Когда онъ оторвался отъ бинокля и посмотрѣлъ на Матвѣева, онъ увидалъ на его лицѣ ликованіе и онъ по-

нялъ его. Въ Матвѣевѣ заговорила радость профессіонала и лучшаго артиллериста въ корпусѣ.

— Вы начнете сейчасъ? — спросилъ Карповъ и почувствовалъ, какъ дрожь волненія охватила его.

— Нѣтъ. Подожду, пока всѣ войдутъ. Я ихъ всѣхъ тамъ и прикончу, — сказалъ Матвѣевъ.

Сигара потухала у него въ рукѣ, сѣрые глаза были устремлены мечтательно вдаль. Матвѣевъ предвкушалъ удовольствіе перебить и уничтожить всѣхъ этихъ маленькихъ, аккуратно одѣтыхъ австрійцевъ. Карповъ зналъ, что Матвѣевъ былъ отличный семьянинъ, что у него была молодая, хорошенькая жена, двое дѣтей, что жена его любила наряжаться и по вечерамъ каталась съ мужемъ по Заболотью въ прекрасной батарейной коляскѣ, запряженной парой бѣлыхъ лошадей въ шорахъ, съ короткими хвостами и гривой ершикомъ. Матвѣевы были счастливой парой, и Иванъ Ивановичъ считался въ Заболотьѣ образованнымъ, культурнымъ и добрымъ человѣкомъ. Онъ былъ вѣрующій христіанинъ, вѣрный мужъ, любящій отецъ, отличный, честный офицеръ. Всѣ знали, что Матвѣевъ врагъ ссоръ и мухи не обидитъ. Солдаты души въ немъ не чаяли и считали его хорошимъ, душевнымъ бариномъ. И теперь, не злоба, не кровожадность, не ненависть къ австрійцамъ были въ его сѣрыхъ глазахъ, неподвижно устремленныхъ на колонну, уже видную простымъ глазомъ, но только радость артиллериста, увидавшаго хорошую цѣль и увѣреннаго въ томъ, что онъ поразитъ ее, съ перваго же выстрѣла. Сбывалось то, о чемъ мечталъ Матвѣевъ мальчикомъ кадетомъ, читая, какъ Тушинъ крушилъ французовъ въ «Войнѣ и мирѣ» Толстого и мечтая быть такимъ, какъ Тушинъ. Сбывалось то, о чемъ онъ думалъ юношей, юнкеромъ Михайловскаго Артиллерійскаго училища, стоя подъ дождемъ въ накинутой на плечи шинели, на Красносельскомъ полигонѣ, исполнялось то, что высчитывалъ и доказывалъ онъ, рѣшая задачи въ Артиллерійской школѣ.

Сейчасъ онъ докажетъ всѣмъ своимъ друзьямъ по дивизіи, что нынѣ артиллерія — царица полей сраженія

и ей дано играть рѣшающую роль. Сейчасъ его имя и имя его лихой N—ской конной батареи будутъ навсегда занесены въ лѣтописи исторіи артиллеріи.

Онъ еще разъ посмотрѣлъ въ бинокль. Вся колонна, протяженіемъ около версты, вошла въ тѣснину. Послѣднія сѣрыя кухни и тяжелые патронные ящики въѣзжали въ нее.

Онъ приложилъ ко рту трубу телефона.

— Капитанъ Кануковъ, — сказалъ онъ, — прицѣлы взяты? Угломѣръ провѣренъ?

Отвѣтъ удовлетворилъ его.

— Такъ — сказалъ онъ, потянулся въ сладостной истомѣ, зажмурилъ глаза, пыхнулъ потухающей сигарой и медленно, раздѣльно, почти нѣжно, сказалъ:

— Прицѣлъ 95, трубка 94. Одинъ патронъ. Первымъ взводомъ.

Онъ начиналъ пристрѣлку и заранѣе зналъ, что она не нужна. Его офицеръ переживалъ такія же минуты вдохновеннаго волненія и счастія. Вся прислуга батареи, ничего не видавшая, потому что стояла за холмами и лѣсомъ, понимала по смыслу командъ, что готовится что то особенное и работала, какъ наэлектризованная. Люди безошибочно исполняли всѣ пріемы, ставили дистанціонныя трубки на соотвѣтствующія дѣленія, открывали и закрывали затворы, все дѣлалось съ поразительной быстротой.

Бахъ, бахъ!.. Глухо ударило два выстрѣла сзади лѣса и два снаряда со скрежетомъ пролетѣли лѣвѣе дерева, надъ казачьими цѣпями, и въ то же мгновеніе два бѣлыхъ дымка появились впереди и нѣсколько правѣе колонны.

Матвѣевъ самодовольно улыбнулся. Онъ зналъ, что онъ не ошибся. Онъ повторилъ въ телефонъ команду.

— Очередь! три патрона! — сказалъ онъ и мечтательно улыбнулся. Казалось, онъ слышалъ бѣготню на батареѣ, звонъ отворяемыхъ затворовъ, видѣлъ номерныхъ съ блестящими мѣдными патронами бѣгущихъ отъ передковъ къ орудіямъ, видѣлъ нагнувшагося наводчика, го-

товаго откинуться въ сторону. Улыбка показалась на его устахъ. Онъ былъ счастливъ сознаніемъ, что онъ командиръ такой батареи!

— Бѣглый огонь! — сказалъ онъ въ трубку и прильнулъ къ биноклю.

Стая бѣлыхъ дымковъ покрыла колонну. Упалъ съ лошади командиръ полка. Стройная, сверкающая ружьями колонна обратилась въ кашу, люди стали метаться куда попало, пробовали лѣзть по скатамъ холмовъ. Но бѣлые дымки снова разорвались надъ ними и многіе люди остались лежать на скатахъ. Имъ былъ еще одинъ путь — впередъ, но ихъ неудержимо тянуло назадъ и въ стороны и они падали подъ ударами рвущихся надъ ними шрапнелей.

— Я думаю, — сказалъ Матвѣевъ, — что ни одна пуля не пропадаетъ зря. Я считаю, что уже положено болѣе восьмисотъ человѣкъ.

Онъ затянулся еще разъ сигарой, бросилъ окурокъ, потеръ самодовольно руки.

— Вы можете убирать свои цѣпи, — сказалъ онъ Карпову. — «Они» бѣгутъ.

И, нагнувшись къ телефону, онъ проговорилъ сладострастнымъ шопотомъ:

— Бѣглый огонь!..

XXV

Весь вечеръ и всю ночь казаки и гусары собирали оружіе и вывозили раненыхъ изъ дефиле.

2-ой австрійскій полкъ былъ уничтоженъ. Наступленіе австрійцевъ остановилось и пѣхота въ Заболотьи спокойно закончила мобилизацію и стала отходить къ Комарову. Тамъ собирался армейскій корпусъ.

Пять дней простояли казаки и гусары въ окрестностяхъ Романова. Каждый день у нихъ были стычки, то съ конницей, то съ пѣхотой. Противникъ усиливался противъ нихъ. Вся армія Ауфенберга, наконецъ, обру-

шилась на N—-скую кавалерійскую дивизію и она начала отходить.

Карповъ съ донцами прикрылъ ее. Онъ вспомнилъ уроки исторіи, безсмертную Платовскую лаву, которою Платовъ сокрушалъ французовъ, и онъ примѣнилъ ее теперь, въ вѣкъ пулеметовъ, скорострѣльныхъ пушекъ и аэроплановъ. Семь сутокъ почти не разсѣдлывали, семь сутокъ не спали и толкомъ не ѣли, но зато и армія Ауфенберга подавалась эти семь сутокъ, едва дѣлая по восьми верстъ въ сутки. Было, какъ при Платовѣ.

Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья мечутъ стрѣлы,
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ — пышутъ села.

Жаркій іюльскій полдень. Сотня Траилина спѣшилась и залегла по опушкѣ лѣса. Казакъ лежитъ отъ казака далеко, шаговъ на тридцать. Два взвода въ лѣсу, два взвода въ верстѣ вправо у фольварка Чертовчикъ. Тамъ же и толстый Ильинъ съ пулеметами. Верстахъ въ двухъ показывается австрійскій эскадронъ на вороныхъ лошадяхъ. Четыре бѣлыя лошади четко рисуются въ его рядахъ. Онъ долго стоитъ во взводной колоннѣ, какъ бы приглашая казаковъ атаковать себя. Но казаки уже знаютъ въ чемъ дѣло. За эскадрономъ стоятъ австрійскіе пулеметы и разсыпана австрійская пѣхота: — это ловушка. Никто не идетъ атаковать эскадронъ и онъ медленно уходитъ, подставляя свои фланги, отчетливо рисуясь на фонѣ зеленаго лѣса.

Изъ кустовъ появляется жидкая патрульная цѣпь. Она долго идетъ и доходитъ почти до казаковъ. Сзади ползетъ колонна.

И вдругъ: — тахъ, тахъ — срываетъ два рѣзкихъ выстрѣла Ильинскій пулеметъ и начинаетъ трещать, осыпая колонну пулями. Къ нему пристраивается другой, по всему широкому фронту начинаютъ стрѣлять казаки, вправо и влѣво, охватывая фланги колонны бьетъ

третья, пятая и вторая сотни. Австрійскіе дозоры бѣгутъ назадъ, колонна ложится, выѣзжаетъ артиллерія, австрійскіе полки строятся по-ротно, высылаютъ цѣпи и по всему громадному фронту, захватывая лѣса и селенія, гремитъ бой. Медленно, цѣпь за цѣпью, подаются впередъ австрійцы, падаютъ подъ мѣткими выстрѣлами казаковъ, которые вдругъ появляются на флангахъ. Австрійцы разворачиваютъ новые полки и армія стоитъ и ждетъ результата.

— Агафошкина уберите, братцы, убило его, — кричатъ по фронту.

— Сейчасъ. Семеновъ, тебя въ руку, что-ль? Передай, другъ, патроны, мои кончаются.

— Третья отходитъ уже, отходить намъ, что-ль?

— Погодь, вонъ тому пучеглазому въ морду запалю.

— Эхъ, не попалъ!

— Я, братцы, офицера завоевалъ!

— Глянь, еще орудія подвезли.

— Кабы знали они, что насъ и всего-то двадцать человѣкъ!

— По воробьямъ изъ пушекъ.

— Эхъ, кабы намъ артиллерію! Прописали-бъ!

— Отходить по одному къ конямъ! Командиръ приказалъ.

Траплинъ идетъ послѣдній, сопровождаемый трубачомъ. Австрійцы долго бьютъ по пустому мѣсту, но постепенно стрѣльба стихаетъ. Патрули осторожно ползутъ впередъ. Тамъ, откуда стрѣляли — никого. Нѣсколько гильзъ, окровавленныя тряпки, да примятая трава.

Австрійцы идутъ впередъ, но уже настали сумерки и страшно идти въ темноту лѣса. Полки становятся на ночлегъ.

А ночью, то тутъ, то тамъ, загорается перестрѣлка. Мерещатся, а, можетъ быть, есть и на дѣлѣ, пѣшіе и конные люди.

Лицо Карпова стало худымъ и чернымъ отъ загара, въ бородѣ и на вискахъ засеребрилась сѣдина. Только

онъ соберетъ полкъ, отскочитъ съ нимъ верстъ на пять, какъ уже снова стоитъ надъ картой и даетъ новую задачу.

— Хоперсковъ съ первой сотней и двумя пулеметами къ деревнѣ Козя-Воля. Тамъ спѣшитесь. Вторая сотня по опушкѣ Лабуньскаго лѣса, третья займетъ съ двумя пулеметами шоссе у Лабуньки, четвертая у Чертовца, пятая по лѣсу до ручья Чернаго, шестая при мнѣ.

На двѣнадцать верстъ раскинулись сотни и ждутъ. Темная августовская ночь смѣняется яснымъ утромъ, блеститъ роса на вновь зацвѣтшихъ клеверныхъ поляхъ, четко рисуются блестящія скирды и опять со всѣхъ сторонъ ползутъ австрійцы и опять лопаются шрапнели и стучатъ пулеметы.

Другіе полки дивизіи съ конными батареями ушли далеко въ какой-то набѣгъ, казакамъ Карпова приказали быть при пѣхотѣ и прикрывать ее, а пѣхота еще только собиралась и была въ сорока верстахъ отъ мѣста боя.

Каждый день были потери, маленькія, незамѣтныя потери, о нихъ не стали бы говорить въ пѣхотѣ, гдѣ люди сразу гибнутъ тысячами. — Два убитыхъ, восемь раненыхъ, пять убитыхъ, двадцать раненыхъ, никого убитыхъ, два раненыхъ, но они были каждый день, и, когда, наконецъ, пѣхота вышла впередъ и Карповъ собралъ свой полкъ, онъ не узналъ его. Вмѣсто полныхъ пятнадцати и шестнадцати рядовъ, въ немъ было по восемь и по девять, половина полка полегла на поляхъ Холмщины. На мѣсто старыхъ бравыхъ казаковъ мѣстами стояли молодые люди, совсѣмъ незнакомые, непохожіе на казаковъ, въ неловко пригнанномъ обмундированіи и снаряженіи, несмѣло сидящіе на лошадяхъ. Особенно много такихъ было у энергичнаго и предпріимчиваго Каргальскова, командира третьей сотни.

— Это что за люди? — недовольнымъ голосомъ спросилъ Карповъ.

— Добровольцы, господинъ полковникъ, — отвѣчалъ Каргальсковъ.

— Откуда?

— Сами приходятъ. Хорошіе люди, мѣстные крестьяне и дерутся отлично. Не хуже казаковъ. Мѣстность отлично знаютъ, проводниками, переводчиками служатъ. Коноводамъ и кашеварамъ помогаютъ. Имъ все равно дѣваться некуда. Деревни ихъ заняты, дома пожжены или разорены, вотъ они и пристали къ намъ.

— Да вѣрные ли люди?

— Вѣрные. Поручиться за нихъ могу.

Карповъ махнулъ рукой. Жутко и больно ему стало на сердцѣ. И мѣсяца нѣтъ, что война идетъ, а уже половины полка, его ученаго, славнаго полка, которымъ онъ такъ любовался въ день выступленія въ походъ, не стало!

XXVI

Была дневка. На дворѣ господскаго дома, гдѣ стоялъ штабъ полка Карпова, толпились крестьяне, поляки и евреи. Все съ мелочными и неосновательными претензіями. Тому за курицу не заплатили, у этого овесъ взяли, не спросивъ, одного толкнули, другого обругали. Кумсковъ, потный и красный, сбился съ ногъ, разрѣшая удовлетворяя и просто прогоняя.

— Ты, панъ, погоди, твоя рѣчь впереди, — говорилъ онъ, останавливая лѣзшаго къ нему сѣдого морщинистаго старика въ бѣлой свиткѣ.

— Ой, панъ! Вшистко знищено! Жолнержи були, вшистко забрали!

— Постой, постой панъ. Какіе жолнержи? Было у нихъ тутъ червоное? — показывалъ Кумсковъ на ноги.

— Ни, панъ. Не казаки, а такъ жолнержи.

— Ну, вотъ видишь, а ты къ намъ лѣзешь. Не иначе, господинъ полковникъ, — обратился онъ къ Карпову, стоявшему на крыльцѣ, — какъ намъ придется взять переводчика. Разрѣшите къ Каргальскову послать, у него много добровольцевъ, пусть пришлетъ хорошаго. А то трудно съ ними.

— Охъ, ужъ эти добровольцы! — проговорилъ Карповъ. — Кто ихъ знаетъ, что за люди, а, можетъ быть, среди нихъ и шпіоны?

— Нѣтъ, господинъ полковникъ, славные люди. Каргальсковъ ихъ хвалитъ, и казаки ихъ одобряютъ.

— Да что казаки! Наша казуня — простодушная. Долго ли её обмануть? А, впрочемъ, пошлите. Намъ, пожалуй, и правда, не вредно имѣть при штабѣ одного поляка. И мнѣ покажите.

Подъ вечеръ, когда на дворѣ было тихо и Карповъ смотрѣлъ, какъ чистили его лошадей, во дворъ вошелъ есаулъ Каргальсковъ. Сзади него шелъ юноша лѣтъ восемнадцати, съ чистымъ лицомъ, въ фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ. Изъ-подъ козырька выбивалась задорная черная прядь волосъ. Ни усовъ, ни бороды не было на прекрасномъ лицѣ. Сѣрые глаза смотрѣли смѣло. Юноша былъ одѣтъ въ чистую казачью рубаху съ погонами, при шашкѣ, патронташѣ и винтовкѣ, шаровары были новые, сапоги хорошо вычищены. Выглядѣлъ онъ молодчикомъ и сразу обращалъ на себя вниманіе, но подъ его прямымъ, пронизывающимъ взглядомъ Карповъ невольно потупилъ глаза и подумалъ: — «какое отталкивающее выраженіе у этого красиваго поляка».

— Ты кто такой? — спросилъ онъ юношу.

— Викторъ Модзалевскій, — смѣло отвѣтилъ доброволецъ.

— Откуда?

— Я гимназистъ Холмской гимназіи. Сынъ шляхтича изъ-подъ Владиміра - Волынскаго.

По-русски онъ говорилъ чисто, но съ нѣкоторымъ иностраннымъ акцентомъ, какъ говорятъ иностранцы, или русскіе, долго жившіе заграницей.

— Душевный парень, Витя, — сказалъ Каргальсковъ. — Всѣ казаки его полюбили. Пѣсни поетъ. Онъ и по-нѣмецки и по-французски знаетъ. Вчера плѣнныхъ допрашивалъ. Ловко говоритъ.

— Гдѣ вы учились нѣмецкому языку?

— Въ гимназіи, — коротко отвѣтилъ Модзалевскій.

— Онъ давно у васъ? — спросилъ Карповъ Каргальскова.

— Третій день всего. Въ Чертовцѣ къ намъ присталъ.

— Хорошо, — сказалъ Карповъ, подавляя какое-то смутно-непріятное чувство, которое онъ испытывалъ почему-то при видѣ этого юноши, — оставайтесь при штабѣ.

— Слушаюсь, — отвѣчалъ твердо Модзалевскій и еще разъ прямо посмотрѣлъ въ глаза Карпову.

За эти три дня онъ очень много слышалъ восторженныхъ разсказовъ казаковъ о ихъ командирѣ и теперь, глядя прямо въ глаза Карпову, онъ подумалъ:

«И лучшаго изъ гоевъ убей!... Убей!»

Онъ отчетливо повернулся кругомъ, какъ научили его казаки, и пошелъ со двора. Карповъ стоялъ въ раздумьи. «Почему», — думалъ онъ, — «этотъ юноша мнѣ сразу такъ непріятенъ? Правъ ли я? Что онъ смотритъ такъ смѣло и не боится? Но что въ этомъ худого?»

До самой ночи онъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго чувства. Странная тоска вдругъ заползла въ его душу и прогнала тотъ безмятежный покой, который былъ у него даже въ самыя опасныя минуты боевъ.

XXVII

Полкъ, гдѣ служилъ Саблинъ, шелъ четвертый день походомъ. Ночлеги были плохіе. Останавливались по маленькимъ польскимъ деревнямъ, въ тѣсныхъ и грязныхъ халупахъ, гдѣ ночевали, кто на походной койкѣ, кто на полу, на ворохѣ соломы. Эскадроны расходились въ разныя мѣста, не хватало хатъ, кругомъ были угрюмыя болота и лѣса. Часто набѣгали дожди, потомъ свѣтило солнце и ярко, по-осеннему, отражалось въ лужахъ.

Кавалерія, высадившаяся пять дней тому назадъ изъ

вагоновъ, гдѣ провела трое сутокъ, спѣшила теперь на помощь N—скому армейскому корпусу, медленно отступавшему изъ Пруссіи, останавливавшемуся, задерживавшемуся и наносящему убыль германцамъ. Русская Армія въ эти августовскіе дни спасала Парижъ, отдавая свои земли, принося въ жертву войнѣ тысячи своихъ лучшихъ сыновъ.

Полкомъ командовалъ князь Рѣпнинъ, первымъ дивизіономъ Саблинъ, первымъ эскадрономъ ротмистръ графъ Бланкенбургъ и вторымъ — Ротбекъ. Оба эскадрона были полны офицерами и ожидали пріѣзда еще корнетовъ, только что выпущенныхъ изъ Николаевскаго училища и Пажескаго Корпуса.

Въ этотъ августовскій день выступили, какъ всегда, въ 8 часовъ утра. Переходъ былъ большой, день очень жаркій, за три дня похода всѣ притомились и жаждали ночлега, мечтая о хорошихъ квартирахъ. На другой день предполагалась дневка.

Отъ высокаго краснаго кирпичнаго костела, новой стройки, съ сѣрою грифельною крышей, дивизіоны разошлись. Первому дивизіону былъ назначенъ ночлегъ въ селеніи Вулькѣ Любитовской и второму въ Гончемъ Бродѣ.

Отъ костела поднялись на холмъ, покрытый скирдами сжатаго хлѣба. Шли безъ пѣсенниковъ, съ высланными впередъ дозорами. Кругомъ была мирная природа. Въ деревняхъ шумѣли и трещали молотилки, спѣша обмолотить хлѣбъ. Крестьяне выходили на дорогу и равнодушно смотрѣли на войска. Но въ этомъ мирномъ пейзажѣ вотъ уже второй день Саблинъ примѣчалъ суровые штрихи, внесенные войной. Нѣтъ, нѣтъ, попадалась навстрѣчу прочная, на высокихъ дубовыхъ колесахъ польская бланкарда, запряженная парою добрыхъ холеныхъ рослыхъ лошадей. На бланкардѣ, на узлахъ и чемоданахъ, среди клѣтокъ съ домашнею птицею, сидѣли дамы, барышни, кто въ городскихъ шляпкахъ, кто въ большихъ шерстяныхъ платкахъ. Сзади мальчики и дѣвочки гнали коровъ, гусей, тащили на веревкѣ толстую

свинью. Лица женщинъ были загорѣлыя, волосы растрепаны, глаза усталые, на нихъ легъ отпечатокъ лишеній кочевой жизни, ночевокъ въ полѣ подъ телѣгой, свѣжаго вѣтра, растерянности и испуга.

— Это были — бѣженцы.

По стратегическимъ и инымъ соображеніямъ войска отходили, пуская непріятеля на Русскую землю. Это дѣлалось легко, во имя успѣха, во имя побѣды въ будущемъ. Но каждый такой отходъ срывалъ съ мѣста цѣлыя хозяйства, разрушалъ навсегда укладъ жизни, создававшейся двѣсти, триста лѣтъ.

Передъ эскадронами Саблина бланкарды сворачивали въ сторону. Темные красивые глаза женщинъ смотрѣли на офицеровъ, и Саблину казалось, что онъ читаетъ въ нихъ горькій упрекъ за опозданіе. Ему становилось совѣстно и онъ отворачивалъ глаза. Эти бѣженцы открывали передъ нимъ новую сторону войны. Онъ всегда думалъ, что война касается только военныхъ, что это они, — офицеры и солдаты, — умираютъ героями, страдаютъ по госпиталямъ отъ ранъ, всю жизнь отдаютъ ученію о войнѣ и для войны, не имѣютъ истинной свободы и зато имъ и почеть, и яркій мундиръ, и веселая жизнь, и близость къ Государю, и любовь и поклоненіе женщинъ. Здѣсь, въ этихъ измученныхъ лицахъ женщинъ, Саблинъ читалъ страшную драму жизни, разбитый, поруганный миръ, тихое счастье, обращенное въ обломки. Ему становилось страшно и совѣстно. Онъ считалъ себя виновнымъ во всемъ этомъ. Это онъ не спасъ, не защитилъ, не заслонилъ ихъ отъ всего этого разоренія.

Но молодежь, офицеры эскадроновъ, ѣхавшіе впереди, не замѣчали этого. Они видѣли въ этомъ только батальную картину, какое-то оригинальное и красивое приключеніе. Они не думали о томъ прошломъ счастьи, что было у этихъ людей и о томъ будущемъ бездомномъ скитаньи, что ихъ ожидало.

— Куда вы, прелестныя паненки? — кричалъ хорошенькій мальчикъ, корнетъ Покровскій, посылая воздушные поцѣлуи.

— Въ Варшаву, — отвѣчали, улыбаясь, паненки. И въ улыбкѣ ихъ Саблинъ видѣлъ слезы.

— Зачѣмъ такъ далеко! Мы прогонимъ нѣмцевъ и вы спокойно вернетесь домой.

— Ахъ, если бы такъ! — вздыхала старая толстая дама, сидѣвшая на низкой клѣткѣ съ курами. — Ахъ, если бы такъ, панъ офицеръ!

Женщины и мужчины смотрѣли на прекрасныхъ лошадей полка, на громадныхъ солдатъ, красивыхъ, молодецъ къ молодцу, брюнетовъ, и надежда загоралась въ въ нихъ. Не можетъ быть, чтобы эти не побѣдили!

Бланкарда остановилась въ раздумьи. Но въ эту минуту легкое дуновеніе вѣтра съ запада донесло далекій неясный гулъ, шедшій безъ перерыва, то усиливаясь, то ослабѣвая; панъ, сидѣвшій съ бичомъ на борту телѣги, рѣшительно ударилъ по лошадямъ, бланкарда покатилась по выбоинамъ шоссе, старая тетка запрыгала на курахъ, а паненки печально поджали губы.

— Экъ, и тетка, — кричали, смѣясь, солдаты, — гляди, какихъ цыплятъ высидѣла, пора и съ посѣсти вставать, смотри, раздавишь.

Сзади, мыча, бѣжала большая пестрая корова, и гуси, испуганные лошадьми, бросались съ тревожнымъ гоготаніемъ черезъ канаву и за ними гнался мальчишка.

За холмомъ стоялъ высокій крестъ. Распятый Христосъ, въ изнеможеніи муки, опустилъ блѣдное лицо, съ круглымъ румянцемъ и кровяными каплями, къ правому плечу и все оно было покрыто пылью. У ногъ Его, на небольшой скамеечкѣ, лежалъ букетъ увядшихъ васильковъ. Пестрыя ленты, поблекшія отъ дождей и солнца, монисто, сердце, сдѣланное изъ бѣлаго металла, были привязаны къ ногамъ Христа.

Отъ распятія открывался широкій видъ. Внизу протекала окруженная лѣсами и кустами небольшая рѣчка. Подлѣ нея въ купахъ громадныхъ липъ и дубовъ стоялъ замокъ, а въ полуверстѣ отъ него, по скату, обращенному къ распятію, разбѣжалось мѣстечко, изъ полусотни маленькихъ домиковъ, окруженныхъ садами, бѣлѣлъ ка-

менный шпиокъ подъ желѣзной крышей, да торчали тонкіе шесты колодезныхъ журавлей. За селеніемъ шли большіе лѣса, они прерывались желтыми пятнами сжатыхъ полей, черными полосами отдыхающей земли и зелеными клеверниками. Густое, лиловато-синее небо висѣло надъ холмами, лѣсами, полями и деревней.

Христосъ скорбно отвернулся отъ широкаго раздолья полей, будто тяжко было смотрѣть Ему на прекрасную Польшу, столько вѣковъ заливаемую кровью, столько вѣковъ служащую ареною войнъ и раздоровъ, истоптанную боевыми конями, покрытую курганами могилъ — татарскихъ и турецкихъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ, шведскихъ и литовскихъ, французскихъ и австрійскихъ, и русскихъ и польскихъ, польскихъ и русскихъ.

Неутомонная, задорливая, вольнолюбивая и порабощенная, шумная и хвастливая Польша и сейчасъ заливалась потоками человѣческой крови и рыла новыя могилы.

Синіе васильки на сжатомъ полѣ смѣшались съ яркими пунцовыми маками. У дороги росъ косматый и колючій, высокій репейникъ и блѣдно-лиловые нѣжные пушистые цвѣты его цѣлой шапкой торчали поверхъ; желтыя мальвы росли по межамъ, впереди изъ господскаго сада видиѣлись дубы въ три охвата и громадныя липы, въ чьей тѣни могла отдыхать цѣлая рота. Стадо бурыхъ однотонныхъ коровъ, шерсть-въ-шерсть одинаковыхъ, паслось на толокѣ и тутъ же дремали сѣрые густошерстые мериносы. Косматая собака поднялась отъ отары, потянулась, приготовилась лаять, но раздумала и стала отбрасывать задними ногами землю, злобно рыча.

Отъ деревни прямо къ Саблину, плавно поднимаясь на облегченной рыси, съ болтающеюся на лѣвомъ боку новенькою полевою кожаною сумкой, отблескивающею целулоидною покрышкой, въ сопровожденіи солдата, ѣхалъ офицеръ. Это былъ корнетъ Лидваль, посланный впередъ квартирьеромъ.

— Господинъ полковникъ, — доложилъ онъ, задерживая свою лошадь и заѣзжая сбоку Саблина, — квар-

тиры 1-му и 2-му эскадронамъ отведены. Господамъ офицерамъ разрѣшите стать всѣмъ вмѣстѣ въ помѣщичьемъ домѣ. Помѣщикъ, панъ Ледоховскій, проситъ откушать у него. Очень богатый человѣкъ. У него винокуренный и сахарный заводы и своя суконная фабрика.

— Съ какой стати одолжаться, — хмуро сказалъ Саблинъ. — Развѣ нельзя было найти въ селеніи у войта или у жида какого-нибудь, гдѣ бы можно было заплатить и не одолжаться? Богъ его знаетъ, кто онъ такой, этотъ панъ Ледоховскій?

Послѣ смерти Вѣры Константиновны Саблину тяжело было общество постороннихъ людей. Могли найтись общіе петербургскіе знакомые, начаться разспросы, а такъ не хотѣлось бередить не могущую зажить рану.

— Онъ очень проситъ, — съ мольбою въ голосѣ говорилъ Лидваль. — Онъ такой богатый. Ему самому лестно. И домъ у него переполненъ прекрасными польками. Такъ хорошо бы было... Можно потанцовать.

Саблинъ нахмурился. Онъ готовъ уже былъ рѣзко отказать, но случайно взглянулъ на столпившуюся подлѣ него на лошадяхъ молодежь, увидалъ ихъ оживленныя лица и подумалъ, что, можетъ быть, онъ и не правъ, прилагая свою мѣрку къ офицерамъ.

— Отчего бы, Саша, и не стать у помѣщика? — сказалъ Ротбекъ. — И помыться бы можно хорошо, и поспать на свѣжемъ бѣльѣ. Домъ, какъ видно, громадный, навѣрно, десятка полтора Fremdenzimmer*) имѣетъ. Мы не только не стѣснимъ, а оживимъ общество.

Девять молодыхъ красивыхъ лицъ въ восемнадцать глазъ глядѣло съ ожиданіемъ и мольбой на Саблина. Онъ сдался.

— Ну, хорошо, — сказалъ онъ, — но при условіи, что въ каждомъ эскадронѣ по одному офицеру будутъ дежурить по очереди въ деревнѣ при людяхъ.

— О, будемъ, будемъ. Не безпокойтесь, — хоромъ отвѣтили офицеры. Шутки и веселыя предположенія и

*) Комнаты для гостей.

планы пикника съ прекрасными польками оживленно посыпались со всѣхъ сторонъ.

XXVIII

Панъ Ледоховскій встрѣчалъ гостей на крыльцѣ своего громаднаго замка.

— О, панъ полковникъ, — говорилъ онъ, мѣшая русскія слова съ польскими, — прошу милостиво въ нашъ убогій палацъ. Прошенья прошу, что не могу на каждаго пана офицера дать по комнатѣ. Но у меня такое стеченіе обстоятельствъ, бѣженцы со всей гмины, Войцеховскіе, Любитовскіе, княгиня Развадовская съ двумя дочерьми, панъ Лобысевичъ, панъ докторъ Карпиловскій и все съ дѣтьми, полъ флигеля занято бѣженцами.

— Мы васъ стѣснимъ, пожалуй, — сухо сказалъ Саблинъ.

— О! Ницъ! Ни Боже мой! Панъ осчастливитъ меня въ моемъ палацѣ. Но мнѣ хотѣлось-бы доставить полное удобство, достойно встрѣтить знатныхъ гостей. Вотъ сюда, пожалуйте.

Въ громадной прихожей былъ сдѣланъ каминъ, гдѣ свободно можно было зажарить цѣлаго кабана. На стѣнахъ висѣли трофеи охоты, олеьи и козьи головки съ рогами и просто рога, на отполированныхъ лобныхъ костяхъ которыхъ порыжѣлыми чернилами было написано когда и кто убилъ какого козла, или оленя. Вправо и влѣво отъ камина шла двумя маршами лѣстница, покрытая сѣрымъ суконнымъ ковромъ.

— Я покажу вамъ ваши комнаты. Теперь четыре часа, я пошлю вамъ по номерамъ чай и перекусить, а въ шесть часовъ милости просимъ всѣ вмѣстѣ пообѣдать, и я васъ представлю тогда графинѣ.

Саблинъ съ графомъ Ледоховскимъ, сопровождаемые офицерами, поднялись во второй этажъ. Вдоль просторнаго коридора съ окнами во дворъ, шли большія двери.

Панъ Ледоховскій открылъ одну дверь и указалъ комнату съ двумя кроватями.

— Для пана полковника, — сказалъ онъ. — Тутъ все готово, — и, оставивъ Саблина одного, онъ пошелъ разводить другихъ гостей.

Въ комнатѣ былъ чистый, но нѣсколько затхлый воздухъ. Саблинъ раскрылъ окно. Прямо въ стекла тянула вѣтви душистая липа. За окномъ былъ паркъ съ тщательно раздѣланными газонами и куртинами цвѣтовъ. Правѣе цвѣточнаго сада была зеленая лужайка, предназначенная для игръ. Вся лужайка была заставлена экипажами и телѣгами. Большая карета, съ откиднымъ кожанымъ верхомъ, на желѣзномъ ходу стояла съ края, и лошади, въ хомутахъ и сѣделкахъ, были привязаны къ дышлу и ѣли изъ большого мѣшка сѣно. Рядомъ въ бланкардѣ на сѣнѣ и коврахъ сидѣли двѣ польки и пили чай, наливая его изъ желѣзнаго чайника въ кружки. Молодой полякъ, въ штанахъ съ помочами и рубахѣ прислуживалъ имъ. У полекъ были заспанныя лица и растрепанные волосы, на ихъ блузкахъ пристало сѣно. Онѣ быстро говорили поляку и тотъ отмахивался отъ нихъ. Рядомъ съ бланкардой пустая коляска, потомъ двѣ телѣги съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, поверхъ котораго былъ привязанъ проволочный манекенъ модистки, потомъ длинная и узкая телѣга, гдѣ было много вещей и много черноволосыхъ глазастыхъ еврейскихъ дѣтей. Старая еврейка съ длинными сивыми распущенными волосами, въ красномъ шерстяномъ платкѣ, накинутомъ на плечи, сидѣла въ концѣ телѣги на узлахъ, оперщись сухими костлявыми руками о подбородокъ и тяжелое неисходное горе было въ ея глазахъ. Молодая, хорошенькая женщина, съ туго закрученными и подшпиленными на затылкѣ волосами, въ юбкѣ и рубашкѣ, безъ кофты, сверкая полными ярко бѣлыми плечами и грудью, кормила ребенка и желчно что то кричала старому сѣдобородому еврею, въ длинномъ до пятъ черномъ сюртукѣ, медленно ходившему подлѣ худой съ выдавшимися ребрами бѣлой

лошади, печально смотрѣвшей большими черными глазами на положенную передъ нею траву.

Мимо нихъ проходили офицерскіе вѣстовые и несли въ замокъ вьюки.

За паркомъ были поля, за полями синѣлъ далекій хвойный лѣсъ и изъ-за него, то стихая, то снова начинаясь слышался неровный и неясный гулъ. Тамъ шло сраженіе; была слышна канонада.

Комната была въ стилѣ empire.*) Вещи были старинныя, прочныя, дорогія. На стѣнѣ надъ кроватями висѣло хорошее полотно, изображавшее закатъ солнца въ Венеціи. На противоположной стѣнѣ двѣ гравюры: море съ зелеными волнами, по которому шла большая гребная лодка, переполненная людьми, и темная гравюра офортъ олень съ оленихами въ лѣсу. Въ углу у окна стоялъ туалетъ съ тройнымъ зеркаломъ и были разложены хрустальные флаконы и вазочки. По другую сторону низкій, пузатый, краснаго дерева съ бронзою комодъ. У двери былъ шкафъ и большой умывальникъ съ двумя приборами хорошаго англійскаго фаянса.

Пришла кокетливо одѣтая въ бѣломъ чепцѣ и передникѣ хорошенькая горничная, принесла Саблину чай и сандвичи и, поставивъ на столъ у мягкаго дивана, стала доставать изъ комода и слать чистое бѣлье на обѣ постели и развѣшивать полотенца у умывальника.

Она нагибалась и выпрямлялась стройнымъ станомъ, показывая молодыя, упругія ноги въ черныхъ башмакахъ и бѣлыхъ, нитяныхъ чулкахъ, проворно ловкими руками разстилала пахнущее свѣжестью бѣлье и искоса, лукавыми темно карими глазами поглядывала на Саблина, сидѣвшаго на диванѣ.

— А что, панъ, — вдругъ быстро спросила она — германъ придетъ сюда?

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что заставилъ Саблина смутиться.

Онъ поднялъ глаза на горничную и молчалъ.

---

*) Имперіи.

— Вишь, какъ бьетъ, — сказала она. — Это изъ пушекъ. Хлопцы оттуда прибѣгли, сказывали много народа погибло. Будто отступать наши стали.

Она ждала отвѣта, авторитетнаго яснаго указанія и завѣренія, но Саблинъ не могъ ничего сказать, потому что совсѣмъ не зналъ обстановки.

— Ой, бѣда будетъ, если германъ придетъ. У меня отецъ больной въ деревнѣ лежитъ. Куда его увезешь? Мужа забрали. Запасный онъ.

— Я думаю, — сказалъ Саблинъ, — что сюда не придутъ нѣмцы. Бой идетъ далеко.

— Да, кабы устояли... — Чаю позволите еще принести?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

Горничная вышла.

Въ коридорѣ слышался звонъ шпоръ и веселые молодые голоса.

— Полина, вы вотъ за кѣмъ поухаживайте, — кричалъ Лидваль — посмотрите какой красавецъ.

— Полина, потрите мнѣ спину.

— Да, полноте, баловни!

— Полина, вы Русская? Что вы такъ хорошо говорите по Русски.

Саблинъ закрылъ дверь въ коридоръ, сѣлъ у окна и задумался.

«Война», — думалъ онъ, — «и богатый замокъ, и нѣжное бѣлье, и Полина, и шутки, и любовь»...

«И старая еврейка, трясущая головой, и двѣ растрепанныя польки, ставшія, какъ бездомныя кошки.»

«Кому шутки и веселье, а кому горе. А можетъ быть и имъ завтра, послѣзавтра... что будетъ? Кто знаетъ? Быть можетъ, смерть уже завтра заморозитъ эти жаждущія женской ласки молодыя, горячія тѣла!..»

XXIX

Въ шесть часовъ вечера камердинеръ, одѣтый въ ливрею съ графскими коронами на бѣлыхъ плоскихъ пуговицахъ, постучалъ въ дверь комнаты Саблина и попросилъ по-польски идти обѣдать.

Въ большой столовой, со спущенными шторами, залитой электрическимъ свѣтомъ, уже собрались всѣ офицеры Саблинскаго дивизіона и гости графа Ледоховскаго. Ждали Саблина, какъ почетнаго гостя. Едва онъ переступилъ порогъ столовой, какъ съ хоръ трубачи грянули ему полковой маршъ. Это было такъ неожиданно, что Саблинъ вздрогнулъ и пріостановился. Къ нему подошелъ Ротбекъ со сконфуженной виноватой улыбкой.

— Саша, прости, — сказалъ онъ, — что я безъ тебя распорядился и просилъ князя разрѣшить взять трубачей. По молодежь, столько дамъ, барышень, отчего и не потанцовать потомъ.

— Эхъ, Пикъ, Пикъ! — укоризненно сказалъ Саблинъ и пошелъ къ хозяйкѣ.

Графиня, сорокалѣтняя, видная и красивая полька, была одѣта въ бальное платье и блистала своими широкими бѣлыми плечами и высокою грудью. Она не хотѣла, или не умѣла говорить по-Русски и заговорила съ Саблинымъ на отличномъ французскомъ языкѣ. Саблина это взорвало и онъ, сознавая свою грубость, отвѣчалъ ей по-Русски. Разговоръ прервался. Ея дочь, Анеля, прелестное существо семнадцати лѣтъ, свѣжее, румяное съ большими черными глазами, тонкимъ носомъ, тонкими бровями и губами, церемонно присѣла передъ Саблинымъ. Она воспитывалась во французскомъ монастырѣ и съ трудомъ говорила по-Русски.

Саблинъ торопливо проходилъ вдоль стоявшихъ группой гостей, мимо тянувшихся передъ нимъ офицеровъ. Прилизанные затылки и длинные носы вычурно, по-варшавски, одѣтыхъ польскихъ помѣщиковъ и туалеты ихъ дамъ — то богатые бальные, то простые дорожные, мелькали передъ нимъ. Много было молодыхъ красивыхъ

лицъ и Саблинъ понялъ, что Пикъ не могъ устоять передъ соблазномъ развернуться во всю. Сзади Саблина шелъ графъ Ледоховскій и представлялъ его дамамъ, а ему своихъ гостей.

— Панъ Каштелянскій съ Кухотской воли. А то полковникъ Саблинъ, нашъ защитникъ. Пани Ядвига Каштелянская, а то панночки Марися и Зося... Панъ Зборомірскій съ Павлинова, гдѣ теперь бой идетъ, а то пани Анеля Зборомірская, самая красивая и веселая во всемъ нашемъ округѣ.

Мило подрисованное овальное лицо, съ крошечными пухлыми капризными губами, съ большими блестящими глазами, чуть вздернутымъ носикомъ съ широкими ноздрями и лбомъ, прикрытымъ задорными кудрями, повернулось къ Саблину съ нѣжной истомой. Ей было меньше тридцати лѣтъ, рядомъ стоялъ панъ Зборомірскій, старый, лысый и безсильный.

«Самая веселая», — подумалъ Саблинъ, — «есть отчего веселиться при такомъ мужѣ!»

На отдѣльномъ столѣ была приготовлена закуска и водки. Столъ этотъ живо обступили гости и офицеры. Саблинъ стоялъ въ сторонѣ. Со дня похоронъ жены и объявленія войны, онъ далъ зарокъ не пить ни вина, ни водки.

Пани Анеля и графиня нѣсколько разъ подходили уговаривать его, но онъ отказался.

— Саша, — подмигивая глазами, кричалъ ему туго набитымъ ртомъ Ротбекъ, — а я ad majorem Poloniae gloriam*) четвертую шнапса хватилъ. Прелестный шнапсъ, на какихъ то з-за-м-мѣчательныхъ травахъ настоенный. А колбаса — не колбаса, а прямо мечта. Такъ подъ водку и просится.

— Пани Анеля, — говорилъ высокій и красивый штабсъ-ротмистръ Артемьевъ, — ну вы, хотя пригубьте мнѣ немного, чтобы я ваши мысли узналъ.

Зборомірская смѣялась, показывая два ряда велико-

*) За большую славу Польши.

лѣнныхъ зубовъ, кокетливо грозила маленькимъ пальцемъ, украшеннымъ кольцами и говорила:

— О! зачѣмъ пану ротмистру знать мысли маленькой польской паненки. Черныя мысли, нехорошія мысли.

Наверху трубачи играли попури изъ «Карменъ» и шаловливо страстные мотивы оперы Бизэ волновали дамъ и возбуждали мужчинъ. О войнѣ, о близости боя, никто не говорилъ.

За обѣдомъ Ледоховскій, сидѣвшій рядомъ съ Саблинымъ, занималъ его политическимъ разговоромъ. Саблинъ угрюмо молчалъ.

— Вы слыхали про манифестъ великаго князя Николая Николаевича. Польша возрождается. Какой это хорошій, красивый, благородный жестъ. Два братскихъ народа, слившись въ объятіи, пойдутъ на защиту своей свободы отъ общаго врага славянства. Вы навѣрно испытываете эту глубокую священную ненависть къ германскому народу?

Саблинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ заглянулъ себѣ въ душу и не нашелъ тамъ ненависти. Онъ не могъ ненавидѣть Вѣру Константиновну, онъ продолжалъ любить баронессу Софію, а ея мужъ, прусскій офицеръ, былъ въ лагерѣ враговъ. Вся война казалась Саблину страшнымъ недоразумѣніемъ и онъ не понималъ ее.

— Какъ вы думаете, — сказалъ онъ Ледоховскому, — что же будетъ представлять изъ себя въ будущемъ Польша? Царство, королевство, или иное что?

Ледоховскій расправилъ красивый длинный усъ, внимательно посмотрѣлъ на Саблина и началъ:

— Конечно, никому другому не слѣдуетъ быть на престолѣ Польскомъ и короноваться короною Пястовъ, какъ великому князю Николаю Николаевичу. За него всѣ сердца польскаго шляхетства, вся Польша за него... Но, панъ полковникъ, не находите ли вы, что въ двадцатомъ вѣкѣ уже неумѣстно говорить о коронахъ и престолахъ?.. Народъ самъ желаетъ принять на себя управленіе страною. Мы живемъ въ вѣкъ демократіи и Рѣчи Посполитой умѣстнѣе преобразоваться въ республику,

связанную прочнымъ союзомъ съ Россійской монархіей.

— Сеймъ будетъ править Польшей? — сказалъ Саблинъ, не думая ни о чемъ.

— О, да. Сеймъ. Парламентъ. Народъ.

— Но какъ-же уроки исторіи. Къ чему привели васъ сеймы и шляхетское veto?*)

— О, то не сеймъ, панъ полковникъ, виновникъ развала Польши. О, то короли не сумѣли владѣть достояніемъ народа. Не шляхетство пойдетъ теперь въ сеймъ, но весь народъ, подлинная демократія и онъ сумѣетъ сберечь Польшу. Польша Пястовъ отъ моря и до моря должна возродиться снова, панъ полковникъ, и какъ хорошо, что это будетъ по слову Государеву.

— Но въ манифестѣ, — сухо сказалъ Саблинъ, — сколько я помню, ничего не сказано о границахъ. Куда вы дѣнете Курляндскую губернію и Малороссію?

— О, панъ полковникъ, о Украйнѣ рѣчь впереди. Украинскій вопросъ, это есть часть вопроса Польскаго. Кіевъ и Варшава — это начало и конецъ.

«Какъ странно», — подумалъ Саблинъ, — «война только что началась, а уже идетъ рѣчь о раздѣлѣ Россіи. Польша, Украина, Финляндія предъявляютъ свои старые счета къ оплатѣ тогда, когда еще неизвѣстно, кто побѣдитъ». Ему непріятенъ былъ разговоръ о политикѣ и онъ обратился къ сидѣвшей по лѣвую его руку, въ головѣ стола, графинѣ Ледоховской.

— Comtesse, dites, avez vous recue votre éducation en Russie ou à l'étranger?*)

— J'ai fait mon éducation au gymnase de Varsovie**) — отвѣчала быстро графиня, обрадовавшись, что заставила гордаго полковника говорить по-французски.

— Значитъ, графиня, — сказалъ Саблинъ, чаруя ее своими прекрасными, мягкими, сѣрыми глазами, вы

---

*) Запретъ.

**) — Скажите, графиня, вы воспитывались въ Россіи, или заграницей?

— Я окончила Варшавскую гимназію.

должны отлично говорить по-Русски. Вся Варшава говорить по-Русски.

Пойманная врасплохъ графиня смутилась и пролепетала по-Русски:

— Но я такъ позабыла Русскій языкъ.

— Языкъ варваровъ.

— Нѣтъ, почему же?

— А вы помните... Вы навѣрно читали Тургенева, о красотѣ Русскаго языка.

— Ну а польскій... Польскій вамъ не нравится?

— Я боюсь быть грубымъ и оправдать свое варварское происхожденіе.

— О, я знаю, — сказала графиня, — вы сейчасъ повторите эту остроту — не пепши Пепше вепрша пепшемъ, бо можешь перепепшить вепрша пепшемъ. Но это совсѣмъ даже и не по-польски. А въ самомъ дѣлѣ, развѣ нашъ языкъ не такій ласкавый, нѣжный, чарующій.

— Вотъ именно, ласкàвый. Въ вашихъ устахъ, графиня, всякій языкъ прелестенъ, но кто жилъ на югѣ Россіи, тотъ привыкъ слышать всѣ эти слова въ устахъ простонародья и слышать ихъ въ устахъ прелестныхъ дамъ кажется такъ страннымъ.

Анеля Зборомірская съ другой стороны стола протягивала бокалъ со сверкающимъ шампанскимъ и, улыбаясь пухлымъ ртомъ и сверкая ровными, какъ жемчугъ зубами, говорила:

— За побѣды, панъ полковникъ!

Графиня Ледоховская примкнула къ этому тосту.

— О! за побѣды! Защитите насъ. Вы знаете, нашему палацу безъ малаго двѣсти лѣтъ. Въ 1812 году здѣсь почевалъ Наполеонъ со своимъ штабомъ и панъ Ледоховскій имѣлъ счастье принимать его величество у себя. У насъ сохраняется и комната, гдѣ былъ Наполеонъ.

Графъ Ледоховскій нагнулся къ Саблину и говорилъ:

— Потерять этотъ замокъ было бы невозможно. Это одно изъ самыхъ культурныхъ имѣній Польши. У насъ своя электрическая станція, рафинадный заводъ, вино-

курия, сукошная фабрика — здѣсь достояніе на многіе милліоны. У меня въ галлереѣ Тенирсъ — графъ сказалъ Тенирсъ вмѣсто Теньеръ — и Рубенсъ лучшіе, чѣмъ въ Эрмитажѣ. А коллекція Путермана и Ванъ-Дейковъ! — Я завтра покажу вамъ. Графы Ледоховскіе были покровителями искусства и мой прадѣдъ всю свою жизнь провелъ въ Римѣ при Его Святѣйшествѣ. Я скорѣе умру, чѣмъ разстанусь съ замкомъ.

Лакеи подавали мороженое. По раскраснѣвшимся лицамъ молодежи и по шумному говору на французскомъ и польскомъ языкахъ, Саблинъ видѣлъ, что вина было выпито не мало. Ротбекъ не отставалъ отъ полной и шаловливой пани Озертицкой, смотрѣвшей на него масляными глазами. Пани Озертицкая была зрѣлая вдова съ пышными формами, и Ротбекъ, подмѣтившій взглядъ Саблина, крикнулъ ему:

— Я, Саша, иду по линіи наименьшаго сопротивленія. Гдѣ мнѣ бороться съ молодыми пѣтухами. Ишь какой задоръ нашелъ на нихъ.

Пани Анеля разрывалась между своими двумя кавалерами, рослымъ и молодцеватымъ штабсъ-ротмистромъ Артемьевымъ, который ее рѣшительно атаковалъ, и скромнымъ черноусымъ корнетомъ Покровскимъ, смущавшимся передъ ея прелестями. Его она сама атаковала. И тотъ и другой усиленно подливали вина ея мужу, старому пану Збороміpскому, не обращая вниманія на притворные протесты пани Анели, а старый панъ смотрѣлъ на всѣхъ мутными, ничего не понимающими глазами, хлопалъ рюмку за рюмкой и говорилъ:

— А я, панъ, еще клюкну!

Его тянуло ко сну.

XXX

Послѣ обѣда были танцы. Пржилуцкій съ пани Люциной Богоповской танцовалъ настоящую польскую мазурку, помахивалъ платкомъ, гремѣлъ шпорами, стано-

вился на колѣно, пока дама обѣгала вокругъ него, прыгалъ самъ козликомъ подлѣ нея и очаровалъ всѣхъ поляковъ.

— Вотъ это танецъ, — говорилъ восхищенный графъ, — это не то, что тамъ разные кэкъ-уоки, да уанъ-стэпы — танцы обезьянъ — это король танцевъ — и онъ вдругъ схватилъ за руку свою дочь и помчался съ нею въ лихой мазуркѣ.

Въ самый разгаръ танцевъ, лакей подбѣжалъ къ графу и доложилъ ему что то.

— Панове! — воскликнулъ графъ. — Богъ милости послалъ! Еще паны офицеры прiѣхали! Панъ полковникъ, позволите просить прямо до мазурки!

Саблинъ вышелъ въ прихожую. Тамъ раздѣвались, стягивая съ себя шинели и плащи розовые, румяные юноши, только что выпущенные въ полкъ офицеры.

Увидѣвъ Саблина, они построились одинъ за другимъ и стали представляться ему.

— Господинъ полковникъ, выпущенный изъ камеръ пажей Пажескаго Его Величества корпуса корнетъ князь Гривенъ.

— Изъ вахмистровъ Николаевскаго кавалерiйскаго училища корнетъ Багрецовъ.

Оленинъ, Медвѣдскiй, Лихославскiй, Розенталь — всѣхъ ихъ Саблинъ зналъ пажами, юнкерами, дѣтьми. Онъ зналъ ихъ отцовъ и матерей. Это все былъ цвѣтъ Петербургскаго общества, лучшая аристократiя Россiи. Сливки Русскаго дворянства посылали на войну своихъ сыновей на защиту Престола и Отечества.

Сзади всѣхъ, укрываясь за спинами молодыхъ офицеровъ, появился высокiй мальчикъ красавецъ, въ солдатской защитной рубахѣ, подтянутой бѣлымъ ремнемъ, при тяжелой шашкѣ — его сынъ Коля.

Саблинъ нахмурился.

— Коля! — строго сказалъ онъ. — Это что!

Сынъ вытянулся передъ нимъ и ломающимся на басъ голосомъ сталъ говорить заученную фразу рапорта:

— Ваше высокоблагородiе, пажъ младшаго спецiаль-

наго класса Николай Саблинъ является по случаю прикомандированія къ полку.

— Кто позволилъ?

— Господинъ полковникъ.

— Нѣтъ, Коля! Это слишкомъ! Пойдемъ ко мнѣ. Господа, — обратился онъ къ вновь прибывшимъ офицерамъ, — завтра я распредѣлю васъ по эскадронамъ. А сейчасъ... Помойтесь, отмойте дорожную пыль и веселитесь... Идемъ, Николай.

Коля послушно пошелъ за отцомъ.

Саблинъ прошелъ въ свой номеръ, зажегъ лампу и сталъ спиной къ окну. Сынъ смотрѣлъ на него умоляющими глазами.

— Ну-съ. Какъ ты сюда попалъ?

— Папа! Пойми меня. Мы были съ бабушкой въ Москвѣ у дяди Егора Ивановича. Вдругъ — манифестъ — объявлена война. Папа, я не могъ больше ни минуты оставаться. Дядя Егоръ Ивановичъ вполнѣ меня одобрилъ. Онъ мнѣ сказалъ: твой долгъ умереть за Родину!

— Старый оселъ! — вырвалось у Саблина.

— Папа, у меня отпускъ до перваго сентября. Позволь остаться. Посмотрѣть войну. Убить хотя одного германца... Папа!.. Я въ нынѣшнемъ году лучшимъ стрѣлкомъ. Во весь курсъ всего пять промаховъ. Папа... Мамы все равно нѣтъ. Къ чему и жить. Папа, не сердись... Позволь.

— Сестра гдѣ? — сурово спросилъ Саблинъ. — Таню гдѣ оставили?

— Таня съ бабушкой поѣхала въ Кисловодскъ.

— Бабушка что? Развѣ пустила тебя?

— У бабушки горе. Дядя сталъ требовать, чтобы она перемѣнила фамилію и стала называться Волковой, а бабушка разсердилась: — была, говоритъ, баронессой Вольфъ и умру баронессой Вольфъ и много нехорошаго наговорила. Таня плакала потому, что у нея бабушка нѣмка.

— Да что вы тамъ, сдурѣли, что-ли?

— Папа — нѣмецкіе магазины разбивали и грабили,

вывѣски срывали. У Эйнема карамель была разсыпана по улицѣ, какъ песокъ, ногами топтали. Одни собирали, а другіе запрещали.

— Какая дикость!

— Папа, вѣдь это хорошо! Это патріотизмъ.

Саблинъ пожалъ плечами.

— Плохой патріотизмъ, — сказалъ онъ. — Такъ вѣдь и еврейскій погромъ можно патріотизмомъ назвать! Шуты гороховые!

— А дядя Егоръ Ивановичъ ходилъ съ толпой и говорилъ, что такъ имъ и надо, всѣ они, молъ, шпіоны.

— Экой какой!

Саблинъ смотрѣлъ на сына. Въ душѣ у него былъ праздникъ. Да, онъ былъ радъ, что сынъ пріѣхалъ къ нему въ полкъ, на настоящую войну, а не остался въ тылу, разбивать магазины и грабить ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ нѣмцевъ. Онъ поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить Саблинъ.

Сынъ стоялъ, вытянувшись по-солдатски, и три пальца лѣвой руки его чуть касались тяжелыхъ черныхъ ножонъ со штыковыми гнѣздами. Въ голубовато сѣрыхъ глазахъ было то же выраженіе упорной воли, готовности во имя долга умереть, какъ и у его матери. И самъ онъ, оваломъ лица, тонкимъ носомъ и тонкими сурово сжатыми губами напоминалъ мать.

Чувство одиночества, которое не покидало Саблина со дня смерти Вѣры Константиновны, смягчилось. Сынъ словно былъ присланъ матерью, чтобы облегчить Саблину его долгъ.

— Ну, здравствуй! — сказалъ Саблинъ и горячо обнялъ и поцѣловалъ сына въ нѣжныя блѣдныя щеки. — Богъ съ тобой, оставайся.

Сынъ горячо охватилъ отца за шею. Слезы текли у него изъ глазъ.

— Папа, — говорилъ онъ, всхлипывая, — мы одни. Мамы нѣтъ! Не будемъ разставаться.

— Ты ѣлъ?

— Я не хочу ѣсть.

— Ну, умывайся, почистись и ступай. Танцуй, веселись. Видишь, какая война у насъ...

Онъ съ нѣжностью смотрѣлъ на бѣлый торсъ сына, обнаженнаго по поясъ. Коля умывшись обтирался полотенцемъ. Молодая, сильная жизнь, сквозила въ плотныхъ мускулахъ рукъ и спины и красивомъ цвѣтѣ здоровой кожи. Коля, протирая глаза, разсказывалъ свои впечатлѣнія отъ Москвы.

— Кестнеръ, ты помнишь, дядя, — присяжный повѣренный, правовѣдъ, сталъ Кострецовымъ, такъ смѣшно! Мы, дорогой, корнета Гривена передѣлали въ Гривина, а Розенталя назвали Долинорозовымъ. Папа, а правда, это глупо! Война это одно, а чувство это другое. Я хочу убить нѣмца, ты знаешь, если бы я дядю, фонъ Шрейница, встрѣтилъ, я бы его — убилъ, не колеблясь, потому что онъ врагъ — а я его очень люблю, дядю Вилли и тетю Соню люблю. Но это война.

Коля пошелъ внизъ въ залъ, а Саблинъ остался наверху. Если бы онъ могъ молиться, онъ молился бы. Но онъ больше не вѣрилъ въ Бога и сухими глазами смотрѣлъ на шинель сына и на его раскрытый чемоданъ. Мысли шли, не оставляя слѣда и если бы Саблина спросили, о чемъ его мысли, онъ не сумѣлъ бы отвѣтить. такъ неслись онѣ тусклыя, неопредѣленныя, отрывочныя.

Ночь была тихая, темная, задумчивая. Въ окно было видно, какъ точно зарницы далекой грозы вспыхивали огни отдѣльныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Саблину показалось, что вблески огней стали ближе, чѣмъ днемъ, слышнѣе была канонада. Огни появлялись сейчасъ за темной полосой большого лѣса, верстахъ въ двадцати отъ замка.

«Неужели наши отошли», — подумалъ Саблинъ. Снизу раздавался пѣвучій вальсъ и въ раскрытыя окна слышались голоса.

Въ одиннадцать часовъ, какъ было условлено съ Ротбекомъ, трубачи сыграли маршъ и ушли. По коридору съ шумнымъ говоромъ расходились офицеры.

— Ты знаешь, Санди, — говорилъ Покровскій, идя

обнявшись съ Артемьевымъ, — Анеля обѣщала меня ровно въ два часа ночи впустить въ семнадцатый номеръ.

— Какая же ты скотина, — смѣясь говорилъ Артемьевъ. — вѣдь ты мнѣ рога наставишь.

— Какимъ образомъ?

— Она обѣщала меня впустить ровно въ двѣнадцать и съ тѣмъ, чтобы въ половинѣ второго я ушелъ, а то мужъ придетъ.

— Ахъ, ты! Но это очаровательно.

— У васъ, господа, настоящее приключеніе, — сказалъ баронъ Лидваль, а мы съ Пушкаревымъ дѣлимся Полиной.

— А Пикъ то!.. Не стѣсняясь при всѣхъ заперся съ этой толстой Озертицкой.

— Ну, мы Нинѣ Васильевнѣ отпишемъ.

Артемьевъ съ Покровскимъ запѣли вѣрными голосами дуэтъ изъ «Сказокъ Гофмана».

О, приди, ты ночь любви,
Дай радость наслажденья...

Коля, оживленный, счастливый, гордый тѣмъ, что онъ съ настоящими офицерами, на настоящей войнѣ, вошелъ къ Саблину.

— Какъ хорошо, папа! — сказалъ онъ. — И какой ты у меня хорошій... Герой!..

XXXI

Подъ утро Саблину приснился тяжелый сонъ. Ему снилось, что онъ съ трудомъ, борясь съ теченіемъ, часто захлебываясь, переплылъ широкую и глубокую рѣку, а Коля, плывшій рядомъ съ нимъ, захлебнулся и потонулъ. Какъ тогда, когда умерла Маруся и ему снилась вода, онъ проснулся съ тяжелымъ чувствомъ, что на него надвигается что-то тяжелое, отъ чего ни уйти, ни ускользнуть нельзя. Не открывая глазъ, онъ продолжалъ лежать

подъ впечатлѣніемъ сна. Громкіе однообразные удары, сопровождавшіеся легкимъ дребезжаніемъ стеколъ въ окнѣ, привлекли его вниманіе. Вчера пушечная пальба не была такъ слышна, она была дальше. Саблинъ открылъ глаза. Было утро. Въ полутемной комнатѣ мутнымъ прямоугольникомъ рисовалось окно съ опущенною бѣлою въ сборкахъ шторою. Выстрѣлы шли непрерывно и часто. Одинъ, другой, два сразу, маленькій промежутокъ и опять одинъ, другой, три сразу. Отчетливые громкіе, съ дребезжаніемъ стеколъ. «Это наши выстрѣлы», подумалъ Саблинъ. Имъ издали отвѣчалъ глухой, неясный гулъ, шедшій почти непрерывно — то стрѣляли германскія батареи.

«Наши выстрѣлы приблизились за ночь» — подумалъ Саблинъ, пораженный одною страшною мыслью. Вдругъ поднялся и сѣлъ на постели. «Это значитъ: наши отошли. Нѣмцы напираютъ». И та война, на которую онъ шелъ, куда пріѣхалъ теперь его сынъ, приблизилась къ нимъ. Вчера танцовали, играла музыка, любезничали съ дамами, а сегодня бой со всѣми его страшными послѣдствіями. Саблинъ повернулся всѣмъ тѣломъ къ постели, гдѣ спалъ его сынъ. Коля лежалъ, улыбаясь во снѣ счастливой кроткой улыбкой. Строгія черты его лица, темныя брови и тонкій носъ напомнили Саблину Вѣру Константиновну. Онъ долго смотрѣлъ на него. Онъ теперь сталъ понимать, какъ сильно любилъ его. Все находилъ онъ въ немъ прекраснымъ и теперь у него была одна мысль, сохранить его во что бы то ни стало до конца августа, а тамъ отправить обратно, подальше отъ войны.

«Ахъ, Коля, Коля», — подумалъ онъ, — «ну зачѣмъ ты пріѣхалъ!»

Саблинъ посмотрѣлъ на часы. Шелъ седьмой часъ. Не одѣваясь, онъ подошелъ къ окну и поднялъ шторы. Утро было хмурое, моросилъ частый осенній дождь, тучи низко клубились надъ темными лѣсами, старыя липы и дубы заботно шумѣли. Внизу, на полянѣ, устроивъ себѣ навѣсъ изъ тряпья, спали въ біанкардѣ польки. Кучеръ поилъ лошадей, привязанныхъ къ дышлу кареты. Ста-

рикъ еврей озабоченно запрягалъ бѣлую лошадь въ телѣгу. Одна еврейка помогала ему, другая, молодая, укутавшись въ платокъ, сидѣла на корточкахъ надъ разведеннымъ костромъ и кипятила что-то въ котелкѣ.

«Они собираются уѣзжать», — подумалъ Саблинъ и опять забота и тревога о сынѣ охватили его. Саблинъ началъ одѣваться. Едва онъ былъ готовъ, какъ къ нему осторожно постучали. Денщикъ, стараясь не разбудить молодого барина, доложилъ Саблину, что его просятъ къ замковому телефону.

Съ нимъ говорилъ князь Рѣпнинъ.

— Ты, Александръ Николаевичъ, поймешь, что я не могу всего сказать. Собирай дивизіонъ и къ 10 часамъ утра сосредоточься у Вульки Щитинской. Я сейчасъ ѣду въ штабъ корпуса. На обратномъ пути заѣду къ тебѣ.

— А что? Въ чемъ дѣло? — спросилъ Саблинъ.

— Ничего особеннаго. И такъ подпимайся съ квартиръ. Вчера долго веселились?.. Ну, отлично.

Денщикъ ожидалъ Саблина въ номерѣ. Коля все такъ же крѣпко спалъ счастливымъ сномъ юности.

— Ваше высокоблагородіе, слыхать, нашихъ побили. Отступаютъ, — шопотомъ сказалъ денщикъ.

— Откуда ты это знаешь?

— Тутъ солдатъ много проходитъ одиночныхъ. Говорятъ, отъ колонны отбились. Не иначе, какъ бѣжали. Ужасъ сколько германа навалилось. Такъ, говорятъ, цѣпями и претъ. Цѣпь за цѣпью, и не ложится. Артиллерія его кроетъ — страсть. Вчора, слышно, тяжелыя пушки къ нему подвезли. А у нашихъ, слыхать, офицеровъ почитай всѣхъ перебили. Разбредается безъ офицеровъ пѣхота. Безъ офицера то солдатъ все одно, что мужикъ... Молодому барину кого сѣдлать прикажете?

— Діану, папа, — соннымъ голосомъ сказалъ Коля, услыхавшій послѣдній вопросъ. — Пожалуйста, папа, Діану. Ты вѣдь самъ на Ледѣ?

— Діана молода и горяча. Она тебя занесетъ.

Но Коля уже спрыгнулъ съ постели.

— Папа, милый, не оскорбляй меня. Я лучшій наѣздникъ на курсѣ, да вѣдь я же ее знаю! Помнишь, въ прошломъ году съ мамой въ Царскомъ Селѣ я на ней ѣздилъ. Она такая умница! Семенъ, мнѣ Діану пусть сѣдлаютъ.

— Ну, хорошо. А молодымъ офицерамъ вахмистра изъ заводныхъ назначать, которые получше. Да ступай Семенъ, скажи денщикамъ, чтобы будили господъ, въ девять съ половиной всѣмъ быть при эскадронахъ.

Семенъ ушелъ.

— Ахъ, папа! — одѣваясь говорилъ Коля. — Ужели и правда я на войнѣ? И бой? Это пушки палятъ? Какъ близко? Правда, вчера мы ѣхали — было далеко, мы даже спорили, пушки это, или далекій громъ. Какъ хорошо, папа!

Въ половинѣ девятаго Саблинъ зашелъ къ графу Ледоховскому, чтобы поблагодарить его за гостепріимство.

— А, какъ думаетъ, панъ полковникъ, — что есть какая либо опасность, али ни? Я думаю, бѣженцевъ лучше отправить подальше. Я останусь. Какъ мой прадѣдъ принималъ Наполеона, я буду принимать врага. Нѣмцы культурный народъ. Тутъ свеклосахарный заводъ, спиртовый заводъ, суконная фабрика — тутъ самое культурное имѣніе этого края. Это нельзя разрушить.

— А не думаете вы, графъ, — жестко сказалъ Саблинъ, — что именно потому, что тутъ такіе цѣнные заводы, что это такое культурное имѣніе, оно и не можетъ цѣлымъ достаться врагу?

— Ну, то дѣло войска его оборонить.

— А, если оборонить нельзя?

— Но, панъ полковникъ, я не могу позволить, чтобы разрушили это все. Это строилось больше двухсотъ лѣтъ. Тутъ Тенирсъ и Рубенсъ, тутъ Ванъ-Дейки и Нутерманы. О! вы ихъ не видали? Это милліоны.

— Укладывайте ихъ и увозите.

— Куда?

— Въ Варшаву... Въ Москву... подальше.

— Когда?

— Сегодня.

— Но, панъ полковникъ шутить изволитъ. Ну какъ же это возможно? Надо устраивать ящики, надо подводы. Это потребуетъ цѣлый мѣсяцъ работы.

— Вы слышите? — сказалъ Саблинъ, указывая на лѣсъ, откуда слышна была стрѣльба.

— Панъ полковникъ, — блѣднѣя и оловянными глазами глядя на Саблина, сказалъ Ледоховскій. — Это невозможно. Вы понимаете, что легче умереть.

— Какъ хотите. Но сами уѣзжайте. И жену и дочь увозите.

Разстались они холодно. У Саблина на сердцѣ была щемящая тоска. «Хорошо», — думалъ онъ, — «отплатили мы за гостепріимство! Напили, наѣли и бросили на произволъ судьбы. Отходъ по стратегическимъ соображеніямъ... Лучше бы умереть, чѣмъ такъ отойти».

На дворѣ замка была суета. Кучера торопливо закладывали кареты, коляски и бланкарды. Горничныя и лакеи носили чемоданы, узлы и увязки. Толстая пани Озертицкая, наскоро причесанная, блѣдная, неряшливо одѣтая, сидѣла на бланкардѣ рядомъ съ кучеромъ и что-то гнѣвно выговаривала смущенно улыбавшемуся Ротбеку. Артемьевъ и Покровскій подсаживали въ коляску пани Анелю Зборомирскую и ея мужа. Пани Анеля весело смѣялась и кричала на весь дворъ:

— Только не ревнуйте, господа, другъ друга и совсѣмъ не надо изъ-за этого дуэли устраивать. Это все было дивно хорошо. За новыя побѣды, панове!

Полина плакала, прощаясь въ углу двора со сконфуженнымъ и краснымъ Багрецовымъ.

Дождь лилъ, теплый, мелкій и нудный. На дворѣ пахло свѣжимъ конскимъ навозомъ и дегтемъ, пахло дорогой, неуютными грязными ночлегами и постоялымъ дворомъ.

XXXII

Въ Вулькѣ Щитинской солдаты развели лошадей по дворамъ, часть стояла на улицѣ, — разсѣдлывать не было приказано, — и люди томились отъ бездѣйствія и неизвѣстности, ловя всякіе слухи. Кашевары торопились приготовить обѣдъ. Дождь пересталъ, но погода была хмурая. Стрѣльба совершенно затихла.

Всѣ офицеры забились въ большой еврейскій домъ. Шестнадцатилѣтняя неопрятная, но красивая дочка хозяина кипятила воду и, гремя посудой, приготовляла въ просторной и чистой столовой завтракъ. Молодой чернобородый еврей ей помогалъ и острыми внимательными глазами осматривалъ офицеровъ.

— Вы меня простите, паны офицеры, — говорила еврейка, — всѣмъ стакановъ не хватитъ. Половина стаканы, половина чашки. И мамеле можетъ изготовить только яичницу и немного баранины.

— Отлично, отлично, Роза, пусть такъ и будетъ.

— Ты знаешь, Саша, — беря за талію Саблина и отводя его въ сторону, сказалъ Ротбекъ, — мнѣ не нравится, что пальба стихла.

— Ты думаешь, наши отошли?

Ротбекъ, молча, утвердительно кивнулъ головой.

— Или мы, или они. Но, если бы это были они, то наши пушки ихъ преслѣдовали бы. А тутъ, ты слышалъ, какъ сперва постепенно замирала наша стрѣльба? А ихъ, напротивъ, гремѣла такимъ зловѣщимъ заключительнымъ аккордомъ. Тебѣ князь ничего не сказалъ?

— Нѣтъ. Но онъ скоро пріѣдетъ.

— Ну, вотъ, и узнаемъ... А ты знаешь, Саша, эта пани Озертицкая премилая. Только я умоляю — не надо никакого намека Нинѣ... Она такъ глупо ревнива... А вѣдь это только маленькое приключеніе.

Коля сидѣлъ въ углу стола рядомъ съ Оленинымъ и Медвѣдскимъ и говорилъ, серьезно нахмуривъ темныя брови:

— Самое лучшее въ жизни это конная атака. И по

моему, если рубить, то надо не по шеѣ, а прямо по черепу.

— Пикой колоть лучше, — говорилъ Оленинъ. — Ахъ, какъ въ училищѣ казачьи юнкера колютъ! Эскадронъ за ними не угоняется.

— Все-таки лучше нѣмцевъ, — сказалъ Коля.

— Какъ похожъ твой Коля на мать, — сказалъ Ротбекъ. — Ты не находишь? И какой воспитанный мальчикъ. А намъ съ Ниной Богъ дѣтей не далъ.

— Поди-ка, ты жалѣешь? — насмѣшливо сказалъ Саблинъ. — Ахъ, ты, сказалъ бы я тебѣ, — старый развратникъ, да уже больно ты молодъ.

— Такихъ же лѣтъ, какъ и ты.

— Нѣтъ, милый мой, меня жизнь состарила, а ты... ты какъ-то сумѣлъ порхать по ней, какъ мотылекъ.

— Un papillon.*) — А въ самомъ дѣлѣ, гляжу на Колю и думаю, что, хорошо бы имѣть такого молодчика. Вотъ только... не люблю этой прелюдіи, когда жена такъ некрасива и ни въ ресторанъ, ни къ цыганамъ, ни на тройкѣ съ нею не поѣдешь. Милый твой Коля. Ты ему Діану далъ? А управится?

— Я думаю, — съ отцовской гордостью сказалъ Саблинъ.

— Господа, юнкерскую! — говорилъ штабсъ-ротмистръ Маркушинъ, молодой, двадцативосьмилѣтній офицеръ, — напомните мнѣ, старику, веселые годы молодости и счастья.

— Какъ наша школа основалась, —

красивымъ нѣжнымъ баритономъ запѣлъ, краснѣя до слезъ, Коля. Человѣкъ десять офицеровъ съ разныхъ концовъ стола пристроились къ нему и пѣсня полилась по столовой, то затихая, то вспыхивая съ новой силой:

Тогда разверзлись небеса,
Завѣса на небѣ порвалась
И слышны были голоса!:..

---

*) Бабочка.

— У Коли совсѣмъ твой голосъ и твоя манера пѣть, и такъ же конфузится, какъ конфузился когда-то и ты. А помнишь Китти? — толкая локтемъ въ бокъ Саблина, сказалъ Ротбекъ.

Саблинъ ничего не отвѣтилъ. Лицо его было неизмѣнно грустнымъ. Ему казалось, что все это было такъ безконечно давно и жизнь его совсѣмъ прошла.

Роза принесла на сковородѣ дымящуюся баранину и яичницу.

— Спасибо, Роза! — раздались голоса и проголодавшаяся молодежь набросилась на ѣду.

Во время завтрака вѣстовой, караулившій у крыльца, доложилъ Саблину, что командиръ полка ѣдетъ въ деревню. Всѣ засуетились.

— Продолжайте, господа, завтракать, — сказалъ Саблинъ, — я пока выйду къ князю одинъ, переговорю съ нимъ, а потомъ приглашу князя пить чай и представлю ему молодыхъ офицеровъ.

— Мы уже представлялись его сіятельству, — сказалъ князь Гривенъ. — Мы вчера прямо въ штабъ полка попали.

— Ну, тѣмъ лучше.

Саблинъ вышелъ изъ дома.

Яснѣло. Изъ-за разорванныхъ тучъ проглядывало солнце и загоралось на придорожныхъ лужахъ. Князь Рѣпнинъ на громадномъ хёнтерѣ, въ сопровожденіи адъютанта, графа Валерскаго, и трубачей, подъѣзжалъ рысью къ дому. Саблинъ отрапортовалъ ему.

— Здравствуй, Александръ Николаевичъ... Гдѣ бы намъ поговорить откровенно, а? Тутъ у тебя всѣ офицеры?

— Да, завтракаютъ.

— Ну, пойдемъ, что-ли, въ эту халупу. Бондаренко! — крикнулъ онъ старому штабъ-трубачу, — посмотри, есть тамъ кто?

Всѣ слѣзли съ лошадей. Бондаренко кинулся въ домъ.

— Одинъ старикъ полякъ и съ нимъ дѣвочка лѣтъ

четырехъ, — выходя изъ халупы, доложилъ штабъ-трубачъ.

— Выгони-ка ихъ оттуда. Графъ, захвати карту.

Въ маленькой тѣсной халупѣ было темно и душно. На низкомъ столѣ лежали хомутъ, ремни и шило. Графъ Валерскій брезгливо сбросилъ все это на полъ и разложилъ на столѣ двухверстную четкую русскую карту.

— Графъ, посмотри, нѣтъ ли кого еще въ хатѣ?

Адъютантъ осмотрѣлъ халупу и сказалъ:

— Никого.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Александръ Николаевичъ, — сказалъ тихо князь Рѣпнинъ. — N—скій корпусъ отступаетъ. Сегодня къ шести часамъ вечера онъ займетъ позицію... — вотъ видишь, какъ у меня краснымъ карандашомъ отмѣчено — отъ Ангенгофа до Камень-Королевскій. Надо продержаться до завтрашняго вечера. Гвардія высаживается съ желѣзной дороги и спѣшитъ на выручку. 2-ая дивизія уже подходитъ. На тебя съ дивизіономъ возложена задача наблюдать лѣвый флангъ корпуса. Ты такъ и останешься здѣсь, въ Вулькѣ Щитинской. Ночевать можешь спокойно. Арьергарды пѣхоты останутся впереди. Ну, конечно, установи съ ними связь, а завтра уже высылай дозоры. Я думаю: — твоя роль только наблюденіе и доносить начальнику N—ской пѣхотной дивизіи и мнѣ. Мы оба будемъ за тобою въ Замосьи. Въ корпусѣ настроеніе крѣпкое. Удержатся навѣрно. Потери хотя и велики, но и противника наколотили порядкомъ.

— Значитъ Волька Любитовская и замокъ, гдѣ мы ночевали, остается у непріятеля?

— Да. Командиръ корпуса уже послалъ туда казаковъ. Приказано все сжечь, чтобы ничего непріятелю не досталось, ни ночлега хорошаго, ни фабрикъ. Тамъ уральскій есаулъ есть — молодчикъ такой. Онъ это сумѣетъ сдѣлать. Я еще былъ въ штабѣ, когда онъ отправился.

— Хорошо мы отплатимъ за широкое гостепріимство и радушіе графа Ледоховскаго!

— А что, милый другъ, подѣлаешь. Графу что! Я слыхалъ, у него два дома въ Варшавѣ, а вотъ куда дѣнутся рабочіе и служащіе экономіи? Это уже драма! Это, Александръ Николаевичъ, сѣмена большого соціальнаго бѣдствія. Неудовольствіе войною и ея разореніемъ глубоко захватитъ всѣ слои общества. Бѣда отступать. Суворовъ-то не зря говорилъ: — въ оборонѣ погибель.

— Такъ почему не наступаютъ?

— Богъ его знаетъ. То ли слабѣе мы, то ли духомъ этимъ самымъ наступательнымъ не запаслись въ должной мѣрѣ. Ну, такъ все понялъ? Я поѣду.

— А чайку, князь?

— Нѣтъ. Спасибо. Усталъ я. Съ восьми въ сѣдлѣ, тороплюсь домой. Телефонъ тяни на Замостье, понялъ?

— Слушаю.

Изъ еврейскаго дома, гдѣ открыты были окна, слышался веселый говоръ. У подъѣзда стояли посѣдланныя офицерскія лошади, ихъ держали вѣстовые въ шинеляхъ, накинутыхъ на плечи съ винтовками, вдѣтыми въ рукавъ шинели. Стройная, легкая караковая Діана стояла подъ тяжелымъ солдатскимъ сѣдломъ, до бѣлка косила глаза по сторонамъ и будто жаловалась, что она такъ тяжело и некрасиво посѣдлана.

— Лошадей можно разсѣдлать, — садясь съ крылечка на своего хёнтера, сказалъ князь.

Офицеры выбѣжали изъ столовой на улицу.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ имъ князь, привѣтливо махая рукой, — хорошо отдохнули вчера? Спасибо за приглашеніе къ чаю, но прошу извинить. Тороплюсь домой — если можно назвать мою халупу домомъ.

Князь Рѣпнинъ толкнулъ шенкелями лошадь и поѣхалъ по деревенской улицѣ.

XXXIII

Съ четырехъ часовъ дня черезъ Вульку Щитинскую потянулись сѣрые полки пѣхоты. Они появились какъ-то

сразу и сразу наполнили деревню глухимъ шумомъ, побрякиванiемъ котелковъ, привѣшенныхъ къ скатаннымъ шинелямъ и кислымъ прѣлымъ запахомъ солдатскихъ сапогъ и пота. Всѣ вышли смотрѣть на нихъ. Люди шли усталые, съ сѣрыми землистыми лицами, молчаливо уставивъ глаза въ пыльную землю. Винтовки были на ремнѣ, ряды невыровнены, шли не въ ногу. Рота за ротой, густыми толпами наполняли улицу, громыхала пустая кухня, ѣхалъ на давно нечищенной косматой лошади офицеръ, такой же сѣрый и пыльный, и съ такимъ же землистымъ лицомъ, какъ у солдатъ, мотался на штыкѣ за нимъ батальонный значекъ, и опять густая, сѣрая, безличная масса людей съ черными отъ грязи руками и блѣдными усталыми лицами вливалась въ улицу.

Солдаты Саблинскаго дивизiона вышли изъ халупъ и дворовъ и смотрѣли, кто сочувственно, кто съ недоумѣнiемъ на валомъ валившую мимо пѣхоту.

— Какого полка, землякъ? — крикнулъ солдатъ въ ряды.

Солдаты ничего не отвѣчали.

— Не слышь, что-ль, милой. Какого полка?

— Пѣхотнаго, — отвѣтилъ чей-то голосъ.

Два, три солдата засмѣялись на шутку, изъ рядовъ вышелъ свѣтловолосый парень и, подходя къ солдатамъ Саблина, сказалъ:

— Землякъ, дай папироску, смерть курить хочется.

Нѣсколько рукъ съ папиросными коробками потянулось къ нему. Солдатъ закурилъ и на лицѣ его отразилось удовольствiе.

— Отступаете? — спросилъ кавалеристъ.

— Прямо гонитъ насъ. Утромъ до штыка доходили. Отбили его... Отошелъ... Много его полегло, однако, и намъ попало. Сила его. Нашихъ всего двѣ дивизiи. Шестой день деремся. Патроновъ мало. А онъ такъ и засыпаетъ. Пулеметовъ очинно много.

— Что же, совсѣмъ уходите?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Опять драться будемъ. Погоди, братъ, гляди, еще и побѣдимъ. Для россiйскаго солдата

ядра, пули ничаво. Знай нашихъ Чарторійскихъ!... А вы, землякъ, откелева?

Новая колонна надвинулась на деревню. Эта шла въ большемъ порядкѣ. Большинство въ ногу. Офицеры хмуро шли впереди ротъ, заложивъ руки за скатку шинели и такъ же, какъ солдаты, съ ружьемъ на плечѣ. За этимъ полкомъ очень долго тянулась артиллерія. Орудія смѣнялись ящиками, ящики орудіями. Они были въ пыли и грязи, лошади косматыя со слипшейся отъ дождя и пыли шерстью. Прислуга шла стороною дороги и обмѣнивалась рѣдкими словами. И снова шла пѣхота.

Потомъ густыя массы ея оборвались и еще часа два черезъ деревню, то партіями по десять, двѣнадцать человѣкъ, то по одиночкѣ, шли солдаты. Они заходили въ дома. Кое у кого за скаткой висѣла зарѣзанная курица или гусь. Ихъ лица были возбуждены, нѣкоторые были замѣтно выпивши.

— Землякъ, а землякъ, хошь, угощу! — кричалъ бородатый солидный запасный солдатъ, вытягивая изъ кармана бутылку съ виномъ и подходя къ группѣ кавалеристовъ.

— Гдѣ досталъ?

— А въ экономіи... Тамъ казаки! Ахъ! Язви-разъязви — вотъ здорово! Перепились, гуляютъ! Всѣмъ раздаютъ. Спиртъ спустили въ канаву, фабрику жечь начинають. Душевный народъ, уральцы эти самые. Сами пьютъ и проходящихъ не забываютъ.

Около семи часовъ вечера за деревней надъ ольховой рощей, прикрывавшей Вульку Любитовскую, взметнулось пламя, потомъ исчезло и вдругъ появилось сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ сильное, властное, злобное. Пожаръ загудѣлъ и заревѣлъ и стали видны летящія вверхъ искры и горящія головни.

Пьяный казачій есаулъ съ тридцатью казаками, всѣ съ корзинами съ виномъ, торжествующе въѣхали въ деревню. Передъ собою они гнали восемь породистыхъ племенныхъ коровъ, сзади бѣжали молодыя лошади.

Есаулъ остановился у еврейскаго дома, гдѣ стояли офицеры дивизіона Саблина.

— Господа офицеры, — сказалъ онъ, слѣзая съ лошади и чуть не падая. — У, стерва, — замахнулся онъ кулакомъ на шарахнувшуюся лошадь. — Холера проклятая! Язви тебя мухи! — Не угодно ли винца на поминки помѣщика?

— А графъ Ледоховскій?... — спросило нѣсколько офицеровъ, — что съ нимъ? съ его гостями?

— Такъ онъ еще и графъ!... Ахъ, язви его! Онъ, господа, германскій шпіонъ.

— Да что съ нимъ? Почему вы знаете?

— Гости его уѣхали... Такъ... Жена съ дочерью простились съ нимъ и уѣхали тоже. Такъ... Прислуга, рабочіе, всѣ поразбѣжались, куда глаза глядятъ, какъ мы пріѣхали и заявили, что жечь будемъ, а онъ, господа, остался. «Я», говоритъ, «картины беречь буду. Не смѣете жечь». А, каковъ гусь! Я его уговаривать. Уперся. Ну, думаю, пусть себѣ. Стали мы съ ребятами пировать и готовить солому, онъ ходитъ, смѣется. «Не смѣете», говоритъ, «жечь... Тутъ Наполеонъ былъ. Я самому Государю буду жаловаться». Мы молчимъ, смѣемся. Ну, и онъ смѣяться сталъ. Такъ... Явное дѣло— шпіонъ. Стали мы зажигать. Господинъ полковникъ — эту бутылочку, позвольте я вамъ. Финь-шампань настоящій и три звѣздочки американскія на синемъ полѣ, самая высокая марка. Я на счетъ спиртного гораздъ. Да...

— Да говорите, что же съ графомъ Ледоховскимъ, — нетерпѣливо сказалъ Саблинъ, чувствуя какую-то противную томящую дрожь и отъ нея дурной вкусъ во рту.

— Да что! Дуракъ онъ, вашъ графъ-то, — смѣясь, сказалъ есаулъ. — Хоть и графъ, а дуракъ. Пошелъ въ картинную залу и застрѣлился. Горитъ теперь тамъ. Такъ финь-шампань, господинъ полковникъ, не изволите? Презентъ отъ покойника.

— О!... Звѣри! — вырвалось у Саблина, но онъ сдержался и сухо сказалъ:

— Благодарю васъ, но мнѣ вашего коньяка, есаулъ,

не надо. И вамъ, господа, я запрещаю брать и давать солдатамъ это вино. Напрасно вы не вывезли тѣла несчастнаго графа. Какъ будетъ убиваться бѣдная графиня!

— Но вѣдь онъ шпіонъ, — бормоталъ есаулъ. — увѣряю васъ, — совершеннѣйшій шпіонъ. У него тамъ въ картинахъ, навѣрно, безпроволочный телеграфъ былъ... Что такое!... Какъ хотите! А коньякъ — хорошій, старый.

Саблинъ вошелъ въ еврейскій домъ. У стѣны стояли еврей и молодая дѣвушка и глазами полными нестерпимаго ужаса смотрѣли на Саблина.

«Война!» — подумалъ Саблинъ. — Да неужели это и есть война?!»

XXXIV

Вечеромъ пришло приказаніе: быть въ полной готовности къ бою. Посѣдлали лошадей. Люди спали кучками по дворамъ, на сѣновалахъ чуткимъ, тревожнымъ сномъ, прислушиваясь къ ночной тишинѣ. Ночь была ясная, холодная. Сильно вызвѣздило. У каждаго двора стоялъ солдатъ и смотрѣлъ на дорогу. Лошади, потревоженныя ночью, звенѣли снятыми мундштуками, тяжело вздыхали и, то принимались ѣсть положенное передъ ними сѣно, то вдругъ останавливались, прядали длинными тонкими ушами и тоже къ чему-то прислушивались.

Солдаты молчали и думали свои думы. Смыслъ войны имъ былъ непонятенъ и неясенъ. Они много слыхали за вчерашній день объ убитыхъ и раненыхъ, но ни тѣхъ, ни другихъ не видали: путь эвакуаціи шелъ стороною, по большой дорогѣ. Злобы къ нѣмцу они не испытывали, не было у нихъ и страха передъ непріятелемъ. Многихъ забавляла мысль о томъ, что вотъ былъ богатый помѣщичій домъ, знатный панъ помѣщикъ и ничего не осталось: все пожжено и погибло въ огнѣ — «одна пепла

осталась». Но никто объ этомъ не говорилъ, всѣ какъ-то притихли передъ тѣмъ, что совершалось.

Офицеры были всѣ вмѣстѣ въ большомъ еврейскомъ домѣ. Ни они, ни хозяева не ложились спать и не раздѣвались. Сидѣли, толкались, ходя взадъ и впередъ, обмѣнивались незначущими, пустыми словами, часто выходили на дворъ и прислушивались.

Ночь стояла тихая и дивно прекрасная. Широко черезъ все небо парчевою дорогою протянулся млечный путь и таинственныя дрожали звѣзды. Внизу чернѣлъ лѣсъ и за нимъ полосою свѣтилось въ темномъ небѣ багровое зарево — то тлѣли уголья на пепелищѣ палаца графа Ледоховскаго.

— Тамъ тлѣютъ полотна Теньера и Рубенса,—задумчиво сказалъ Саблинъ, вышедшій вмѣстѣ съ Ротбекомъ на улицу.

— И благородныя кости пана Ледоховскаго тлѣютъ тамъ же, — сказалъ ему въ тонъ Ротбекъ, — и что, милый Саша, важнѣе?

— Кому какъ? Человѣчеству дороже безсмертныя произведенія кисти великихъ художниковъ, а близкимъ графа его кости.

—А что такое безсмертіе? — тихо сказалъ Ротбекъ. — Вотъ и полотна сгорѣли и сколько, сколько за исторію вселенной погибло и умерло того, что называютъ безсмертнымъ. Какъ жалко, что Мацнева нѣтъ съ нами. Онъ бы пофилософствовалъ на эту тему.

— Мнѣ вчера говорилъ князь, онъ недалеко отсюда, съ автомобильной колонной Краснаго Креста работаетъ, гдѣ-то здѣсь.

— Вотъ и любовь его къ автомобилизму ему пригодилась. Ну пойдемъ до хаты. Тихо все.

Въ большой комнатѣ, ярко надъ столомъ горѣла висячая керосиновая лампа подъ плоскимъ желѣзнымъ абажуромъ, и офицеры, скуки ради, пили сами не знали, который по счету, блѣдный, мутный и невкусный чай.

— Совсѣмъ Александръ Николаевичъ — сказалъ графъ Бланкенбургъ — какъ на станціи въ ожиданіи

ночного поѣзда, который опоздалъ и неизвѣстно когда придетъ.

— Да и станціи этого поѣзда неизвѣстны. Госпиталь, хирургическая, тотъ свѣтъ, — сказалъ Ротбекъ и всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ, такъ эти слова не подходили къ всегда веселому и легкомысленному Ротбеку.

— Ты что же это Никъ, — сказалъ ему Саблинъ, — вмѣсто Мацнева въ философію ударился. Разскажи лучше анекдотъ, да посолонѣе.

— Для некурящихъ, — сказалъ штабсъ-ротмистръ Маркушинъ.

— Ну я не мастеръ. Это дивизіонеръ нашъ мастакъ былъ соленые анекдоты разсказывать. А, Саша, разскажи.

Саблинъ пожалъ плечами, давая тѣмъ понять Ротбеку, что его положеніе старшаго полковника, флигель-адъютанта и недавняго вдовца не позволяетъ ему разсказывать анекдоты.

— Позвольте я разскажу, — сказалъ корнетъ Гривенъ, вчера пріѣхавшій въ полкъ.

— Слушайте, слушайте, господа, молодой звѣрь будетъ анекдоты разсказывать! — крикнулъ Ротбекъ, за руку, какъ артистъ выводитъ танцовщицу, выводя на середину комнаты молодого офицера.

— Silence!

— Attention!

— Achtung!

— Смирно!

— Смирно, лучше всего, — раздались голоса, въ конецъ смутившіе молодого разсказчика.

— Это было тогда, когда только что разрѣшили дамамъ ѣздить на имперьялѣ конокъ, — началъ Гривенъ — и вотъ молодая и очень хорошенькая дѣвушка стала подниматься по лѣстницѣ, а внизу стоялъ молодой человѣкъ.

— Старо, старо, какъ міръ. Звѣрь, вы не выдержали экзамена.

— Позвольте, я знаю нѣсколько лучше на ту же тему, — сказалъ баронъ Лизеръ.

— Ну валяй, баронъ!

— Когда Богъ создалъ женщину, онъ вывелъ ее на судъ для аппробаціи и критики художнику, архитектору и обойщику.

— О! о! — и онъ думаетъ, что скажетъ что-нибудь новое! — воскликнулъ Ротбекъ, — милые мои, вѣрите ли, что новые анекдоты случаются только въ жизни, да и то всегда скверные анекдоты.

— Господа, кажется, выстрѣлъ. Стрѣляютъ, — сказалъ графъ Бланкенбургъ.

Всѣ сразу стихли. Недалеко, четко и звучно, въ ночной тишинѣ, раздавались выстрѣлы. Вдругъ протрещалъ пять выстрѣловъ пулеметъ, ударилъ еще разъ, и смолкъ и снова таинственная тишина стала кругомъ. Всѣ вышли на улицу. Офицеры, кто въ фуражкѣ, кто безъ нея, стояли и прислушивались.

— Это наши, — сказалъ Артемьевъ.

— Почемъ ты знаешь? — спросилъ его Маркушинъ.

— Звукъ, направленіе. Мнѣ такъ кажется.

— Конечно, это наши, — сказалъ Саблинъ. — Показалось кому-нибудь на заставѣ, что подходятъ, вотъ и стали стрѣлять.

— А можетъ быть и правда, кто подошелъ. Развѣдчики его, — сказалъ Артемьевъ.

— Ухъ и страшно должно быть теперь на заставѣ, въ лѣсу. У-у-у! — сказалъ Ротбекъ. — Ничего не видно.

— Это такъ со свѣта кажется, что ночь такая темная, а если приглядѣться, то видно, — сказалъ Артемьевъ.

— А который, господа, теперь часъ? — спросилъ Ротбекъ.

— Второй уже.

— Надо бы и поспать. А то завтра тяжело будетъ.

Офицеры стали устраиваться, гдѣ попало. Ротбекъ и штабъ-ротмистръ Маркушинъ улеглись на столѣ, подложивъ шинели подъ головы, кто улегся на лавкахъ, кто на сдвинутыхъ стульяхъ, кто на полу. Саблину еврей

предложилъ свою кровать, но Саблинъ отказался и сѣлъ въ углу, облокотившись на подоконникъ.

Офицеры долго не засыпали и обмѣнивались незначительными вопросами и сонными недоумѣнными отвѣтами. Загасили лампу и комната погрузилась во мракъ, мутныя очертились бѣлыя окна и ночь заглянула въ нихъ своимъ тревожнымъ взоромъ. Чья то папироса долго вспыхивала краснымъ огонькомъ, то исчезая, то появляясь. Наконецъ курильщикъ бросилъ ее и съ тяжелымъ вздохомъ повернулся на заскрипѣвшей подъ нимъ скамьѣ.

Коля спалъ, неловко устроившись на двухъ стульяхъ. Саблинъ не видѣлъ, но угадывалъ его голову, на которую онъ для мягкости нахлобучилъ фуражку, его руки, подложенныя подъ затылокъ и ноги подогнутыя на стульяхъ. Шпоры чуть поблескивали на высокихъ сапогахъ. Нѣжное, непередаваемое чувство охватило Саблина. Онъ горячо, до боли въ сердцѣ, любилъ въ эти минуты своего мальчика. Онъ понималъ теперь, что онъ простилъ Вѣру Константиновну, простилъ уже за одно то, что она подарила ему такого сына. Онъ думалъ о карьерѣ, что сдѣлаетъ его сынъ и о томъ, какъ въ немъ отразится онъ самъ, но безъ всѣхъ его пороковъ. «Можетъ, это хорошо, что Коля пріѣхалъ на войну», — думалъ Саблинъ. «Пусть посмотритъ. Суровая школа войны убережетъ его и охранитъ отъ увлеченій женщинами. Пусть у него не будетъ ни Китти, ни Маруси, пусть найдетъ онъ свою Вѣру Константиновну и отдастъ ей чувство неизломаннымъ и неизжитымъ. А что худого было въ Китти?» подумалъ онъ. «Или въ Марусѣ?» Воспоминанія хотѣли было подняться въ немъ, но въ это время незамѣтно подкрался къ нему сонъ и охватилъ его крѣпкими объятіями. Самъ не замѣчая того, Саблинъ откинулъ голову на оконную раму, неловко прижался вискомъ къ переплету и заснулъ крѣпкимъ сномъ усталаго человѣка.

Его разбудили свѣтъ и холодъ. Отъ окна тянуло утреннею сыростью. Онъ открылъ глаза. Огородъ и по-

ля за окномъ были залиты золотыми лучами солнца, вдали позлащенный ими, веселый и привѣтливый, темнѣлъ густой лѣсъ, небольшими островами и рощами молодыхъ елокъ разбѣгавшійся по полямъ. Небо было голубое, чистое, на самомъ верху, окруженная розовыми перистыми облаками блѣдная и рѣзкая, съ обломанными краями широкимъ серпомъ чуть видная висѣла ущербная луна.

Было половина восьмого. Офицеры спали въ самыхъ неудобныхъ позахъ и громкій храпъ сливался и дрожалъ въ душной комнатѣ.

Саблинъ потянулся занѣмѣвшимъ тѣломъ, посмотрѣлъ на тѣ стулья, гдѣ былъ Коля, и увидѣлъ, что его нѣтъ.

Саблинъ вышелъ на дворъ.

XXXV

Коля радостный, веселый, съ чисто вымытымъ румянымъ отъ холодной воды лицомъ и еще мокрыми волосами прижимался щеками къ мягкимъ хранкамъ Діаны, трепетавшей отъ его ласки и старавшейся нѣжной верхней губой охватить ухо Коли и осыпалъ ее нѣжными именами.

Онъ давалъ ей на ладони сахаръ, но Діана, забывая про лакомство, играла съ мальчикомъ, дыша ему на щеки горячимъ дыханіемъ розовыхъ, раздутыхъ ноздрей.

— Папа! какая прелесть Діана! Ты знаешь, она меня узнала. Такъ и тянется ко мнѣ.

Мальчикъ жилъ счастьемъ своихъ шестнадцати лѣтъ, восторгомъ радостнаго лѣтняго утра и ласки молодого животнаго.

— Пойдемъ, папа, что я тебѣ покажу. Отсюда — я знаю, гдѣ стать, видна вся наша позиція.

Вѣстовой Саблина и трубачъ, такіе же вымытые свѣжіе и блестящіе, какъ и Коля, пошли за ними. Коля вывелъ отца огородами на небольшую поляну, спускавшуюся къ широкой долинѣ. Отсюда открывался широкій

видъ. Вправо, къ самому низу лощины, сбѣгалъ лѣсъ и до ближайшихъ его опушекъ было не больше пятисотъ шаговъ. Лѣсъ ровной полосой уходилъ на сѣверъ. Онъ стоялъ на вершинѣ длинной гряды холмовъ и спускался къ востоку, постепенно расширяясь. На западъ шли поля, то желтыя сжатыя, то черныя, то зеленыя, покрытыя яркою сочною травою. Верстахъ въ семи виднѣлся красный костелъ, тотъ самый, мимо котораго шли эскадроны Саблина третьяго дня. Вдоль всего лѣса, верстахъ въ двухъ отъ Саблина, длинной узкой полосой копошились солдаты. Простымъ глазомъ трудно было увидѣть, что тамъ дѣлается. Саблинъ поднесъ къ глазамъ бинокль. Вдоль всего лѣса, уходя за горизонтъ, взметывался песокъ. Онъ летѣлъ изъ-подъ земли непрерывными кучками и присыпался къ желтой лентѣ уже накрытаго окопа. Иногда изъ-подъ земли выскакивалъ солдатъ и бѣжалъ къ лѣсу за вѣтками и деревьями. Изъ лѣса шли люди, несли деревья и сучья и исчезали подъ землею въ окопѣ.

Саблинъ внимательно оглядывалъ позицію и оцѣнивалъ свое положеніе. Онъ оказывался за ся лѣвымъ флангомъ. Онъ намѣтилъ небольшой овражекъ за огородами, гдѣ легко могъ помѣститься весь дивизіонъ въ резервной колоннѣ. Къ оврагу сбѣгали молодыя елки саженаго лѣса.

Жуткое чувство на минуту охватило Саблина. Онъ боялся не за себя, а за сына, за офицеровъ, за милаго веселаго Ротбека, за солдатъ, за лошадей — все было ему въ эти минуты безконечно дорого. Но онъ сейчасъ же успокоилъ себя. Что можетъ сдѣлать въ этомъ громадномъ бою его дивизіонъ, двѣсти всадниковъ? Только наблюдать. Въ дозоры Саблинъ Колю не пошлетъ, а что издали, съ двухъ верстъ, посмотрѣть на бой, ничего опаснаго тутъ нѣтъ. Непріятель никогда не догадается, что въ балкѣ стоитъ дивизіонъ.

Онъ облегченно вздохнулъ и спокойно разглядывалъ роющуюся въ землѣ пѣхоту.

— И все роетъ и роетъ, — сказалъ сзади него его вѣ-

стовой Заикинъ, на правахъ близкаго человѣка, позволявшій себѣ заговаривать съ Саблинымъ. — Вчора, часовъ съ десяти копать началъ. Наши ребята туда ходили. Бравый народъ. Нѣмца этого никакъ не боятся.

Саблинъ приказалъ трубачу вызвать къ нему эскадронныхъ командировъ и, когда Ротбекъ и графъ Бланкенбургъ пришли, Саблинъ указалъ имъ лощину и приказалъ свести туда лошадей въ поводу и построиться въ резервной колоннѣ фронтомъ на западъ.

— А непріятель? — спросилъ Ротбекъ.

— Непріятеля не видно.

Эскадроны густыми колоннами наполнили всю низину. Люди лежали на травѣ между лошадьми. Большинство, плохо спавшіе ночью, разморились на начавшемъ пригрѣвать солнцѣ и заснули крѣпкимъ сномъ, разметавшись на травѣ.

Саблинъ съ офицерами стоялъ на краю сврага и смотрѣлъ то на войска, заканчивавшія окопы, то на западъ, откуда долженъ былъ появиться непріятель.

— Господа, только не толпитесь, — говорилъ графъ Бланкенбургъ, — не надо себя обнаруживать.

Офицеры расходились, но потомъ опять незамѣтно сходились въ кучки.

Солнце поднималось выше, ясный осенній день наступалъ, дали становились четкими и яркими, костелъ краснѣлъ посреди зеленыхъ полей.

— Вонъ они! — сказалъ сзади Саблина Заикинъ, простымъ глазомъ усмотрѣвшій непріятеля.

— Гдѣ, гдѣ? — раздались голоса, и бинокли поднялись къ глазамъ.

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, смотрите правѣе костела, вотъ гдѣ черное поле. Сейчасъ не видать, залегли должно.

Саблинъ повелъ биноклемъ. Отъ волненія въ глазахъ было мутно и онъ плохо видѣлъ. Въ биноклѣ показался край чернаго поля. Камень лежалъ на немъ. И вдругъ изъ-за камня поднялся человѣкъ, рядомъ другой и длинная цѣпь встала поперекъ поля. Это не были на-

ши. Ихъ мундиры имѣли особый синевато-желтый оттѣнокъ. Саблинъ ожидалъ увидѣть черныя каски съ блестящими мѣдными украшеніями, но головы были круглыя и сѣрыя. Фигуры наступавшихъ казались квадратными. Они быстро шли, неся ружья на ремень и сразу исчезли: должно быть опять залегли.

Въ ихъ движеніи Саблину почудилась страшная сила и мощь и онъ съ трудомъ заставилъ успокоиться свою ногу, начавшую дрожать дрожью волненія. Онъ оторвалъ бинокль и оглядѣлся. Всѣ офицеры поблѣднѣли, лица какъ-то осунулись, глаза смотрѣли напряженно. Видъ наступавшаго врага смущалъ.

— А вонъ наши патрули, должно отходятъ, — спокойно сказалъ Заикинъ.

— Хорошо идутъ, — тяжело вздыхая, проговорилъ Бланкенбургъ.

— Я насчиталъ пять цѣпей, одна за другой, — сказалъ Артемьевъ.

Когда Саблинъ снова поднялъ бинокль, черное поле было пусто. Германскія цѣпи спустились по желтому жнивью широкаго, господскаго, чисто убраннаго поля. Теперь было видно, что на каскахъ у нихъ были чехлы, что ружья они несли на ремнѣ и шли чрезвычайно быстро.

— И чего наши не стрѣляютъ? — сказалъ баронъ Лизеръ.

— Далеко. Версты три будетъ. Это въ бинокль такъ кажется близко.

— Ну, а батареи почему молчатъ, вѣдь артиллерія хватила бы. — сказалъ Ротбекъ.

И, будто отвѣчая его желанію, направо за лѣсомъ ударила пушка. Снарядъ, скрежеща по воздуху, полетѣлъ черезъ лѣсъ надъ нашими окопами, и бѣлый дымокъ повисъ низко надъ желтымъ полемъ, позади германскихъ цѣпей.

— Эхъ! перелетъ дали! — со вздохомъ сказалъ Заикинъ.

Прошло томительныхъ полминуты. Снова раздался

выстрѣлъ, заскрежеталъ и завылъ высоко въ воздухѣ снарядъ и на этотъ разъ дымокъ появился надъ самою цѣпью. Но она не дрогнула и шла такимъ же ровнымъ шагомъ.

— Что, господа, — взволнованно спросилъ поручикъ Кушнаревъ, — не видали, никого не свалило?

— Идутъ, — сказалъ, вздыхая, Бланкенбургъ.

— Нѣтъ, легли. Не видно, — проговорилъ Ротбекъ.

Въ ту же минуту, сначала четыре, потомъ, послѣ пол минутнаго перерыва, еще четыре выстрѣла раздались за лѣсомъ и снаряды шумно пронеслись надъ окопами и восемь бѣлыхъ дымковъ, одинъ за другимъ, послѣдовательно вспыхнули надъ полемъ и сорванные вѣтромъ понеслись назадъ и растаяли.

— Кажется, хорошо попали? — сказалъ корнетъ Покровскій, задыхаясь отъ волненія.

— Не видно, убило кого, или нѣтъ? — спросилъ Артемьевъ.

— Нѣтъ, бѣгутъ.

— Куда бѣгутъ?

— Впередъ. Хорошо бѣгутъ, равняются.

Разбуженные выстрѣлами артиллеріи, солдаты оставляли лошадей, подымались на край лощины и смотрѣли на наступавшаго врага.

— А его артиллерія молчитъ, — сказалъ вахмистръ Иванъ Карповичъ, все такой же полный, солидный, но уже совсѣмъ сѣдой, ни къ кому не обращаясь.

— Эй, вы тамъ! — крикнулъ строго графъ Бланкенбургъ, — не вылѣзай, не обнаруживай себя.

Солдаты подались назадъ.

— Сами вылѣзли, — проворчалъ одинъ солдатъ, — а мы не смѣй.

Далеко за полями съ костеломъ, глухо ударили четыре пушки и опережая ихъ звукъ со страшною быстротою, раздалось приближающееся шипѣніе четырехъ снарядовъ. Всѣ невольно присѣли и пригнулись.

— Вонъ, вонъ они гдѣ, — крикнулъ Зайкинъ, показывая, какъ за окопами подъ самымъ лѣсомъ взметнулось

четыре буро-желтыхъ взрыва и полетѣла вверхъ черная земля.

— Гранаты, — сказалъ Ротбекъ.

— Ну, Господи благослови, начинается, — сказалъ Кушнаревъ.

Съ нашей стороны открыли огонь еще двѣ батареи. Двѣнадцать выстрѣловъ, сопровождаемыхъ двѣнадцатью вспышками ревущихся шрапнелей, слѣдовали одинъ за другимъ. Воздухъ дрожалъ отъ сотрясенія и въ ушахъ стоялъ гулъ. Наши шрапнели осыпали противника и въ бинокль уже видно было, какъ оставались лежать сѣрыя фигуры въ «фельдграу» на зеленомъ клеверѣ, какъ ползли назадъ раненые, какъ несли тяжело раненыхъ.

— Экъ, ловко, по санитарамъ хватило, — сказалъ Покровскій, — бросили, канальи, раненаго и разбѣжались.

— Нѣтъ, снова подходятъ, берутъ, — сказалъ Артемьевъ.

— Должно начальникъ ихній, — вздыхая сказалъ Заикинъ, простымъ глазомъ видѣвшій такъ же хорошо, какъ офицеры въ бинокль.

— На, Заикинъ, бинокль, — сказалъ Коля, — посмотри, какъ хорошо видно. — Я ружья вижу и каски въ чехлахъ. Сапоги видно.

— Хорошо идутъ, — сказалъ Заикинъ, разсматривая въ бинокль. — А сзади то опять цѣпи. Резервы должно быть.

Всѣ поля на западѣ, сколько хваталъ глазъ, были покрыты маленькими сѣрыми фигурами, разбросанными, въ шахматномъ порядкѣ и неизмѣнно и быстро подававшимися къ нашимъ окопамъ. Ихъ, казалось, было такъ много, что нельзя было сосчитать ихъ безчисленныхъ рядовъ. Переднія цѣпи уже показались на склонѣ холма, покрытаго сжатымъ хлѣбомъ, и залегли. Въ это мгновеніе наши окопы загорѣлись стрѣльбою, и сраженіе началось по всему фронту.

XXXVI

По расположенію сзади идущихъ цѣней Саблинъ увидалъ, что главный ударъ противника направляется на нашъ лѣвый флангъ, то есть, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ его дивизіонъ. Одну минуту ему въ голову пришла мысль, что онъ можетъ всегда уйти, что его это не касается, но онъ прогналъ эту мысль. Съ лихорадочнымъ волненіемъ, почти не отрывая глазъ отъ бинокля, онъ слѣдилъ за развитіемъ на его глазахъ большого сраженія. Сколько прошло времени, который теперь часъ, онъ не могъ бы сказать. Судя по тому, что тѣни отъ людей и деревьевъ почти исчезли, должно быть за полдень. Саблинъ посмотрѣлъ на часы. Былъ второй часъ. Онъ шесть часовъ простоялъ на полѣ, но не чувствовалъ усталости и не замѣтилъ этого. О Колѣ онъ позабылъ. Иногда, безсознательно, когда приближающіеся снаряды казалось неслись прямо на него, онъ говорилъ мысленно — «помоги, Господи!.. Господи, помилуй!..»

Нѣсколько снарядовъ было брошено по деревнѣ Вулькѣ Щитинской. Германцы хотѣли выгнать оттуда предполагаемые резервы. Въ деревнѣ началась суматоха. Изъ домовъ, какъ обезумѣвшіе, выбѣгали люди, хватали что попало, грузили на телѣги и мчались вонъ изъ деревни. Тамъ слышалось тревожное мычаніе коровъ, блеяніе овецъ, крики куръ и гусей, которыхъ ловили и увязывали въ ящики и корзины.

— Смотрите, смотрите, подожгли, загорѣлось, — говорили офицеры, указывая на сильно вспыхнувшее въ деревнѣ пламя.

— Какъ разъ у того еврея, гдѣ мы стояли, — сказалъ Ротбекъ.

— Бѣдная Роза, — сказалъ Покровскій.

Противникъ пересталъ обстрѣливать деревню. Онъ убѣдился въ томъ, что тамъ войскъ нѣтъ. Кавалерійскій дивизіонъ онъ не считалъ ни за что.

Изъ-за праваго фланга непріятеля, на глазахъ у Саблина, верстахъ въ трехъ отъ него, появилась непріятель-

ская батарея. Она быстро спустилась въ лощину и видимая простымъ глазомъ Саблину и его офицерамъ, но совершенно скрытая отъ пѣхоты, стала лѣвѣе нашихъ окоповъ и сейчасъ же открыла огонь.

— Ай-ай! Смотрите пожалуйста! — стонущимъ голосомъ воскликнулъ штабъ-ротмистръ Маркушинъ. — Попали, попали! Ай, что же это!

Столбъ бураго дыма вылетѣлъ прямо изъ нашихъ окоповъ и оттуда полетѣли доски и палки. Потрясенное воображеніе рисовало летящія вверхъ руки и ноги, куски людей.

— Опять, опять!

Всѣ бинокли офицеровъ были наведены теперь на это мѣсто. Батарея била безъ промаха. Стройная линія окоповъ обращалась въ рядъ безформенныхъ ямъ, курившихся чернымъ дымомъ. Оттуда стали выбѣгать люди и бѣжать къ лѣсу. Шрапнель ихъ настигала. Непріятельскій ружейный огонь усилился здѣсь, а ему отвѣчало все меньше и меньше ружей. На глазахъ у Саблина разрушался важнѣйшій участокъ позиціи, германская пѣхота готовилась выйти во флангъ нашихъ окопамъ.

Саблинъ въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ, недалеко отъ лѣсной опушки. Что могъ онъ сдѣлать? Спѣшить дивизіонъ и послать его удлинить окопы? Но что могли сдѣлать сто сорокъ спѣшенныхъ кавалеристовъ, неискусныхъ въ пѣшемъ бою, безъ окоповъ, тамъ, гдѣ безсильны были цѣлые батальоны пѣхоты. «Проклятая батарея! Проклятая батарея!» — бормоталъ онъ, все быстрѣе ходя по полю. Одна пуля просвистала недалеко отъ него. Онъ не обратилъ на нее вниманія. «Проклятая батарея, надо уничтожить ее, убрать! Но какъ?!» . .

. . . .

Конною атакою! . . . .

. . . .

Саблинъ разсмѣялся этой мысли. «Развѣ возможна конная атака по чистому полю, въ лобъ батареѣ? Это хорошо на военномъ полѣ подъ Краснымъ Селомъ, гдѣ стрѣляютъ холостыми патронами.» Онъ остановился и

посмотрѣлъ на свой дивизіонъ. Офицеры, понимая, что наверху они могутъ себя обнаружить, спустились внизъ и отдѣльной кучкой стояли впереди эскадроновъ. Саблинъ ихъ всѣхъ различалъ. Вонъ Ротбекъ, улыбаясь, говоритъ о чемъ то Маркушину. Милый Пикъ! Шалунишка Пикъ, въ котораго безъ памяти влюблена Нина Васильевна. Вонъ его Коля разговариваетъ съ графомъ Бланкенбургомъ, старый Иванъ Карповичъ выговариваетъ солдату за то, что далъ лошади лечь и тотъ обтираетъ сорванной травой замазавшійся бокъ. Бросить этихъ людей на вѣрную смерть, уничтожить дивизіонъ и ничего не сдѣлать... Его поставили наблюдать. Онъ своевременно донесъ о прибытіи батареи, даже нарисовалъ ея мѣсто, теперь его долгъ ждать, пока не начнетъ отступать пѣхота и тогда уйти и стать въ безопасномъ мѣстѣ. Это его задача.

Успокоившись на этомъ рѣшеніи Саблинъ опять началъ ходить взадъ и впередъ отъ первыхъ елокъ лѣса до края оврага и думать свои думы. Смутно было на душѣ. Правильное рѣшеніе ничего не дѣлать томило и сосало подъ ложечкой, вызывало тошноту во рту. Саблинъ думалъ о конной атакѣ, его кидало въ жаръ, пульсъ стучалъ въ виски и въ глазахъ темнѣло. «Безуміе», — говорилъ онъ себѣ. — «храбрость должна быть разумна. Я отвѣчу передъ Богомъ и Родиной за то, что погублю эти прекрасные эскадроны.»

Внизу слышался смѣхъ. Ротбекъ боролся съ длиннымъ и худымъ Артемьевымъ, стараясь повалить его на траву. Офицеры и солдаты окружили ихъ и смотрѣли за исходомъ борьбы. Они забыли о боѣ.

«И этихъ людей я поведу на вѣрную смерть.» — подумалъ Саблинъ и отрицательно тряхнулъ головой. Онъ хотѣлъ круто повернуть отъ лѣса и пойти въ оврагъ смотрѣть на борьбу, чтобы такъ же, какъ они, забыть про бой, про проклятую батарею и не мучиться тѣмъ, въ чемъ его долгъ, но въ эту минуту изъ лѣса, продираясь сквозь кусты, показался солдатъ ихъ полка на взмыленной, тя-

тяжело дышащей лошади, издали махавшій ему листкомъ бумаги.

Солдатъ боялся выѣхать на открытое мѣсто, гдѣ свистали пули и слѣзши съ лошади, сталъ привязывать ее къ дереву. Саблинъ подошелъ къ нему.

— Къ вамъ, ваше высокоблагородіе, отъ его сіятельства, командира полка, приказаніе.

Саблинъ долго не могъ разорвать аккуратно заклееннаго конверта — руки дрожали, пальцы не слушались. Онъ вынулъ листокъ бумаги. Твердымъ, ровнымъ, прямымъ и четкимъ почеркомъ, князя было написано:

> «На нашемъ лѣвомъ флангѣ, противъ Васъ, появилась непріятельская четырехъ-орудійная батарея. Она наноситъ нашей пѣхотѣ слишкомъ большія пораженія. Пѣхота не можетъ держаться и начинаетъ отходить. Это грозитъ проигрышемъ всего сраженія. Вамъ необходимо уничтожить эту батарею. Богъ да поможетъ Вамъ! Свиты Его Величества генералъ майоръ князь Рѣпнинъ.»

Всѣ запятыя были на своихъ мѣстахъ. Нигдѣ, ни въ одной буквѣ не дрогнулъ карандашъ. Князь Рѣпнинъ весь былъ въ этой запискѣ. Сухой, холодный, рыцарь долга... Долга прежде всего... «А вѣдь онъ зналъ, когда писалъ, что посылаетъ на вѣрную смерть,» — подумалъ Саблинъ и, нахмурившись, пошелъ отъ солдата.

— Ваше высокоблагородіе, пожалуйте конвертъ, — крикнулъ настойчиво солдатъ.

— Ахъ, да, — сказалъ Саблинъ и на конвертѣ написалъ:

> «Свой долгъ исполнимъ. Полковникъ Саблинъ.»

И проставилъ часъ: — 15 часовъ 42 минуты.

Саблинъ пошелъ къ дивизіону. Все было по старому, но все ему казалось не такимъ, какъ было раньше. Небо, солнце и дали казались маленькими, мутными, чу-

жими и плоскими, какъ декорація. Отчетливо рисовался верескъ и трава подъ ногами. Каждый камешекъ, каждая песчинка были ясно видны. Саблинъ не чувствовалъ подъ собою ногъ. Онѣ были какъ на пружинахъ. Гула пушекъ и ружейной трескотни онъ не слыхалъ. Ему казалось, все было тихо. Ротъ былъ сухой и Саблинъ подумалъ, что онъ не сможетъ сказать ни слова. Онъ шелъ, прямой и стройный, и лицо его было бѣлое, какъ снѣгъ, а глаза смотрѣли широко и были пустые. Онъ ни о комъ и ни о чемъ не думалъ. Подойдя къ оврагу и, уже спускаясь въ него, онъ крикнулъ:

— Дивизіонъ, по конямъ!

Онъ крикнулъ своимъ полнымъ голосомъ, такъ, какъ командовалъ всегда, а ему показалось, что это кто то другой скомандовалъ глухо и неясно. Эскадроны всколыхнулись и замерли.

— Эскадронъ, по конямъ, — звонко крикнулъ Ротбекъ.

— По конямъ, — скомандовалъ графъ Бланкенбургъ.

Всѣ уже знали въ чемъ дѣло. И всѣ стали бѣлыми, какъ полотно, и у всѣхъ мысли исчезли, но тѣло исполняло все то, что привыкло и должно было исполнять.

Заикинъ бѣгомъ подбѣжалъ къ Саблину и за нимъ рысью, играя и, стараясь ухватить губами за винтовку, бѣжала Леда.

Саблинъ согнулъ лѣвое колѣно и Заикинъ ловко и легко посадилъ его въ сѣдло. Правая нога сама носкомъ отыскала стремя. Саблинъ, не вынимая шашки, поднялъ стикъ надъ головой.

— Дивизіонъ садись, — скомандовалъ онъ и голосъ его совершенно окрѣпъ. Лошадь, на которой онъ сидѣлъ, придала ему силу.

— Первый эскадронъ! — крикнулъ графъ Бланкенбургъ.

— Второй эскадронъ! — звонко крикнулъ Ротбекъ.

— Сад-дись! — скомандовали оба одновременно.

Команда слѣдовала за командой. Зазвенѣли пики, звякнули стремена, когда эскадроны выравнивались.

— Шашки къ бою! Пики на бедро, слушай! — командовалъ Саблинъ.

Сверкнули на солнцѣ шашки и пики нагнулись къ лѣвымъ ушамъ лошадей.

— Эшелонами повзводно, въ одну шеренгу, разомкнутыми рядами, на шесть шаговъ, — командовалъ Саблинъ и Бланкенбургъ и Ротбекъ повторяли его команду.

– На батарею!

— На батарею! — повторили Бланкенбургъ и Ротбекъ.

— Первые взводы рысью!

— Маршъ! — раздалась команда и первые взводы раздвинулись въ оврагѣ и быстро стали выходить изъ него. Справа шелъ сопровождаемый трубачемъ Бланкенбургъ, слѣва въ такомъ же порядкѣ Ротбекъ.

Саблинъ пустилъ рвавшуюся впередъ Леду и выскочилъ передъ оба первыхъ взвода. За нимъ, съ трудомъ сдерживая первную Діану, скакалъ правѣе трубача Коля, но Саблинъ не видалъ его.

XXXVII

На германской батареѣ не сразу замѣтили появленіе атакующей кавалеріи. Тамъ были увлечены стрѣльбой по окопамъ, откуда убѣгала Русская пѣхота. Готовился рѣшительный ударъ и германская пѣхота собиралась вставать, чтобы броситься въ пустѣющіе окопы.

Саблинъ успѣлъ спуститься въ широкую лощину и подняться на холмъ незамѣченный непріятелемъ. Передъ нимъ было громадное сжатое поле и въ полутора верстахъ была ясно видна батарея и рота прикрытія.

Батарея стрѣляла полуоборотомъ влѣво и Саблину видны были желтыя вспышки ея огней. Теперь она быстро стала поворачивать на него. Видно было, какъ бѣгали и суетились подлѣ орудій люди.

– Полевымъ галопомъ! — скомандовалъ Саблинъ, но люди уже сами скакали, не дожидаясь команды.

Тяжело ухнули пушки и гдѣ то сзади разорвались

снаряды. Саблинъ видѣлъ, какъ неслась подъ ногами его лошади ему навстрѣчу земля и подумалъ, что хорошо, что борозды идутъ по направленію атаки, такъ легче скакать. Самъ онъ упорно смотрѣлъ на батарею. Она росла на его глазахъ. Стали видны отдѣльные люди въ сѣрыхъ каскахъ, бѣгавшіе къ ящикамъ и носившіе блестящіе патроны, сталъ виденъ офицеръ, стоявшій во весь ростъ за серединой батареи и пушки незнакомаго чужого вида, снизу поднимавшія свои дула.

Какой то непріятный свистъ несся навстрѣчу, но свисталъ ли то вѣтеръ въ ушахъ, или пули, Саблинъ не думалъ. Лѣвѣе, его обгонялъ Ротбекъ съ поднятой надъ головой шашкой, будто собирающійся кого то рубить. Саблинъ увидалъ, какъ прямо передъ нимъ вспыхнуло пламя и бѣлое облако появилось подлѣ Ротбека, и лошадь Ротбека упала, а когда Саблинъ проскакивалъ мимо, онъ увидѣлъ, что Ротбекъ лежалъ ничкомъ на землѣ и низъ его тѣла залитъ кровью.

— «Пику оторвало ногу,» — подумалъ онъ и это не произвело на него никакого впечатлѣнія.

Батарея была видна вся. Люди суетились и не владѣли собою. Рота прикрытія бѣжала вразсыпную.

Мимо Саблина, развѣвая хвостъ, вылетѣла красивая караковая лошадь подъ солдатскимъ сѣдломъ и Саблинъ узналъ въ ней Діану. Но онъ не успѣлъ подумать о томъ, что могло обозначать появленіе Діаны безъ сѣдока, какъ все для него измѣнилось. Страшный ударъ хватилъ его по груди. Ему показалось, что его лошадь споткнулась и онъ упалъ съ нея. Разгоряченное лицо холодила черная пахучая земля и непріятно лѣзла въ ротъ. Саблинъ приподнялъ голову. Мимо него мчались на тяжелыхъ лошадяхъ солдаты и хрипло кричали ура! Шеренга проносилась за шеренгой и топотъ конскихъ ногъ гулко отзывался въ ушахъ Саблина. Онъ ничего не понималъ. «Я раненъ, или убитъ», — подумалъ онъ, и увидалъ надъ собою синее бездонное небо. Миріады мелкихъ, прозрачныхъ пузырьковъ поплыли передъ глазами, ослѣпили его, онъ закрылъ глаза и потерялъ сознаніе.

Графъ Бланкенбургъ первымъ влетѣлъ на батарею и ударомъ шашки свалилъ стрѣлявшаго въ него изъ револьвера солдата. Его эскадронъ и эскадронъ Ротбека подъ начальствомъ штабъ-ротмистра Маркушина, замѣнившаго убитаго Ротбека, облѣпили орудія и творили расправу.

Правѣе ихъ, потрясая воздухъ, гремѣло ура! Пѣхота, выскочивъ изъ окоповъ, бѣжала за отступавшими германцами. Въ полуверстѣ влѣво, сколько хваталъ глазъ, поле было покрыто скачущими на вороныхъ лошадяхъ всадниками: — подоспѣвшая къ бою 2-ая дивизія бросилась преслѣдовать отступавшаго непріятеля.

Побѣда была полная. И этой побѣдой Россійская Армія была обязана безумно смѣлой атакѣ дивизіона Саблина!

Самъ Саблинъ, тяжело раненый въ грудь, лежалъ безъ сознанія на полѣ. Его сынъ Коля съ изуродованнымъ туловищемъ и оторванной головой, исковерканный до неузнаваемости стаканомъ шрапнели, валялся въ лужѣ дымящейся крови въ двухъ шагахъ позади. Штабъ-ротмистръ Артемьевъ, корнетъ Покровскій, поручикъ Агаповъ, корнетъ баронъ Лизеръ были убиты, поручикъ Кушнаревъ, баронъ Лидваль и графъ Толь ранены. Изъ пріѣхавшихъ третьяго дня вечеромъ шести офицеровъ: — трое — князь Гривенъ, Оленинъ и Розенталь были убиты и двое, Медвѣдскій и Лихославскій, ранены. Двадцать три солдата убито и шестьдесятъ два ранено.

Когда ротмистръ графъ Бланкенбургъ собралъ позади взятой батареи дивизіонъ, то эскадроны едва набрали по два взвода. Вахмистръ Иванъ Карповичъ былъ убитъ на самой батареѣ въ тотъ моментъ, когда рубилъ ея командира.

Къ собраннымъ людямъ по затихшему полю рысью подъѣзжалъ князь Рѣпнинъ. Его лицо было величаво спокойно. Лошадь пугливо косилась на лежавшія повсюду тѣла лошадей и солдатъ.

— Спасибо, молодцы, за лихую атаку. Поздравляю васъ со славнымъ дѣломъ, — крикнулъ онъ.

— Р-рады стараться, — отвѣтили все еще блѣдные, тяжело дышащіе люди.

— А гдѣ полковникъ Саблинъ? — спросилъ князь Рѣпнинъ.

— Убитъ, — отвѣчалъ графъ Бланкенбургъ.

— Нѣтъ, раненъ, — сказалъ Маркушинъ. — Я видѣлъ: его сейчасъ понесли. Онъ стоналъ.

— Славное дѣло, лихое дѣло, господа, — сказалъ Рѣпнинъ. — Вы навѣки прославили нашъ полкъ!

Онъ слѣзъ съ лошади и устало подошелъ къ обрыву высокой межи.

— Графъ, веди людей къ полку въ Замостье, — сказалъ онъ Бланкенбургу и, обращаясь къ адъютанту, сказалъ: — достань, графъ, книжку донесеній. Надо послать телеграмму Его Величеству, порадовать его громкой и славной побѣдой.

Когда адъютантъ составилъ подробное донесеніе и, помѣстивъ въ немъ фамиліи всѣхъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ, далъ подписать его князю Рѣпнину, князь задумался и долго держалъ карандашъ въ рукѣ, оглядывая поле, гдѣ ѣздили телѣги и санитарныя повозки и ходили пѣхотные санитары, собирая раненыхъ.

— Блестящее дѣло! — тихо сказалъ онъ, наконецъ, подписывая донесеніе. — Блестящее дѣло! Сколько цвѣта Русской молодежи погибло! Пусть знаетъ Россія, пусть знаетъ весь міръ, что нашъ народъ единъ, что офицеръ нашъ умѣетъ умирать вмѣстѣ съ солдатомъ, впереди солдата. Часъ суровой расплаты передъ народомъ насталъ и мы полнымъ рублемъ платимъ за наше привилегированное положеніе, за наши богатства, за наши земли, за сытую и веселую жизнь въ мирное время. Пусть видитъ Государь и вся Россія, что отцы отдали своихъ сыновей на алтарь отечества и сами легли рядомъ съ ними. Бѣдный Саблинъ! Знаетъ онъ о томъ, какъ ужасно погибъ и изуродованъ его сынъ, этотъ прекрасный мальчикъ!?.. Какой ужасный рокъ его преслѣдуетъ. Мѣсяцъ тому назадъ потерять жену, при такихъ трагическихъ

обстоятельствахъ... Теперь сына... Можетъ быть, лучше и самому ему умереть! Что у него осталось?

— Слава! — гордо и торжественно произнесъ графъ Валерскій, и въ тихомъ воздухѣ это слово прозвучало необычайно ярко. На полѣ лежали мертвые. Раненые стонали и кричали, стараясь обратить на себя вниманіе санитаровъ. Черная земля еще не впитала въ себя кровавыя лужи. Убитыя лошади безобразно вздувались бѣлыми животами. Но это великое слово, казалось, покрыло собою всю безотрадную картину поля смерти.

— Красота подвига осталась Саблину! — снова сказалъ адъютантъ. — Умретъ онъ, или будетъ жить, но этотъ день конной атаки, имъ веденной и приведшей насъ къ побѣдѣ, будетъ сіять вѣчнымъ неугасаемымъ свѣтомъ!

— Да будетъ! — сказалъ Рѣпнинъ. На его строгомъ лицѣ легли торжественныя тѣни. Онъ всталъ съ межи, знакомъ подозвалъ къ себѣ вѣстового, сѣлъ на лошадь и, снявъ фуражку, медленно поѣхалъ по полю мимо убитыхъ. Клонившееся къ западу солнце бросало длинную тѣнь отъ его худой и прямой фигуры. Въ сухихъ чертахъ его лица отразились цѣлыя поколѣнія героевъ, славу и подвигъ почитавшихъ дороже жизни, вѣрность Государю и Родинѣ дороже счастья!

XXXVIII

Въ концѣ ноября 1914 года N—ская кавалерійская дивизія, куда входилъ Донской казачій полкъ Карпова, послѣ ряда утомительныхъ маршей, исколесивъ всю Восточную Галицію, подъ напоромъ австрійскихъ армій, прикрывая отходившую пѣхоту, подошла къ рѣкѣ Нидѣ. Полкъ Карпова былъ расквартированъ въ длинной деревнѣ, носившей странное наименованіе Хвалибоговице, вытянувшейся по каменистому обрыву шумящей быстрой рѣчки, впадавшей въ Вислу.

Соприкосновеніе съ противникомъ было утеряно.

Противникъ остановился и произошла случайная передышка.

Осень стояла мокрая. Грунтовыя дороги развезло и въ нихъ топули подводы интендантскихъ транспортовъ. Подвозъ съ тыла прекратился и полки были предоставлены самимъ себѣ. Они посылали фуражировъ по окрестнымъ деревнямъ для закупки сѣна и овса.

Утромъ хмураго декабрьскаго дня Карповъ проснулся задолго до разсвѣта. Его мучила забота. Ему надо было ѣхать за сорокъ верстъ въ штабъ корпуса по тяжелому и непріятному дѣлу. Нѣсколько дней тому назадъ, два фуражира 1-й сотни, Скачковъ и Маловъ, были посланы за Вислу, въ Галицію, за сѣномъ. Въ одной хатѣ они нашли много сѣна, но старикъ-русинъ и его молодая дочь отказались продавать сѣно. Тогда Скачковъ съ Маловымъ сами наложили сотенную подводу сѣномъ и пришли къ русину, чтобы разсчитаться за нее. Русинъ отказался принять деньги, а его дочь стала ругаться. — «Разбойники вы! Воры, и Государь вашъ такой же воръ!» — кричала она. — «Насъ ругай, мы смолчимъ», — строго сказалъ ей Маловъ, — «а Государя нашего обижать не смѣй, а то плохо будетъ». Но баба разошлась. Она стала поносить Государя послѣдними словами. — «Тогда», — какъ показывалъ потомъ Маловъ, — «не стерпѣлъ я такой обиды, затменіе на меня нашло, я взялъ, приложился въ сердцахъ въ злую бабу изъ винтовки, выстрѣлилъ и положилъ ее на мѣстѣ». Дѣло получило огласку, наѣхали полевые жандармы, сбѣжался народъ, да и Маловъ не таился, чистосердечно все разсказалъ. — «Что у ей», — говорилъ онъ, «души у ей нѣтъ, одинъ паръ, жалѣть ее не приходится, а ругать Государя она не смѣетъ». Но дѣло обернулось серьезно, полевой судъ усмотрѣлъ въ этомъ мародерство и убійство, и Малова приговорили къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Карповъ не могъ этого допустить. Онъ слишкомъ былъ христіаниномъ, чтобы не ставить выше всего побужденія сердца. Онъ понималъ, что въ поступкѣ Малова не было убійства, а были запальчивость и святое и гор-

дое чувство глубокаго и сильнаго, до самозабвенія патріотизма, и въ сердцѣ своемъ Карповъ, не оправдывая Малова, не обвинялъ его. Маловъ былъ храбрый казакъ, уже имѣвшій георгіевскій крестъ. Карповъ зналъ его отца, мать, дѣда и бабку, зналъ весь обиходъ ихъ станичной жизни и понималъ, что смертная казнь Малова убьетъ всю его семью. Эта казнь казалась ему чудовищной, особенно на войнѣ, гдѣ и такъ легко было умереть и гдѣ такъ дороги были такіе честные и вѣрные казаки, какъ Маловъ. Онъ переговорилъ обо всемъ съ начальникомъ дивизіи и съ его разрѣшенія рѣшилъ ѣхать съ личнымъ ходатайствомъ за Малова къ командиру корпуса. Ночь онъ не спалъ. Въ маленькой убогой халупѣ крестьянина въ Хвалибоговице было холодно и грязно. Карповъ ворочался на жесткой походной койкѣ. Рядомъ на сдвинутыхъ скамьяхъ, на сѣнѣ спалъ адъютантъ. На печи лежалъ самъ хозяинъ. За окномъ стояла холодная лунная ночь и лучи мѣсяца падали въ избушку. Въ углу, подъ образами и литографированной картиной Ченстоховской Божіей Матери въ коронѣ, стояло темное знамя въ чехлѣ, и Карпову чудилось, что знамя благословляетъ его на поѣздку.

Всталъ онъ въ пять часовъ утра. Николай, его денщикъ, зажегъ жестяную лампочку, поставилъ на столъ и принесъ ему чай. И онъ, и вѣстовой, сѣдлавшій лошадь, и оба трубача, Лукьяновъ и Пастуховъ, которые должны были съ нимъ ѣхать, знали, зачѣмъ ѣдетъ ихъ командиръ и сочувствовали ему.

Въ шесть часовъ утра Карповъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по подмерзшей дорогѣ на востокъ. Луна краснымъ дискомъ опускалась за темный лѣсъ, смутно рисовалась узкая дорога между густыхъ кустовъ. Карповъ ѣхалъ то шагомъ, то рысью, думая свои думы. Онъ видѣлъ станицу и Маловыхъ, у которыхъ бывалъ, видѣлъ осанистаго съ красивой сѣдою бородою дѣда Малова съ георгіевскимъ крестомъ за Ловчу, и не могъ представить, что почувствуетъ старикъ, когда его внукъ будетъ разстрѣлянъ по приговору полевого суда. Онъ обдумывалъ,

что и какъ скажетъ командиру корпуса, генералу Пестрецову, и ему его рѣчь казалась такой убѣдительной, что Пестрецовъ не могъ не тронуться ею.

Въ двѣнадцать часовъ дня онъ въѣзжалъ въ желѣзныя ворота большого парка господскаго дома Борки, гдѣ помѣщался штабъ корпуса. Ему было странно, что штабъ корпуса помѣщался такъ далеко отъ фронта, но онъ не думалъ объ этомъ и не придавалъ этому никакого значенія.

Дворъ былъ чисто подметенъ. Куртина, противъ главнаго подъѣзда, была уставлена цвѣтами, закутанными соломой и увязанными рогожей. Красавецъ Лукьяновъ и Пастуховъ, надѣвшіе лучшія свои шинели, казались на этомъ дворѣ жалкими и убогими. Рѣзко видна была бѣдность ихъ одежды, оторванная кисть на шнурѣ сигнальной трубы, заплата на сапогѣ. Карповъ самому себѣ въ тяжеломъ пальто, обтянутомъ амуниціей, показался грубымъ и неизящнымъ. Рѣчь такъ блестяще подготовленная въ умѣ, испарилась изъ памяти и сама причина пріѣзда стала казаться не такою важною.

Въ подъѣздѣ его встрѣтилъ изящный унтеръ-офицеръ съ желтыми аксельбантами на чистой рубахѣ и въ сапогахъ съ блестящими шпорами. Въ углу большой передней, у окна, за круглымъ столомъ, сидѣлъ припомаженный писарь и читалъ газету. Онъ посмотрѣлъ на Карпова и подумалъ, вставать, или нѣтъ, но не всталъ, а дождался, когда Карповъ снялъ пальто и амуницію, и тогда сказалъ, вставая:

— Пожалуйте, не угодно ли присѣсть. Вотъ газетка свѣжая. Угодно почитать?

Карповъ ничего не сказалъ и не пошелъ садиться. Большое зеркало отразило всю его фигуру. Онъ увидалъ загорѣлое до черноты лицо съ посѣдѣвшими бакенбардами, смятые, почернѣвшіе отъ сырости погоны, тяжелые ремни амуниціи, сапоги, забрызганные дорожною грязью и чувство неловкости охватило его. Точно на балъ пріѣхалъ въ домашнемъ платьѣ. Жандармскій унтеръ-офицеръ и писарь чувствовали свое превосход-

ство надъ нимъ и, молча, оглядывали его. Онъ былъ изъ другого міра. Изъ того міра, гдѣ умираютъ на постахъ, гдѣ бьются, добывая кормъ лошадямъ и продовольствіе людямъ, гдѣ по суткамъ не спятъ, гдѣ забываютъ обѣдать, гдѣ мутные и тяжелые тянутся дни, сливаясь съ ночами въ одну нудную вереницу. Они были изъ того міра, гдѣ день идетъ по аккуратно размѣренному расписанію, гдѣ обозначено время для сна, для прогулки, для обѣда и для доклада.

— Какъ доложить о васъ прикажете? — спросилъ унтеръ-офицеръ.

— Полковникъ Карповъ. Командиръ N—ского Донского полка. По личному дѣлу.

Унтеръ-офицеръ дѣловито посмотрѣлъ на часы на кожаной браслеткѣ и сказалъ:

— Не иначе, какъ пообѣдать вамъ придется въ штабной столовой, а послѣ обѣда васъ примутъ. Сейчасъ заняты съ начальникомъ штаба.

— Нѣтъ, я прошу доложить теперь. Мнѣ обратно сорокъ верстъ ѣхать. Хотѣлось бы къ ночи быть у себя.

— Попробую сказать адъютанту.

Въ это время за стеклянной дверью, ведшей на лѣстницу, покрытую сукномъ, съ зеркаломъ и двумя статуями, окруженными растеніями въ кадкахъ, раздались голоса. Внизъ спускалась красивая, лѣтъ сорока, дама въ роскошномъ мѣховомъ манто. Впереди бѣжалъ холеный фоксъ въ ошейникѣ, съ нагрудными ремешками и розовымъ бантомъ на спинѣ. Подлѣ дамы шелъ молодой, безупречно одѣтый офицеръ, во входившемъ тогда въ моду англійскомъ френчѣ изъ мягкой, желтоватой матеріи, усѣянномъ значками и съ орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ въ петлицѣ.

— Дмитрій Дмитріевичъ, вы пойдете со мною на прогулку, — говорила дама офицеру. — Это ничего, что вы дежурный? Вы мнѣ обѣщали показать сыроварню.

— О, непремѣнно! ваше превосходительство.

Унтеръ-офицеръ кинулся распахивать двери. Дама въ лорнетъ посмотрѣла на Карпова.

— Кажется, кто-то къ мужу, — тихо сказала она офицеру.

Офицеръ подошелъ къ Карпову и сухо спросилъ:

— Вы къ кому?

— Я къ командиру корпуса по спѣшному и очень важному дѣлу, — сказалъ Карповъ.

— Командиръ корпуса занятъ. Пожалуйте обѣдать и послѣ обѣда...

— Я не могу ждать и прошу васъ доложить обо мнѣ сейчасъ.

— Вы понимаете, я не могу этого сдѣлать, полковникъ.

— А я настаиваю, чтобы вы это сдѣлали.

Дама стояла въ нерѣшительности у выходной двери. Маленькій фоксъ нюхалъ воздухъ у двери и тихо повизгивалъ, прося выйти. Офицеръ выразительно посмотрѣлъ на даму и пожалъ плечами, какъ бы говоря: «идите одни. Ничего не подѣлаешь съ этимъ хамомъ».

Дама улыбнулась.

— Догоняйте меня послѣ, — сказала она. — Я буду гулять по липовой аллеѣ.

— Слушаюсь, — сказалъ адъютантъ, кланяясь дамѣ и открывая передъ нею двери.

— Хорошо, я доложу, — сказалъ онъ, возвращаясь къ Карпову, — только ничего изъ этого не выйдетъ.

Онъ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ прихожую и сказалъ офиціально:

— Пожалуйте. Его превосходительство васъ просятъ.

XXXIX

Когда Карповъ подъѣхалъ къ господскому дому, у командира корпуса былъ его начальникъ штаба и старый другъ, генералъ Самойловъ. Докладъ былъ давно конченъ и они говорили объ общемъ положеніи дѣлъ.

— Я знаю, — говорилъ Пестрецовъ, — что командую-

щій арміей писалъ объ этомъ великому князю Главнокомандующему, и великій князь сочувствуетъ этому и понимаетъ это, но что подѣлаешь, когда въ дѣла стратегіи вмѣшивается политика.

— Милый Яковъ Петровичъ, — стоя противъ большого стола съ бумагами, говорилъ Самойловъ, — безъ патроновъ и снарядовъ нельзя воевать. Я оффиціально тебѣ говорю, что у насъ осталось по 200 выстрѣловъ на орудіе. Въ Брестѣ взрываютъ складъ съ тяжелыми снарядами и, конечно, дѣлаютъ это нарочно. Изъ-за этого мы въ ноябрѣ не взяли Кракова, теперь идемъ назадъ и теряемъ духъ нашей прекрасной арміи. Повѣрь, что второй разъ такъ не пойдемъ.

— Но что же дѣлать? — разводя руками, сказалъ Пестреповъ.

— Опять, какъ тогда, передъ японской войной, говорилъ тебѣ, такъ и теперь скажу. Не надо сентиментальничать, не надо таскать своими голыми руками горячіе каштаны для другихъ, нельзя вести войны pour les beaux yeux de la reine de Prusse,*) нельзя освободить Европу и губить Россію. Мы не можемъ воевать одни противъ Германіи и Австріи тогда, когда французы и англичане ничего не дѣлаютъ. Мы отдаемъ свои земли на потокъ и разграбленіе своихъ и чужихъ войскъ, германцы уже были подъ Варшавой. Наши доблестные сибиряки отогнали ихъ, но какой цѣной! У насъ уже нѣтъ теперь сибиряковъ...

— Николай Захаровичъ, оставь, пожалуйста. Вѣдь это только критика ради критики. Что же мы можемъ сдѣлать? Мы не можемъ заставить воевать Англію ранѣе, чѣмъ она создастъ свою армію, мы не можемъ потребовать отъ Франціи больше того, что она дастъ.

— А какое намъ дѣло до Англіи и Франціи? Вѣдь мы Россія. Россія мы, и намъ дороги только свои, русскіе интересы. Пора стать эгоистами и понять, что эту войну насъ заставили вести во вредъ нашимъ интересамъ.

---

*) Ради прекрасныхъ глазъ Прусской королевы.

— Ну, что же?

— Миръ.

— Миръ?

— Да, миръ, съ пріобрѣтенной Галиціей, съ нефтяными источниками и угольными копями, со старымъ Львовомъ и Перемышлемъ...

— Его еще надо взять.

— Отдадутъ и такъ. Быть можетъ... съ проливами.

— Это невозможно.

— Воевать, Яковъ Петровичъ, невозможно, это точно. Мы учили, что такая громадная война, гдѣ развернуты милліонныя арміи, можетъ длиться четыре, максимумъ, шесть мѣсяцевъ. Не хватитъ средствъ. Надо поступать по наукѣ. Августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь — и баста. Дальше «отъ лукаваго». Мобилизація промышленности: — это разореніе своего дома. Во имя чего?

— Во имя честности.

— Въ политикѣ честности нѣтъ. Повѣрь, Яковъ Петровичъ, что, если, не дай Богъ, мы придемъ въ бѣду, ни англичане, ни французы не пожертвуютъ для насъ ни однимъ солдатомъ, и нѣмцы тогда займутъ Россію и обратятъ насъ, при общемъ молчаніи, въ навозъ для германской расы.

— Нѣтъ, — со вздохомъ сказалъ Пестрецовъ, — миръ теперь, — это позоръ навсегда. Нельзя будетъ русскому человѣку показаться въ Англіи, или Франціи. Кличка предателя и измѣнника куда какъ не сладка.

— Яковъ Петровичъ, привези золото и тебя встрѣтятъ поклонами и самыми льстивыми и ласковыми словами.

Въ эту минуту вошелъ адъютантъ и доложилъ о Карповѣ. Разговоръ о мирѣ былъ тяжелъ и непріятенъ Пестрецову и онъ обрадовался возможности прервать его.

— Просите полковника, — сказалъ онъ. — Николай Захаровичъ, останься. Это, говорятъ, лихой казакъ. Онъ великолѣпно работалъ съ полкомъ.

— Всѣ они грабители и мародеры, казаки, — сказалъ

Самойловъ, но остался стоять у стола, когда вошелъ Карповъ.

— Здравствуйте, дорогой полковникъ, — поднимаясь навстрѣчу Карпову, ласково сказалъ Пестрецовъ. — Исторія конницы — исторія ея генераловъ. Одного изъ нихъ я имѣю, наконецъ, удовольствіе видѣть у себя. Мнѣ такъ много о васъ разсказывалъ Развадовскій, о вашихъ побѣдахъ въ августѣ. Блистательно работали ваши донцы. Какъ это говорили вы — «долбанемъ», а? «заманивай, да заманемъ его въ вентеречекъ», а? Ну, садитесь, дорогой полковникъ, Степаномъ Сергѣевичемъ васъ звать, кажется, а?

—Павелъ Николаевичъ, — сказалъ Карповъ, ободренный привѣтливостью корпуснаго командира.

— Садитесь, Павелъ Николаевичъ. Ну, какъ у васъ? Все благополучно? Отдыхаете немного. Вотъ еще денька два отдохнемъ, да и въ наступленіе опять... Пора... Пора!...

Карповъ сѣлъ въ тяжелое кресло противъ корпуснаго командира и молчалъ, не зная, какъ начать. Горячій разсказъ о подвигахъ Малова, о томъ, какая у него хорошая патріархальная семья, какъ чисто убрана ихъ хата и какъ кротко сіяетъ изъ угла большой образъ Богоматери, какимъ ужаснымъ ударомъ для семьи было бы извѣстіе о смертной казни сына, передъ этими двумя генералами казался неумѣстнымъ. Изъ-за ласковыхъ словъ холодно и строго, а главное, безразлично смотрѣли сѣрые блестящіе глаза генерала. Въ его холеномъ, тщательно вымытомъ и побритомъ лицѣ, въ обстановкѣ кабинета съ громаднымъ столомъ, креслами, съ различными бездѣлушками, въ картѣ, висѣвшей на стѣнѣ и разрисованной акварелью, гдѣ маленькимъ синимъ квадратомъ у Хвалибоговице былъ показанъ и его, Карпова, полкъ, было столько чужого, не похожаго на войну, какъ ее видѣлъ и понималъ Карповъ, что Карповъ смутился и неловко началъ:

— Дѣло вотъ въ чемъ, ваше превосходительство. Тутъ на-дняхъ судили казака моего полка, Малова. При-

говорили къ смертной казни. Приговоръ долженъ состояться завтра. А, между тѣмъ, обстоятельства дѣла таковы...

— Знаю, знаю, дорогой Павелъ Семеновичъ, — перебилъ Пестрецовъ, уже позабывшій имя Карпова, — мнѣ это дѣло доподлинно извѣстно. И, знаете, я возмущенъ, что въ вашемъ полку могли явиться такіе негодяи. Мы измучены жалобами населенія на казаковъ. Этому надо положить, наконецъ, предѣлъ. Вашъ Маловъ убійца женщины — этого достаточно. Смертная казнь, утвержденная Командующимъ Арміей — это наказаніе, имъ вполнѣ заслуженное.

— Ваше превосходительство, судъ не вошелъ въ обстоятельства дѣла... въ обстановку... въ психологическую подкладку этого преступленія...

— Э, милый полковникъ, предоставьте всю эту ерунду гражданскимъ судамъ съ присяжными засѣдателями. Полевой судъ стоитъ передъ совершившимся фактомъ. Убійство было? Я васъ спрашиваю, Семенъ Даниловичъ, было убійство, а?

— Было. Но...

— И никакихъ «но» тутъ нѣтъ. И о чемъ вы меня просите?... Это не отъ меня зависитъ.

— Я прошу васъ ходатайствовать передъ командующимъ арміей. Я умоляю васъ послать, если нужно, телеграмму верховному главнокомандующему.

— Э, что говорить о пустякахъ. Развѣ можно, глубокоуважаемый, безпокоить командующаго арміей такими пустяками? Развѣ мыслимо, чтобы я, представитель власти, дискредитировалъ ее, заступаясь за преступниковъ? Казаки всегда грабили и безобразили и это надо, наконецъ, прикончить.

Самойловъ, видя, что Карповъ порывается что-то сказать, посмотрѣлъ на часы и сказалъ Пестрецову:

— Половина перваго, ваше превосходительство. Нина Николаевна обѣщала намъ сегодня завтракать вмѣстѣ съ нами.

— Ваше превосходительство, — сказалъ Карповъ,

вставая, потому что Пестрецовъ поднялся. — Я умоляю, я прошу... Это будетъ лучшей наградой мнѣ и полку...

— Э, милый мой, оставимъ этотъ пустой разговоръ. Идемъ завтракать. И не думайте о пустякахъ.

Карповъ рѣшительно отказался отъ завтрака. Онъ не могъ сѣсть со всѣми этими холодными людьми, съ богато одѣтой барыней за столъ и ѣсть тогда, когда онъ зналъ, что его казакъ будетъ ими разстрѣлянъ. Онъ задыхался въ богатой обстановкѣ господскаго дома, въ высокихъ комнатахъ, ему было страшно ходить по паркетнымъ поламъ. Тянуло вернуться скорѣе въ маленькую холодную избушку Хвалибоговицъ и тамъ быть со своими казаками и офицерами, кому казнь Малова былъ не мелкій эпизодъ войны, а громадное событіе въ полковой жизни.

Лукьяновъ, подававшій у крыльца лошадь, по лицу Карпова понялъ, что заступничество за Малова потерпѣло неудачу, но въ присутствіи часовыхъ и жандармовъ онъ ничего не сказалъ.

Сарданапалъ, соскучившійся ожидать на морозѣ, нетерпѣливо рылъ копытомъ землю, производя безпорядокъ на приглаженномъ дворѣ. Онъ попрашивалъ повода и свободнымъ широкимъ шагомъ вышелъ изъ воротъ, точно и его томила атмосфера большого штаба, холоднаго и чуждаго ихъ полковой жизни.

Они отъѣхали верстъ пять отъ имѣнія, два раза шли рысью и въѣхали въ большой буковый лѣсъ. Узкую дорогу тѣсно обступили громадныя черныя деревья. Непрерывная капель шла съ нихъ на землю. Солнце пригрѣло. Таяло. Дорога стала мягче, глубокія колеи блестѣли и осыпались подъ ногами лошади. Лукьяновъ съ боку продвинулъ свою лошадь и, почти поровнявшись съ Карповымъ, сказалъ:

— Что, ваше высокоблагородіе, не удалось отстоять Малова?

— Нѣтъ, не удалось, — просто отвѣтилъ Карповъ. Ему такъ понятенъ былъ вопросъ его штабъ-трубача.

— Ничего, ваше высокоблагородіе, вы не жалкуйте

объ этомъ. Вы только одно устройте, чтобы Малова конвоировали не казаки, а пѣхотные.

— А что?

— Да, Маловъ не такой парень, чтобы въ обиду себя дать. Убѣжитъ. Своихъ пожалѣетъ, не побѣжитъ, да и наши присягу твердо знаютъ, хоть и свой, а пристрѣлятъ, а пѣхотныхъ обмануть не грѣхъ. Хорошо, ежели бы ополченцы. Тѣ и совсѣмъ народъ розиня.

Карновъ ничего не отвѣтилъ, но, пріѣхавъ домой, послалъ телеграмму, гдѣ просилъ о нарядѣ конвоя къ Малову отъ ополченской роты.

Черезъ два дня Лукьяновъ утромъ зашелъ къ нему. Его лицо, красное отъ мороза сіяло восторгомъ, онъ едва сдерживалъ улыбку, собиравшую въ складки его красивое лицо. Убѣдившись, что въ хатѣ Карнова никого не было, Лукьяновъ тихимъ голосомъ сказалъ:

— Маловъ то, ваше высокоблагородіе... Маловъ... — Онъ не могъ больше сдерживать смѣха и разсмѣялся заливисто и весело.

— Убѣжалъ, вѣдь... Съ полчаса тому назадъ... Они его на казнь повели. Только до лѣсу дошли, онъ у праваго конвойнаго винтовку изъ рукъ, сигнулъ черезъ канаву, да лѣсомъ такого чеса задалъ, что никогда не догнать... Тѣ дураки и не стрѣляли... Жаловаться домой прибѣжали. Ну и конвойные! Горе одно съ такимъ народомъ!..

XL

Въ первыхъ числахъ декабря Карновъ неожиданно получилъ приказаніе спѣшить къ Новому Корчину, гдѣ поступить въ распоряженіе командира Зарайскаго пѣхотнаго полка. Зарайцы, послѣ тяжелаго боя, прорвали фронтъ противника и предполагалось широкое преслѣдованіе его конницей. Карновъ по тревогѣ собралъ полкъ и по замерзшей прибрежной дорогѣ рысью пошелъ къ виднѣвшемуся вдали небольшому мѣстечку. Чѣмъ бли-

же подходилъ онъ къ нему, тѣмъ больше были замѣтны слѣды только что бывшаго здѣсь боя. На полѣ были видны наши винтовки, воткнутыя штыкомъ въ землю и брошенныя нашими ранеными. Кое-гдѣ подъ кустами лежали убитые солдаты, кто, подставивъ бѣлое, страшное лицо лучамъ заходящаго солнца, кто ничкомъ, подогнувъ неловко ноги. Вездѣ валялись окровавленныя тряпки, разорванныя рубахи, котелки и походныя сумы. Все поле влѣво отъ дороги было изрыто неглубокими, одиночными окопами. Въ нихъ была примятая солома. Здѣсь ночевали передъ штурмомъ Зарайцы. Между окоповъ, впереди и сзади, были большія темныя воронки отъ снарядовъ тяжелой артиллеріи. Теперь артиллерія сюда больше не стрѣляла, вѣроятно была увезена съ поля битвы и только подъ Новымъ Корчинымъ часто продолжали вспыхивать бѣлооранжевые дымки австрійскихъ шрапнелей. Бой еще продолжался.

Карповъ рысью вошелъ въ крайнюю улицу и здѣсь остановился и приказалъ полку слѣзть. Очевидно, преслѣдовать было рано. По улицѣ пролетали рѣдкія излетныя пули. Одна лошадь и одинъ казакъ были ранены ими. Заведя людей съ лошадьми за дома и поставивъ ихъ укрыто за стѣнами, Карповъ съ адъютантомъ и Лукьяновымъ поѣхали отыскивать командира пѣхотнаго полка. Боковая улица съ растоптанной и растаявшей глубокою грязью была сплошь заставлена артиллерійскими зарядными ящиками. Ящичные ѣздовые сидѣли, нагнувшись на лошадяхъ и не обращали никакого вниманія на посвистывавшія пули. Мимо нихъ протискивались походныя кухни, дымящія и пахнущія щами. По обѣимъ сторонамъ дороги были глубокія заплывшія до верху жидкою грязью канавы съ частыми мостами. Между ящиками и канавами оставалось слишкомъ узкое мѣсто, чтобы кухни могли проѣхать. Одна сунулась было, но колесо провалилось, разсыпалось и сѣрыя щи вылились въ канаву и легли толстымъ слоемъ поверхъ грязи. Кашевары и обозные толпились подлѣ, не зная, что дѣлать. Навстрѣчу ѣхали лазаретныя двуколки и вдоль домовъ

непрерывной вереницей тянулись легко раненые съ перевязанными руками и обвязанными головами. Карпову пришлось остановиться и ожидать, когда и какъ распутается вся эта суматоха.

— Ну, что вы надѣлали, черти паршивые, — въ отчаяніи кричалъ кашеваръ завалившейся кухни. — Что я теперь дѣлать буду?

— Я жъ тебѣ говорилъ, не проѣдешь. Заладилъ одно, проѣду, да проѣду. Вотъ и проѣхалъ! По головкѣ за щи не погладятъ, — невозмутимо отвѣчалъ ѣздовой того ящика, который помѣшалъ проѣхать.

— А ты, паря, не робѣй, собирай скорѣича остатки, да заправляй щи заново. Такъ съ землицей то они еще скуснѣе будутъ.

— Настоящіе землеѣды слопаютъ, еще и похвалятъ тебя. Го-го-го! — хохотали артиллеристы.

— Земляки, пропустите раненыхъ, — просилъ фельдшеръ, — неужто у васъ совѣсть окончательно пропала!

— Пропусти!.. Да куда я тебѣ пропущу, когда ни впередъ, ни назадъ податься нельзя.

— Господи! и не пожалѣютъ своихъ страдальцевъ, — со вздохомъ сказала сестра, стоявшая въ высокихъ сапогахъ и подоткнутой выше колѣнъ коричневой юбкѣ по щиколодку въ грязи.

— Эхъ, казаки, — кричалъ раненый въ руку молодой солдатъ, — опоздали маленько. Мало-мало орудія его не захватили.

— Ну, какъ тамъ? — спросилъ у него Кумсковъ.

— Да, какъ, — со злобою отвѣчалъ шедшій сзади него пожилой запасный солдатъ, не раненый, но бывшій безъ ружья. — На рѣкѣ застряли, мостъ наводятъ, теперь опять оттяжка будетъ. Надолго.

— Что же, ироды, — посторонитесь вы, аль нѣтъ. Пропустите кухни, вѣдь со вчерашняго дня пѣхота не ѣмши.

— Да что ты лаешься, сказалъ артиллеристъ, — ну, куда я дѣнусь, когда податься некуда.

— Погоди, — говорилъ фельдшеръ, — офицеръ пріѣдетъ, онъ укажетъ, какъ распутать. — Вотъ жестокій народъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ сестрѣ милосердія. Та только рукою махнула.

— Я не понимаю, — сквозь слезы сказала она — какъ можно дойти до такого озвѣрѣнія, чтобы и раненыхъ не пожалѣть.

На косматой лошади подъѣхалъ пожилой артиллерійскій штабсъ-капитанъ. Онъ быстро разобрался въ обстановкѣ и завопилъ сердитымъ, простуженнымъ голосомъ:

— Ѣздовые слѣзай!.. Всѣ ко мнѣ!

Солдаты неохотно слѣзали въ глубокую грязь и подходили къ ящику.

— Ну, на рукахъ подвинь влѣво ящики! Эй вы пѣхота, что рты разинули, иди помогать!

Общими усиліями, откатывая ящики съ передками къ самой канавѣ, очистили мѣсто для двуколокъ и онѣ стали протягиваться изъ улицы. Карповъ воспользовался этимъ и проскочилъ передъ ними въ городъ.

Городъ спускался одной широкой улицей къ рѣкѣ съ разрушеннымъ мостомъ. Съ того берега стрѣляли вдоль по улицѣ и ѣхать по ней было нельзя. На самой серединѣ ея, недалеко отъ рѣки, застрялъ артиллерійскій ящикъ. Двѣ лошади въ уносѣ были убиты и лежали, утонувъ въ грязи, дышловыя, то бились, то стояли, тупо разставивъ ноги и тяжело вздыхали. Людей при нихъ не было. Австрійцы сосредоточили по ящику огонь и никто не отваживался подойти, чтобы выпростать ихъ изъ упряжи. Вдоль домовъ, укрываясь выступомъ громаднаго сѣраго каменнаго костела, непрерывнымъ потокомъ одни вверхъ, другіе внизъ шли гуськомъ солдаты. Они натоптали въ грязи сухую тропинку и теперь все стремилось на нее.

Карповъ съ адъютантомъ и Лукьяновымъ свернули во дворъ и здѣсь, за домомъ слѣзли и укрыли лошадей. Карповъ оставилъ Лукьянова съ лошадьми, а самъ съ адъютантомъ пошелъ отыскивать командира Зарайскаго полка.

— Гдѣ командиръ полка? — спросилъ онъ у подымавшагося навстрѣчу солдата.

— Должно внизу.

— Кабы не на той сторонѣ уже, — сказалъ другой, шедшій сзади. — Очень даже просто, что на той, — вступилъ въ разговоръ, останавливаясь противъ Карпова стройный ефрейторъ.

— Да развѣ мостъ навели уже? — спросилъ первый.

— Однако по досточкамъ уже проходятъ, — отвѣчалъ ефрейторъ. — Я видалъ, раненые шли...

Карповъ пошелъ внизъ. На улицѣ валялись трупы австрійскихъ солдатъ. Наши уже были подобраны, австрійцы лежали, утонувъ въ глубокой грязи. Карповъ вздрогнулъ, когда увидѣлъ совсѣмъ подлѣ тропинки убитаго австрійца. На него въ свалкѣ боя наступали и его совершенно затоптали въ грязь. Шинель, руки, ноги, все было сравнено съ землею и только лицо, бѣлое, обросшее небольшою холеною бородой торчало изъ земли и вѣтеръ тихо шевелилъ волосами бороды. Чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ чаще посвистывали пули и тѣмъ больше лежало затоптанныхъ въ грязь труповъ. Здѣсь между австрійцами въ ихъ сизыхъ шинеляхъ стали попадаться и сѣрыя шинели нашихъ солдатъ.

За костеломъ была большая площадь, прикрытая его стѣнами. Она была наполнена толпою австрійскихъ плѣнныхъ. Они стояли покорнымъ стадомъ, хмурые и скучные и тихо переговаривались между собою. Русскій офицеръ, молодой, красивый, высокій, въ солдатской шинели съ помятыми и выцвѣтшими золотыми погонами считалъ ихъ, переталкивая съ одного края площади на другой. Лицо у него было усталое, измученное, но счастливое.

— Тысяча восемьсотъ два, восемьсотъ три, восемьсотъ четыре, — говорилъ онъ, толкая людей, какъ вещи и, искоса поглядывая на подходившаго Карпова.

— Скажите, поручикъ, гдѣ командиръ Зарайскаго полка? — спросилъ его Карповъ.

— Тысяча восемьсотъ пять, восемьсотъ шесть, восемьсотъ семь, — продолжалъ тотъ считать. — Какова добычка, господинъ полковникъ, — я думаю, больше двухъ тысячъ будетъ. Кабы не всѣ три! Здѣсь и сдались, какъ мы ворвались. Бригаднаго генерала, двухъ полковниковъ, майора, восемьдесятъ офицеровъ, шестнадцать пулеметовъ. Командира полка вамъ? Полковника Дормана? Онъ сейчасъ только прошелъ вонъ въ ту хату, видите, большой каменный домъ, откуда солдатъ вышелъ... Тысяча восемьсотъ восемь, восемьсотъ девять — ну пошелъ, раззява, къ тѣмъ, чего топчешься, — крикнулъ онъ на австрійскаго солдата, замявшагося и не знавшаго куда ему податься.

Карповъ направился по указанному ему направленію. Вечерѣло. Румяное солнце спускалось за горизонтъ и наверху уже отчетливо проступала большая блѣдная луна. Пули свистали рѣдко, артиллерійскій огонь смолкалъ.

XLI

Домъ, куда вошелъ Карповъ, принадлежалъ зажиточному еврею. Изъ сѣней Карповъ попалъ въ большую очень чистую кухню съ плитой, выложенной бѣлыми изразцами. На плитѣ готовился ужинъ. Молодая, смуглая, черноволосая еврейка суетилась возлѣ плиты. Въ углу сидѣла старая еврейка и еврей съ черной бородой, тревожно слѣдившій за молодой еврейкой.

Съ потолка на толстой проволокѣ спускалась большая мѣдная керосиновая лампа.

За двумя столами, стоявшими у оконъ, сидѣли офицеры и солдаты. На ближайшемъ, къ двери, въ кожаной сумкѣ былъ поставленъ полевой телефонъ и солдатъ съ сѣрымъ землистымъ лицомъ и злыми глазами непрерывно кричалъ:

— Тереховъ! Тереховъ, ты, что ль? Чего-жъ молчишь? А? Шестнадцатая отвѣчаетъ, а?.. Съ пятнадца-

той порвана связь? Над. наладить. Командиръ спрашивалъ... Второй батальонъ гдѣ?

Два солдата сидѣли на полу на разосланной шинели, ѣли изъ котелка какую то сѣрую, мутную жидкость и громко чавкали. Тутъ же за столомъ сидѣли еще два солдата и писали подъ диктовку очень худого и длиннаго офицера въ кителѣ съ аксельбантами.

— «Ровно въ восемь часовъ утра я передалъ приказаніе первому и второму батальонамъ броситься въ атаку», — говорилъ онъ, глядя на записку. — Петръ Степановичъ, поступило отъ перваго батальона свѣдѣніе о потеряхъ?

Тотъ, кого назвали Петромъ Степановичемъ, сидѣлъ въ группѣ другихъ офицеровъ за вторымъ столомъ и пилъ мутный чай.

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ онъ, съ трудомъ прожевывая кусокъ хлѣба съ масломъ.

— Господа, мнѣ чаю оставьте. Петръ Степановичъ, намажь мнѣ кусокъ хлѣба, да вотъ имъ тоже, — онъ кивнулъ на писарей. — Написали, что ль?.. Батальонамъ броситься въ атаку...

При входѣ Карпова всѣ встали.

— Вамъ кого, господинъ полковникъ? — спросилъ адъютантъ.

— Командира Зарайскаго полка, — отвѣчалъ Карповъ.

— Онъ рядомъ въ комнатѣ, пожалуйте.

Адъютантъ раскрылъ дверь и Карповъ попалъ въ небольшую, жарко натопленную комнату, убранную, какъ гостиная. На стѣнахъ вмѣсто картинъ висѣли большіе красивые плакаты «Hamburg-America-Linie». Всѣ кресла были заняты офицерами, кто въ кителѣ, кто въ солдатской шинели, кто въ пальто мирнаго времени сѣро-синяго сукна, всѣ при амуниціи. Нѣсколько офицеровъ стояли у комода. На столѣ горѣла подъ синимъ стекляннымъ абажуромъ лампа, стояли въ безпорядкѣ тарелки съ остатками жареныхъ куръ, хлѣбомъ и колбасой и стаканы съ мутнымъ, блѣднымъ чаемъ.

На диванѣ сидѣлъ плотный, средняго роста человѣкъ съ большимъ, пухлымъ, обвѣтреннымъ, загорѣлымъ бритымъ лицомъ, съ грубыми стрижеными усами. Онъ весело сверкалъ маленькими узкими глазами и оживленно говорилъ:

— Прежде всего, господа, надо накормить солдатъ. За кухнями послали?

— Послали, — отвѣчалъ изъ угла молодой офицеръ съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ, какъ угли, горѣли темные воспаленные глаза.

— А, полковникъ, здравствуйте! Васъ напрасно потревожили. Но это уже штабъ корпуса. Не моя вина... Не моя-съ. Имъ тамъ, въ прекрасномъ далекѣ, все кажется очень легко и просто. И не легко это и не просто. Мы только заняли Новый Корчинъ, ну, а теперь пойдетъ работа тихой сапой. Попотѣть придется не мало. Зато, надѣюсь, такъ же безкровно.

— Что же мнѣ дѣлать съ полкомъ? — спросилъ Карповъ.

— Мой вамъ такой совѣтъ. Стоять здѣсь негдѣ. Все переполнено. Лошадей некуда поставить. Вы изъ Блотна-Воли пришли? Ну и съ Богомъ — туда и идите. Оставьте при мнѣ связь, офицера расторопнаго и пять, шесть казачковъ, да, и я вамъ скажу, когда надо будетъ. Дай Богъ, денька черезъ три. Вотъ тяжелыя пушки подойдутъ, мортирки подтянемъ, — тогда пойдетъ дѣло глаже. Вѣдь они Корчинскій господскій домъ въ настоящую крѣпость обратили. Два ряда проволоки на стальныхъ кольяхъ. Попотѣть придется. А разъ вы уже пріѣхали, хотите минутъ черезъ пятокъ пройдемте за рѣку, вы мѣстность осмотрите. Теперь луна, такъ кое что видѣть можно. Чайку не хотите? Ахъ, да... Я и забылъ вамъ представиться, — полковникъ Дорманъ, командиръ полка.

Высокій блѣдный офицеръ поставилъ передъ Карповымъ стаканъ чая и положилъ кусокъ хлѣба. Подполковникъ съ изрытымъ оспою лицомъ въ неуклюжей, подбитой ватой шинели, очистилъ ему мѣсто въ креслѣ. Кар-

новъ обмѣнялся рукопожатіями съ ближайшими офицерами и сѣлъ.

— Итакъ, господа, прежде всего накормить людей. И съ мясомъ, помните. Мясо — то заложено? — говорилъ Дорманъ.

— Заложено, господинъ полковникъ.

— Эхъ, жалко, водочки нѣтъ. Водчонки бы теперь дать, въ самый разъ. Ночью 1-й батальонъ долженъ переправиться и окопаться по дорогѣ кремальерами, — отчеканивая сочное слово, говорилъ Дорманъ. — Семенъ Дорофеичъ, сможете подать туда двѣ батареи?

— Это какъ мостъ, — отвѣчалъ смуглый чернобородый артиллерійскій полковникъ.

— А броды не пробовали?

— Не пройдешь. Гдѣ мелко — топко, не вытянешь, на броду пониже, замки зальетъ, по дну волочить придется, хлопотъ много.

— Да мостъ, господинъ полковникъ, часа черезъ два готовъ будетъ, — сказалъ худой офицеръ.

— Ну, ладно. Итакъ, господа, обѣдъ, обѣдъ и обѣдъ. Безъ жратвы, чтобы на томъ берегу ни одного человѣка не было. Узнаю, если кто не накормилъ, не взыщите, ротнаго командира отъ роты отставлю и вамъ, господа батальонеры, не поздоровится. Ну, идемте.

Дорманъ всталъ. Онъ находился въ томъ исключительно счастливомъ настроеніи, что даетъ побѣда. Онъ не чувствовалъ усталости и не испытывалъ голода, хотя жадно съѣлъ полкурицы и два большихъ ломтя хлѣба и выпилъ быстрыми глотками три стакана невкуснаго чая. Онъ неустанно говорилъ, то диктовалъ донесеніе, то отдавалъ приказанія, онъ не видѣлъ грязнаго селенія, у большинства домовъ котораго были выбиты отъ артиллерійскаго огня стекла, не замѣчалъ затоптанныхъ въ землѣ труповъ, не спрашивалъ о потеряхъ. Онъ чувствовалъ только одно, что онъ съ полкомъ выгналъ изъ Новаго Корчина австрійскую бригаду, что онъ взялъ около трехъ тысячъ человѣкъ, что о немъ теперь послана телеграмма, что его имя теперь на устахъ у всей Россіи. Ему гре-

зился георгіевскій крестъ и, можетъ быть, генеральскій чинъ. Все зависитъ отъ дальнѣйшаго и всѣ силы своего ума и воли онъ напрягалъ на то, чтобы это дальнѣйшее вышло такъ же хорошо. Ему, полковому командиру, молодому, сорокадвухлѣтнему полковнику, подчинили еще два полка ихъ дивизіи и полкъ казаковъ. Сердце у него быстро билось, земля не чуялась подъ ногами, молодою стала походка и звонкимъ и звучнымъ голосъ.

— Господа, прошу по мѣстамъ, согласно приказа. Наблюсти за тѣмъ, чтобы люди не шатались по мѣстечку.

Онъ отдалъ общій поклонъ и, взявъ Карпова подъ локоть, пошелъ изъ комнаты.

XLII

За тѣ полчаса, что Карповъ провелъ въ домѣ, картина посада совершенно измѣнилась. Солнце скрылось за горизонтъ и на западѣ горѣла только узкая темно-красная зловѣщая полоса. Луна высоко поднялась на небѣ и подъ ея серебристыми лучами костелъ, каменные столбы ограды, маленькіе жалкіе еврейскіе домики приняли сказочно-красивый видъ. Окна во всѣхъ домахъ засвѣтились желтыми огнями. Стрѣльба затихла, и во всю ширину улицы, не обращая вниманія ни на грязь, ни на трупы, толпились солдаты. Лошади въ загрузшемъ передкѣ какимъ то чудомъ остались живы и были уведены, и теперь люди возились, выпрастывая изъ грязи упряжь съ убитыхъ лошадей. Плѣнныхъ куда то угнали и за костеломъ дымили и сверкали топками кухни, пахло вареным мясомъ, слышался гомонъ людей и смѣхъ. Вся площадь была покрыта чавкающими и икающими солдатами. Повсюду вспыхивали огоньки — загорались папироски.

— Это какой батальонъ? — властно, хозяйственно крикнулъ Дорманъ.

— Первый... первый... первый, ваше высокоблагородіе, — раздались съ разныхъ мѣстъ голоса.

Дорманъ черезъ толпу направился къ кухнѣ.

— Все выбрали? — спросилъ онъ у кашевара.

— Нѣтъ. Чутокъ остался.

— Ну, плесни!

Кашеваръ нагнулся надъ большимъ кухоннымъ котломъ, размѣшалъ черпакомъ щи и, зачерпнувъ со дна, подалъ на черпакѣ Дорману. Ближайшій къ нимъ солдатъ досталъ ложку.

— Перца мало, — пробуя, сказалъ Дорманъ.

— Нигдѣ достать не могли, — отвѣчалъ сзади фельдфебель.

— Эхъ вы!.. А запасъ?.. Запасъ! Помнишь, — обратился онъ къ кашевару, — про монаха. А? — Запасъ хлѣба не жретъ и денегъ онъ не проситъ... — и Дорманъ вкусно договорилъ циничный мѣткій русскій стихъ.

Кашеваръ и близъ стоявшіе солдаты захохотали.

— Это точно, ваше высокоблагородіе.

Къ Дорману подошелъ командиръ 1-й роты. Это былъ капитанъ лѣтъ тридцати, съ красивымъ загорѣлымъ лицомъ. Увидавъ Карпова, онъ представился ему:

— Капитанъ Козловъ.

— Ну, какъ у васъ настроеніе, Александръ Ивановичъ?

— Прекрасно, спокойно, — отвѣчалъ капитанъ.

— Вы первые.

— Слушаю-съ.

Дорманъ пошелъ дальше. Боковой дорожкой сзади костела, онъ спустился къ рѣкѣ. Ночь была холодная, морозило. Мѣстами, гдѣ меньше ходили люди, грязь уже сковало и тонкія лужицы хрустѣли свѣжимъ ледкомъ подъ ногами. Странно было видѣть поэтому на берегу раздѣтыхъ, въ одяихъ рубахахъ, людей. Пожилые, большинство бородатые, кто съ черной, кто съ рыжей, кто съ сѣдѣющей бородой, въ пестрыхъ рубахахъ на голомъ худощавомъ тѣлѣ, поросшемъ волосами, они топтались на берегу, не рѣшаясь идти въ темную ледяную воду.

— Ну пошелъ, пошелъ, что-ль! Кто поотчаяннѣй, — кричалъ такой же раздѣтый сѣдой человѣкъ съ боль-

шимъ животомъ, притоптывая ногами по холодному песку. — Небось, не утонешь.

— Утонуть не утонешь, простудиться можно, — отвѣчалъ солидно бородатый мужикъ.

— Ахъ ты! Все одно помрешь, — закричалъ старикъ. — Ну, ребята! За вѣру, Царя и отечество! Айдате, что-ль!

И старикъ бросился въ воду.

— Ахъ, ой! Ухъ! ай-я-я-яй! — закричалъ онъ изъ воды точно обожженный. — Ничего, робя, привыкнешь... Тащи топоръ кто-нибудь. Емельяновъ чортъ, пошелъ что-ль...

Раздѣтые люди стали, охая и ухая, входить въ воду и застучали топоры. На старыя, обгорѣлыя сваи насаживали толстыя бревна, устраивая мостъ для артиллеріи. Работала ополченская саперная рота.

Старый, лѣтъ пятидесяти, офицеръ, командиръ роты, сидѣлъ на подвезенныхъ бревнахъ, хмурился и пожималъ плечами. Увидавъ Дормана, онъ подошелъ къ нему.

— Всѣ простудятся, всѣ помрутъ, — мрачно сказалъ онъ, указывая на рабочихъ.

— Ну, что же подѣлаешь. А намъ мостъ нуженъ. На то война.

— Эхъ, что и говорить, — безнадежно махая рукой сказалъ старикъ.

Дорманъ съ Карповымъ пошли вверхъ по рѣкѣ по берегу и противъ шоссе увидали на мѣстѣ главнаго моста узенькій мостъ въ одну дощечку. По нему проходили взадъ и впередъ люди.

— Постойте тамъ, — крикнулъ адъютантъ Дормана

— Не ходи, ребята. Командиръ полка.

Люди на томъ берегу остановились и Дорманъ, за нимъ Карповъ, Кумсковъ и пѣхотный адъютантъ прошли по доскѣ надъ темною рѣкой.

Противоположный берегъ поднимался сажени на двѣ надъ водою. Дорога врывалась въ него и шла прямая въ даль. Вся она прострѣливалась ружейнымъ огнемъ непріятеля. Незамѣтная за шумомъ и гамомъ полнаго

людьми Новаго Корчина стрѣльба здѣсь стала отчетливо слышна. Выстрѣлы, то одиночные, то, сливаясь по два, по три, слѣдовали непрерывно и такъ же непрерывно посвистывали, щелкали и клокотали въ воздухѣ пули.

Дорманъ тяжело вздохнулъ.

— Одна верста до него, — сказалъ онъ. — Здѣсь впереди только команда охотниковъ.

Онъ быстро прошелъ по ровному полю къ небольшому, глубокому окопу и спрыгнулъ въ него. Въ окопѣ были люди. Тамъ сидѣлъ артиллерійскій генералъ съ молодымъ офицеромъ, телефонистъ и пѣхотный поручикъ. Мѣсто оставалось только для двоихъ.

— Ступайте вы подъ откосъ, на берегъ, — почему то шопотомъ сказалъ Дорманъ адъютантамъ. — Пожалуйте, полковникъ.

Онъ спрыгнулъ въ окопъ и потащилъ за собою за рукавъ Карпова.

— Да, лучше здѣсь не ходить, — медленно и раздѣльно проговорилъ артиллерійскій генералъ, протягивая руку Карпову и съ недоумѣніемъ смотря на него. — Сейчасъ одного охотника убило, а двоихъ ранило.

— Вонъ лежитъ, — показалъ артиллерійскій поручикъ Карпову на неясное пятно на серебристомъ полѣ, поднимавшемся полого вдаль. — Упалъ и не шелохнулся. Должно быть, въ голову.

Пули свистали часто и часто ударяли въ песокъ окопа, какъ бы напоминая о томъ, что высовываться нельзя. И вѣроятно, отъ сознанія близости смерти, врага и опасности всѣ говорили тихо.

— Разсмотрѣлись, ваше превосходительство, — шопотомъ, но все такъ же оживленно спросилъ Дорманъ. — Возможно?

— Тяжелая и обѣ мортирныя уже подошли — сказалъ генералъ. — Я увѣренъ въ успѣхѣ.

— Слава Богу, слава Богу, — прошепталъ Дорманъ.

— Я здѣсь сегодня ночью устрою свой командный постъ, а поручикъ Перепелкинъ пойдетъ съ телефономъ

съ головной ротой. Сколько времени вы думаете подвигаться къ нему?

— Я полагаю дня три, — сказалъ Дорманъ.

— И я такъ думаю. Торопиться некуда. Пока мы будемъ бить только одними тяжелыми. Полевую оставимъ до послѣдняго момента. Тамъ проволока есть? Ее какъ думаете?

— Въ ручную. У насъ ничего нѣтъ. Ручныя гранаты только обѣщали.

— Ну, если нѣтъ техники, я помогу вамъ искусствомъ. Въ моментъ рѣзки проволоки ни одна винтовка по васъ не выстрѣлитъ. Я ручаюсь, — сказалъ артиллерійскій генералъ.

— Вотъ видите, полковникъ, — сказалъ Дорманъ, обращаясь къ Карпову и только теперь сообразилъ, что ему совсѣмъ незачѣмъ было тащить съ собою Карпова, потому что видѣть было нечего и сдѣлалъ онъ это только для того, чтобы порисоваться передъ чужимъ человѣкомъ своего личною храбростью.

— Вотъ видите, какова обстановочка. Голое мѣсто, ровное, какъ бильярдная доска до самаго господскаго дома. Если бы не дорога, что идетъ поперекъ позиціи, то совсѣмъ невозможно подойти. Но и дорога вся взята имъ подъ ружейный и пулеметный огонь, а днемъ по ней непрерывно бьетъ артиллерія. Граната — шрапнель, граната — шрапнель. Обойти невозможно. Его правый флангъ упирается въ Вислу, лѣвый въ болота. За перегибомъ опять поля до самаго Хвалибоговице и только вправо есть большой дубовый лѣсъ. Вотъ я и думалъ, если Господь поможетъ намъ прорвать у господскаго дома, да овладѣть имъ, такъ, чтобы гнать его до самаго Столипа. А? Какъ вы думаете?

— Какъ Господь поможетъ, — сказалъ Карповъ. — Я мѣстность знаю хорошо. Пять сутокъ стоялъ въ Хвалибоговице, въ восьми верстахъ отсюда.

— У него тамъ тыловая позиція, — сказалъ Дорманъ.

— И должно быть отличная. Тамъ ручей въ крутомъ каменистомъ ложѣ бѣжитъ.

— Возьмемъ! — увѣренно сказалъ Дорманъ. — Значитъ, намъ какъ будто здѣсь и дѣлать нечего. А? что-жъ, пойдемте. Оставьте мнѣ офицерика для связи, а сами домой. А я пойду первый батальонъ двигать. Пора уже. Девятый часъ.

Карповъ прошелъ опять въ посадъ, простился съ Дорманомъ у костела и пошелъ отыскивать Лукьянова съ лошадьми. Онъ нашелъ бы его не скоро, такъ какъ совсѣмъ позабылъ дворъ, гдѣ оставилъ его, но заботливый штабъ-трубачъ самъ высматривалъ командира полка.

— Ваше высокоблагородіе, здѣсь я! — крикнулъ онъ изъ воротъ и побѣжалъ отвязывать лошадей.

Карповъ проѣхалъ къ полку и приказалъ командиру третьей сотни оставить при командирѣ пѣхотнаго полка хорунжаго Растеряева съ шестью казаками. Есаулъ Каргальсковъ оставилъ съ офицеромъ урядника Алпатова и пять казаковъ, въ томъ числѣ молодого охотника Виктора Модзалевскаго. Растеряевъ нашелъ полковника Дормана снова на непріятельскомъ берегу въ маленькомъ окопчикѣ и въ сознаніи важности даннаго ему порученія остался при немъ.

Карповъ около десяти часовъ, при полной и яркой лунѣ, пошелъ обратно на свой квартиро-бивакъ и сталъ въ деревнѣ Блотна-Воля въ готовности каждую минуту выступить. Лошадей разсѣдлали, но вьюки не вывязывали и всѣ сотни были связаны со штабомъ полка телефономъ.

XLIII

Въ девять часовъ вечера первая рота, по одному, переправилась по дощечкѣ черезъ рѣку Ниду и залегла подъ берегомъ. Ротный командиръ, капитанъ Козловъ, разсказалъ задачу единственному своему офицеру, поручику Пышкину, и унтеръ-офицерамъ. Задача состояла въ томъ, что надо было по одному пробѣгать къ углубленной дорогѣ, прижиматься къ ней плотно и сейчасъ

же вкапываться въ ея края, образуя въ землѣ глубокую нишу, гдѣ и ожидать, пока весь первый и второй батальоны не закопаются такимъ образомъ въ землю, а передовые не подойдутъ на шестьдесятъ шаговъ къ непріятелю. Тогда предполагалось ночью первому батальону выкопать траншею вправо отъ дороги, а второму влѣво, залечь до того момента, пока не будетъ поданъ сигналъ къ атакѣ, и тогда прямо въ штыки броситься въ лобъ на непріятеля. Весь расчетъ боя былъ на лопату и на артиллерію. Патроновъ у солдатъ было мало. Ихъ надо было беречь. — Бой рѣшался штыкомъ.

— Я пойду, какъ всегда, — сказалъ Козловъ, — первымъ.

Козловъ былъ самымъ обыкновеннымъ Русскимъ пѣхотнымъ офицеромъ. Онъ родился въ казармѣ, въ глухомъ польскомъ мѣстечкѣ, гдѣ отецъ его командовалъ ротой. Ихъ фамилія была незадачливая — дальше майорскаго чина не шли. Бабушка разсказывала Козлову, что ихъ предокъ при Петрѣ Великомъ тоже былъ капитаномъ, командовалъ ротой и убитъ подъ Нарвой. Прадѣдъ въ майорскомъ чинѣ погибъ въ Лейпцигскомъ бою, дѣдъ долго командовалъ ротою и на старости лѣтъ устроился смотрителемъ госпиталя. Отецъ умеръ капитаномъ, простудившись на зимнихъ маневрахъ. Дѣтство Козлова была казарма, потомъ кадетскій корпусъ — та же казарма, потомъ Павловское училище — опять казарма и, наконецъ, Зарайскій полкъ — казармы. Весь міръ для него отъ рожденія и навсегда замкнулся въ казармѣ и въ ея интересахъ: — хорошо упрѣвшая, разсыпчатая каша, жирныя щи, мясная порція въ 20 золотниковъ не меньше, прицѣльные станки, нѣжная любовь къ винтовкѣ, благоговѣніе на стрѣльбищѣ и церемоніальномъ маршѣ и штыковой бой. Мимо неслась суетливая жизнь. Народы рвались и искали какой то особой свободы, рѣшались соціальные вопросы, печатались и неизвѣстными руками щедро раздавались брошюры о капиталѣ и борьбѣ съ нимъ, о вредѣ самодержавія, о политическихъ партіяхъ, о союзахъ, — все это не касалось

Козлова. Онъ твердо руководствовался въ своей жизни мудрымъ правиломъ — «отъ сна возставъ, читай уставъ, ложася спать, читай опять».

Въ полку онъ считался образцовымъ офицеромъ. Шесть лѣтъ подрядъ былъ начальникомъ учебной команды и теперь всѣ унтеръ-офицеры полка были его учениками. Онъ ихъ великолѣпно обучилъ и воспиталъ. Они были прекрасные гимнасты, отличные стрѣлки, благоговѣли передъ Россіей и Императоромъ, вѣровали въ Бога, даже знали немного исторію Россіи. Они были хорошо грамотны и считали себя образованными людьми, потому что умѣли толково составить донесеніе и начертить небольшое кроки. Унтеръ-офицеры и первая рота, которою теперь командовалъ капитанъ Козловъ, любили и уважали его и считали его настоящимъ офицеромъ. Даже барина они въ немъ не видѣли, но своего брата, душевнаго и сердечнаго человѣка, заботящагося о нихъ, съ которымъ служба шла легко, гладко, сытно и весело.

На походѣ онъ ѣлъ съ ними изъ одного котла, спалъ въ одной хатѣ, пѣлъ съ ними пѣсни, читалъ и пояснялъ газеты. Когда онъ говорилъ — моя рота, онъ зналъ, что она дѣйствительно его и ничья больше. Солдаты о немъ говорили нашъ ротный, или просто нашъ. Такими капитанами, ротными командирами, была полна въ 1914 году вся Русская армія и они даже лицомъ и сложеніемъ были похожи другъ на друга, одинаково «печатали» съ носка, притоптывая по землѣ на маршировкѣ, одинаково тянулись передъ начальствомъ, покрикивали на лѣнивыхъ солдатъ и твердымъ голосомъ, лежа въ ста шагахъ отъ противника, говорили по телефону батальоннымъ командирамъ — «мы дострѣливаемъ послѣдніе патроны. Намъ остается одно — встать и атаковать», или —«прошу прислать замѣстителя, пока сдалъ роту фельдфебелю, я — убитъ».

Капитанъ Козловъ отъ тысячъ и тысячъ такихъ капитановъ отличался только тѣмъ, что за два года до войны женился по любви на очень хорошенькой дѣвушкѣ, дочери генерала, изъ хорошей, старой семьи, хрупкой, бо-

лѣзненной, и любилъ ее и родившуюся годъ назадъ дѣвочку больше себя. Въ сѣрой казарменной жизни, въ сѣромъ существованіи изо дня въ день по полковому приказу явилось свѣтлое пятно. Оно освѣтило и скрасило существованіе.

Мокъ онъ подъ косыми струями ледяного дождя на стрѣльбищѣ — онъ думалъ — «дома ждетъ меня моя Зорька»... Изнемогалъ въ жару на походѣ — «а Зорькѣ», думалъ онъ, «хорошо въ уютной казенной квартирѣ, гдѣ высокія, полныя воздуха комнаты и изъ оконъ виденъ зеленый полковой садикъ съ сквознымъ кружевомъ тѣни. Она въ его мечтахъ была всегда и всюду съ нимъ. И теперь, думая о ней, онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ, обращаясь къ правофланговому солдату:

— Желѣзкинъ, дай мнѣ твою лопату.

Набравъ воздуха въ грудь, какъ будто собираясь нырнуть въ воду, надѣвъ винтовку на ремень, придерживая его руками и засунувъ лопату рукояткой за поясъ, Козловъ бросился что есть духа бѣжать по дорогѣ. Навстрѣчу ему посвистывали пули. Вдругъ разрывная пристрѣлочная австрійская пуля ударила о край дороги, вспыхнувъ таинственнымъ зеленымъ огонькомъ, точно свѣтлячекъ, и тихо и нѣжно пропѣли ся осколки. Козловъ испуганно бросился къ другому краю дороги, будто туда не могла ударить пуля.

Та-пу! Та-пу! — часто стучали выстрѣлы и въ темнотѣ дороги было видно ихъ вспыхивающее желтое пламя. — Та-та-та — протрещалъ пять, шесть разъ пулеметъ и опять щелкали ружья.

«Это все по мнѣ», — думалъ Козловъ. — «Нѣтъ, на авось, меня не видно, тутъ темно», успокаивалъ онъ себя и все бѣжалъ, задыхаясь отъ волненія и бѣга.

Наверху ярко свѣтила полная луна, и небо съ тонкимъ узоромъ звѣздъ переливалось, какъ серебряная парча. Тамъ былъ Богъ, который смотрѣлъ и видѣлъ весь этотъ ужасъ. Внизу въ коридорѣ дороги было темно. Трупъ солдата лежалъ поперекъ дороги. Козловъ едва не упалъ, споткнувшись объ него, и, перепрыгнувъ, по-

чувствовалъ, что дальше бѣжать не можетъ. Силы покидали его, дыханіе прервалось. Онъ прижался къ правому откосу дороги и замеръ. Стало безумно страшно отъ сознанія, что онъ одинъ здѣсь и такъ близко отъ непріятеля. — «А вдругъ рота не пойдетъ», мелькнуло у него въ головѣ, и сердце захолонуло отъ ужаса. Онъ услышалъ свистъ пуль. Какая-то пулька неожиданно и сильно чмокнула подлѣ него по землѣ и впилась въ дорогу.

«Боже! Боже! и я стою здѣсь, какъ на разстрѣлѣ, совсѣмъ одинъ!»

У него явилось желаніе врости въ землю, уйти въ нее и скрыться отъ пуль и отъ людскихъ взоровъ. Ему казалось, что прошло очень много времени и скоро будетъ разсвѣтъ, онъ думалъ о томъ, что каждую минуту изъ австрійскихъ окоповъ могутъ выйти люди и забрать и убить его, у котораго такая милая, любящая Зорька, и славная дѣвочка Валя.

Обѣими руками онъ схватилъ лопату и сталъ рыть землю. Верхній слой подмерзъ и земля только скрипѣла отъ ударовъ лопаты. Винтовка мѣшала. Онъ снялъ ее съ плеча и поставилъ подлѣ. Нѣсколько секундъ онъ рылъ и работа заставила его забытьcя. Мокрый холодный потъ проступалъ по всему тѣлу и хотѣлось согрѣться работой. Песокъ и земля осыпались тяжелыми комьями и падали къ его ногамъ. Онъ выкопалъ въ откосѣ дороги желобъ и прижался къ нему правымъ бокомъ. Половина груди была закрыта, лицо и голова, прижатыя къ холодной, пахнущей сыростью и корнями землѣ, были укрыты.

«Какъ хорошо! Какъ хорошо!» — подумалъ Козловъ и запахъ земли показался ему пріятнымъ. Но въ это мгновеніе пуля ударила въ землю позади него и онъ сейчасъ подумалъ: — «Господи, а лѣвый бокъ... лѣвый бокъ... гдѣ сердце и часть живота, вѣдь, эта вотъ попасть могла».

Волосы зашевелились подъ фуражкой, онъ повернулся спиной къ непріятелю и прижался къ землѣ лѣвымъ бокомъ, но сейчасъ же такой жгучій страхъ охватилъ его

отъ того, что онъ не видѣлъ непріятеля, что онъ снова повернулся и схватился за лопату. Но руки не слушались его и онъ ничего не могъ сдѣлать.

«Ну что-же», — подумалъ онъ, — «и пусть, пусть... Но куда?» И онъ сталъ перебирать всѣ части тѣла, куда могла попасть пуля и говорить — «о Господи, только не въ животъ... не въ глазъ... не въ лобъ...»

Онъ слышалъ теперь каждую пулю, свиставшую надъ головой. «Эта высоко», думалъ онъ. «Эта пошла далеко.» И вдругъ неожиданно чмокала подлѣ. Козловъ ежился и въ ужасѣ вспоминалъ, что-ту, которая ранитъ, онъ не услышитъ.

«Неужели я трусъ», подумалъ онъ. «Вѣдь шелъ же я еще утромъ впереди роты на посадъ и ничего не боялся, а теперь? Это нервы. Надо успокоиться. — Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится» — началъ онъ читать про себя свой любимый псаломъ, но оборвался на второй строфѣ: просвистала пуля и онъ снова съежился, ожидая смерти, или раненія. Онъ хотѣлъ ни о чемъ не думать, но, противъ его воли, мысли и воспоминанія неслись ураганомъ и прошлое казалось удивительно милымъ и прекраснымъ. Ему вспомнилось, какъ двѣнадцати лѣтъ въ корпусѣ онъ попалъ въ карцеръ. Онъ сидѣлъ въ темной комнатѣ на скамьѣ и горько плакалъ, и жизнь казалась ему конченной. «О», — подумалъ онъ теперь, — «я готовъ бы всю жизнь прожить въ этомъ карцерѣ, только, чтобы жить!» Представилъ себѣ солнце, ярко освѣщенную траву, тѣни парка и золотые кружки солнечныхъ лучей, прыгающіе по былинкамъ. Вдругъ представилъ себѣ, что онъ лежитъ въ густой травѣ и прямо передъ нимъ торчатъ мохнатыя зеленыя палочки тимофеевки и шмель съ толстымъ пушистымъ желтымъ брюшкомъ то поднимается надъ нею, то опускается и дѣловито и озабоченно жужжитъ, а кругомъ голубой эфиръ безконечности. «Это жизнь», — подумалъ онъ, — «это міръ Божій». Волна безпредѣльной любви и благоговѣнія передъ Богомъ охватила его. «Это все Онъ, Всевѣдущій и Всемогущій, создалъ, — и шмеля,

и траву, и небо, и сосновый лѣсъ, и бѣлый грибъ, притаившiйся во мху, и красивую бѣлку съ пушистымъ хвостомъ, и сѣраго зайца, и эту дивную, мило пахнущую землю. Земля бо еси и въ землю отыдеши.» И опять онъ вздрогнулъ и сталъ думать о смерти. «Но не можетъ же этого быть, чтобы меня убили», — подумалъ онъ. — «А какъ же тогда Зорька съ Валей? На что будетъ жить? Выйдетъ замужъ? Она молода и красива». Жгучее чувство ревности закопошилось въ немъ.

Опять совсѣмъ близко щелкнула пуля.

Козлову казалось, что онъ давно лежитъ у края дороги. Часы у него были на рукѣ и мѣсяцъ такъ ярко свѣтилъ, что, если вытянуть руку на освѣщенное мѣсто, то можно было увидать стрѣлки циферблата. Но Козловъ боялся пошевельнуться. Ему страшно было выйти изъ кошмарнаго оцѣпенѣнiя, въ которомъ онъ находился. Онъ осторожно приподнялъ голову. Больше всего онъ боялся увидать потухающую луну и близкiй разсвѣтъ. Днемъ его увидитъ врагъ и тогда — все кончено. Полный круглый ликующiй дискъ мѣсяца висѣлъ все на томъ же мѣстѣ надъ головою, немного сзади и такъ же затмевалъ собою кроткое сiянiе звѣздъ, казавшихся маленькими точками, наколотыми на небѣ.

«Боже, Боже! Что еще будетъ!» — простоналъ Козловъ. — «Скорѣе! Скорѣе-бы!» — и онъ самъ не зналъ, чего хотѣлъ онъ скорѣе — смерти, раны или какой то перемѣны въ своемъ состоянiи.

Въ это мгновенiе сзади него быстро набѣжалъ человѣкъ, споткнулся о винтовку, уронилъ ее и схвативъ крѣпкими руками Козлова за плечи прошепталъ: — ваше благородiе, вы?

XLIV

Это былъ Желѣзкинъ. При свѣтѣ луны лицо его казалось блѣднымъ. Длинный тонкiй носъ бросалъ тѣнь на ротъ. Глаза были черные.

— Фу, слава Те, Господи. Какъ далеко отбѣжали,

— говорилъ Желѣзкинъ, устраиваясь впереди Козлова и беря изъ его рукъ лопату. — Я уже думалъ не случилось ли чего. Гляжу, убитый лежитъ. Посмотрѣлъ. Нѣтъ, австріецъ. Ишь поютъ пульки то! Не дремлетъ онъ. Понимаетъ, что вся жизнь теперь здѣсь, или патрули его донесли, что-ль?

Желѣзкинъ ловкими, мѣрными взмахами сильныхъ рукъ рылъ землю, врываясь въ откосъ дороги.

Сладкое чувство сознанія, что онъ прикрытъ теперь Желѣзкинымъ, на мгновеніе овладѣло Козловымъ. «Сперва его убьетъ. Я могу имъ прикрыться», подумалъ Козловъ. Но ему стало стыдно этого чувства, однако, онъ сознавалъ, что страхъ его теперь прошелъ и онъ спокойно прошепталъ:

— А рота гдѣ?

— Идетъ слѣдомъ, — переставая рыть и отдуваясь сказалъ Желѣзкинъ. — Минуты не прошло, какъ я за вами бросился. Слѣдомъ телефонистъ Егоровъ. Онъ той стороной идетъ, чтобы ребята проводовъ не порвали.

Желѣзкинъ быстро уходилъ въ землю. Онъ подкопалъ землю подъ собою, сваливая ее спереди и устраивая небольшой траверсъ. Козловъ вспомнилъ, что это онъ такъ училъ солдатъ и даже чертежъ имъ сдѣлалъ, а самъ, когда рылъ зря разбросалъ землю.

Прошло нѣсколько минутъ и Желѣзкинъ исчезъ совсѣмъ въ вырытомъ углубленіи и только мѣрно и часто черезъ равные промежутки вылетала изъ-подъ земли кучка песку и расширялся и поднимался траверсъ. Теперь Козловъ смѣло вытянулъ руку на свѣтъ и посмотрѣлъ на часы. Было половина одиннадцатаго. Вся длинная зимняя ночь была впереди. Желѣзкинъ все рылъ и рылъ.

— Ваше благородіе, пожалуйте сюда.

Желѣзкинъ выползъ изъ-подъ земли и потянулъ Козлова за рукавъ.

Ниша, выкопанная въ дорогѣ, расширялась подъ землею, образуя подобіе большой норы, гдѣ, тѣсно прижавшись, могли помѣститься два человѣка. Пахло зе-

млею и сыростью, но уже сквозь этотъ запахъ пробивался запахъ жилья, солдатскаго пота и кожи.

— Постой, ваше благородіе, погоди здѣсь, я на деревню сбѣгаю, пока ночь, соломки принесу подстелить, досточку подложу, то то дворецъ будетъ! — И Желѣзкинъ, оставивъ винтовку и сумки въ норѣ, выползъ наружу и пошелъ по дорогѣ.

«Какой онъ храбрый!.. Какой онъ добрый... Какой онъ хорошій, Русскій солдатъ», — думалъ Козловъ, усаживаясь на сумкахъ и упираясь головою въ землю.

Здѣсь пули не только не могли достать, но не было даже слышно ихъ непріятнаго посвистыванія. Было тихо и темно, какъ въ могилѣ. Въ отверстіе ниши была видна дорога, противоположный скатъ и голый ивовый кустъ, нѣсколькими вѣтками торчавшій надъ обрывомъ. Козловъ разсчиталъ, что онъ теперь укрытъ отъ снарядовъ и только, если граната прямо ударитъ въ ихъ нишу, только тогда отъ нихъ ничего не останется. «Ну на это мало вѣроятія» — подумалъ Козловъ, но почувствовалъ, какъ сердце его похолодѣло.

Жутко и холодно было сидѣть одному въ земляной норѣ. Время тянулось тягуче и медленно. Проходили часы, а Желѣзкина все не было. Козловъ дремалъ, просыпался и снова дремалъ, наконецъ, заснулъ по-настоящему.

Проснулся онъ отъ сильнаго шороха рядомъ и сразу не могъ понять, гдѣ онъ находится. Кругомъ была сырость и земля. Бока и спину ломило. Въ отверстіе былъ виденъ мутный свѣтъ ранняго утра и солома, которую протискивали снаружи чьи то руки въ яму.

— Принимай, ваше благородіе, — услышалъ онъ голосъ Желѣзкина.

Вслѣдъ за большой охапкой соломы ввалился и самъ Желѣзкинъ съ доской и сталъ разминать и устраивать ложе изъ соломы.

— То-то славно будетъ. Онъ сейчасъ съ артиллеріи палить началъ, а мы и не услышимъ — говорилъ Желѣзкинъ, задѣвая въ тѣснотѣ ямы Козлова по лицу и насту-

ная на него сапогами. Онъ наполнилъ яму свѣжимъ запахомъ морознаго, яснаго утра.

— У жида насилу солому досталъ. Давать не хотѣлъ, сволочь. Гривенникъ ему отдалъ. Такіе люди, ваше благородіе, такіе... Тутъ жизнь отдаешь, а ему беремя соломы жалко. А солома хорошая, цѣповая. Тамъ ребята машинной набрали, — ну какая же это подстилка, раструсится вся, пока донесешь. Фельдфебель приказали доложить вашему благородію, что рота наша вся закопалась. Деревянкина ранило въ щеку. Дохтуръ говоритъ, ничего, жить будетъ. Такъ сквозь щеки и прошла. Ребята шутятъ, что молъ поцѣловала сладко... Вкусная она, пуля, или нѣтъ? А онъ и говорить не можетъ, руками показываетъ, что, молъ, — горькая. По концерту не съѣдимъ, ваше благородіе, я принесъ?

Желѣзкинъ вынулъ изъ кармановъ двѣ жестянки и сталъ вскрывать ихъ кривымъ ножомъ.

— Телефонистъ, ваше благородіе, тутъ рядомъ, только аппаратъ не работаетъ. Должно проводъ порвали, чинить ночью пойдутъ. Сейчасъ не пройдешь, на выборъ бьетъ... Въ посадѣ народу! Страсть! Нѣжинскій и Болховской полки подошли. Ихъ ребята сказывали, что видали, какъ тяжелыя пушки наши становили. На восьми лошадяхъ везутъ и лошади, сказываютъ, огромадныя. Нашъ второй батальонъ уже на этомъ берегу, слѣдомъ переправили. Сегодня ночью, сказывали, весь полкъ здѣсь будетъ. То-то австрійцу жутко теперь. Онъ, поди, чуетъ... А вѣдь вотъ, ваше благородіе, не выйдетъ. А почему? Кажись, вышелъ бы ночью, всѣхъ насъ задарма поколоть бы могъ. А не вышелъ. Значитъ, боится. А вѣдь его тамъ, въ штабѣ сказывали, двѣ, или три дивизіи, а насъ... рота.

Желѣзкинъ весело засмѣялся. Офицеръ и солдатъ сидѣли рядомъ, прижавшись другъ къ другу такъ, что Козловъ чувствовалъ острыя плечи Желѣзкина сквозь его шинель. Оба ѣли холодное мясо консерва, доставая его руками. Ихъ думы были одинаково просты и скованы они были на такое житье надолго — пока весь полкъ не устроится.

XLV

Сонъ это былъ, кошмаръ, давящій ночью или жуткая явь? День теперь или ночь? Судя по тому, что въ отверстіе ниши льется мутный свѣтъ и глухо стучатъ частые выстрѣлы пушекъ — день. Который день? Напряженіемъ памяти Козловъ возстановляетъ, что это уже третій день идетъ, что онъ сидитъ такъ, прижавшись къ Желѣзкину въ земляной могилѣ. Эта яма уже стала смрадной ямой, потому что выйти изъ нея было нельзя. Австрійцы сосредоточили огонь тридцати восьми легкихъ и восьми тяжелыхъ орудій по дорогѣ. Снаряды падали правѣе и лѣвѣе дороги, и осколки гранатъ и пули шрапнелей впивались въ землю, взрывали траверсы и щелкали по краямъ отверстій. Одна граната упала на самую дорогу и вывернула одиннадцать человѣкъ, обративъ ихъ въ кровавыя лохмотья мяса и засыпавъ ихъ черною землею. Изъ одиннадцати мертвыхъ выползъ одинъ и поползъ по землѣ, какъ полураздавленный червякъ, волоча разбитую ногу. Пуля стрѣлка изъ австрійскаго окопа добила его и онъ затихъ, скорчившись въ неловкой позѣ, черный отъ земли и крови.

Днемъ всѣ сидѣли, притаившись по ямамъ, молчали и тяжело вздыхали, ожидая, когда кончится артиллерійскій огонь и прекратится эта страшная лотерея, гдѣ выигрышемъ была смерть. Днемъ огонь стихалъ на полчаса. Въ земляныхъ нишахъ, наполненныхъ людьми, тихо говорили: — обѣдать пошелъ, а сами туже подтягивали ремнями голодные животы. Около четырехъ часовъ дня опять умолкала канонада и въ земляныхъ норахъ тяжко вздыхали православные и говорили — каву пьетъ. Передъ закатомъ австрійцы били со страшною злобою, пуская снаряды цѣлыми пакетами, земля кипѣла кругомъ дороги и въ ямахъ сидѣли тихо и ни о чемъ не думали. Ночью все оживало. Телефонисты выползали чинить провода, люди отправлялись за сухарями и за консервами. Пули, однако, продолжали бить по дорогѣ, и эти экспедиціи никогда не были без-

опасны. Не проходило ночи, чтобы кого-нибудь не убило, или не ранило, но ночью чувствовалось легче. Въ ямахъ люди вздыхали, крестились и тамъ, гдѣ было по два, или по три, тихо переговаривались.

— Вотъ такъ то, ваше благородіе, года три тому назадъ сподобился я посѣтить святой городъ Кіевъ, — разсказывалъ Козлеву Желѣзкинъ. — Возили мы туда съ отцомъ скотскія кожи. Былъ я въ Кіево-Печерской лаврѣ и видѣлъ подземелья. Вотъ, какъ у насъ съ вами здѣсь. Тишина, темно. Монахъ свѣчку зажжетъ и, видишь, лежитъ обернутый въ красную матерію какой-сь то угодникъ. А почему въ красную?.. Да, жили люди въ тишинѣ, подъ землею храмъ у нихъ выкопанъ былъ махонькій, молились они тамъ. Чудно! Жили, значитъ, и ничего не вѣдали. Просвиркой одною питались. Ничего имъ не надо. А мой отецъ и говоритъ монаху. Значитъ, испытать его хотѣлъ. — «Это», говоритъ, «развѣ святость отъ мірского соблазна подъ землею спастись?.. По мнѣ», — говоритъ, — «больше святости, ежели въ міру спасешься». Вотъ я, ваше благородіе, и сейчасъ не возьму въ толкъ, гдѣ спасеніе? Тамъ, въ пещерѣ, гдѣ тихо, мирно, и никто не тревожитъ, или, какъ здѣсь, гдѣ людей бьютъ, гдѣ этакій страхъ и жизнь на жизнь вовсе не похожа. Прошлою ночью пошелъ я за водою, чаю вамъ согрѣть, иду и вижу, лежитъ нога въ сапогѣ. А на подошвѣ желѣзныя набивки, знакомыя такія. Чья, думаю, нога? А потомъ и вспомнилъ. Это ефрейтора Забайкина нога, у него такія набойки, онъ при мнѣ въ Новомъ Корчинѣ набивалъ. Набилъ и говоритъ: «ну эта до самаго конца войны хватитъ». А тутъ вотъ лежитъ нога, а его нѣтъ. Тамъ, ваше благородіе, ста шаговъ отсюда не будетъ, снарядъ, какъ попалъ въ край дороги, такъ ничего не осталось. И кто убитъ, не знаемъ. Фельдфебель говоритъ: «опосля, на перекличкѣ узнаемъ». У края ямы лежитъ голова и грудь вся разворочена, красная, ну прямо какъ въ мясной лавкѣ туша. И духъ отъ нея нехорошій. Я прошелъ, было, мимо. А потомъ, чувствую, смотритъ онъ на меня, ну, будто, зоветъ, что-ли.

Хочетъ, чтобы опознаалъ я его. Не могу дальше идти. Зоветъ. Повернулся я, пошелъ къ нему. Луна свѣтитъ такъ ясно, ясно. Нагнулся. А онъ смотритъ: глаза открытые, мертвые, лицо восковое, губы открыты, зубы бѣлые, ровные, усы черные вѣтеръ растрепалъ, голова коротко стриженая. Кто же вы думаете? Запѣвало 2-ой роты Лепешкинъ, Иванъ Лепешкинъ! Ахъ, думаю, помяни, Господи, раба Твоего Іоанна, на брани за вѣру, Царя и Отечество убіеннаго!... А тутъ пуля — чмокъ ему прямо въ затылокъ. А онъ и глазомъ не моргнулъ. Господи, ваше благородіе! Вѣкъ помнить буду. Что значитъ мертвый-то! Пуля и все такое, а онъ ничего. Пустился я бѣжать. Бѣгу, а все мнѣ кажется, кричитъ мнѣ Лепешкинъ: «чего бѣжишь, и тебѣ то же будетъ!...»

Въ эту ночь пришло приказаніе выйти изъ ямъ и рыть землю подъ самыми проволоками. Тысячи людей шло, прорывая канаву и подъ самыми проволоками металась земля, насыпаясь длиннымъ пухлымъ валикомъ. По этой землѣ всю ночь били пушки и стрѣляли ружья, но выйти австрійцы не смѣли.

Въ глубокомъ австрійскомъ окопѣ, съ бойницами, обшитыми досками или хворостомъ, съ узенькимъ банкетомъ, гдѣ едва можно было стоять, такою же жуткою нечеловѣчески-страшною жизнью жило восемь тысячъ австрійской пѣхоты. Они стрѣляли днемъ и ночью по каждому подозрительному пятну, по каждому шороху. Они видѣли днемъ, какъ кипѣла и клубилась земля отъ множества разрывавшихся снарядовъ, имъ казалось, что они вмѣстѣ съ досками и соломой летящими кверху, видѣли руки, ноги и тѣла русскихъ солдатъ. Но они чувствовали, что русскіе накапливались въ землѣ вдоль дороги, наполняли ее массами людей. Каждое утро ихъ наблюдатели усматривали на дорогѣ новые слѣды соломы, а ночью стрѣлки слышали все усиливающееся и приближающееся скрежетаніе земли, которую роетъ множество лопатъ.

Все страшнѣе становилось въ неприступныхъ окопахъ. Длинные ряды кольевъ сомнительно качали свои-

ми верхушками и проволока казалась жалкой паутиной.

Въ эту страшную ночь вдругъ увидали австрійцы, какъ стала невидимыми руками изъ-подъ земли выбрасываться земля, и въ ужасѣ почувствовали, что непріятель такъ близко, что, когда затихала стрѣльба, то слышенъ былъ сдержанный говоръ и непрерывный шорохъ земли.

Офицеры съ блѣдными лицами проходили сзади стрѣлковъ и говорили по-нѣмецки и по-славянски:

— Не бойтесь. Никогда русскимъ не пролѣзть черезъ проволоку, никогда не одолѣть нашихъ укрѣпленій.

Но голоса ихъ звучали неувѣренно, лица ихъ были блѣдны, а изъ широко раскрытыхъ глазъ глядѣла пустота смертельнаго ужаса.

Въ это ясное декабрьское утро они увидали, что вдоль всего фронта въ разстояніи шестидесяти шаговъ насыпана длинная полоса свѣжей земли. Австрійцы стали подтягивать сюда резервы. Съ первыми утренними лучами солнца вдругъ, сильно нагнетая воздухъ, прилетѣла шрапнель и — боммъ-ммяу! — лопнула и разорвалась веселымъ бѣлымъ дымкомъ позади окопа.

Надъ длинной грядой свѣже-накопанной земли на секунду высунулось молодое лицо со счастливыми взволнованными глазами и сейчасъ же юркнуло подъ землю и раздался торопливый голосъ, говорившій по телефону. Восемь русскихъ батарей, тридцать орудій, — въ одной батареѣ два орудія были подбиты и испорчены, — и четыре тяжелыхъ пушки провѣряли свои выстрѣлы. Черезъ совершенно равные промежутки, очень рѣдко, каждыя пять минутъ, съ русской стороны прилетала одна шрапнель и съ неизмѣнной точностью била по гребню австрійскихъ укрѣпленій. И этотъ рѣдкій размѣренный огонь производилъ впечатлѣніе большее, чѣмъ непрерывная пальба австрійскихъ пушекъ.

— У русскихъ нѣтъ снарядовъ, — говорили офицеры, обходя солдатъ.

Но солдаты смотрѣли на нихъ съ тоскою и ужасомъ и не вѣрили потому, что они чувствовали, что такъ раз-

мѣренно, по часамъ, посылать снаряды можетъ только тотъ, кто увѣренъ въ своихъ силахъ и въ своей побѣдѣ.

Огонь австрійцевъ становился безпорядочнѣе. Меньше пуль попадало по гребню русскаго укрѣпленія и больше свистало по полю, падая, гдѣ попало. Самая тишина русской позиціи ихъ раздражала. Эти пять минутъ отъ выстрѣла до выстрѣла казались вѣчностью, ихъ ждали съ омертвѣлыми лицами и съ дрожащими руками. Принесли въ плоскихъ котелкахъ ароматный кофе, но никто къ нему не притронулся. Настало время обѣдать, но никто не пошелъ за обѣдомъ. Ждали чего-то рѣшительнаго и то, что время шло, а рѣшительнаго не было и огонь былъ уныло-методиченъ, лишало силъ.

Ровно въ два часа дня, когда зимнее солнце значительно склонилось къ западу и свѣтлый и ясный день сталъ догорать, полковникъ Дорманъ сказалъ по телефону артиллерійскому генералу:

— У меня все готово, можно начинать.

— Начинаю, — отвѣтилъ въ телефонъ спокойный голосъ и даже въ трубкѣ телефона чувствовалась могучая увѣренность въ силѣ своего оружія.

Прошло около двухъ минутъ въ полной тишинѣ. На правомъ нашемъ флангѣ, далеко за Новымъ Корчинымъ, тяжело залпомъ, сливаясь въ одинъ звукъ, ударили четыре тяжелыя пушки и сейчасъ же по всему полю раздался непрерывный раскатистый грохотъ тридцати орудій, онъ перебѣжалъ по полю, подобный небесному грому и не успѣло стихнуть эхо, какъ снова загремѣлъ онъ, раскатываясь шире и громче. Со страшнымъ скрежетомъ, раздвигая морозный воздухъ, неудержимо неслись снаряды къ австрійцамъ и съ неумолимою точностью попадали подъ самые окопы. Гранаты, бросая тучи черной земли и громадные клубы бураго вонючаго дыма, разрывали проволоки, выворачивали колья, или, попавъ въ бруствера, выворачивали доски, били людей и сметали бойницы. Шрапнели обвѣсили гирляндами бѣлыхъ дымковъ край укрѣпленія и не успѣлъ вѣтеръ снести ихъ, какъ новыя стаи вспыхивали передъ бойницами и плыли,

ликующія и ясныя. Издали казалось, что бѣлымъ дымомъ курилась вся позиція.

Уже никто изъ австрійцевъ не стрѣлялъ. Всѣ забились по своимъ глубокимъ лисьимъ норамъ, ямамъ, выкопаннымъ въ толщѣ земли, или прижались къ угламъ траверсовъ и слушали непрерывный металлическій грохотъ лопающихся снарядовъ, свистъ шрапнельныхъ пуль и вой осколковъ.

Австрійскія батареи отвѣчали съ неменьшею яростью. Но онѣ не знали, куда стрѣлять. Линія русскихъ стрѣлковъ была такъ близка, что австрійцы, боясь поразить своихъ, давали перелеты и били по площадямъ, стараясь помѣшать русскимъ подвести резервы.

Одинъ часъ и пятнадцать минутъ непрерывно раскатисто гремѣла артиллерія и вдругъ сразу смолкла и наступила тяжелая зловѣщая тишина. Но никто въ австрійскихъ окопахъ ей не вѣрилъ. Такъ же блѣдны были лица, такъ же сидѣли за траверсами, такъ же лежали, не смѣя шелохнуться въ лисьихъ норахъ, и изрѣдка шорохомъ неслось тихое и болѣзненное, какъ предсмертный стонъ:

— Jesus Maria . . . . . *)

Ухо обманывало и въ тишинѣ, на русской позиціи, ловило далекій громъ пушекъ снова начавшейся канонады, вой несущихся снарядовъ и ждало оглушительнаго треска взрывовъ.

Но все было тихо.

И вдругъ отчаянный, какъ вопль умирающаго, раздался дикій крикъ офицера: — Hier sind sie! Feuer? **)

Сотни лицъ высунулись надъ брустверомъ и то, что они увидали, было ужаснѣе всякаго артиллерійскаго огня. Все поле, минуту назадъ пустое и мертвое, съ черными бороздами вспаханной земли, со снѣгомъ, сохранившимся въ глубинѣ ихъ, съ ямами, кустами, все ровное поле было сплошь покрыто сѣрыми шинелями рус-

*) Іисусе, Марія...

**) Вотъ они! Пли!

скихъ солдатъ. Ихъ, казалось, безчисленное множество. Надъ ними рвались оранжево-бѣлые дымки австрійскихъ шрапнелей, но такъ мало было этихъ дымковъ и такъ много солдатъ. Передніе уже прошли проволоку, которая лежала порѣзанная ножницами и разоренная снарядами. Не больше тридцати шаговъ отдѣляло первую цѣпь отъ укрѣпленія и отчетливо были видны бѣлыя, точно мертвыя лица съ большими, горящими ужасомъ глазами и можно было различить офицеровъ, идущихъ впереди, съ винтовками, какъ и солдаты.

Нѣсколько безпорядочныхъ выстрѣловъ раздалось изъ австрійскихъ окоповъ и навстрѣчу имъ грянуло громовое «ура!»

Оно казалось громче орудійной канонады, оно не походило на крикъ людей, но что-то невѣроятно грозное слышалось въ немъ. Отъ него, одни люди забыли то, что они люди и стремились только къ убійству, другіе забыли то, что они солдаты, и ихъ долгъ сражаться, и думали лишь о томъ, чтобы спасти свою жизнь. Колѣни позорно подгибались, руки бросали винтовки. Одни, съ поднятыми руками, умоляли о пощадѣ, другіе, бросая оружіе и шинели, чтобы легче было бѣжать, бѣжали стремглавъ по громадному широкому полю. Огонь австрійской артиллеріи оборвался, артиллеристы дрожащими руками старались нацѣпить пушки на передки и ускакать впереди бѣгущихъ нестройными толпами обезумѣвшихъ отъ ужаса людей.

Надъ всѣмъ громаднымъ полемъ мощно и властно, звѣрски дико, наводя трепетъ на самыя смѣлыя сердца, и вмѣстѣ съ тѣмъ радостно гремѣло ура, слышное на многія версты.

Изъ господскаго дома, обращеннаго въ неприступную крѣпость, съ неповрежденными проволочными частоколами, полнаго солдатъ, вышелъ австрійскій офицеръ въ сѣро-сизой шинели и высокомъ кепи. Онъ несъ навязанную на палкѣ громадную простыню и самъ отодвинулъ рогатки, перегораживавшія дорогу. Лицо его

было бѣло, слезы текли по щекамъ и подбородокъ неестественно прыгалъ.

Навстрѣчу ему бѣжалъ съ толпою солдатъ полковникъ Дорманъ.

Въ подъѣздѣ молодой красивый венгерскій лейтенантъ въ расшитой курткѣ вдругъ порывистымъ движеніемъ выхватилъ изъ кобуры револьверъ, вложилъ его себѣ въ ротъ и выстрѣлилъ. Когда Дорманъ вбѣгалъ въ подъѣздъ, его тѣло лежало поперекъ, изъ развороченной головы текла черная густая кровь и смѣшивалась съ бѣлыми мозгами, выпавшими на камни. На изуродованной щекѣ одинъ глазъ былъ открытъ и что-то смѣшливо-жалкое было въ еще блестящемъ зрачкѣ.

Зарайцы, Нѣжинцы и Болховцы бѣжали, задыхаясь отъ крика, останавливались, стоя стрѣляли по бѣгущимъ австрійцамъ и снова бѣжали. Они уже не кричали ура, но кто-то крикнулъ безумно-радостнымъ голосомъ:

— Кавалерію!...

Все поле подхватило этотъ крикъ и ликующимъ стономъ, отдаваясь на многія версты, раздался громкій зовущій кличъ:

— Кавалерію впередъ! Кавалерію впередъ!...

XLVI

Какъ только прогремѣлъ первый орудійный выстрѣлъ съ нашей стороны и обратился въ грозную канонаду, полковникъ Дорманъ, сидѣвшій въ своемъ расширенномъ и обращенномъ въ маленькую землянку окопѣ за мостомъ, вызвалъ къ себѣ хорунжаго Растеряева и сказалъ, глядя на него блестящими восторженными глазами:

— Посылайте за полкомъ. Черезъ два часа у насъ все будетъ кончено.

Растеряевъ отчетливо и точно написалъ донесеніе командиру полка, тщательно проставилъ время, и, вложивъ

въ конвертъ, спустился внизъ къ мосту, гдѣ по очереди дежурили казаки. Одно мгновеніе у него мелькнула въ головѣ мысль, что столь важное донесеніе было бы лучше отвезти ему самому, но страстное желаніе быть свидѣтелемъ самой атаки удержало его. — «Я могу понадобиться здѣсь, какъ проводникъ», — подумалъ онъ. Въ казакахъ онъ не сомнѣвался. Очереднымъ у моста былъ доброволецъ Викторъ Модзалевскій.

— Смотри, Витя, это очень важное и спѣшное донесеніе, — говорилъ Растеряевъ, глядя въ красивые смѣлые глаза добровольца. — Три креста я поставилъ на конвертѣ для того, что очень важно.

— Понимаю, — коротко отвѣтилъ Модзалевскій, жадными глазами глядя на маленькій желтый конвертъ. — Духомъ слетаю.

— Поѣзжай къ Алпатову, у него возьми казака и скачите вдвоемъ, оборони Богъ, ежели что случится съ однимъ, другой доставитъ.

— Понимаю, — снова сказалъ Модзалевскій и побѣжалъ подъ откосъ къ рѣкѣ. Здѣсь былъ небольшой пѣшеходный мостикъ въ три доски съ жиденькими въ одну жердь перильцами. Модзалевскій перебѣжалъ и убѣдившись, что Растеряевъ его больше не видитъ, тихо пошелъ къ крайнему двору, гдѣ стояла его лошадь и былъ его подручный, глуповатый молодой казакъ, прибывшій въ полкъ съ пополненіемъ въ октябрѣ — Өедотовъ.

Три мѣсяца Модзалевскій болтался при штабѣ полка, всячески угождая адъютанту и Карпову и изучая характеръ командира.

Онъ вспоминалъ задачи, данныя ему Коржиковымъ и инструкцію, выработанную въ Циммервальдѣ. «Война должна идти къ пораженію» — такъ сказалъ Ленинъ. А, если будутъ такіе полковники, какъ этотъ Карповъ — будетъ побѣда. Онъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ бсевымъ днемъ таялъ ледъ между казаками полка Карпова и пѣхотой. Пѣхотные офицеры съ уваженіемъ говорили о казакахъ, казаки любовно относились къ пѣхотѣ. Солдаты полупрезрительное *казачки*, выговаривали уже

съ ласковымъ оттѣнкомъ и чаще горделиво называли ихъ наши казаки. Между двумя родами войскъ зарождалась великая душевная христіанская любовь, когда казакъ готовъ былъ отдать свою жизнь за солдата, а солдатъ готовъ былъ пожертвовать своею для казака. Они начинали вѣрить другъ въ друга. «Этого нельзя допустить», — думалъ Викторъ, — «если будутъ между людьми довѣріе и любовь, — они побѣдятъ и задача моя не будетъ исполнена». Хотѣлось выслужиться передъ Өедоромъ Өедоровичемъ и Бродманомъ. «Можетъ и самому Ленину доложатъ!» — Ураганомъ неслись мысли.— «Какъ правы тѣ, кто еще въ Неаполѣ написалъ мнѣ — «и лучшаго изъ гоевъ убей». Все держится лучшими. Но мало убить. Надо такъ убить, чтобы позоромъ покрылось имя, чтобы тошно было умирать. Какъ учили меня: — «всѣ навозные черви, всѣ равны, нѣтъ лучшихъ!... Мы не дадимъ имъ Наполеоновъ! И побѣдъ имъ не дадимъ!»

Онъ нервно сжалъ пальцами конвертъ. Онъ зналъ задачи полка. Въ этомъ пакетѣ все. «Это будетъ первая моя заслуга передъ партіей и передъ Ленинымъ... То-то посмѣются они!...»

Онъ зашелъ за домъ, намочилъ конвертъ и легко расклеилъ его.

— Такъ, такъ, — сказалъ онъ, прочитавъ написанное, досталъ карандашъ, переправилъ цифру 14 на 16; такъ что вышло, что донесеніе послано не въ 2, а въ четыре часа и, раскуривая папироску, сказалъ про себя: — самое, что мнѣ теперь нужно.

— Ну, Өедотовъ, — сказалъ онъ, — веди лошадь до нашей избы, а я сейчасъ туда приду.

— А что? — спросилъ, глупо улыбаясь, Өедотовъ.

— А ничего. Скажи урядману Алпатову, что Витя сейчасъ придетъ и водки и пива принесетъ.

— Вотъ-то ладно, — сказалъ Өедотовъ и затрусилъ съ заводною лошадью къ дому, на окраинѣ Новаго Корчина, гдѣ помѣщался ихъ постъ.

Викторъ, имѣвшій значительныя деньги, понемногу занялъ среди казаковъ сотни и штаба полка положеніе

богатаго барчука. Онъ умѣлъ въ нужную минуту достать водку, или пиво, и принести тогда, когда люди изнемогали отъ усталости.

— Настоящій казакъ, — говорили про него. — Умѣетъ разстараться.

Онъ былъ моложе всѣхъ, почти мальчикъ, а пожилые урядники и солидные казаки обращались съ нимъ почтительно. Было въ немъ что-то, что не позволяло быть съ нимъ за панибрата. Умѣлъ онъ хорошо говорить, умѣлъ будить въ казакахъ неясныя волнующія чувства и заставлялъ ихъ думать о томъ, о чемъ они никогда раньше не думали.

Урядникъ Алпатовъ изнемогалъ отъ волненія со своими четырьмя казаками, сидя въ небольшой чистой избѣ. По орудійной канонадѣ, по тому, что посадъ, еще ночью полный пѣхотой, опустѣлъ и только фельдшера и сестры стояли группами на улицахъ подъ домиками, гдѣ висѣли бѣлые флаги съ краснымъ крестомъ, онъ понималъ, что сейчасъ совершится что-то важное и великое. Онъ выходилъ изъ избы и съ тоскою думалъ, чья возьметъ — наша, или ихъ. — «Это наши», — говорилъ онъ, слушая гулъ пушекъ вправо и влѣво отъ себя. — «А это ихъ заговорили. Не пора ли за полкомъ посылать?»

Пріѣздъ Өедотова съ извѣстіемъ, что сейчасъ съ водкой и пивомъ придетъ Витя, обрадовалъ и смутилъ его.

— Кубыть и не время теперь, — сказалъ онъ Өедотову и повторилъ Виктору, когда тотъ нагруженный бутылками, входилъ въ избу:

— По русскому обычаю, товарищъ, для этого время всегда найдется. А тутъ случай такой... Хорунжій послалъ...

— А развѣ его благородіе не съ донесеніемъ послалъ? — перебилъ Виктора Алпатовъ.

— Съ донесеніемъ, товарищъ, съ донесеніемъ. Приказано ровно въ четыре часа послать, не раньше и не позже.

Викторъ досталъ конвертъ и показалъ подрисованную цифру.

— Странно, кубыть, — сказалъ Алпатовъ. — Растеряевъ обстоятельный такой человѣкъ и вдругъ заблаговременное донесеніе?!

— Хотите, распечатаемъ? — предложилъ, нагло глядя на Алпатова, Викторъ.

— Ну, что съ тобою, Витя! Развѣ же можно?

На водку и пиво изъ сосѣдней избы подошли телеграфисты и солдатъ-фельдшеръ.

— За успѣхъ и побѣду! — сказалъ Викторъ, поднимая чайную чашку съ водкой. — Славно жарятъ. Товарищи солдаты, казацкой водки не угодно ли?

Солдаты конфузливо пододвигались къ столу.

Алпатовъ гостепріимно очистилъ имъ мѣсто и заказалъ хозяину-поляку приготовить мятку изъ картофеля.

Отвыкшіе за войну отъ водки и пива, казаки и солдаты быстро хмелѣли. Викторъ не пилъ. Лицо его было блѣдно, какія-то думы бродили по ясному бѣлому лбу и хмурились прекрасные глаза.

— Что, товарищи, — обратился онъ къ солдатамъ, — хороша казацкая водка, а и плетка казацкая не худа?

— Ну, зачѣмъ такое говорить, Витя, — недовольнымъ голосомъ сказалъ Алпатовъ, — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

— А при чемъ тутъ плетка? — спросилъ раскисшій отъ водки и тепла солдатъ-телеграфистъ.

— Будто, товарищъ, не помните, — сказалъ, подмигивая, Викторъ.

— Ну, будя, будя!... — толкалъ подъ бокъ Виктора Алпатовъ.

— Нѣтъ, почему, товарищъ... А помните, какъ тогда, когда рабочій хотѣлъ вырватся изъ-подъ гнета капитала, а крестьянинъ пошелъ добывать себѣ отъ помѣщика ту землю, которая ему принадлежитъ по праву, казаки стали на сторону насильниковъ бѣднаго народа и кровью и плетьми загнали его въ тенета рабства!

— Ахъ, Витя! — досадливо морщась, сказалъ Алпатовъ. — Ну, ни къ чему это! Ну, развѣ мы виноваты?

Ежели приказаніе. Присягу сполнять одинаково должонъ, что казакъ, что солдатъ.

— Нѣтъ, товарищъ, — звонко отчеканивая каждое слово, сказалъ Викторъ, — ежели бы тогда, въ 1905 году, не казаки, совсѣмъ по иному пошла бы жизнь и не было бы ни войны этой, ни этого неравенства.

— Что же, господа казаки, — сказалъ фельдшеръ,— малый правильно говоритъ. Видать образованнаго человѣка. Много тогда душегубства надѣлали казаки.

— Да что вы, земляки, — сокрушенно мотая головою, сказалъ Алпатовъ. — Ну, совсѣмъ же это не такъ. И солдаты шли тогда на усмиреніе и все потому... Ну, словомъ... присяга.

— Казаки были всему коноводы, — сказалъ фельдшеръ.

— Они мужика и за человѣка не почитаютъ, — сказалъ телеграфистъ.

— Такъ они такіе и есть, — пьяно сказалъ угрюмый казакъ Коноваловъ, — лыкомъ дѣланные, — хворостомъ скляченные.

— Дуракъ ты... Э, дуракъ, братецъ... Ну, зачѣмъ такъ, — остановилъ его Алпатовъ.

— Я правду отстаиваю.

— Вы, землякъ, такъ разсудите, вѣдь я тамъ не былъ. Я тогда и въ малолѣткахъ не числился, чего же корить. Это, Витя, неправильно совсѣмъ, — заговорилъ скромный бѣлокурый казакъ Польшинсковъ.

— Все одно, братъ, или отецъ, сословіе казацкое пошло, — сказалъ телеграфистъ.

— Да, товарищи! Въ этомъ великій грѣхъ казачества передъ крестьянствомъ... Казачество пошло на защиту буржуазіи отъ возставшаго пролетаріата и зато оно получило себѣ въ награду легкую и привольную жизнь, — звонко чеканя слова, говорилъ Викторъ. — Смотрите, вотъ уже четвертыя сутки непрерывно гремятъ пѣхотныя пушки и льется крестьянская кровь, а казаки сидятъ глубоко въ тылу и въ усъ себѣ не дуютъ. Но будетъ часъ

и солдатъ вспомнитъ это и выместитъ свою злобу на казакѣ.

— Ну, понесъ безъ колесъ! Чего сталъ гуторить, — примирительно сказалъ Алпатовъ. — И какой тамъ пропре-лiятъ, что ты говоришь такое? Будетъ нашъ часъ и придемъ. И какъ еще поможемъ пѣхотѣ.

— Нѣтъ, господа казаки, — сокрушенно мотая головою, говорилъ фельдшеръ, — его рѣчь правильная, умная... Тяжелая рѣчь... Такая, то-есть, тяжелая... Непонятные, не крестьянскiе вы люди. Отчаянные какiе-то.

Споръ разгорался сильнѣе. Викторъ отошелъ къ дверямъ, надѣлъ снятую было винтовку и съ улыбкой смотрѣлъ, какъ начиналась ссора между этими людьми, которые полчаса тому назадъ искренно любили и гордились другъ другомъ. «Такъ, такъ», — думалъ онъ, — «поддай, поддай!»

Артиллерiйскiй огонь, потрясавшiй окна, вдругъ оборвался, прошла секунда томительнаго затишья. Спорщики примолкли и сидѣли, прислушиваясь. И сразу, какъ всплескъ моря, грянуло и широко, на нѣсколько верстъ, разлилось могучее ура.

— Товарищи! — крикнулъ, распахивая двери, Викторъ. — Тамъ сейчасъ потоками льется кровь солдатская, крестьянская и рабочая, а казаки спятъ по хатамъ, нажравшись вина!

— Викторъ! — грозно крикнулъ Алпатовъ, сжимая кулаки. — Земляки! Это измѣна!

— Өедотовъ! — спокойно сказалъ Викторъ, — намъ пора ѣхать. Ай-да по конямъ!

И онъ вышелъ изъ избы.

XLVII

Эти дни Карповъ сильно волновался ожиданiемъ. Каждый день въ опредѣленные часы онъ получалъ отъ Растеряева записки съ описанiемъ обстановки и слѣдилъ за каждымъ шагомъ пѣхоты.

Въ этотъ день утромъ онъ получилъ извѣстіе, что сегодня между четырнадцатью и шестнадцатью часами произойдетъ бой, а когда надо выѣзжать, Растеряевъ обѣщалъ сообщить дополнительно.

Къ двумъ часамъ дня, къ началу канонады, полкъ былъ посѣдланъ и сотни собраны по дворамъ. Карповъ хотѣлъ идти, но адъютантъ Кумсковъ его удерживалъ.

— Поспѣемъ, господинъ полковникъ, — говорилъ онъ. — Нѣтъ хуже, какъ если мы опять понапрасну пріѣдемъ. Люди потеряютъ порывъ и охладѣютъ.

— Вы правы, Георгій Петровичъ, но не случилось ли чего съ Растеряевымъ?

— Самый исполнительный офицеръ, господинъ полковникъ.

— А, если убитъ?

— Тамъ Алпатовъ. Пѣхота прислала бы сказать. Да вѣдь вы знаете пѣхотный бой. Они до утра будутъ вести артиллерійскую подготовку. Я думаю, сегодня ничего не будетъ. Не такъ-то легко взять укрѣпленія.

— Пойдемте на улицу, я не могу сидѣть въ избѣ, — сказалъ Карповъ, и вышелъ съ адъютантомъ изъ хаты.

Красное солнце опускалось къ горизонту. Громъ пушекъ и грохотъ рвущихся снарядовъ внезапно смолкъ. И вдругъ оттуда, гдѣ въ мутномъ туманномъ маревѣ лиловыми пятнами рисовались деревья господскаго дома, послышался неясный гулъ.

— Георгій Петровичъ, что же это?! — схватывая за руку Кумскова, воскликнулъ Карповъ.

Адъютантъ стоялъ блѣдный и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ вдаль.

— Вѣдь это... Ура!... Вы понимаете? Они атакуютъ А мы... въ восьми верстахъ. Намъ сію минуту нужно быть тамъ!... Трубачъ! труби тревогу...

Черезъ пять минутъ полкъ просторною рысью шелъ по направленію къ Новому Корчину. Но уже темнѣло. Солнце скрылось въ полосѣ тумана и луна высоко висѣла въ небѣ. Были обманныя, тусклыя сумерки. Навстрѣчу Карпову скакало два казака. Это были Ѳедотовъ и

Модзалевскій. Викторъ передалъ пакетъ съ донесеніемъ Карпову, но тотъ его не сталъ даже читать. По тишинѣ, что наступила кругомъ, тишинѣ побѣды, когда не слышно ни пушечныхъ, ни ружейныхъ выстрѣловъ, Карповъ уже помимо всякаго донесенія понималъ, что все кончено и онъ опоздалъ.

— Почему такъ поздно? — крикнулъ онъ на ходу Виктору.

— Не могу знать, — громко и отчетливо прокричалъ Викторъ.

Полкъ широкимъ потокомъ, не сокращая рыси, спустился къ рѣкѣ, и, такъ какъ мостъ былъ занятъ толпою плѣнныхъ, которыхъ вели въ песадъ, свернулъ на бродъ и по броду по брюхо лошади перешелъ черезъ рѣку Ниду и поскакалъ къ господскому дому.

Навстрѣчу ему, по всему полю шли наши солдаты. Въ подоткнутыхъ спереди шинеляхъ, въ заломленныхъ на затылокъ старыхъ, смятыхъ фуражкахъ, съ винтовками на плечѣ, они имѣли лихой, ухарской видъ побѣдителей.

— Эхъ, казаки родимые! — кричалъ молодецъ, шедшій навстрѣчу, — что же опять припоздали! Мы пѣшкомъ нагоняемъ, а вы и на коняхъ не можете.

— Казачки, казачки — мало-мало батареи не забрали, — а вы! Эхъ вы! — говорилъ офицеръ съ краснымъ, возбужденнымъ бѣгомъ лицомъ, обтирая потъ.

— Нагаечники, — слышался изъ сумрака злобный голосъ, — имъ мирный народъ усмирять это одно, а воевать... Ку-у-ды жъ!

Кто то изъ темноты пронзительно свистнулъ и было въ этомъ короткомъ свистѣ столько презрѣнія и оскорбительной досады, что онъ хлеснулъ Карпова и его казаковъ, какъ бичъ. Карповъ невольно оглянулся и первое, что бросилось ему въ глаза — улыбка, расплывшаяся по лицу Модзалевскаго и которую онъ никакъ не могъ удержать.

— Ты чему смѣешься, каналья! — крикнулъ Карповъ. Лицо Виктора мгновенно стало серьезнымъ и онъ пробормоталъ: — я-то? Я ничего...

Но уже была аллея господскаго дома. Густая толпа солдатъ гомонила по саду.

— Я бѣжалъ за ними, версты двѣ бѣжалъ, — задыхаясь счастливымъ, молодымъ голосомъ говорилъ кто то, — ну развѣ догонишь? Они на лошадяхъ, слышь себѣ громыхаютъ рысью. Ну вотъ не догналъ, рукой схватить можно.

— Я его, милый человѣкъ, какъ схвачу за горло, у него и сабля изъ рукъ вонъ выпала. Ну, пожалуйте, ваше благородіе, въ плѣну значитъ.

— Онъ въ меня выпалилъ, ну во, какъ ты стоишь и жжи — ничего, промахнулся.

— Я его штыкомъ какъ въ животъ шарахну — у него глаза ажъ завертѣлись.

— Больно, должно быть.

— Эхъ, кабы кавалерія подоспѣла, всѣхъ бы забрали, а то сколько его убѣжало.

— И пушки увезли. Главное досада, что пушки.

— А меня, братцы, офицеръ спасъ, — говорилъ въ толпѣ второй роты высокій и нескладный Желѣзкинъ. — Ротный нашъ, капитанъ Козловъ. Онъ въ меня штыкомъ, а ротный штыкъ отъ меня отвелъ и штыкъ прямо ему въ грудь. Кровь пошла. Я говорю: — вы ранены за меня. А онъ говоритъ: — ничего тебѣ бы въ животъ, а мнѣ въ грудь — пустяки и упалъ значитъ. Въ вѣкъ не забуду. Умирать буду, а помнить его благородіе Александра Ивановича буду!

Полковникъ Дорманъ, счастливый, сіяющій, насквозь пропитанный запахомъ побѣды, встрѣтилъ Карпова у самаго подъѣзда среди труповъ немногихъ австрійскихъ солдатъ, заколотыхъ въ пылу боя.

— Что же вы, — съ горькимъ упрекомъ сказалъ онъ Карпову, — многоуважаемый, опоздали, а? Полторы дивизіи и шесть батарей были ваши. Мои конные ординарцы и то двѣ пушки взяли. Эхъ, вы! Гаврилычи!

Кровь прилила къ лицу Карпова отъ этого оскорбленія, но онъ такъ понималъ Дормана, что ничего не отвѣтилъ.

— Теперь что же? Идите домой. Вы мнѣ больше не нужны. Я здѣсь закапываться буду. Корпусу донесу, что не моя вина, что мы не въ Столинѣ, а здѣсь.

— Я догоню! — сдержанно сказалъ Карповъ.

— Куды! Къ чорту подъ хвостъ догоните. Онъ поди окопался уже.

— Я догоню! — рѣшительно рыкнулъ Карповъ и повернулъ лошадь.

Злоба кипѣла въ немъ. Онъ ничего не помнилъ, но сознавалъ одно, что оскорблено его родное войско, его прекрасные казаки и оскорблены по его винѣ.

Полкъ, собравшійся въ резервную колонну подлѣ господскаго дома, ожидалъ его хмурый и недовольный. Казаки сидѣли нахохлившись и опустивъ головы. Имъ было обидно и они до глубины сердца чувствовали вину своего командира.

— Третья и четвертая сотни въ лаву на Столинъ, — рысью, — крикнулъ Карповъ. — Есаулъ Каргальсковъ, ведите лаву. Войсковой старшина Коршуновъ, идите съ остальными сотнями въ полуверстѣ сзади. Я пойду съ лавой!..

У него уже созрѣлъ свой планъ и планъ его сулилъ ему успѣхъ.

XVLIII

Карповъ ѣхалъ по дорогѣ за серединою разсыпавшихся въ лаву казаковъ и картина будущаго боя отчетливо рисовалась ему.

Тамъ, гдѣ-нибудь, въ восьми верстахъ отъ него, толпою, молчаливо нахмурившись, мѣся башмаками глубокую грязь, идутъ остатки австрійской дивизіи. Они потрясены боемъ. Усталые лошади едва вытягиваютъ пушки изъ грязи. Кругомъ холодная, обманчивая въ лунномъ свѣтѣ ночь. Онъ обогнетъ справа лѣсомъ эту колонну и ударитъ на нее въ конномъ строю. Они сдадутся. Они не могутъ не сдаться. Тогда онъ покажетъ, что

такое его казаки. Онъ возьметъ плѣнныхъ и пушки не изъ подъ пѣхоты, а самъ въ большомъ и смѣломъ ночномъ бою.

Его ночная конная атака при лунѣ станетъ достояніемъ исторіи и дѣло у посада Столина будутъ такъ же изучать, какъ Бегли-Ахметское дѣло, а имя Карпова будетъ навѣки прославлено, какъ имя кавалерійскаго вождя!

Онъ выпрямлялся въ сѣдлѣ и бодро ѣхалъ по дорогѣ. Брошенныя повозки и кухни, валяющіеся вдоль дороги ранцы показывали ему, что паника и усталость въ рядахъ австрійской пѣхоты были велики. Въ четырехъ верстахъ отъ Новаго Корчина, въ сторонѣ отъ дороги, загрузшія по самыя оси въ болотѣ, стояли двѣ пушки съ передками. Должно быть, обезумѣвъ отъ страха, бросились обгонять пѣхоту, сорвались съ дороги и погрузли въ болотѣ. «Хорошо! хорошо», думалъ Карповъ и шелъ свободною рысью.

Близка была деревня Хвалибоговице. Здѣсь дорога поднималась па бугоръ.

По бугру вспыхнули яркіе желтые огоньки и раздалась трескотня ружей. Хвалибоговице было занято непріятелемъ, готовымъ дать отпоръ. Пули щелкали кругомъ. Двѣ лошади въ лавѣ упали, казакъ со стономъ склонился па луку сѣдла. Лава подалась назадъ.

— Стойте! Стойте! — крикнулъ Карповъ. — Это его арьергардъ. Тутъ всего какая-нибудь рота, не больше. Есаулъ Каргальсковъ, отведите немного лаву и ждите. Я обойду ихъ съ остальными сотнями. Георгій Петровичъ, поѣдемте со мною, посмотримъ въ чемъ дѣло.

Отъ широкаго, грязнаго растоптаннаго отступавшими австрійцами шляха вправо шла чистая, узкая, упругая полевая дорожка. Сарданапалъ, какъ только ступилъ на нее, облегченно фыркнулъ, охотно отвѣтилъ на шпору и пошелъ полевымъ галопомъ къ чернѣвшему въ сторонѣ лѣсу. Кумсковъ, Лукьяновъ, Пастуховъ и Модзалевскій скакали за Карповымъ. Они въѣхали въ темный лѣсъ и невольно перешли на шагъ. Пахло сыростью и прѣлымъ

листомъ. Лошади неслышно, точно крадучись, ступали по мягкой, усѣянной коричневыми листьями дорогѣ. Лунный свѣтъ бросалъ серебряные блики на мокрые стволы буковъ и осинъ и блестѣлъ на оставшемся въ глубинѣ лѣса снѣгу. Капель падала съ деревьевъ и шумѣла по сухому листу и, казалось, что кто то осторожно подходитъ. Влѣво лѣсъ становился рѣже, начиналась опушка, за ней были холмы и край деревни Хвалибоговице.

Карповъ остановился, слѣзъ съ лошади и пошелъ къ опушкѣ.

Лукьяновъ и Модзалевскій шли слѣдомъ, адъютантъ рядомъ.

Они вышли на край лѣса. Изъ темноты лѣса деревня, озаренная полною луною, казалось совершенно свѣтлою. Каждая хата, огороды, поля, журавель колодца были ясно видны на фонѣ серебрящагося неба. Выстрѣлы продолжались и огни ихъ вспыхивали только влѣво, противъ большой дороги.

— Я такъ и думалъ, — сказалъ Карповъ шопотомъ. — Тутъ и роты не будетъ. Скачите къ Коршунову и ведите его этою дорогою сюда. Мы пошлемъ вторую сотню пѣшкомъ въ деревню, а со всѣми остальными на коняхъ въ обходъ. Скажите Каргальскову, чтобы присоединилъ обѣ свои сотни къ полку. Вы понимаете меня?

— Понимаю, понимаю, — проговорилъ Кумсковъ. Волненіе командира полка передалось и его адъютанту. Онъ такъ же дрожалъ внутреннею дрожью, какъ дрожалъ и Карповъ.

— Мы покажемъ имъ, что такое донцы! — горделиво сказалъ Карповъ такъ громко, что Лукьяновъ и Модзалевскій услыхали его слова.

Кумсковъ побѣжалъ къ лошади и слышно было, какъ онъ поскакалъ по дорогѣ. Затѣмъ все стихло.

Карповъ стоялъ на опушкѣ, въ пяти шагахъ отъ него былъ его штабъ-трубачъ. Модзалевскій отошелъ назадъ.

Вдругъ рѣзкій выстрѣлъ совсѣмъ подлѣ заставилъ Карпова оглянуться. Онъ увидѣлъ, что Лукьяновъ безъ стона свалился, какъ снопъ на землю, два раза судорожно

дернулась его нога и онъ затихъ. Не успѣлъ Карповъ сообразить, откуда и кто стрѣлялъ, какъ яркое пламя выстрѣла метнулось подлѣ него, страшный ударъ въ грудь толкнулъ его и сбилъ съ ногъ, и, захлебываясь кровью, онъ упалъ на землю. Но онъ сознавалъ, что не убитъ. Затылокъ, съ котораго слетѣла папаха, явственно ощущалъ холодный и сырой мохъ и онъ царапалъ и щекоталъ его шею. Въ ту же минуту онъ увидалъ надъ собою юное лицо Модзалевскаго и хотѣлъ спросить его. Ему казалось, что Модзалевскій пришелъ къ нему на помощь. Но Модзалевскій смотрѣлъ на него со злобою и ненавистью и медленно вытягивалъ шашку изъ ноженъ. Карповъ пошевелился и потянулся рукою къ револьверу, но въ ту же минуту страшный ударъ по черепу оглушилъ его, красныя искры посыпались изъ глазъ, все завертѣлось подъ нимъ и исчезло сознаніе жизни.

Викторъ толкнулъ Карпова ногой и убѣдился, что онъ мертвъ. Тогда онъ вложилъ шашку въ ножны и быстро побѣжалъ къ деревнѣ, занятой австрійцами.

Пастуховъ, оставшійся на дорогѣ съ четырьмя лошадьми, слыхалъ выстрѣлы и не зналъ, что ему дѣлать. Спѣшить на выстрѣлы съ четырьмя лошадьми онъ не могъ, лѣсъ былъ густой и съ ними нельзя было пролѣзть, бросить лошадей онъ не смѣлъ. Смертельно-блѣдный, въ страшной томительной тревогѣ, онъ повторялъ только: «съ нами крестная сила!» тяжело вздыхалъ и отдувался. Но въ лѣсу стало тихо. Никто не кричалъ, не стоналъ, не звалъ на помощь, выстрѣловъ больше не было.

Минутъ черезъ десять неясный гулъ идущей рысью конницы раздался по лѣсу. Коршуновъ и Кумсковъ скакали впереди полка.

— Вотъ здѣсь! — сказалъ Кумсковъ, увидавъ Пастухова съ лошадьми.

Коршуновъ остановилъ знакомъ сотни и поѣхалъ черезъ лѣсъ на опушку. На зеленомъ мху, освѣщенные высоко поднявшимся мѣсяцемъ, лежали два трупа— командира и его штабъ-трубача. Оба были убиты сзади, почти въ упоръ. Карповъ, кромѣ того, былъ зарубленъ.

Доброволецъ Викторъ Модзалевскій пропалъ безъ вѣсти. Странное подозрѣніе закралось въ души казаковъ. Урядникъ Алпатовъ и казакъ Полынинсковъ были увѣрены въ томъ, что никто другой, какъ Викторъ убилъ командира. Но никто не говорилъ объ этомъ.

Извѣстіе о смерти любимаго командира, какъ громомъ, поразило казаковъ. Бодрость смѣнилась апатіей. У Коршунова не хватило силы воли выполнить планъ Карпова, который ему разсказалъ Кумсковъ. — Исторія конницы — исторія ея генераловъ. Вождь, способный на лихую, ночную конную атаку, былъ убитъ и его некѣмъ было замѣнить.

Уныло и скучно, безъ трофеевъ, везя убитаго командира, возвращался къ пѣхотѣ полкъ Карпова. Съ этого дня его слава померкла и онъ сталъ самымъ обыкновеннымъ, заурязднымъ, полкомъ.

Тотъ, кто исповѣдывалъ завѣтъ Мехильта — «лучшаго изъ гоевъ умертви, лучшей изъ змѣй раздроби мозгъ», зналъ, что дѣлалъ.

Викторъ, раздробивъ мозгъ Карпова, раздробилъ и мозгъ его полка.

XLIX

Автомобиль Краснаго Креста, на которомъ сидѣлъ Мацневъ, поддерживая лежащаго рядомъ на носилкахъ Саблина, дрогнулъ, переѣзжая съ поля черезъ канаву на шоссе, и отъ этого толчка Саблинъ очнулся, застоналъ и открылъ глаза.

Автомобиль, выбравшись на ровное, мощеное, кирпичемъ на ребро стратегическое шоссе, точно обрадовался, заскрипѣлъ рычагомъ и покатилъ, мѣрно жужжа.

— Гдѣ я? — хрипло спросилъ Саблинъ.

— Со мной, милый Саша, — ласково проговорилъ Мацневъ.

Саблинъ поднялъ глаза, узналъ Мацнева и кротко улыбнулся.

— А, милый философъ, — сказалъ онъ. — Вотъ неожиданная встрѣча... Что батарея? — вдругъ тревожно спросилъ онъ. Передъ нимъ на мигъ стала картина послѣдняго момента атаки.

— Взята, Саша, взята! Ты со своимъ дивизiономъ вписалъ славнѣйшую страницу въ исторiю нашего полка, да и не только его, а вообще всей конницы нашей, всей Русской армiи. Четыре пушки! Прислугу наши молодцы порубили. Вы спасли пѣхоту.

Но Саблинъ уже слушалъ его со страннымъ равнодушiемъ. Точно Мацневъ разсказывалъ ему о чемъ то давно, давно прошедшемъ, скучномъ и неинтересномъ. Онъ слабо улыбнулся, усилiемъ воли заставляя себя вспомнить все, что было, но ничего уже не могъ вспомнить. Была скачка и Дiана безъ сѣдока его обогнала подъ солдатскимъ сѣдломъ. Почему Дiана была подъ солдатскимъ сѣдломъ?

— А Коля? — вдругъ тревожно спросилъ Саблинъ.

— Ты герой Саша, — не отвѣчая на вопросъ о сынѣ, говорилъ Мацневъ. — Ты теперь великiй герой. Георгiевскiй крестъ обезпеченъ. Князь уже телеграфировалъ Государю о тебѣ. Помнишь, я тебѣ всегда говорилъ, что ты въ сорочкѣ родился. Первое дѣло и такое славное дѣло... Удивительное дѣло.

Саблинъ слушалъ его и не понималъ. Все то, что говорилъ ему Мацневъ, было скучно и навѣвало тоску. Слава, подвигъ, взятая батарея, все это было не главное, не существенное... Коля? Но и вопросъ о Колѣ возникъ какъ то случайно въ связи съ Дiаной, посѣдланной солдатскимъ сѣдломъ, и значенiя не имѣлъ. А что же главное?

Мѣрно журчавшая машина и мягко покачивавшiйся на рессорахъ автомобиль мѣшали сосредоточиться. Саблинъ видѣлъ подлѣ своей головы мягкую, бѣлую руку Мацнева съ пальцами, украшенными дорогими перстнями и нѣжное чувство къ старому товарищу охватывало его.

— Что, я очень тяжело раненъ? — спросилъ Саблинъ и сейчасъ же почувствовалъ, что вотъ это и есть самое

главное, что ему нужно было знать и что его такъ сильно безпокоило.

— Я буду жить? — продолжалъ онъ, жадно устремляя глаза на Мацнева и съ тревогою ожидая его отвѣта.

— Ну, конечно. Двѣ шрапнельныя пульки, да какой то осколочекъ тебя повредили, но существеннаго ничего.

— Правда?

— Клянусь Анакреономъ.

У Саблина явилось желаніе поцѣловать красивую холеную бѣлую руку за эти слова. Свое, личное, заслонило все остальное.

— Ты куда меня везешь?

— Прямо въ Варшаву, въ лучшій лазаретъ, на попеченіе лучшихъ врачей и Александры Петровны. Помнишь?

Саблинъ поморщился. Теперь легкомысленная Александра Петровна Ростовцева, любительница пикантныхъ разговоровъ и приключеній съ молодыми мужчинами, навязывавшаяся когда то Саблину, была ему непріятна.

Мацневъ понялъ его.

— Ты, Саша, не узнаешь ее. Ты знаешь, она разошлась съ мужемъ и стала совсѣмъ святою. Она работаетъ въ солдатскомъ отдѣленіи и исполняетъ самыя тяжелыя и грубыя работы. А? Кто бы могъ подумать, что Саша Ростовцева будетъ мыть грязныя раны? Знаешь, она какъ то высосала гной изъ раны и тѣмъ спасла жизнь солдату. Ахъ, подвигъ такъ мѣняетъ женщину! У ней лицо, — этотъ ея единственный недостатокъ при ея дивной фигурѣ, стало прекраснымъ.

Но Саблину было неинтересно слушать про Александру Петровну.

— Что мнѣ операцію будутъ дѣлать? — спросилъ онъ.

— Не знаю, Саша. Ну, если будутъ — самые пустяки...

Мысль объ операціи снова взволновала Саблина. Онъ не слушалъ, что говорилъ Мацневъ. Мѣрный стукъ машины раздражалъ его и усыплялъ, явилось какое то не-

ясное, неопредѣленное, близкое къ бреду состояніе, и Саблинъ впалъ въ полузабытье.

Иногда на нѣсколько секундъ сознаніе возвращалось къ нему. Онъ видѣлъ темный сосновый лѣсъ, несшійся навстрѣчу, пухлую бѣлую руку съ перстнями подлѣ лица и снова забывался. Дневной жаръ смѣнила прохлада вечера, потомъ сіяло небо кроткими звѣздами, гдѣ то горѣли огни и красноватое зарево отражалось на синемъ небѣ. Вдругъ его поразилъ шумъ. Горѣли яркіе фонари. Автомобиль стоялъ, кругомъ возились люди.

— Гдѣ я? — сквозь забытье спросилъ Саблинъ.

— Въ Варшавѣ, — отвѣчалъ Мацневъ. — Вотъ мы и пріѣхали.

Во время переноски въ палату Саблинъ почувствовалъ сильную боль въ груди и головѣ и потерялъ сознаніе.

L

Сознаніе, грезы и полное безпамятство смѣняли одно другое въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Чаще всего грезилось Саблину, что онъ лежитъ на постели и множество людей окружаетъ его. Они маленькіе, въ полроста человѣка, съ громадными головами и небольшими туловищами вродѣ тѣхъ людей, какихъ рисуютъ на карикатурахъ. Ихъ очень много толпится кругомъ Саблина. Они приходятъ и уходятъ, наполняютъ комнату и проваливаются куда то, они оживлены и все время разговариваютъ другъ съ другомъ, но голосовъ ихъ не слышно. Они ничего не дѣлаютъ Саблину, но отъ ихъ присутствія Саблину неудобно и онъ не знаетъ, какъ ихъ прогнать. Иногда, сквозь эту толпу маленькихъ, суетливыхъ человѣчковъ, вдругъ протискается большая нормальная фигура, но она похожа на тѣнь. Она что то дѣлаетъ надъ Саблинымъ и послѣ нея человѣчки исчезаютъ, наступаетъ мракъ, спокойствіе... нирвана. А потомъ, черезъ сколько времени Саблинъ не могъ опредѣлить, —

опять онъ лежитъ въ низкой тѣсной комнатѣ и маленькіе человѣчки съ большими головами оживленно толкутся вокругъ него, говорятъ, входятъ, проваливаются куда то и отъ нихъ такъ мучительно безпокойно.

Мало-по-малу тѣ высокія, похожія на тѣни фигуры стали выявляться и пріобрѣтать реальныя формы и Саблинъ сталъ понимать, кто онѣ такія. Первымъ онъ узналъ короткаго, толстаго человѣка съ рыжими усами и бородой. Онъ трогалъ его холодными, чисто вымытыми пальцами, и послѣ его прикосновеній становилось легко и пріятно. Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ длинный бѣлый балахонъ съ рукавами, завязанными у кисти. Саблинъ зналъ, что это докторъ, знаменитый хирургъ Эвальдъ, дѣлавшій ему операцію. Другая фигура была высокая, стройная, одѣтая въ длинную юбку въ сборкахъ, скрадывающую формы ноги, въ черной монашеской косынкѣ, откуда на лобъ былъ выдвинутъ узкимъ краемъ бѣлый платокъ. Косынка спускалась на плечи и доходила почти до пояса, и оттого не было видно очертаній высокой груди. Маленькія руки съ точеными, изящными пальцами и нѣжными ладонями, холодныя, сухія, осторожно прикасались къ самымъ больнымъ мѣстамъ и боль утихала. Косынка закрывала овалъ лица и ясно смотрѣли изъ ея тѣни изъ подъ озабоченно нахмуренныхъ бровей сѣрые глаза. Мягкое сіяніе этихъ глазъ скрадывало неправильныя черты лица. Саблинъ зналъ, что это Александра Петровна Гостовцева, другъ графини Палтовой, съ которой онѣ при Саблинѣ говорили, что женщина имѣетъ право такъ же мысленно раздѣвать мужчину, какъ это дѣлаютъ мужчины съ женщинами. Когда при ней сказали, что кто то имѣлъ интригу съ хорошенькой горничной своей жены, а Ротбекъ, бывшій тутъ воскликнулъ: «какъ я понимаю его, эта Танюша такая конфетка! Александра Петровна совершенно серьезно сказала, что, если мужья могутъ флиртовать съ горничными и увлекаться ими, то нужно предоставить и женамъ право отдаваться лакеямъ и кучерамъ своихъ мужей.

— Твой Иванъ, — сказала она, обращаясь къ Палто-

вой, un bel homme tout a fait,*) я бы не прочь имѣть съ нимъ романъ.

У нея всегда былъ ésprit mal tourné**) и въ обществѣ, гдѣ были молодыя барышни, ея боялись. Теперь эта самая Александра Петровна сіяла неземною кротостью большихъ сѣрыхъ глазъ и грѣховное улетѣло отъ нея.

Третье лицо Саблина долго не могъ признать. Оно появлялось подлѣ него преимущественно ночью, когда ни доктора, ни Александры Петровны, ни служителя, ни няньки не было подлѣ. Стоило Саблину застонать, пошевельнуться, стоило ему подумать о какомъ-нибудь желаніи, какъ, разгоняя бредовый кошмаръ маленькихъ человѣчковъ, являлся къ нему этотъ человѣкъ. Онъ подходилъ, какъ духъ, тихо и незамѣтно. Ловкими, сильными руками онъ сразу, какъ никто другой, устраивалъ удобно Саблина, иногда садился подлѣ и клалъ мягкую, теплую руку на лобъ и тогда Саблинъ успокаивался, глубокій сонъ охватывалъ его и онъ засыпалъ до утра, чтобы проснуться окрѣпшимъ. Саблинъ не зналъ, кто этотъ человѣкъ, а спросить не могъ, языкъ еще не повиновался.

Но постепенно сильное здоровое тѣло брало свое. Кошмары разсѣялись. Опредѣлился и третій и оказался священникомъ N—скаго пѣхотнаго полка, отцомъ Василіемъ, тяжело раненымъ въ Восточной Пруссіи и теперь поправлявшимся въ лазаретѣ. Онъ съ Саблинымъ вдвоемъ занималъ высокую комнату со стѣнами, покрашенными масляной краской и большимъ восьмистекольнымъ окномъ, за которымъ были деревья сада съ пожелтѣвшею листвою.

Саблинъ проснулся глухою ночью. Подъ синимъ покрываломъ чуть свѣтила на потолкѣ электрическая лампа. Штора была спущена и плоскимъ, темнымъ пятномъ лежала на стеклахъ. За окномъ безпокойно билъ по

---

*) Въ полномъ смыслѣ слова красавецъ.

**) Дурное на умѣ.

окнамъ дождь, и вѣтви деревьевъ стучали въ стекла. Было слышно, какъ непрерывнымъ потокомъ лилась изъ трубы вода въ поставленную кадку. Страшное безпокойство охватило Саблина и сердце его стыло въ какомъ то суровомъ предчувствіи неотвратимаго.

Онъ уже все зналъ. Зналъ, что Колѣ оторвало снарядомъ голову, что Ротбекъ убитъ, что убита почти вся молодежь, которую онъ повелъ въ атаку, а онъ живъ и будетъ жить и будетъ здоровъ.

Георгіевскій крестъ, лично присланный ему Государемъ, лежалъ на столикѣ подъ пучкомъ мохнатыхъ хризантемъ. Все это было ненужно, все это подчеркивало черноту и безотрадность его жизни. Первый разъ память вмѣсто яркихъ, счастливыхъ моментовъ жизни развернула передъ нимъ цѣлый рядъ мучительныхъ страницъ. Объясненіе съ княземъ Рѣпнинымъ по поводу Китти, оскорбленіе отъ Любовина, Распутинъ, его Коля безъ головы...

Саблинъ безпокойно заметался на постели и застоналъ отъ душевной боли.

— Вы не спите, — услышалъ онъ ласковый голосъ. — Вамъ опять больно? Позвольте, я вамъ помогу.

Вспыхнула лампочка на столикѣ у отца Василія. Но она тщательно была заслонена отъ Саблина книгою и освѣтила только подушки и часть стѣны у постели священника.

— Нѣтъ, благодарю васъ, — сказалъ Саблинъ.

Священникъ накинулъ на себя сѣрый подрясникъ, выпросталъ волосы, надѣлъ наперсный крестъ на георгіевской свѣжей лентѣ, большимъ гребнемъ расчесалъ волосы и бороду и, уютно съежившись, сѣлъ подъ лампой и сталъ читать небольшую книгу, въ которой Саблинъ угадалъ Евангеліе.

Саблинъ глядѣлъ на него. Лицо у священника было благообразное, красивое, одухотворенное, съ маленькою курчавою, чуть раздвоенною бородой, такое, какимъ на Русскихъ иконахъ пишутъ ликъ Іисуса Христа. Оно было въ мѣру худощаво и блѣдно, большіе голубовато-

сѣрые глаза были прикрыты длинными темными рѣсницами. Ему можно было дать и 50 лѣтъ и 25. Въ темнокаштановыхъ густыхъ, волнистыхъ волосахъ пробивалась чуть замѣтная сѣдина, въ углу у глазъ были маленькія морщины и губы, покрытыя усами, были тонки и сухи. Ничего тѣлеснаго не было въ немъ. Все было душевное.

Саблинъ разглядывалъ его.

«Читаетъ евангеліе», — думалъ Саблинъ. «Читай, читай, ничего не начитаешь, вздоръ тамъ написанъ. Толковали его каждый по своему и каждый не понималъ. Вонъ Толстой такого нагородилъ! А все потому, что никто не хочетъ понять, что толковать нечего, потому что главнаго — Бога нѣтъ.»

И съ какою то лихорадочною поспѣшною злобою Саблинъ ухватился за эту мысль.

«Ну, конечно, ибо, если бы былъ Богъ, развѣ возможна была бы война? Коля съ оторванною головою? За что? Вѣра и Распутинъ? Распутинъ терзалъ ее тоже во имя Божіе. А Богъ молчалъ.»

«А Викторъ и смерть Маруси? Застрѣлившійся Корфъ и несчастный Ротбекъ. Что теперь будетъ дѣлать бѣдная Нина Васильевна?!»

«Іисусъ Христосъ былъ первымъ соціалистомъ и евангеліе, по настоящему, запрещенная книга, а мы ее сами распространяемъ.»

«Все это чепуха. И какъ просто — когда нѣтъ Бога! И угрызеній совѣсти не нужно, и этой сердечной муки и томленій, и безсонныхъ ночей... Былъ бы исправный желудокъ, а остальное все приложится.»

Священникъ поднялъ голову отъ книги, посмотрѣлъ своими синеватыми глазами съ неизмѣримою кротостью на Саблина и сказалъ въ полголоса:

— Рече, безумецъ, въ сердцѣ своемъ: — нѣсть Богъ.

Саблинъ вскочилъ и сѣлъ на постели. Воспаленный блуждающій взглядъ его остановился на спокойномъ лицѣ священника.

— Вы это почему, батюшка? — хрипло спросилъ онъ въ тревогѣ.

— Это я здѣсь прочелъ, — сказалъ спокойно отецъ Василій.

— Но почему вы это вслухъ прочли? Почему вы знали, что я думаю о томъ, что Бога нѣтъ?

— Я этого не зналъ и думаю, что вы такъ не думаете.

— Почему?

— Вы образованный и повидимому вѣрующій человѣкъ. Ошибаться и заблуждаться всякій можетъ, но не вѣрить не можетъ никто.

— Я вѣрилъ, но я такъ много разъ убѣждался въ ошибочности своей вѣры, что пересталъ вѣрить. Я искалъ правды въ этой книгѣ — и не нашелъ.

— Что же — это такъ понятно. Вы не умѣли искать. Вонъ соціалисты полагаютъ, что евангеліе одного съ ними толка, а между тѣмъ ученіе Христа діаметрально противоположно ученію соціалистовъ. Христіанство и соціализмъ это два полюса. И то, что вы сейчасъ такъ легко отметнулись отъ Бога, тоже вполнѣ естественно. Вы Его не знаете.

Отецъ Василій помолчалъ немного и продолжалъ:

— Вы много пережили несчастій мірскихъ и искали у Бога мірской помощи и не нашли. Это такъ и должно было быть... Царство Божіе не отъ міра сего.

— О какомъ такомъ Царствіи Божіемъ говорите вы, — сказалъ Саблинъ.

— О томъ, о которомъ непрерывно и повсемѣстно молится весь родъ человѣческій: — «да пріидетъ Царствіе Твое!»

— Э, батюшка! Я, какъ себя помню, крестился на картинку, обложенную золотомъ и самоцвѣтными камнями и бормоталъ: «да пріидетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя... Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго». А вышло что? Вся жизнь, и лукавый и искушеніе и гдѣ же воля Божія? Да, извольте, я вамъ разскажу. Вы не спите все равно. Садитесь ко мнѣ и слушайте.

Саблинъ, приподнявшись на подушки, усѣлся на по-

стели и сталъ разсказывать свою жизнь. Выходило такъ, что главное въ его жизни сначала были женщины. Онъ разсказалъ какою страшною драмою оскорбленія, рожденія Виктора и смерти Маруси кончились его увлеченія женщинами. Онъ побѣдилъ бѣса похоти и сумѣлъ въ чистой любви къ Вѣрѣ Константиновнѣ и дѣтямъ найти удовлетвореніе. И что же Богъ далъ ему въ награду за эту побѣду надъ собою? Распутинъ, самоубійство Вѣры Константиновны, поруганной и опозоренной и трагическая, никому ненужная, безцѣльная смерть сына...

— Но это только часть! Только часть, батюшка, — это личное и этотъ крестъ я бы смогъ нести и справиться съ собою. Я любилъ духовною великою любовью Государя и Государыню, любилъ Русскій народъ и что же, что же вышло!?

Волнуясь и перебивая мысли и воспоминанія, громоздя одну картину надъ другою, Саблинъ разсказалъ всю гамму своихъ разочарованій въ Государѣ и въ Русскомъ народѣ, гдѣ не нашлось героевъ. Онъ говорилъ со слезами и горечью и какъ бы оправдывался въ томъ, что онъ дерзнулъ не вѣрить въ Бога.

— Да, да, все это такъ понятно, — сказалъ отецъ Василій. — Вы никогда не задумывались надъ евангеліемъ, вы никогда не думали надъ святыми словами Христа: «ищите-же прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ»,*) потому что вы никогда не хотѣли понять, что «Царствіе Божіе не отъ міра сего», но хотѣли великую проповѣдь Христа насильственно приклеить къ земной жизни, какъ это дѣлаютъ соціалисты. Христіанская религія есть религія внутреннихъ побужденій, въ этомъ вся ея страшная сила.

— Я васъ не понимаю, батюшка.

— Да и не вы одинъ, многіе этого не понимаютъ. Многіе думаютъ, что Христосъ пришелъ на землю, чтобы за-

*) Евангеліе отъ Матѳея. Глава 6, ст. 33.

конодательствовать и ищутъ въ евангеліи какого то устава жизни. Искалъ его и великій писатель нашъ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой, и всѣ они забыли, что сказалъ о себѣ Христосъ: — «Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить»... *)

Отецъ Василій примолкъ, опустивъ голову. Въ комнатѣ была тишина. За окномъ стояла глухая, осенняя ночь. Никакой шумъ извнѣ не доносился до нихъ. Саблинъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на отца Василія и ждалъ чего то. Странно билось его сердце и было хорошо отъ вдругъ охватившаго его съ непонятною силою волненія.

LI

Отецъ Василій вдругъ поднялъ голову и сталъ смотрѣть вдаль. Онъ точно видѣлъ какія то картины, доступныя ему одному, и говорилъ, рисуя ихъ передъ Саблинымъ:

— Пустыня... пески... — тихо произнесъ онъ. — Вдали маячатъ волнуемыя миражами прозрачныя горы. Нѣтъ воды, сухая растительность рѣдкими кустиками пробивается сквозь черные камни. Съ глухимъ ропотомъ бредетъ по этой пустынѣ громадная пестрая толпа людей. И богатые и бѣдные, и сильные и слабые, и здоровые и нездоровые, всѣ слились въ одномъ желаніи найти землю обѣтованную. Такъ живописуетъ намъ исходъ евреевъ изъ земли Египетской Библія. Сзади остался строгій египетскій законъ, бичи и скорпіоны, въ пустынѣ была свобода и закона не было. Разыгрались страсти человѣческія. Бѣдный потянулся къ имуществу богатаго и сказалъ: «мое!», голодный пошелъ тайно рѣзать чужой скотъ — случилось, то, что всегда было...

*) Евангеліе отъ Матѳея. Глава 5, ст. 17.

Отецъ Василій задумался и тихо съ глубокою скорбью сказалъ: — и будетъ! Ибо несовершенны люди. Мало знали они о Богѣ и забыли они Бога. Обидъ и горя было много, судья одинъ — Моисей. И потянулись съ утра и до вечера толпы обиженныхъ къ Моисею со своими жалобами, ища защиты. И не стало у него времени заниматься дѣлами. Въ ту пору навѣдалъ Моисея Іоѳоръ, священникъ Мадіамскій, на дочери котораго былъ женатъ Моисей. Онъ увидалъ работу и труды Моисея по разбору людскихъ тяжбъ и понялъ, что Моисею съ этимъ не управиться. Іоѳоръ, человѣкъ египетскаго образованія, далъ ему совѣтъ, назначить изъ лучшихъ людей себѣ помощниковъ. Такъ создалась нормальная власть — не выборная, случайная, но изъ «людей способныхъ, боящихся Бога, людей праведныхъ, ненавидящихъ корысть».*) Они были назначены тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками.

— Тамъ же въ Библіи опредѣлена и сущность власти. Власть названа б р е м е н е м ъ. «И облегчи себя и пусть они несутъ съ тобою б р е м я.»**) Бремя власти было роздано многимъ людямъ. Понадобились правила, какъ судить людей, понадобился, стало быть, законъ. Евреи были у подножія нынѣ потухшаго вулкана — Синайской горы. Возможно, что тогда еще клубился дымомъ ея кратеръ и гудѣла и потрясалась земля. Окруженный сѣрнымъ дымомъ изверженія, испуганный и самъ совершающимся кругомъ таинствомъ природы Моисей дошелъ до чрезвычайнаго напряженія творческихъ силъ и создалъ геніальный по краткости кодексъ законовъ... И писали потомъ во всѣ вѣка законы великіе государственные люди, но выше этихъ короткихъ правилъ: — не укради, не убей, не прелюбы сотвори, не послушествуй на друга своего свидѣтельства ложна, чти отца твоего и матерь твою, не пожелай жены ближняго твоего, ни раба его, ни вола его... выше, проще, короче этого никто не приду-

*) Исходъ Гл. 18, ст. 21.

**) Исходъ Гл. 18, ст. 22.

малъ и не написалъ. Это то, что вырвалось у человѣка въ моментъ дѣйствительнаго вдохновенія, то есть, тогда, когда устами человѣка говоритъ Господь Богъ.

— Гремѣли и рокотали силы подземнаго изверженія, вспыхивало и въ клубахъ тяжелаго удушливаго дыма металось пламя и голосъ Моисея, говорившаго короткими фразами, былъ голосомъ истиннаго Бога!

— Но... прошло обаяніе минуты, стихло изверженіе вулкана, люди отошли отъ страшной горы и снова стала соблазнять жена ближняго, и волъ его, и оселъ его и снова начались раздоры, ссоры и убійства. Люди не могли жить обществомъ въ мирѣ. Понадобился страхъ наказанія. Именемъ Господнимъ были произнесены страшныя слова: — «глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу»*) — создавалась въ бродячей толпѣ государственность и элементами ея явились судьи и палачи, потому что несовершенно человѣчество и грязны и гадки его помыслы. Но рядомъ съ этимъ суровымъ закономъ Моисей указалъ и другой законъ — законъ любви и прощенія. И напрасно думаютъ, что заповѣди любви къ ближнему даны Христомъ. Заповѣдь Христа гораздо выше этого.

... «Слушай Израиль!» — восклицаетъ Моисей, — «Господь Богъ нашъ, Господь единъ!»

«И люби Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею силою твоею.»

«И сказалъ Господь Моисею, говоря: .. «люби ближняго своего, какъ самого себя! Я Господь!»**)

Вотъ какіе законы засталъ Христосъ, когда пришелъ на землю. И десять заповѣдей, на скрижаляхъ каменныхъ начертанныхъ и «глазъ за глазъ, и руку за руку» и великія заповѣди любви къ Богу и ближнему.

Христосъ призналъ всѣ эти человѣческіе законы, какъ необходимые для того, чтобы сгладить неравенство

---

*) Исходъ Гл. 21, ст. 24.

**) Второзаконіе Гл. 6, ст. 4 и 5. Левитъ Гл. 19, ст. 18.

людей, сильнаго и завистливаго сдѣлать неопаснымъ для слабаго и имущаго.

Христосъ исполнялъ Іудейскіе и Римскіе законы и повиновался имъ. Напрасно стараются выставить Христа революціонеромъ. Онъ никогда имъ не былъ. Онъ признавалъ законъ со всѣми его несовершенствами, съ тюрьмою, ссылкою, съ самою смертною казнью, потому что люди были несовершенны. Онъ не ходилъ по тюрьмамъ и Онъ, исцѣлявшій больныхъ и воскрешавшій мертвыхъ, никогда не освобождалъ заточенныхъ. Онъ не шелъ противъ закона людского. Онъ, кроткій, простой, незлобивый, другъ нищихъ и убогихъ, учитель среди простыхъ рыбаковъ, не гнушался властями и не презиралъ ихъ. Онъ воскрешаетъ дочь Іаира, Онъ возлежитъ на свадебномъ пирѣ въ Канѣ Галилейской, Онъ сидитъ съ фарисеями и не оскорбляетъ мытарей. Тѣмъ, кто ожидаетъ отъ Него возмущенія противъ властей и противъ богатыхъ, Онъ говоритъ: — «пришелъ Сынъ человѣческій: ѣстъ и пьетъ и говорите: «вотъ человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ».*)

Іисусъ Христосъ нигдѣ не служилъ и ни отъ кого не зависѣлъ. У него не было никакихъ особыхъ служебныхъ обязанностей, кромѣ одной — слѣдить за храмомъ. Онъ былъ посвященъ храму, какъ членъ общины и на Его обязанности лежало слѣдить за порядкомъ въ храмѣ. Христосъ увидѣлъ зло, творящееся въ храмѣ, и Онъ воспротивился этому злу и употребилъ силу, чтобы искоренить это зло.

«...И нашелъ, что въ храмѣ продавали воловъ, овецъ, и голубей и сидѣли мѣновщики денегъ.

«И, сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, также и овецъ и воловъ; и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ, а столы ихъ опрокинулъ.

«И сказалъ продающимъ голубей: возьмите это отсюда и домъ Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли»...**)

---

*) Евангеліе отъ Луки 7, ст. 34.

**) Евангеліе отъ Іоанна 2, ст. 14—16.

— Какъ возмутился бы Христосъ, — сказалъ Саблинъ, — если бы увидѣлъ, какъ въ минуту высочайшаго напряженія молитвы, когда священникъ простирается у престола и шепчетъ: «се жертва тайная совершена! Дориносится», изъ алтаря выходитъ староста съ блюдцемъ и за нимъ длинная вереница сборщиковъ съ кружками. Звякаютъ мѣдные пятаки и шелестятъ бумажки... А эта стойка-прилавокъ въ храмѣ со свѣчами, просфорами, иконами и правомъ купить особую молитву за живого, или умершаго.

— Да, — сказалъ отецъ Василій, — несовершенствъ много у насъ и намъ нужна плетка... Но не о томъ моя рѣчь. Я хочу вамъ, Александръ Николаевичъ, сказать одно, что Христосъ земного не касался и земнымъ законамъ покорялся и ученіе Его глубже, чѣмъ то думаютъ многіе, мнящіе себя знатоками Евангелія...

LII

— Христосъ намъ далъ только одну новую заповѣдь. Эта заповѣдь покрываетъ собою всѣ законы людскіе и тотъ, кто исполнитъ въ полной мѣрѣ эту заповѣдь — тотъ становится выше закона, потому что законъ для него ничто, выше власти, потому что власть безсильна противъ него, выше государства, потому что всѣ законы государственные бьются объ эту заповѣдь Христову, какъ разбивается морской прибой о неприступную скалу.

Сказавъ это, отецъ Василій примолкъ. Онъ ожидалъ вопроса Саблина, но Саблинъ, оперишсь локтемъ на подушку, молча, смотрѣлъ глубокимъ взоромъ на священника и слушалъ.

— Христосъ зналъ, что въ этой заповѣди весь смыслъ жизни людей и тотъ, кто сумѣетъ исполнить ее, тотъ сможетъ стать счастливымъ на землѣ и пройти жизненный путь внѣ тѣхъ тяжелыхъ огорченій, которыя являются спутниками жизни всякаго не христіанина. Христосъ хотѣлъ, чтобы ученики Его поняли это и глубоко усвоили

Его заповѣдь. Приближались послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа. Онъ зналъ, какъ Богъ, что Ему предстоитъ перенести муки крестной казни и, какъ человѣкъ, въ предвидѣніи смерти страдалъ. Его душа парила надъ землею, общаясь съ Богомъ и состояніе Его передавалось и Его ученикамъ, видѣвшимъ, что съ учителемъ ихъ происходитъ что то особенное. Христосъ собралъ учениковъ на послѣднюю общую трапезу. Онъ призвалъ ихъ однихъ. Никого постороннихъ не было. Тихо мигали свѣтильники. Приближался праздникъ Пасхи и чувствовалось его дыханіе. Такъ недавно еще Христосъ въѣзжалъ въ Іерусалимъ, окруженный толпою народа и крики «Осанна!» раздавались кругомъ. Было ликованіе, бѣлыя одежды, взмахи пальмовыхъ вѣтвей, синее небо, весеннее солнце — и вотъ уже ищутъ убить Христа и одинъ изъ учениковъ предастъ Его. Бесѣда прерывается частыми промежутками молчанія. Ученики смотрятъ на Христа и ждутъ чего-то особеннаго.

Только что вышелъ Іуда, и Симонъ Петръ уже зналъ, что онъ пошелъ предать Христа.

За дверьми стояла темная ночь.

— «Нынѣ прославился Сынъ человѣческій и Богъ прославился въ Немъ», — проникновенно сказалъ Христосъ.

«Если Богъ прославился въ Немъ, то и Богъ прославитъ Его въ Себѣ и вскорѣ прославитъ Его.»

«Дѣти! Не долго уже Мнѣ быть съ вами. Будете искать Меня, и, какъ сказалъ Я Іудеямъ, что, куда Я иду, вы не можете придти, такъ и вамъ говорю теперь»... *) Ученики не поняли Его словъ, но насторожились.

И тутъ Христосъ первый разъ сказалъ, что Онъ даетъ заповѣдь, законъ, правило для людей.

— «Заповѣдь *новую* даю вамъ: да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга.»

---

*) Евангеліе отъ Іоанна, 13 ст. 31, 33.

«По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою»*).

Вотъ то новое, что принесъ съ собою въ міръ Христосъ. Вотъ единственная заповѣдь Христа — любити другъ друга такъ, какъ Христосъ любилъ людей, то-есть, чтобы и оплеваніе, и заушеніе, и самую смерть принять за нихъ.

Сказавъ такъ, Христосъ не удовлетворился, Ему нужно было, чтобы глубоко въ сердца Его учениковъ розлю это высокое понятіе не простой любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, какъ того требовалъ Моисей, но любви особенной. Христосъ повторяетъ: «если любите Меня, соблюдите Мои заповѣди».**) И, какъ будто опасаясь, что ученики Его все еще не поняли, Онъ усиливаетъ требованіе свое, соблюсти то, что Онъ скажетъ.

— «Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня, а кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцомъ Моимъ; и Я возлюблю его и явлюсь ему Самъ.***)

Ученики Его горѣли любовью къ Нему и Христосъ испытывалъ ихъ, подготовляя ихъ духъ къ воспріятію вѣчной истины. Все больше наростало горѣніе сердецъ и настала, наконецъ, минута полнаго духовнаго общенія, когда сердца учениковъ раскрылись. И Христосъ повторилъ имъ:

— «Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ.

«Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ.

«Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповѣдую вамъ.

---

*) Тамъ же, 34, 35.

**) Евангеліе отъ Іоанна, Гл. 13, ст. 14, 15.

***) Тамъ же, ст. 21.

«Я уже не называю васъ рабами; ибо рабъ не знаетъ, что дѣлаетъ господинъ его; но Я назвалъ васъ друзьями, потому что сказалъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего...»*)

Христосъ освободилъ людей отъ рабства внѣшней жизни, пояснивъ имъ, что любовь несетъ свободу.

И третій разъ повторилъ Онъ ученикамъ своимъ:

— «Сіе заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга.»**)

Заповѣдь Христа одна: любовь къ людямъ въ той же сильной степени, доведенной до самоотреченія, какою любилъ Христосъ и самъ людей.

Сердце чисто созижди во мнѣ, Господи!

Христіанская религія состоитъ изъ внутреннихъ благихъ побужденій — и отъ этихъ благихъ побужденій вытекаютъ и соотвѣтствующіе поступки. Христосъ указалъ людямъ въ любви къ ближнему уподобиться Ему. Стать такими, какъ Онъ говорилъ о Себѣ:

— «Пріидите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ.»

«Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ.»

«Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко.»***)

Христіанская религія есть религія внутреннихъ побужденій. Тотъ достигнетъ Царствія Божія, свободы и величайшаго счастья, кто сможетъ такъ очистить сердце свое, чтобы всѣ мысли его были чистыми.

— «Вы слышали, что сказано древнимъ: «не убивай, кто же убьетъ, подлежитъ суду.»

---

*) Отъ Іоанна, 15 ст. 12—15.

**) Тамъ же, ст. 17.

***) Евангеліе отъ Матѳея 11 ст. 28—30.

«А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему: «рака», подлежитъ синедріону; а кто скажетъ: «безумный», подлежитъ гееннѣ огненной.»

«Вы слышали, что сказано древнимъ: «не прелюбодѣйствуй.»

«А Я говорю вамъ, что, всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ...» *)

Вотъ чего требуетъ Христосъ: чистыхъ помысловъ.

— «И кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.»

«И кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два.»

«Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся.»

«...любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ»... **)

— Понимаете ли вы, что Богъ есть любовь! — воскликнулъ отецъ Василій и его голосъ зазвенѣлъ новыми нотами, какихъ не слыхалъ Саблинъ. Отецъ Василій всталъ и то ходилъ, то останавливался въ глубинѣ комнаты у окна, то подходилъ къ постели Саблина и говорилъ сильно и одушевленно.

— Вы ищете Христа, вы ищете правды Божіей, Царствія Его святого, вы создаете для этого законы, устраиваете политическія партіи, а между тѣмъ правда Христова, счастіе и рай земной въ васъ самихъ. Только восприміте заповѣдь Христову о любви, только бросьте сѣмя любви въ сердце свое, научитесь любить и оно выраститъ и все объемлетъ. Христосъ уподобилъ царство небесное зерну евкалипта. Видали вы его когда-либо? Маленькое оно, какъ пылинка, а выростаетъ изъ него дерево

*) Евангеліе отъ Матѳея 5 ст. 21—22, 27—28.

**) Евангеліе отъ Матѳея 5 ст. 40—42 и 44.

огромадное, прилетають на него птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его. *) Зародите внутри себя это чувство любви и вы построите Царство Небесное, и вы будете счастливыми и свободными, и ни Царь, ни законъ, ни власть вамъ ничто. Все земное отпадетъ отъ васъ, и люди станутъ братьями и нѣтъ господина надъ вами — всѣ равны... и свобода... свобода!

«... вы знаете, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими», — говоритъ Христосъ.

«Но между вами да не будетъ такъ; а кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою.»

«И кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ.»

«Ибо и Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ». **)

«И познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными»... «всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха»... ***)

Ученый губернаторъ и правитель Римскій Іудеи говоритъ Христу: «Итакъ, ты Царь? — Іисусъ отвѣчалъ: Ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ; всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа Моего.»

Пилатъ сказалъ Ему: «что есть истина?»†)

Вѣдь тутъ, подумайте, уже и отъ анархіи кое что есть, Христосъ анархистъ! Христіанство сродни анархизму, оно не признаетъ властей!! Вѣдь вотъ до чего можно договориться!! Какъ же это совмѣстить: «воздадите Кесарево Кесареви» и покорность передъ арестомъ и судомъ и слова Христа Пилату: «Ты не имѣлъ бы

*) Евангеліе отъ Матѳея Гл. 13 ст. 31 и 32.

**) Евангеліе отъ Марка Гл. 10 ст. 42—45.

***) Евангеліе отъ Іоанна Гл. 8 ст. 32 и 34.

†) Евангеліе отъ Іоанна Гл. 18 ст. 37 и 38.

надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше,*) то-есть обожествленіе власти, признаніе того, что Богъ благословляетъ властителей на ихъ трудъ — съ этими словами о свободѣ и объ этой таинственной истинѣ, отъ которой несетъ анархіей.

Да, если любовь во мнѣ, что мнѣ царь и начальство? Они хотятъ, чтобы я исполнялъ ихъ законы, а я такъ люблю каждаго изъ нихъ — не потому, что онъ царь, или начальникъ, а потому, что онъ мой ближній, что готовъ душу свою отдать за нихъ и отдаю ее чисто, по влеченію сердца! А если и царь христіанинъ, и начальникъ христіанинъ — да вѣдь тогда, подумайте, и они готовы отдать душу свою за подданныхъ и за подчиненныхъ. Вотъ вамъ и анархія! Одинъ служитъ, разрываясь на части, а другой рвется передъ служащимъ, чтобы угодить ему... Вы солдатъ и христіанинъ — вы стремитесь такъ служить, что начальникъ не нахвалится вами, но и начальникъ христіанинъ и онъ старается сдѣлать службу вашу такою, чтобы вамъ легко было. Вы горите другъ къ другу любовью и подлинно — иго мое благо и бремя мое легко. Когда вы любите, то все, что вамъ указываютъ, легко, когда вы, любя, указываете — какой же это трудъ? Это счастье, а не трудъ...

Война!... Да если всѣ христіане не по имени, а по духу! Возможна ли война?... Да нѣтъ же!... Врагъ васъ такъ любитъ, что готовъ самъ за васъ отдать душу свою, а вы его такъ же любите. Чепуха, а не война! Понимаете, ерунда, нелѣпость, вздоръ! Торжество антимилитаристовъ! Долой оружіе! Пришла пора разоружаться. Аминь...

Восьмичасовой рабочій день... Какая чушь! Да христіанинъ-рабочій готовъ душу свою отдать за ближняго, за фабриканта, за капиталиста, онъ не то что восемь, десять, двадцать часовъ готовъ работать. Но и фабрикантъ христіанинъ — онъ тоже видитъ въ рабочемъ ближняго. Не нужно восьми часовъ, пусть работаютъ

*) Евангеліе отъ Іоанна Гл. 18 ст. 11.

семь, шесть часовъ, пусть предпріятіе дастъ полпроцента, никакого процента, идетъ въ убытокъ... Понимаете, какое разрѣшеніе вопроса! Столкуются, вѣдь столкуются при любви-то? Христіанской любви?

Аграрный вопросъ... Да гдѣ же онъ? Его нѣтъ. Помѣщикъ такъ любитъ крестьянина, что отдастъ ему землю по любви. А крестьянинъ, можетъ, и не возьметъ этой земли. А помните, у гр. Толстого въ «Аннѣ Карениной» Левинъ отдаетъ землю крестьянамъ, а самъ въ сердцѣ то ненавидитъ, презираетъ. Или этотъ Нехлюдовъ въ «Воскресеніи», который не любитъ Катюшу Маслову, а хочетъ жениться на ней насильно, преслѣдуетъ ее и мучитъ себя и ее. Не любя, отдаетъ землю крестьянамъ. Фарисей... «уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты.»

«Такъ и вы по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри исполнены лицемѣрія и беззаконія»... *)

Праведники ли Левинъ и Нехлюдовъ? — нѣтъ, они обманщики, потому что не по любви дѣлали поступки свои, а лишь по желанію исполнить евангеліе, не понимая его, какъ не понималъ его самъ Толстой, какъ не понимаютъ его соціалисты. Они хотятъ навязать его жизни, а Христосъ призналъ, что къ жизни ученіе Его непримѣнимо. Жизнь сама по себѣ, а Царство Христово само по себѣ. Христіанская вѣра можетъ только смягчить, скрасить жизнь, но сдѣлать ее такою, какъ надо, не можетъ, потому что для этого надо, чтобы всѣ стали христіанами.

Ну возможно ли это?

«Когда выходилъ Христосъ въ путь, подбѣжалъ нѣкто, палъ предъ нимъ на колѣна, и спросилъ Его: учитель благій! что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную?»

---

*) Евангеліе отъ Матѳея Гл. 23 ст. 27 и 28.

«Знаешь заповѣди: не прелюбодѣйствуй; не обижай; почитай отца твоего и мать»... *)

Вотъ чего потребовалъ Христосъ отъ человѣка. Только соблюденія земныхъ, писаныхъ Моисеевыхъ законовъ. По нынѣшнему только выполненія современныхъ законовъ до мелочей — законовъ гражданскихъ и военныхъ и довольно! Христосъ знаетъ, насколько несовершенны люди, и не требуетъ отъ нихъ подвига. Но тотъ человѣкъ хотѣлъ большаго.

— «Учитель!» — говоритъ онъ, — «все это сохранилъ я отъ юности моей.»

«Іисусъ, взглянувъ на него, полюбилъ его и сказалъ ему: одного тебѣ недостаетъ: пойди, все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, послѣдуй за Мною, взявъ крестъ.»

«Онъ же, смутившись отъ сего слова, отошелъ съ печалью; потому что у него было большое имѣніе.»

«И, посмотрѣвъ вокругъ, Іисусъ говоритъ ученикамъ своимъ: какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе!»

«Ученики ужаснулись отъ словъ Его. Но Іисусъ опять говоритъ имъ въ отвѣтъ: дѣти! какъ трудно надѣющимся на богатство войти въ царство Божіе.»

«Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе...» «Истинно говорю вамъ: нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради Меня и Евангелія.»

«И не получилъ бы нынѣ, во время сіе, среди гоненій, во сто кратъ болѣе домовъ, и братьевъ, и сестеръ, и отцовъ, и матерей, и дѣтей, и земель, а въ вѣкѣ грядущемъ жизни вѣчной.»

«Многіе же будутъ первые послѣдними, и послѣдніе первыми.»**)

---

*) Евангеліе отъ Марка Гл. 10 ст. 17 и 19.

**) Евангеліе отъ Марка. Гл. 10 ст. 20—25 и 29—31.

Анархія, Александръ Николаевичъ! Анархія и коммуна! И многіе соблазнялись на этомъ. Ахъ, если бы поняли люди, что есть истина? Если бы отыскали они отвѣтъ на недоумѣнный вопросъ Пилата, оставленный Христомъ безъ отвѣта — тогда спала бы пелена съ ихъ глазъ и стало бы ясно все. И христіанство, и соціализмъ, и Царство Божіе — и анархія, и коммуна, и царство тьмы — діавола.

LIII

Христосъ во всей своей земной жизни, во всей своей проповѣди строго раздѣлялъ земное отъ небеснаго, наружное отъ внутренняго, людское отъ Божескаго, здѣшній, не совершенный міръ, отъ міра нездѣшняго.

...«Вы отъ нижнихъ, Я отъ вышнихъ; вы отъ міра сего, Я не отъ міра сего.»*)

Внизу — борьба за существованіе, за пищу, одежду и кровъ, внизу браки и брачные пиры, похороны и скорбь, болѣзни, зависть, ненависть, преступленія, кровь, — все это чуждо Христу.

Это царство земное съ его царями и начальниками, офицерами и солдатами, кровопролитными войнами, преступленіями и казнями. Земное царство грѣховныхъ людей.

«Ищите же прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ.»**)

Отецъ Василій остановился и перевелъ духъ. Онъ преобразился. Глаза его блистали. Онъ самъ спрашивалъ и отвѣчалъ, тексты изъ Евангелія смѣшивались съ его рѣчами. Рѣчь его оживилась, онъ захватилъ Саблина своими словами и Саблинъ чувствовалъ, какъ трепетъ пробѣгалъ по его жиламъ.

*) Евангеліе отъ Іоанна Гл. 8 ст. 23.

**) Евангеліе отъ Матѳея Гл. 6 ст. 33.

— А гдѣ же оно? Гдѣ это царство Божіе, гдѣ искать то его?

«Не придетъ царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ.»

«И не скажутъ: «вотъ, оно здѣсь», или: «вотъ, тамъ». Ибо вотъ, царствіе Божіе внутрь васъ есть». *)

Это желанія ваши, это помыслы ваши, это побужденія ваши.

...«Изъ сердца исходятъ злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія»...**)

Устройте въ сердцѣ вашемъ храмъ Божій, изгоните изъ него всѣ помышленія злыя и вы достигнете въ этомъ мірѣ полнаго блаженства. Пусть сердце станетъ полно благихъ помысловъ и все станетъ ясно.

«Духъ животворитъ; плоть не пользуетъ ни мало».***)

Вотъ, гдѣ истина. Смѣшно и странно искать её въ мірѣ съ его грѣхами. Какъ отчетливо говоритъ Христосъ: — «царство Мое не отъ міра сего; если бы отъ міра сего было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ Іудеямъ; но нынѣ царство Мое не отсюда»...****)

На землѣ не можетъ быть Царствія Божія. Самое большее, что можно достигнуть на землѣ, это самому жить по-христіански, такъ направить помыслы свои, чтобы любовь руководила всѣми помыслами нашими. Стать христіаниномъ.

«А теперь», — пишетъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ св. апостолъ Павелъ, — «пребываютъ сіи три:

---

*) Евангеліе отъ Луки Гл. 17 ст. 21.

**) Евангеліе отъ Матѳея Гл. 15 ст. 19.

***) Евангеліе отъ Іоанна Гл. 6 ст. 63.

****) Евангеліе отъ Іоанна Гл. 18 ст. 36.

вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше».*)

Въ чемъ же заблужденіе соціалистовъ и почему я такъ смѣло противопоставилъ ихъ Христу и сказалъ, что они не за Христа, а противъ Христа? Вѣдь они тоже провозглашаютъ любовь — они говорятъ о братствѣ, о равенствѣ, о свободѣ!

Они хотятъ Царствіе Божіе, которое не отъ міра сего, поставить въ міръ сей. Они хотятъ то, что должно появиться, какъ результатъ внутренней работы надъ собою, какъ результатъ христіанской любви, поставить въ законъ. Братство и равенство — когда сердце ненавидитъ и ропщетъ! Богъ не создалъ людей равными.

«Большій будетъ въ порабощеніи у меньшаго.»

«Іакова Я возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ.»

«Что же скажемъ? Неужели неправда у Бога? никакъ.»

«Ибо онъ говорилъ Моисею: «кого миловать, помилую; кого пожалѣть, пожалѣю.»

«А ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ?»

«Издѣліе скажетъ ли сдѣлавшему его: «зачѣмъ ты меня такъ сдѣлалъ?»

«Не властенъ ли горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ той же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для почетнаго употребленія, а другой для низкаго?...»**)

Какъ же мы можемъ навязать равенство насильно людямъ? Какъ же можемъ братство сдѣлать закономъ и освободить людей, иначе, какъ черезъ Христа? Какая ерунда получается изъ этого стремленія Царство Божіе извлечь изнутри, взять сверху и спустить внизъ, сдѣлать земнымъ Царствомъ.

Чтобы сдѣлать это, пришлось бы собрать воедино всѣхъ бѣдняковъ и ополчить ихъ на богатыхъ. Соціали-

---

*) Первое посланіе къ Коринѳянамъ св. ап. Павла Гл. 13 ст. 13.

**) Посланіе къ Римлянамъ св. ап. Павла Гл. 9 ст. 12 — 15 и 20 и 21.

сты кликнули кличъ по всему міру: пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Для чего? Для борьбы, ибо соціалисты говорятъ: — въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Аминь! Подлинно хорошее дѣло затѣяли!

Гдѣ же сіи три? Вѣра, надежда, любовь? Вѣра отринута. Люди разочаровались достигнуть внутренняго Царствія Божія, единственнаго дарующаго свободу, они отказались искать истину по пути, торжественно заповѣданному Христомъ, пути любви, все двигающей и пошли по пути лжи. На что же надѣяться? На побѣду въ классовой борьбѣ! Кровь и ненависть внесли соціалисты въ міръ взамѣнъ любви.

Ихъ ученіе отъ міра сего. Изъ низинъ человѣческой души, изъ злобы и ненависти поднялось оно и нѣтъ въ немъ ничего христіанскаго. Ихъ ученіе зло и ненависть всѣхъ ко всѣмъ. Ихъ ученіе темная сила, сила діавола.

Никогда! Никогда ничего не было и нѣтъ въ ученіи христіанскомъ соціалистическаго и ничего нѣтъ схожаго въ Христѣ съ соціалистами. Христосъ — и Петръ Верховенскій, Христосъ — и Шатовъ, Христосъ — и Ставрогинъ! Жуткія сопоставленія! Христосъ и Ропшинъ, авторъ «Коня блѣднаго» съ его сложными переживаніями во время обдумыванія политическаго преступленія, изготовленія бомбы, подкарауливанія и убійства. Любовь и ненависть.

Да можно ли, скажутъ мнѣ, быть христіаниномъ въ этомъ мірѣ? Можно ли найти истину и утвердить Царство Божіе внутри себя?

Христіанство, или соціализмъ? Любовь, полагающая душу свою за други своя и дарующая истинную свободу или свобода насилія, равенство и братство ненависти, борьба за неправое право?

— Что же такое христіанство въ мірѣ семъ?

LIV

Апостолъ Павелъ говоритъ:

«Если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю: нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы»... *)

Слышите, Левъ Николаевичъ? Слышите, Левинъ и Нехлюдовъ? Каково было ваше сердце, когда отдавали вы имѣніе свое крестьянамъ и отдавали тѣло свое на сожженіе Катюшѣ Масловой? Была въ васъ любовь?... Нѣтъ! И потому не было вамъ отъ того никакой пользы.

«Любовь», — говоритъ дальше апостолъ Павелъ, — «долго терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится.»

«Не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла.»

«Не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ.»

«Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ.» **)

Какая яркая, какая точная программа всей жизни христіанина. Все съ любовью и все черезъ любовь и любовь прежде всего.

Христіанинъ не отказывается отъ земного благополучія, — потому что богатство и дары земли даютъ ему возможность расширить дѣйствующую любовь и больше помогать ближнимъ.

Богъ создалъ землю людямъ, чтобы они питались отъ земли. Онъ сотворилъ животныхъ, чтобы они служили человѣку, онъ создалъ рыбъ, чтобы онѣ кормили его. Земля, дающая хлѣбъ и плоды, питающая скотъ, одѣвающая насъ, производящая тепло и свѣтъ, дающая металлы, дана для того, чтобы на ней трудился человѣкъ. Трудъ надъ землею, обработка земли, сборъ урожая по-

---

*) Первое посланіе св. ап. Павла къ Коринѳянамъ Гл. 13, ст. 3.

**) Тамъ же, ст. 4—7.

дей и садовъ, уходъ за стадомъ, ловля рыбы — вотъ о чемъ говоритъ Христосъ въ притчахъ и уподобленіяхъ своихъ. Земное землѣ. Земной человѣкъ да трудится надъ землею, бережетъ стада свои, но еще больше бережетъ сердце свое. Трудъ и работа во всѣхъ видахъ благословлены Христомъ и чѣмъ больше труда, тѣмъ больше работы — тѣмъ лучше, тѣмъ больше благословенія Господа, если не забыто главное — чистое побужденіе сердца.

Христіанинъ не аскетъ, не изувѣръ, но чистый сердцемъ благожелательный человѣкъ, подходящій любовно и безъ осужденія ко всякому земному человѣку.

Если судьба поставила христіанина начальникомъ, солдатомъ, — судьею — онъ стремится къ точному исполненію законовъ, потому что только тогда возможно совмѣстное сожительство людей порочныхъ съ людьми чистыми сердцемъ. Христіанинъ начальникъ борется со зломъ, какъ Христосъ боролся съ тѣми, кто осквернялъ храмъ. Но христіанинъ начальникъ борется, не ненавидя сердцемъ совершившаго зло. Простой народъ, Александръ Николаевичъ, солдаты, очень чутко понимаютъ, какъ вы наказали провинившагося за поступокъ — со злобою въ сердцѣ, или любя и прощая его сердцемъ, наказали по обязанности. У христіанина вражды нѣтъ ни къ кому — «если врагъ твой голоденъ, накорми его, если жаждетъ — напой его; ибо дѣлая сіе, ты соберешь ему на голову горячіе уголья»...*)

...«Начальствующіе» — пишетъ Римлянамъ апостолъ Павелъ, «страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея.

«Ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло — бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое.

«И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти.

---

*) Посланіе къ Римлянамъ св. ап. Павла. гл. 12. ст. 20.

«Для сего и подати платите: ибо они Божіи служители, симъ самымъ постоянно занятые.

«Итакъ, отдавайте всякому должное: кому подать — подать; кому оброкъ — оброкъ: кому страхъ — страхъ; кому честь — честь.

«Не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви: ибо любящій другого исполнилъ законъ»... *)

Христіанинъ никогда самъ не ищетъ власти, онъ не честолюбивъ, но если на него — путемъ ли выборовъ, или назначенія будетъ возложено бремя власти, онъ не потворствуетъ злу, не непротивленствуетъ, но борется со зломъ всѣми законными средствами и если нѣтъ другого пути побѣдить зло, какъ смерть, христіанинъ не остановится и передъ смертною казнью. Христіанское ученіе исключаетъ возможность смертной казни, потому что среди христіанскаго общества царитъ любовь, а гдѣ любовь, тамъ не могутъ быть такіе проступки, которые заставили бы казнить смертью... Но тамъ, гдѣ нѣтъ христіанскихъ понятій, гдѣ люди живутъ не во Христѣ, тамъ приходится спасать малыхъ сихъ отъ соблазна и тамъ начальникъ «не напрасно носитъ мечъ — онъ Божій слуга».

Христіанинъ всегда въ хорошемъ радостномъ настроеніи духа, — его глаза не туманятся злобою, завистью и ненавистью, его помыслы чисты. Больше становится въ государствѣ христіанъ — свѣтлѣе жизнь, отмираютъ суровые законы. Смертная казнь остается лишь на бумагѣ, ее отмѣняютъ, тюрьмы пусты, не слышно про кражи, грабежи и убійства — наступаетъ золотой, счастливый вѣкъ — это счастье дало человѣчеству соблюденіе великой религіи Христа.

Христіанство исключаетъ политическія партіи, политическую и классовую борьбу. Побужденіемъ христіанина должна быть любовь. — Политическая партія, напротивъ, въ основу своего существованія ставитъ ненависть. Кто не съ нами, тотъ противъ насъ,

*) Посланіе къ Римлянамъ св. апостола Павла, гл. 13, ст. 3—8.

говоритъ всякая партія и жизнь людей строится на началахъ, противоположныхъ христіанству. Политическая партія говоритъ: свобода, равенство и братство — а уже заранѣе стремится къ тому, чтобы уничтожить и подавить свободу противоположной партіи, чтобы стать выше ея и всюду провести своихъ и, говоря о борьбѣ, ненавидитъ брата своего. Гдѣ появляются политическія партіи, тамъ уходитъ Христосъ съ Его ученіемъ любви. Тамъ становится діаволъ. Зависть, злоба, кража, убійство съ одной стороны, заставляютъ другую принимать чрезвычайныя мѣры охраны, усиливать полицію, строить тюрьмы, на убійства отвѣчать казнями. Чѣмъ дальше люди уходятъ отъ Христа, тѣмъ невозможнѣе становится жизнь и никакое людское ученіе не замѣнитъ того, что далъ людямъ Христосъ: стремленія къ чистымъ помысламъ.

Ищите прежде всего Царствія Божія и прочее все приложится.

Царствіе же Божіе не отъ міра сего.

Царствіе Божіе внутри васъ.

Земельный, рабочій, половой, военный — всѣ такъ называемые проклятые вопросы, всѣ рѣшаются просто: живите во Христѣ. Трудясь надъ землею создайте внутри себя Царство Божіе, постройте въ сердцѣ своемъ храмъ любви къ ближнему — больше нежели къ себѣ и не станетъ проклятыхъ вопросовъ, но все станетъ ясно. Вотъ что есть — истина.

LV

— Ученіе Христа и христіанская церковь, какъ общество вѣрующихъ — это вещи разныя, — тихо и задумчиво проговорилъ отецъ Василій. На этомъ многіе, даже и сильные духомъ люди, каковымъ несомнѣнно былъ гр. Левъ Николаевичъ Толстой, не разъ спотыкались. Церковь — отъ міра сего, церковь отъ ниж-

ниxъ, ученіе же Христово отъ высшихъ, не отъ міра сего.

Отецъ Василій задумался и, наконецъ, проговорилъ: когда всѣ люди станутъ христіанами, тогда и церкви съ ся князьями — епископами и со всѣмъ синклитомъ не станетъ. Но тогда и власти не будетъ... Тогда наступитъ истинное Царствіе Божіе...

Онъ опять помолчалъ.

— Нѣтъ... — сказалъ онъ... — невозможно... не отъ міра сего... А пока міръ во грѣхѣ стоитъ, пока сердце распалено злобою и ненависть къ брату кипитъ въ сердцѣ.. нужна она... Сердце Богу сокрушенное и смиренное... И алтарь всесожженій... и золотая мечта — сказка... и шестикрылые серафимы, и таинство, и шопотъ у престола, и воздѣяніе рукъ и одежды, отъ покроя которыхъ пахнетъ вѣками древности и дымъ кадильный... все нужно... Грубо сердце, ожесточили его заботы злыя, колючія, сокрушила его зависть житейская и надо, чтобы ликъ небесный возпѣлъ и возглаголилъ: «благослови душе моя, Господи, благословенъ еси Господи! Благослови душе моя Господи! И вся внутренняя моя ... Изъ тьмы вѣковъ нисходитъ на васъ со старыхъ иконъ, съ золота иконостаса, съ жеста благословенія, изъ напѣва хора церковнаго великое прошлое. Отецъ, мать, дѣдъ, прадѣдъ, пращуръ, — такъ молились и кланялись такъ, и свѣчи возжигали и простирались, касаясь лбомъ холоднаго пола, когда въ сумракѣ алтаря появлялась въ дымѣ кадильномъ чаша и дрожащій голосъ іерея несся, какъ бы изъ глубины тысячелѣтій: «всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!..»

Отъ низкихъ церковь зоветъ ваше сердце къ высшимъ и настраиваетъ васъ къ дѣламъ любви.

Церковь не только національна, она всемірна. Отъ Іоанна Златоуста и Василія Великаго, творцовъ литургій, и до нашихъ дней, она неизмѣнна. Отъ нихъ къ апостоламъ, отъ апостоловъ къ Христу. И когда въ замершей тишинѣ мягко говоритъ вамъ хоръ: да пріидетъ

Царствіе Твое — вы знаете, что такъ молиться училъ васъ Христосъ.

Уважающее себя государство, любящее гражданъ, стремящееся къ уничтоженію смертной казни, къ христіанской любви и богатой, хорошей жизни своихъ гражданъ никогда не отдѣлится отъ церкви Церковь есть лучшая часть государства.

Государству, разъѣдаемому политическими партіями, — церковь опасна. Церковь настраиваетъ на любовь. А можетъ ли монархистъ любить соціалиста и соціалистъ понять монархиста?

Но государство, отдѣлившееся отъ церкви, обрекаетъ подданныхъ своихъ на вѣчную борьбу, на ненависть и взамѣнъ церкви устраиваетъ — митинги, партійную дисциплину, демонстраціи, смертныя казни и избіенія однихъ гражданъ другими.

Но церковь съ ея обрядами, молитвы, постановка свѣчей, крестное знаменіе и вздохи, самое таинство — исповѣдь и причащеніе — только богохульство, если нѣтъ великой христіанской любви къ ближнему.

«Ибо», пишетъ Галатамъ апостолъ Павелъ, «весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего, какъ самого себя».*)

«Кто говоритъ: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ?»**)

Отецъ Василій замолчалъ. Саблинъ лежалъ на койкѣ, ничего не возражая. Въ комнатѣ было тихо.

— Если бы не было церкви, — сказалъ отецъ Василій, — какъ и откуда люди научились бы кроткому ученію Христа? Религію нельзя преподавать въ гимназіи, или школѣ, какъ философію, или математику. Ее нужно повторять непрерывно, повторять въ обстановкѣ необычной, такой, чтобы била по воображенію и захватывала

---

*) Посланіе къ Галатамъ св. ап. Павла, гл. 5, ст. 14.

**) Первое посланіе отъ Іоанна, гл. 4, ст. 20.

сердце. Вѣдь и тѣ, кто несетъ намъ ученіе діавольское, проповѣдники ненависти — соціалисты — они ищутъ митинговъ, шумныхъ процессій, пѣнія гимновъ, зовущихъ къ мятежу и убійству. И у нихъ есть гражданскія панихиды и демонстраціи, чтобы распалить злобою сердце человѣка, еще кроткое отъ съ дѣтства воспринятаго ученія Христа. И какъ спасетесь вы безъ церкви, откуда узнаете вы истину и откроете внутри себя Царство Божіе, если не возьмете иго Его на себя и не научитесь отъ Него: ибо Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Его благо и бремя Его легко!.. *)

LVI

Когда на другой день Саблинъ проснулся, онъ увидалъ, что отца Василія не было; его койка была тщательно прибрана и служитель снималъ съ прута у изголовья написанный мѣломъ скорбный листъ.

— Гдѣ батюшка? Онъ уѣхалъ? — спросилъ Саблинъ.

— Такъ точно, — отвѣчалъ служитель. — Сегодня

---

*) Толкованіе Евангелія, которое дѣлаетъ Саблину отецъ Василій, взято изъ «Основъ христіанской морали», не напечатанной рукописи Р. І. Термена. Р. І. Терменъ по роду службы артиллерійскій офицеръ, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ работалъ надъ этимъ вопросомъ. Его «Основы христіанской морали» вылились въ слѣдующихъ догматахъ: — христіанская религія есть религія внутреннихъ побужденій. Христосъ призналъ и подчинился всѣмъ законамъ человѣческимъ. Насильственно нельзя достигнуть Царства Божія, потому что оно не отъ міра сего и находится внутри насъ, въ нашихъ внутреннихъ побужденіяхъ. Ученіе соціализма, какъ стремящееся насильственно внести въ жизнь христіанскіе догматы, разрушаетъ любовь, а потому несовмѣстимо и даже противоположно христіанству.

рано утромъ. Встали, собрались и уѣхали. Прямо на фронтъ.

— Какъ же это такъ? А разрѣшеніе?

— Разрѣшеніе они еще вчера исхлопотали у врача, да сказывали, дѣло у нихъ тутъ какое то незакончено, вотъ до разсвѣта и остались. Очень жалѣли, что вы почивать изволили, а будить не пожелали. Просили вамъ передать этотъ пакетъ.

Саблинъ развернулъ свертокъ и увидалъ небольшое Евангеліе въ мягкомъ, черномъ, кожаномъ переплетѣ. Саблинъ раскрылъ его и замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ немъ были отчеркнуты краснымъ карандашомъ. Книга раскрылась на такомъ мѣстѣ и Саблинъ прочелъ: — ибо кротокъ Я и смиренъ сердцемъ...

Пришла Александра Петровна. Она принесла букетъ лохматыхъ хризантемъ.

— Вотъ, — сказала она, — сожитель вашъ, отецъ Василій, выписался, скоро и вамъ можно на выписку. Какъ я счастлива! Вы оба мои. Обоихъ я отстояла отъ смерти.

Ея глаза сверкали добротою и счастьемъ. Христіанская любовь скрасила угловатыя черты неправильнаго лица и оно казалось прекраснымъ.

— Благодарю васъ, Александра Петровна... Вы такъ много для меня сдѣлали. Вы и отецъ Василій. Вы спасли тѣло мое, отецъ Василій — душу.

Александра Петровна внимательно посмотрѣла въ глаза Саблину.

— У меня къ вамъ, — сказала она и голосъ ея дрогнулъ, — большая, большая просьба.

— Въ чемъ дѣло?

— Во-первыхъ, я должна васъ поздравить. Вы назначены командиромъ N—ского гусарскаго полка.

— Вотъ какъ! Благодарю васъ. Откуда вы это узнали?

— Вчера мнѣ принесли телеграмму и письмо изъ Ставки.

— Отъ кого, не секретъ?

— Телеграмма отъ Государыни. Она первая поздравляетъ васъ. Изъ этого я вижу, что она мучается и хочетъ, чтобы вы простили ей.

— Не будемъ говорить объ этомъ, милая Александра Петровна.

— Нѣтъ, Александръ Николаевичъ, именно будемъ. Это малодушіе. Вы должны пощадить ее. Она такъ страдаетъ.

— Хорошо, — сказалъ Саблинъ, — чего же вы отъ меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы просто, сердечно отозвались на эту поздравительную телеграмму. Николай Николаевичъ мнѣ пишетъ, что полкъ вамъ даютъ на какіе-нибудь два мѣсяца. Вамъ хотятъ непремѣнно дать N-скую кавалерійскую дивизію. Императрица заботится объ этомъ.

— Я этого не ищу. Мнѣ ничего не надо.

— Я понимаю васъ... Но это нужно для Россіи. Надо, чтобы такіе люди, какъ вы, возвышались.

— Что же во мнѣ особеннаго?

— Вы честный и храбрый... И, если второе качество еще бываетъ у нашихъ начальниковъ, то первое такъ рѣдко! Вы то не измѣните Государю даже изъ-за Распутина! А послушайте, что кругомъ говорятъ. Война становится все тяжелѣе. У насъ уже нѣтъ ни снарядовъ, ни патроновъ, ни ружей, а конца ей не видно.

— Вернемся къ вашей просьбѣ. Вы знаете, какъ мнѣ трудно писать Императрицѣ?

— Если бы было легко, я бы не просила. Я знала бы, что вы и безъ меня напишете.

— Ахъ, зачѣмъ! Зачѣмъ это было! — стономъ вырвалось у Саблина.

— Мы не знаемъ, для чего Господь посылаетъ намъ то, или иное испытаніе.

— Ахъ, Господь! Только не Господь! Не поминайте Имени Его рядомъ съ такимъ ужасомъ.

— Зло можно побѣдить только добромъ. Діавола отгоните крестнымъ знаменіемъ. Ваша телеграмма будетъ знакомъ милости.

Саблинъ не отвѣчалъ. Александра Петровна сидѣла на стулѣ у его койки и ея большіе, сѣрые глаза были съ глубокою любовью устремлены на него. Слова отца Василія точно звучали еще въ ушахъ. Вотъ первый шагъ, первая проба исполнить заповѣдь любви и отвѣтить ласковымъ словомъ тому, кого ненавидишь. Да ненавидишь-ли? Развѣ не любилъ и не жалѣлъ онъ Императрицу? Развѣ онъ не понималъ, что для нея Распутинъ? Демонъ, овладѣвшій ея душою и держащій ее въ вѣчномъ страхѣ за сына, тяжелый крестъ, наваленный на ея усталыя плечи...

— Вотъ посмотрите, что я написала:

> «Полковникъ Саблинъ всеподданнѣйше приноситъ Вашему Императорскому Величеству благодарность за милостивое вниманіе. Осчастливленный Вашею ласкою на новомъ мѣстѣ съ новыми силами буду стремиться къ побѣдѣ надъ врагомъ и славѣ Русскаго оружія».

Вамъ только подписать.

— Неладно, Александра Петровна. Вы начинаете въ третьемъ лицѣ, а потомъ переходите на первое.

— Простите. Я когда писала, думала о васъ, а писала отъ себя. Но это такъ просто передѣлать. «Приношу» — и все готово. Подпишите, я сейчасъ пошлю.

«Кто говоритъ: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ», звучалъ въ ушахъ Саблина тихій голосъ отца Василія.

Онъ почувствовалъ, что не можетъ отказаться отъ мысли о Богѣ, не можетъ не вѣрить, не можетъ не искать Царствія Божія прежде всего. Маленькое, какъ пылинка, какъ сѣмя евкалипта, зерно любви вошло въ его сердце и уже выростало молодымъ, сильнымъ и упругимъ росткомъ. Саблинъ взялъ изъ рукъ Александры Петровны блокъ-нотъ и карандашъ и крѣпкимъ, рѣзкимъ почеркомъ написалъ:

«Глубоко тронутъ вниманіемъ Вашего Императорскаго Величества и всеподданнѣйше приношу благодарность Вамъ, Царица, за Ваше поздравленіе. Во главѣ полка буду стремиться къ побѣдѣ и славѣ Россіи, выше которой для меня ничего нѣтъ.

Флигель-адъютантъ Полковникъ
Саблинъ.»

— Пошлите, — рѣзко сказалъ онъ.

Александра Петровна пробѣжала глазами листокъ, нагнулась къ Саблину и горячо поцѣловала его.

— Богъ да хранитъ васъ, — сказала она.

Саблинъ лежалъ съ закрытыми глазами и тяжело дышалъ.

Черезъ двѣ недѣли Саблинъ, совершенно оправившійся отъ ранъ, ѣхалъ въ армію принимать N—ской гусарскій полкъ. Ранней весною 1915 года онъ уже получилъ бригаду, а лѣтомъ того же года былъ назначенъ, не въ примѣръ прочимъ, начальникомъ N—ской кавалерійской дивизіи.

Ко всѣмъ этимъ назначеніямъ онъ отнесся съ христіанскимъ смиреніемъ, онъ принялъ увеличивающуюся власть, какъ бремя, и всю силу положилъ на улучшеніе частей, которыми онъ командовалъ.

1918 — 1919 г. г.

Станица Константиновская — Зеленый Мысъ подлѣ Батума

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Въ бою 11-го сентября 1915 года, подъ Желѣзницей, хорунжій Алексѣй Павловичъ Карповъ былъ раненъ въ грудь изъ пулемета. Онъ былъ всего второй мѣсяцъ въ полку и былъ влюбленъ въ полкъ тою особенною юношескою любовью, какою любить умѣютъ только очень чистые, не знающіе женской любви молодые люди. Все въ полку для него было отлично, и онъ одинаково влюбленными глазами смотрѣлъ и на стараго полковника Протопопова, командира полка, и на толстаго и неповоротливаго командира сотни есаула Иванова и на своихъ товарищей офицеровъ, и на казаковъ. Все было а д с к и хорошо. Это выраженіе а д с к и хорошо, а д с к и прекрасно у него осталось отъ кадетскаго корпуса и вырывалось непроизвольно, какъ онъ ни слѣдилъ за собою. Онъ былъ совсѣмъ юный, красивый брюнетъ съ чуть потемнѣвшей отъ начавшихъ пробиваться усовъ верхней губою. Онъ былъ выше средняго роста, отлично сложенъ. Его большіе, темные глаза, прикрытые густыми, длинными рѣсницами, смотрѣли дѣтски ясно и чисто.

Бой подъ Желѣзницей былъ первый серьезный бой, гдѣ онъ участвовалъ. Спѣшенная кавалерія столкнулась съ германской пѣхотой, занявшей укрѣпленную деревню. Былъ при лунѣ ночной штурмъ горящей деревни, по чистому болотному лугу, пересѣченному канавами, была побѣда, отнятые у германцевъ пулеметы, плѣнные... Карповъ видѣлъ, какъ бѣжали германцы, самъ бѣжалъ за ними, увидалъ нѣмецкаго солдата, лежавшаго съ пулеметомъ, кинулся на него съ казаками Кузнецовымъ, Скач-

ковымъ, Лиховидовымъ и Баранниковымъ, былъ раненъ, перевернулся, чуть не упалъ, но продолжалъ бѣжать, пока не увидалъ, что Баранниковъ ударилъ штыкомъ германца, а Лиховидовъ и Скачковъ схватили пулеметъ. Потомъ Карповъ, обливаясь кровью и сплевывая ее, бѣжалъ по освѣщенной пожарами и полной дыма улицѣ. Кругомъ бѣжали казаки и откуда то взявшіеся гусары, кто то хриплымъ голосомъ кричалъ: — «впередъ! впередъ!..» Потомъ не стало силы бѣжать и Карповъ сѣлъ на сваленныя на серединѣ дороги бревна и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на то, что происходитъ. Временами онъ не понималъ, дѣйствительно ли онъ видитъ это, или онъ спитъ и его душатъ кошмары.

Онъ сидѣлъ на площади. Напротивъ была часть деревни, еще не охваченная пожаромъ. Здѣсь, отдѣляясь отъ другихъ домовъ, стоялъ небольшой домикъ и на немъ лежалъ германецъ съ пулеметомъ. Полная луна освѣщала его сверху. Зарево пожара бросало на него красные отблески. Онъ былъ такъ близокъ къ Карпову, что ему видно было его длинное, сухое лицо безъ усовъ и бороды съ каской, накрытой сѣрымъ чехломъ. Домикъ окружили казаки и гусары и кричали германцу, чтобы онъ сдавался, но германецъ старался такъ повернуть пулеметъ, чтобы попасть въ окружавшихъ его людей. Но люди стояли слишкомъ близко къ дому и ему это не удавалось и тогда онъ стрѣлялъ вдоль по улицѣ, гдѣ все бѣжали казаки и гусары.

— Ишь, чортъ проклятый! — кричалъ кто то изъ казаковъ, окружавшихъ германца пулеметчика, — не сдается, сволочь. Эй ты! Одинъ ты остался! Эйнъ! Эйнъ! Сдавайся камрадъ! Вафенъ нидеръ!

Но германецъ не желалъ сдаваться.

— Митякинъ, полѣзай за нимъ, — кричали изъ толпы.

— Полѣзай! Самъ полѣзай. Ишь ловкій какой! Не видишь что-ль, какой онъ! Оголтѣлый. Ему одно смерть. Онъ это понимаетъ. Такъ онъ тебя и допуститъ.

— Чего, казаки, церемонитесь съ нимъ. Поджечь

его. такъ живо сдастся, — крикнулъ пробѣгавшій мимо гусаръ.

— И то подожечь. Ну, айда, ребята, за огнемъ.

Откуда то быстро притащили зажженные соломенные жгуты и зажгли хату. Красные языки поползли по темнымъ стѣнамъ, отразились во вдругъ покраснѣвшемъ окошкѣ и весело затрещали по крышѣ.

— Слѣзай, братъ, сгоришь.

Лицо германца выражало отчаяніе. Онъ то поднималъ глаза къ небу, будто молился, то снова начиналъ стрѣлять изъ пулемета.

— Ишь какой! Въ огнѣ не горитъ!

— Слѣзетъ.

— Нѣтъ, не слѣзаетъ.

— Отчаянный.

— Братцы, что же это такое! — вскрикнулъ молодой казакъ Митякинъ. — Вѣдь горитъ.

Окружавшіе примолкли и стали расходиться по улицѣ. Пулеметъ замолкъ. Два длинныхъ желтыхъ языка пламени съ легкимъ шумомъ охватили съ двухъ сторонъ германца. Онъ вдругъ поднялся во весь ростъ, поднялъ кверху обѣ руки съ сжатыми кулаками, его лицо, ярко освѣщенное пламенемъ, отразило нечеловѣческую муку, но сейчасъ же онъ закрылъ его руками и рухнулъ въ огонь. Его не стало видно. Всюду бѣжали огненныя струйки и черный и бѣлый дымъ, смѣшиваясь, валилъ къ небу съ острымъ шипѣніемъ.

Карповъ смотрѣлъ, какъ на его глазахъ живьемъ сгоралъ человѣкъ и не могъ шевельнуться. Къ запаху гари, горящей соломы примѣшался ѣдкій запахъ паленаго сукна и жаренаго мяса. Пламя выло и гудѣло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Карпова и въ этомъ пламени сгоралъ германецъ.

Два казака проходили назадъ. Они тянули за собою пулеметъ.

— Сюда безпремѣнно вернуться надо. Пулеметъ онъ не сгоритъ, останется, все доказательство, что донцы пять пулеметовъ забрали, — говорилъ одинъ.

— Ну и гусары, братъ, ловкіе люди. Мы, гритъ, первые ворвались. На поди, первые. Мы уже давно тутъ.

— Они съ другого конца.

— А германецъ не то, что австріецъ. Отбѣжалъ и залегъ. Ишь, садитъ опять.

Они увидали Карпова и подошли къ нему.

— Ваше благородіе, что съ вами? — спросилъ тащившій пулеметъ казакъ.

Карповъ хотѣлъ отвѣтить, но вмѣсто звука голоса подступила изнутри въ горло горячая густая кровь, онъ поперхнулся ею, хотѣлъ поправиться, дернулся всѣмъ тѣломъ и упалъ. Но, упавъ, не потерялъ сознанія. Только все, что происходило, казалось происходящимъ во снѣ.

— Вы ранены. Ишь грѣхъ то какой! Акимцевъ, побудь при его благородіи, а я за носилками сбѣгаю живо. Да пулеметъ постереги, а то кабы солдаты не отобрали. Вся дивизія сюда идетъ.

Акимцевъ уложилъ Карпова поудобнѣй и Карповъ видѣлъ ясное небо, откуда ярко свѣтила луна. Верстахъ въ трехъ, не переставая, стучали выстрѣлы винтовокъ и трещалъ пулеметъ. Ночной бой продолжался, но для Карпова онъ былъ конченъ и Карпову было странно, что то, что тамъ будетъ, его не касается.

Онъ переживалъ то, что было. И то, что было — было адски хорошо. Онъ кинулся въ деревню впереди сотни, на немъ былъ новый китель «френчъ» и рейтузы «галифе» и это было адски красиво. И то, что онъ раненъ, тоже адски здорово. О томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть рана, онъ не думалъ. То, что онъ былъ въ сознаніи, его ободряло. Онъ могъ двигать руками и ногами, значитъ руки и ноги цѣлы. Онъ раненъ въ грудь. Пустяки. Онъ думалъ о томъ, какъ придетъ Государь и спроситъ его — «вы ранены?» — и онъ отвѣтитъ — «пустяшная рана. Не стоитъ безпокоить Ваше Величество». Почему его долженъ спрашивать Государь, онъ не могъ и самъ объяснить себѣ? Откуда возьмется Государь — это было второстепенно. Но весь разговоръ

съ нимъ онъ рисовалъ себѣ вполнѣ ясно. Онъ вступалъ постепенно изъ міра дѣйствительности въ міръ грезъ и это было хорошо. Сгоравшій на его глазахъ живьемъ германецъ въ мірѣ дѣйствительности былъ ужасъ, ни съ чѣмъ несравнимый, въ мірѣ грезъ это было — адски лихо.

Карпову хотѣлось разсказать кому-нибудь со всѣми подробностями о боѣ, съ самаго начала. Съ того момента, какъ на опушку лѣса на громадной лошади пріѣхалъ начальникъ дивизіи и сердитымъ голосомъ выговаривалъ полковнику Протопопову за то, что онъ не идетъ съ полкомъ впередъ и, какъ Протопоповъ вдругъ сдѣлался адски храбрымъ и скомандовалъ полку «слѣзай».. Но разсказывать было некому. Акимцевъ легъ на дорогу, облокотился о пулеметъ и сейчасъ же заснулъ, а тѣ люди, что проходили мимо него, шли не останавливаясь и не обращая на него вниманія.

Карповъ грезилъ своими грезами и временами забывался въ тихомъ снѣ.

II

Пришли санитары съ носилками. Они уложили Карпова и понесли за деревню, гдѣ на песчаной дорогѣ стояли двуколки Краснаго Креста.

— Ну, полна, что-ль, — услышалъ Карповъ голосъ солдата, когда его втиснули въ двуколку.

— Полна, трогай.

Колеса заскрипѣли по песку. Карпову опять захотѣлось разсказать о томъ, какъ онъ велъ себя въ бою. Но въ двуколкѣ было темно и непонятно, что за люди въ ней лежали. У самаго лица Карпова были чьи то тяжелые, облипшіе грязью сапоги, а за ними лежалъ кто то и то стоналъ, то всхлипывалъ, то кричалъ жалобно и протяжно — ой, ой, ой!..

На сонъ походилъ густой сосновый боръ, весь пропитанный серебромъ луннаго свѣта съ блестящей лужай-

кой, съ какимъ то домомъ съ крылечкомъ, возлѣ котораго суетились сестры въ бѣлыхъ косынкахъ. Одна, въ черной незастегнутой шведской курткѣ съ повязкой съ краснымъ крестомъ на рукавѣ, подошла измученной походкой къ Карпову, нагнулась къ нему и спросила:

— Какъ васъ зовутъ?

Карповъ машинально отвѣтилъ, какъ отвѣчалъ онъ въ дѣтствѣ:

— Алеша.

— Фамилія ваша? — не улыбаясь, спросила сестра.

— Карповъ. Хорунжій Карповъ, — отвѣчалъ онъ и хотѣлъ начать разсказывать, но сестру спросили съ крыльца:

— Который это?

— Сто девяносто второй, Соня, — отвѣчала сестра.

— Изваринъ скончался, — сказалъ тотъ же голосъ.

— Боже мой! Это тридцать первый. Скажи Николаю Парамоновичу, чтобы о гробахъ распорядился.

— Успѣемъ-ли?

— Ты слыхала приказъ генерала Саблина?

— Слыхала. Господи Боже мой! Силъ нѣтъ. Этотъ куда?

— Въ грудь. Въ сознаніи.

— Тяжелый?

— Надо Софью Львовну спросить.

— Да пусть несутъ въ домъ.

Только теперь Карповъ вполнѣ уяснилъ себѣ, что онъ раненъ, можетъ быть, даже тяжело, и ему стало жутко.

Небольшая комната была ярко освѣщена висячей керосиновой лампой. Подъ нею стоялъ высокій длинный столъ, накрытый бѣлой простыней. На простынѣ лежалъ совершенно голый человѣкъ. Было видно худощавое грязное тѣло съ выдающимися ребрами и запрокинутая назадъ темная голова съ длинными по-казачьи стриженными волосами. Надъ нимъ стояли докторъ въ бѣломъ фартукѣ, молодая сестра и полная женщина, сильная брюнетка съ большими, красивыми глазами.

— Софья Львовна, — сказала сестра, сопровождавшая носилки съ Карповымъ. — Офицера принесли.

— Сейчасъ, — отвѣчала полная брюнетка, — положите въ уголъ. Раздѣть надо.

Карпову стало стыдно, когда сестра въ кожаной курткѣ нагнулась къ нему и стала разстегивать ему ремни аммуниціи и пуговицы кителя.

— Я самъ, я самъ, — говорилъ Карповъ. Но руки не повиновались ему, и онъ покорялся ловкимъ движеніямъ пальцевъ сестры.

Пришла другая сестра и обѣ начали отмывать залитую кровью грудь Карпова. Карповъ потерялъ сознаніе.

Когда онъ очнулся, онъ увидѣлъ, что онъ лежитъ на полу, на соломѣ. Кругомъ него лежали, также на соломѣ, раненые солдаты и казаки. Было свѣтло, наступило утро. Сестры и толстая Софья Львовна съ усталыми землистыми лицами продолжали ходить и коротко переговариваться. За окномъ стучалъ молотокъ и слышалось тихое пѣніе двухъ голосовъ. Одинъ пѣлъ вѣрно старческимъ музыкальнымъ теноромъ, другой вторилъ ему, не попадая въ тонъ, сбиваясь и умолкая и потомъ снова пристраиваясь. Пѣли панихиду.

Въ разбитое окно тянуло осеннимъ холодомъ и сыростью. Въ него вмѣстѣ со звуками пѣнія врывался запахъ ладана, можжевельника, моха и хвои и еще какой то противный прѣсный запахъ, который временами заглушалъ всѣ запахи лѣса. Гдѣ то не очень далеко ровно били пушки и слышно было, какъ долго гудѣлъ снарядъ и потомъ чуть слышно лопался — бумъ, бумъ, бумъ!

Карпову хотѣлось пить и ѣсть. Хотѣлось подробно разсказать, какъ все было. Но сестрамъ было не до него. Онѣ все продолжали возиться около высокаго стола, гдѣ теперь хрипѣлъ и захлебывался, булькая горломъ, солдатъ съ бѣлымъ лицемъ и коротко остриженнымъ затылкомъ. Сестры говорили усталыми голосами и Карпову казалось, что онѣ говорятъ такъ много дней, можетъ быть, недѣль, и что онѣ ничего не понимаютъ, кромѣ этихъ бин-

товъ изъ марли, окровавленныхъ тряпокъ, ведеръ съ водою и кровью.

— Софья Львовна, надо бы раненымъ чаю согрѣть.

— Скажите Ксеніи.

— Она занята при умирающихъ.

— Ну Олѣ.

— Оля на перевязкахъ.

— А вы не можете?

Измученная сестра поставила подлѣ Карпова желѣзную кружку съ чаемъ и положила два англійскихъ печенья.

— Сами можете пить? — спросила она. — Я васъ посажу.

Карповъ только теперь замѣтилъ, что вся грудь его забинтована и на него надѣта чистая рубашка. Сестра посадила его.

— Скажите, пожалуйста, — сказалъ онъ, — какъ бой?

— Продолжается, — сказала сестра.

— Наши наступаютъ?

— Не знаю. Кажется, все на одномъ мѣстѣ.

— Вы знаете, было адски здорово. Нашъ полкъ...

Но сестра отвернулась отъ него.

— Сейчасъ, сейчасъ. Я думала, вы спите, — сказала она лежавшему рядомъ солдату, попросившему чаю.

Карповъ опять не смогъ разсказать о своемъ боѣ и ему стало грустно.

— Начальникъ дивизіи ѣдетъ, — входя сказала бѣлобрысая сестра съ большими тусклыми, какъ у судака глазами. — Нехорошо, что въ перевязочной раненые лежатъ.

— А что же подѣлаете. Куда ихъ дѣнете, — отвѣчала Софья Львовна. — Ну этотъ кончается. Уносите.

Она взяла полотенце и стала вытирать руки. Въ двери вошелъ моложавый генералъ. Ясными глазами онъ оглянулъ комнату и нахмурился.

— Не успѣваете вывозить, Софья Львовна? — сказалъ онъ.

— Гдѣ же поспѣть, ваше превосходительство, за ночь прошло четыреста восемьдесять шесть человѣкъ.

— Да, горячій бой.

Генералъ подошелъ къ Карпову.

— Офицеръ? — сказалъ онъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство, — стараясь встать отвѣчалъ Карповъ. — Хорунжій Карповъ.

— Помню. У васъ отличный рыжій конь. Первый разъ я вижу такого коня подъ казачьимъ офицеромъ. Куда ранены? Въ грудь?

— Такъ точно.

— Не болитъ?

— Совсѣмъ не больно. Я и не чувствую, гдѣ рана. Только дышать больно, — улыбаясь сказалъ Карповъ.

— Подъ Желѣзницей ранены?

— Въ самой Желѣзницѣ; было адски лихо, ваше превосходительство, я... пулеметъ.

— Вашъ отецъ командиръ Донского полка, убитъ на рѣкѣ Нидѣ, въ прошломъ году?

— Такъ точно... Я, ваше превосходительство, когда вы тамъ на опушкѣ лѣса приказали спѣшиться... я...

— Софья Львовна, — не слушая, сказалъ начальникъ дивизіи. — Я сейчасъ пришлю свои автомобили. Отправьте болѣе тяжелыхъ на нихъ. Хорунжаго Карпова отправьте прямо на Сарны. Я дамъ записку на поѣздъ Государыни Императрицы. Варламъ Николаевичъ, напишите, — и начальникъ дивизіи, не глядя больше на Карпова, вышелъ изъ дома лѣсника.

III

Въ поѣздѣ Карпова положили въ офицерскій вагонъ. Рядомъ съ нимъ, на желѣзной койкѣ съ пружиннымъ матрацомъ, лежалъ, закутавшись въ коричневый халатъ, худощавый человѣкъ, давно небритый, съ желтымъ, нездоровымъ цвѣтомъ лица. Когда Карпова положили на свободную постель, раненый недружелюбно оглядѣлъ его, а

потомъ съ видимымъ отвращеніемъ отвернулся и легъ спиной къ нему. Рыжій халатъ сл҇взъ со спины и сквозь рубашку были видны худыя торчащія лопатки. Поѣздъ стоялъ долго. Сестры разносили обѣдъ. Карпову, трое сутокъ не ѣвшему, подали миску со щами и съ мясомъ и онъ съ большою охотою сталъ ихъ ѣсть. Грудь болѣла, временами было тяжело дышать, но въ остальномъ его здоровье было прекрасно. Карповъ былъ полонъ бодрости и ему опять хотѣлось подробно разсказать про Желѣзницкій бой и про свое въ немъ участіе.

— Сестра, а мнѣ? — поворачиваясь на койкѣ хрипло сказалъ его сосѣдъ.

— Вамъ, Верцинскій, нельзя, — сказала сестра, — вы же знаете. Я вамъ теплаго молока принесу.

— Все нельзя и нельзя, — желчно сказалъ Верцинскій. — Вы скажите мнѣ — буду я жить, или нѣтъ?

— Ну, конечно, — сказала сестра, но голосъ ея дрогнулъ и она поспѣшила выйти изъ отдѣленія.

Карповъ ѣлъ. Верцинскій внимательно его осматривалъ, и Карпову становилось непріятно отъ его остраго взгляда.

— Вы куда ранены? — спросилъ неожиданно Верцинскій.

— Въ грудь, — охотно отвѣтилъ Карповъ.

— Счастливецъ... Что же совсѣмъ уйдете теперь изъ этой мерзости?

Карповъ не понялъ его.

— Я васъ не понимаю. Куда уйду?

— Ну, куда - нибудь... въ тылъ... Комендантомъ поѣзда или этапа, словомъ, подальше отъ прелестей войны.

— О нѣтъ. Я только немного поправлюсь и опять въ полкъ. Я радъ и не радъ, что меня ранили. Радъ потому, что это доказательство, что я по - настоящему былъ въ бою. Меня съ тридцати шаговъ ранили. Я уже шашку вынулъ, чтобы рубить. Не радъ потому, что пришлось покинуть полкъ. Можетъ быть, надолго.

— И слава Богу. Что онъ вамъ не надоѣлъ?

— Полкъ? Боже мой. Полкъ для меня все. Тамъ моя семья. Я полусирота. Папу убили въ прошломъ году на войнѣ, мама въ Новочеркасскѣ теперь въ лазаретѣ, сестрою.

— Вы казакъ?

— Да, донской казакъ.

— А!

Верцинскій оглядѣлъ его любопытными злыми глазами. Карповъ примолкъ.

— На военную службу, значитъ, пошли по личному призванію? — спросилъ Верцинскій.

— Да.

— Или папа съ мамой такъ воспитали?

— Я не могу представить себѣ жизнь иначе, какъ на военной службѣ. Какъ себя помню, я носилъ погоны, шашку и ружье. Первыя слова, которыя я произнесъ, были слова команды, и первая пѣсня, которую я пропѣлъ, была военная казачья пѣсня. А потомъ корпусъ, гдѣ все было адски лихо и наша славная школа.

— Ваша фамилія?

— Хорунжій Карповъ. Мы изъ тѣхъ Карповыхъ, прадѣдъ которыхъ въ 1812 году...

— Простите, мнѣ это не интересно. Вы — человѣкъ въ шорахъ, вотъ, какъ Чеховъ описалъ человѣка въ футлярѣ, такъ вы человѣкъ въ шорахъ. Можетъ быть, впрочемъ, вы Чехова не читали?

— Нѣтъ, читалъ... Немного... Не всего...

— Ну, конечно. У насъ съ вами разныя міровоззрѣнія. Васъ вотъ рана ваша радуетъ, а меня моя не только тяготитъ физически, но глубоко оскорбляетъ нравственно, какъ величайшая несправедливость. Я подпоручикъ Верцинскій. Мнѣ тридцать два года, а я все еще только подпоручикъ — это должно вамъ уяснить многое. Ну, да, я вамъ и самъ это скажу. Военную службу я всегда ненавидѣлъ и презиралъ. Военные мнѣ были отвратительны. Я кончилъ классическую гимназію съ золотою медалью, пошелъ на филологическій факультетъ и теперь я преподаватель латинскаго языка и одинъ изъ лучшихъ

латинистовъ. Мои изслѣдованія о Сенекѣ переведены на всѣ европейскіе языки. Я стихами, размѣромъ подлинника, перевелъ почти всего Овидія Назона и, если бы я кончилъ эту работу, я сталъ бы европейски извѣстенъ. Чувствуете, юноша? Когда настало время отбывать воинскую повинность, я поступилъ вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ Петроградскихъ полковъ. Я ничего не дѣлалъ. Я не умѣю снять штыкъ съ винтовки. Меня уважали, какъ ученаго, и эксплоатировали, какъ репетитора для командирскихъ дѣтей. Меня уговорили держать для проформы экзаменъ на прапорщика запаса. Да, юноша, я пріобрѣлъ это почетное званіе и съ этимъ званіемъ попалъ на войну офицеромъ и помощникомъ ротнаго командира. Ну, скажите, правдоподобно это? Меня полтора года гоняли по полямъ Галиціи, я долженъ былъ стрѣлять по своимъ братьямъ, чехо-словакамъ, я долженъ былъ забыть, что я почти профессоръ латинской литературы, и въ довершеніе всего меня ранили въ животъ. Скажите, юноша, это справедливо? У меня есть семья, жена и дѣти... Двое дѣтей, которыхъ я, конечно, въ погончики не наряжаю и ружей имъ не дарю. Какъ по вашему, за что я пострадалъ?.. А?.. Ну говорите же, юноша, вы мнѣ право нравитесь. Въ вашемъ лицѣ нѣчто отъ античной красоты. Можетъ быть, вашими устами я услышу ту правду, которой нѣтъ, и умру, менѣе страдая отъ несправедливости. Вотъ, скажите вы мнѣ, юный и прекрасный, какъ греческій богъ, за что я буду умирать?

Карпову было жаль этого нервнаго, озлобленнаго человѣка. Онъ чувствовалъ, что то, что онъ можетъ ему сказать, то, что онъ знаетъ и что для него составляетъ все — не удовлетворитъ Верцинскаго, потому что у него другой міръ, такъ отличный отъ того міра, гдѣ живетъ онъ, Алеша Карповъ. Но онъ все-таки сказалъ, потому что глубоко вѣрилъ въ страшную силу этихъ словъ.

— За вѣру, царя и отечество...

Верцинскій засмѣялся. Сухое лицо его, съ длиннымъ острымъ, какъ у хищной птицы носомъ, искривилось злобной улыбкой и стало страшнымъ. Видимо, этотъ

смѣхъ вызвалъ въ немъ ощущеніе боли, потому что страданіе было въ его глазахъ.

— Въ Бога я не вѣрю — не сказалъ, а точно выплюнулъ онъ, — я атеистъ. Образованный человѣкъ не можетъ вѣрить въ Бога. Да, ученіе Христа высокое философское ученіе, но мы знаемъ философовъ, которые брали этотъ вопросъ еще глубже, чѣмъ Христосъ. Умирать за вѣру? За какую?.. Православную?.. Но я крещенъ въ католической вѣрѣ и не исповѣдую никакой. Вы сказали: за царя. Но я соціалъ-демократъ, почти анархистъ, я готовъ убить вашего царя, а не умирать за него самъ. Отечество для меня весь міръ. Въ Римѣ я работалъ въ библіотекѣ и тамъ я чувствовалъ себя болѣе на родинѣ, чѣмъ въ Вильно, гдѣ я родился. Для культурнаго человѣка двадцатаго вѣка нѣтъ слова — отечество. Это понятіе дикарей, это понятіе гибнущихъ странъ; Римъ погибъ отъ того, что Римляне стали считать себя выше всѣхъ... Civis romanus*) звучало слишкомъ гордо. Вотъ вашъ современный писатель Горькій, онъ понялъ, что гордо звучитъ слово — человѣкъ, а не Русскій, или тамъ полякъ... Не понимаете этого, юноша? А?

— Какъ же вы тогда шли въ бой?

— Вотъ въ этомъ то, юноша, вся трагедія и заключается. Вы вотъ лежите здѣсь легко раненый и вы парите въ облакахъ счастія. Герой!.. Ну, сознайтесь, вы чувствуете себя героемъ... А?... Тамъ, гдѣ-нибудь, поди, и милая дѣвушка есть. Ну, совсѣмъ, какъ на пошлой открыткѣ, или картинѣ иллюстрированнаго журнала: возвращеніе съ войны. Рука на перевязи, бѣлая косынка и большіе вдаль устремленные глаза. За вѣру, царя и отечество!.. Вы — герой! Ну, допустимъ!.. Какой же я то тогда герой!.. Вѣдь я убѣжать долженъ быть отъ этого ужаса. А я шелъ съ ними впередъ, перебѣгалъ, ложился, вставалъ. Ну, скажите, почему и зачѣмъ я это дѣлалъ? А? Я, не вѣрующій въ Бога, не признающій отечества и интернаціоналистъ. Почему?

*) Римскій гражданинъ.

— Я не знаю, — сказалъ Карповъ. Ему было страшно говорить съ Верцинскимъ. Первый разъ онъ столкнулся такъ близко съ глазу-на-глазъ съ соціалистомъ. Карповъ смотрѣлъ на него съ испугомъ и любопытствомъ. Но его тянуло говорить съ нимъ, и его сердце быстро билось. Чуялъ Карповъ, что здѣсь, рядомъ съ нимъ, въ душѣ этого человѣка, лежатъ ужасъ, отчаяніе и злоба ни съ чѣмъ не сравнимыя, но тянуло къ этому ужасу, какъ тянетъ тихій, холодный омутъ въ жаркій день, какъ тянетъ запрещенный плодъ. То, что для Карпова было непреложными истинами, о чемъ ни думать, ни спорить нельзя, — такъ легко отрицалось и откидывалось этимъ человѣкомъ.

— Вы не знаете, почему, — медленно и злобно проговорилъ Верцинскій. — Вотъ въ этомъ то весь страшный ужасъ моей жизни и моего умиранія, что и я не знаю, почему. Да, слышите, не знаю почему, но я дѣлалъ все, какъ другіе офицеры и я не возмутился, и я не повелъ своихъ солдатъ обратно и я не приказалъ имъ убивать начальниковъ... Я былъ сумасшедшій.

Надвигались осенніе сумерки. Тревожно гудѣли паровозы на запасныхъ путяхъ. Верцинскому дали молоко и онъ выпилъ его черезъ силу, медленными глотками. Контуры его тѣла, мягко покрытые коричневымъ халатомъ, мутно рисовались на бѣлой простынѣ. Сухая голова съ выдающимися костями черепа утонула въ подушкѣ. Сталъ болѣе чувствоваться непріятный, терпкій запахъ гноящейся раны, отъ котораго никуда не уйдешь. Глаза Верцинскаго тревожно блуждали.

— Больно! — простоналъ онъ. — Какъ противно и больно тамъ, въ животѣ. Мнѣ кажется, что я ощущаю въ себѣ кишки и всю эту мерзость... Слушайте... Я видѣлъ трупы... Горы труповъ... Я видѣлъ, какъ люди съ бѣлыми, сумасшедшими лицами шли по полю, падали, корчились, стонали, кричали, а впереди шли офицеры и кричали: «въ атаку, въ атаку!».. И я шелъ... Я ничего не кричалъ... Но мнѣ хотѣлось крикнуть одно: — остановитесь, безумцы! Куда вы идете? На смерть, на раны...

Стойте! вы боитесь суда, разстрѣла. Убейте вотъ ихъ — вотъ этихъ офицеровъ, убейте генераловъ и по домамъ!.. Нѣтъ войны... Намъ, солдатамъ, она не нужна... А мы сила!.. Я готовъ былъ сказать это, но пуля въ это время меня сразила и я упалъ... Слушайте... Стоитъ только разъ не исполнить приказанія, только всѣмъ, и войны не будетъ. Не будетъ этого ужаса. Война — это рабство... При свободѣ никто не пойдетъ убивать...

Ярко, по всему вагону сразу, вспыхнули электрическія лампочки и весело освѣтили бѣлыя, крашеныя масляной краской стѣны. Вагонъ дрогнулъ, покачнулся. Мимо окна поплыли мутные желтые фонари, поѣздъ тронулся и застрекотали колеса и скоро стали отбивать проворный ритмичный тактъ и Верцинскому казалось, что колеса все кричатъ: — «смерть идетъ, смерть идетъ», а Карпову, что они говорятъ: — «герой, герой, герой»...

Поѣздъ убаюкивалъ и Карповъ спалъ. У него поднялась температура и рана, казавшаяся пустой, стала внушать опасенія. Верцинскій лежалъ въ полузабытьи. Его мысли были ужасны. Ему казалось, что, если бы можно было передать словами все холодное отчаяніе его мыслей, — весь міръ содрогнулся бы. Но не было словъ. Да и некому ихъ сказать. Этотъ обрубокъ красиваго пушечнаго мяса не пойметъ. «Рожденный ползать летать не можетъ», — думалъ Верцинскій. Всѣ двое сутокъ пути онъ не разговаривалъ съ Карповымъ, и они молчали.

Позднею ночью поѣздъ мягко остановился у Царскосельскаго вокзала. Шелъ дождь. Таинственно темнѣли широкія аллеи улицъ и въ нихъ, уходя вдаль молочными шарами, горѣли электрическіе фонари.

Подъ навѣсомъ суетились санитары. Выносили раненыхъ. Сестра милосердія въ тепломъ пальто, въ косынкѣ, ходила вдоль носилокъ и отдавала распоряженія.

— Сестра Валентина, — услышалъ Карповъ голосъ молодого человѣка въ студенческой фуражкѣ, — Карпова просили къ намъ, тутъ есть записка отъ генерала Саблина, поручаетъ его вашему уходу и я васъ очень про-

шу, если мѣсто есть, подпоручика Верцинскаго. Это мой учитель латинскаго языка... Ученый человѣкъ.

— Тяжело раненые?

— Оба тяжело. Карповъ въ грудь, но началось нагноеніе, а Верцинскій въ животъ. Вся надежда на княжну.

— Выходимъ! — бодро отвѣтила сестра Валентина. — ну тащите, господа, что же вы стали!! Слыхали, Рита, Саблинъ къ намъ обратился — это хорошая примѣта. Можетъ быть и простилъ.

— Мнѣ писала Александра Петровна изъ Варшавы, что онъ сильно перемѣнился послѣ раненія. Христіаниномъ сталъ, — сказала Рита.

— А Желѣзница-то! Рита, я всегда говорила, что Саблинъ — герой и военный человѣкъ: вотъ и не генеральнаго штаба, а какой размахъ у него. Мнѣ старшая сестра писала о немъ, что въ Ставкѣ очень имъ довольны. Только что получилъ дивизію и такое великолѣпное дѣло.

— Сестра Валентина, Карпова можно въ каретѣ, а Верцинскаго разрѣшите въ автомобиль... — спросилъ студентъ.

— Хорошо.

IV

Лазаретъ, куда отвезли Карпова, былъ особый лазаретъ. Онъ находился подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Императрицы Александры Ѳеодоровны и въ уходѣ за ранеными принимали участіе ея дочери, великія княжны Ольга и Татьяна. Императрица не только наблюдала за уходомъ, но ухаживала за ранеными сама, дѣлала имъ перевязки и помогала при операціяхъ. Въ лазаретѣ было запрещено называть ее: «Ваше Императорское Величество», но требовали, чтобы ее называли просто — старшая сестра». Княженъ называли — «сестра Ольга», «сестра Татьяна».

Въ прекрасную обстановку этого, по послѣднему слову науки поставленнаго лазарета, благодаря заботамъ генерала Саблина, и попалъ Алеша Карповъ. Но — главное: — онъ попалъ въ обстановку дружной семьи, скрашенную ласками и заботами Государыни Императрицы и украшенную милымъ присутствіемъ очаровательныхъ и простыхъ Великихъ княженъ. Это поразило Алешу — показалось ему сказкой, сномъ, осуществившимся на яву. — Его молодое сердце подалось и размякло.

Алеша былъ чистый юноша, не знавшій любви. Онъ не ухаживалъ въ Новочеркасскѣ ни за институтками, ни за гимназистками и для нихъ у него было одно, полное презрѣнія прозвище: — дѣвчонки.

Женщину онъ любилъ, какъ рыцарь. Должна была быть у него какая-то дама сердца, — но эта дама сердца еще не явилась. Когда явится — ей отдасть онъ всего себя, насколько, конечно, это позволитъ служба, — какъ отдалъ всего себя отецъ его матери.

Два женскихъ образа владѣли имъ въ это время — одинаково святыхъ и чистыхъ, но по разному почитаемыхъ и любимыхъ.

Мать и Царица.

Мать — обожалъ съ дѣтства. Царицу зналъ по портретамъ и разсказамъ отца. Когда былъ въ училищѣ, увидалъ ее на смотрахъ и парадахъ. Прекрасная и далекая. Безконечно дорогая и святая: — за нее умереть! Она и ея дочери, Великія княжны, были существами какого-то далекаго, не чуждаго, но иного, свѣтлаго міра. Точно существа изъ сказки. На нихъ можно было смотрѣть, отвѣчать имъ механическими, заученными солдатскими отвѣтами, молиться за нихъ и за нихъ умереть. Всѣ онѣ были прекрасны. Онѣ были изъ міра грезъ, а не изъ міра дѣйствительнаго. Онъ помнилъ, какъ много разъ разсказывалъ его отецъ, какъ онъ христосовался съ Государемъ и поцѣловалъ ручку у матушки Царицы. Подъ образомъ Донскія Божіей Матери у нихъ въ домѣ и посейчасъ виситъ большое расписанное цвѣтами фарфоровое яйцо, данное его отцу Императрицей. И отецъ

часто разсказывалъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ о томъ, что онъ перечувствовалъ, когда прикладывался къ маленькой надушенной ручкѣ Царицы. Это не была рука женщины, но рука божества...

Сестра Валентина широкими, твердыми шагами подошла къ лежащему на койкѣ въ жару Алешѣ Карпову.

— Ну, какъ вы себя чувствуете? — спросила она.

— Ничего. Въ груди болитъ. Дышать трудно.

— Все пройдетъ, — сказала Валентина, поправляя подушку. — Сегодня вамъ назначена операція.

Алеша посмотрѣлъ серьезными дѣтскими глазами на сестру Валентину и не испугался.

— Операцію можно сдѣлать подъ хлороформомъ, или безъ хлороформа, какъ вы пожелаете. Надо очистить рану, вотъ и все.

— Я бы хотѣлъ, чтобы безъ хлороформа, — сказалъ Алеша, — такъ лучше, я не дѣвчонка, чтобы бояться боли.

Сестра Валентина улыбнулась.

— На операціи будетъ ассистировать старшая сестра и помогать сестра Татьяна. Вы знаете, кто онѣ такія?

— Нѣтъ.

— Вы знаете, гдѣ вы находитесь? Въ какомъ городѣ?

— Въ Царскомъ Селѣ.

— Да, въ лазаретѣ Государыни Императрицы. Старшая сестра — сама Императрица, сестра Татьяна — великая княжна Татьяна Николаевна и иначе ихъ не приказано называть.

— Въ которомъ часу операція? — еле слышнымъ голосомъ спросилъ Алеша.

— Между десятью и одиннадцатью. И пожалуйста, молодой человѣкъ, не волноваться.

— Чего мнѣ волноваться. Я не дѣвчонка, — покраснѣвъ повторилъ Алеша.

Но онъ волновался. И не операція его волновала. О томъ, что будутъ дѣлать съ его раной, онъ не думалъ. Онъ не думалъ и о возможныхъ послѣдствіяхъ операціи.

Всѣ его мысли были заняты тѣмъ, какъ же это, Императрица и Великая Княжна увидятъ его не въ парадной формѣ, а въ лазаретномъ халатѣ, что онѣ будутъ говорить, что онъ скажетъ, и его бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ въ палату пришли два рослыхъ санитара съ носилками. Они переложили Алешу на носилки и понесли къ операціонной.

Передъ тѣмъ, какъ внести Алешу въ операціонную служители раздѣли его и на носилкахъ подали къ высокому столу. Его ноги покрыли чистою бѣлою простыней. Какая-то женщина, неслышно ступая въ мягкихъ башмакахъ, — подошла къ нему. Терпкій запахъ загнивающей крови, шедшій отъ раны, ударилъ въ носъ Алешѣ и показался оскорбительнымъ для той, кто подошла къ нему. Алешѣ стало нестерпимо стыдно и онъ закрылъ глаза.

Онъ почувствовалъ, какъ тонкіе, нѣжные пальцы осторожно коснулись самаго больного мѣста раны. И не было больно. Алеша пріоткрылъ глаза и сквозь рѣшетку густыхъ рѣсницъ сталъ разглядывать ту, кто склонился надъ нимъ и осторожно, матерински нѣжно ощупывалъ его рану.

Алеша залился румянцемъ мучительнаго стыда. Та женщина, что стояла между Божіей Матерью и его мамой, склонилась надъ нимъ и, чуть хмуря прекрасные, голубые глаза, сосредоточенно разглядывала его. Другая незнакомая, черноволосая, худощавая, стояла подлѣ и вопросительно смотрѣла на Императрицу.

Вѣки дрожали надъ глазами Алеши. Ихъ наливало слезою стыда.

— Таня, подай инструментъ, — сказала императрица и Алеша увидалъ, какъ изъ глубины комнаты подошла прелестная, высокая дѣвушка и подала императрицѣ на бѣломъ полотенцѣ блестящіе ножи.

Теперь краска стыда подошла къ корнямъ волосъ. Какъ могъ онъ лежать передъ ними безъ мундира полуобнаженный! Что надо дѣлать сейчасъ?

Сѣсть? Встать на вытяжку? Но какъ встанетъ онъ передъ ними... голый!.. Алеша тяжело вздохнулъ и снова закрылъ глаза. Слеза побѣжала по разгорѣвшейся щекѣ.

— Бѣдняжка, — сказала Императрица, — ему должно быть очень больно.

И, обращаясь къ черноволосой, дѣловитымъ голосомъ спросила:

— Я думаю, операція вполнѣ возможна. Питаніе отличное. Кровообращеніе въ порядкѣ.

Чьи-то крѣпкія руки схватили сзади Алешу за плечи, служитель подошелъ къ ногамъ и прижалъ ихъ. Алеша еще разъ пріоткрылъ глаза. Онъ увидѣлъ блестящій инструментъ надъ раной, тонкіе пальцы императрицы осторожно касались его тѣла. Онъ искалъ сестру Татьяну. Она стояла сзади императрицы, слѣдя за ея руками. Въ ея рукахъ ворохомъ лежали марли и бинты.

Это было «адски» стыдно. Краска быстро отхлынула отъ его лица. Онъ ощутилъ острое, рѣжущее прикосновеніе къ ранѣ и лишился сознанія.

V

Когда Алеша очнулся — онъ лежалъ на своей койкѣ въ высокой палатѣ.

Грудь не болѣла. Свѣжій, новый бинтъ пріятно ее стягивалъ. Голова была ясна, и тѣмъ ярче и четче вставало въ его сознаніи воспоминаніе о только-что происшедшемъ и тѣмъ мучительнѣе былъ стыдъ.

Ѣдкій, тошный запахъ загнивающей крови, его обнаженіе передъ Царицей и Царевной казались Алешѣ чѣмъ-то постыднымъ и гадкимъ.

«Какъ долженъ быть я имъ отвратителенъ» — думалъ онъ. — «Господи, за что мнѣ это униженіе. И, если выйдетъ она, — сестра Татьяна, какъ смогу я посмотрѣть въ ея прекрасные глаза.»

Съ тѣмъ, что его видѣла въ такомъ видѣ, со смердя-

щею раною Императрица — Алеша какъ-то мирился. Она была мать. Больше чѣмъ мать — и какъ передъ матерью — и передъ нею — онъ не стыдился своей наготы и болѣзни... Но она... Дѣвушка... Царевна.

«Адски» было стыдно.

Алеша прислушался къ ранѣ. Она болѣла менѣе остро. Подъ тугимъ бинтомъ легче дышалось. Не было терпкаго запаха гноя, но чуть слышно пахло аптечнымъ запахомъ свѣжей марли. По тому, что не было жара и холодные и сильные, покоились мускулы ногъ, Алеша понималъ, что операція вышла удачной и дѣло пойдетъ на поправку. Только дышать еще было тяжело.

Все еще не открывая глазъ, Алеша сталъ припоминать всѣ подробности боя: знамя, неяснымъ силуэтомъ рисовавшееся на фонѣ хвойнаго лѣса, болото, освѣщенное луною, и вдали красные языки пламени деревни Желѣзницы, только что подожженной нхъ конными батареями. Когда раздалась команда «впередъ», онъ всталъ первый и пошелъ по болоту. Онъ помнилъ, что было нѣсколько секундъ, когда онъ шелъ совершенно одинъ и только потомъ потянулись за нимъ цѣпи казаковъ и гусаръ. Онъ герой! Но никто не знаетъ о его геройствѣ. Она не знаетъ, кто онъ такой. Если бы она знала, что онъ первый пошелъ, пошелъ тогда, когда никто не хотѣлъ идти, можетъ быть она не презирала бы его. Вотъ ей бы онъ все разсказалъ! Но какъ разскажетъ онъ ей, когда ему совѣстно взглянуть въ глаза, когда онъ не знаетъ, какъ и когда онъ увидитъ ее...

Легкій шумъ въ палатѣ, радостные голоса и шопотъ заставили Алешу открыть глаза.

На стулъ подлѣ его постели сѣла сестра Татьяна. Онъ сейчасъ же узналъ ее. Но опять онъ не видѣлъ ее такою, какъ она была, худенькой дѣвушкой съ большими добрыми, сѣрыми глазами, напоминающими глаза ея отца. Карпевъ видалъ прекрасную царевну сказки, кого обожалъ раньше, чѣмъ увидалъ.

Простая, поношенная сѣрая юбка въ складкахъ легла буфами на стулѣ. Милое лицо, обрамленное отъ лба до

подбородка бѣлой косынкой, ниспадающей на плечи, нагнулась къ нему, она поправила подушку и улыбнулась ему смущенной улыбкой.

— Какъ вы чувствуете себя, Карповъ? — сказала она, называя его по фамиліи, какъ называла она всѣхъ офицеровъ лазарета.

— Отлично. Боль совсѣмъ прошла. Адски хорошо теперь.

— Гдѣ же это васъ такъ ранило? Княжна — это нашъ хирургъ, сказала мнѣ, что васъ ранили шаговъ съ тридцати. Вы были такъ близко къ непріятелю? Вы видали его лицо?

— Я едва не захватилъ пулеметъ, — задыхаясь отъ счастья сказалъ Карповъ. — Если бы меня не ранили, я бы своими руками его схватилъ. А то меня ранили, я перевернулся, точно кто меня въ бокъ толкнулъ, потомъ побѣжалъ, гляжу, а Баранниковъ уже колетъ германца, а Лиховидовъ и Скачковъ тянутъ пулеметъ. Вы знаете, Ваше Императорское Высочество, германецъ былъ цѣпью прикованъ къ пулемету. Онъ, можетъ быть, и хотѣлъ бы убѣжать, да не могъ.

— Не называйте меня такъ. Зовите меня — сестра Татьяна, — улыбаясь сказала великая княжна.

Алеша смутился.

— Кто такой Баранниковъ? — спросила Татьяна Николаевна, чтобы ободрить Карпова.

— Баранниковъ, это казакъ Усть-Бѣло-Калитвенской станицы. Вотъ молодчина, ей Богу, Ваше Импер... сестра Татьяна, — быстро поправился Алеша и, окончательно смутившись, замолчалъ.

— Такъ что же Баранниковъ?

— Баранниковъ увидалъ, что я раненъ и кричитъ: ничего ваше благородіе, я за васъ его приколю и штыкомъ его прямо въ животъ. Я видалъ. Тотъ такъ и сѣлъ. Адски лихо это вышло. Только это надо съ начала разсказать. Очень хорошее дѣло.

— Разскажите съ начала, если это вамъ не трудно. Грудь у васъ не болитъ?

Если бы Алешѣ сказали, что отъ его разсказа зависитъ, будетъ онъ жить, или умретъ, онъ и тогда бы разсказалъ, а потомъ умеръ бы со счастливой улыбкой и въ блаженномъ сознаніи, что его Царевна знаетъ о его подвигѣ.

— Видите... Это было 11-го сентября, ночью. Бои шли два мѣсяца. Только не настоящіе. А такъ постреляемъ, тысячи на полторы шаговъ подпустимъ, а потомъ и уходимъ. А тутъ приказали, чтобы назадъ ни шагу. Подвезли патроновъ. А то мы вѣдь безъ патроновъ были. Да. Пять сутокъ наша дивизія, еще два казачьихъ полка и три батальона пѣхоты отбивались отъ нѣмцевъ. Повѣрите ли, три раза днемъ, да раза два ночью они въ атаку ходили. Только шаговъ на шестьсотъ подойдутъ, а мы ихъ съ пулеметовъ, да изъ винтовокъ ошпаримъ, они и назадъ. На 12 сентября начальникъ дивизіи, генералъ Саблинъ...

— Александръ Николаевичъ?

— Такъ точно, Александръ Николаевичъ.

— Я его хорошо знаю. И покойную жену его знала и дѣтей знаю. Сына его убили въ конной атакѣ. Что онъ? Какъ?

— Удивительный человѣкъ. Его солдаты и казаки прямо обожаютъ. Ну, любитъ онъ каждаго!.. Придешь къ нему задачу получить, разскажетъ такъ ясно, хорошо, обстоятельно, а потомъ говоритъ: ну идите, съ Богомъ. И такъ это скажетъ, что дѣйствительно будто Богъ помогаетъ. А строгъ. Въ Каменъ-Каширскомъ казаки и нашего полка побаловались. Сапожника жида ограбили... Полевой судъ. Разстрѣлять приказалъ. И всѣ говорятъ: такъ и надо. Не грабь, казакъ не грабитель. И знаете, сестра Татьяна, у насъ въ дивизіи всегда все есть, обо всемъ онъ подумаетъ и все онъ дѣлаетъ такъ особенно хорошо. Такъ вотъ, приказалъ онъ намъ въ ночь на 12 сентября взять Желѣзницу. Вторая бригада, казаки и гусары въ первую линію. Мы, значитъ, идемъ съ фронта, а гусары съ праваго фланга. Ночи лунныя были. Полная луна. Желѣзница стоитъ среди болотъ, а

кругомъ большіе лѣса. Ну, только лѣто сухое было, болота сильно просохли, не только что ходить можно — ѣздить можно, мы бы на коняхъ ее взяли, да были тамъ двѣ болотныя канавы, ни перепрыгнуть, ни перелѣзть ихъ на лошадяхъ никакъ нельзя, черезъ то и приказъ былъ идти пѣшкомъ.

Въ шесть часовъ мы посѣдлали и пошли лѣсомъ на свое мѣсто, гдѣ батареи стояли. Въ девятомъ часу были на мѣстѣ. Ровно въ девять атака назначена. За полчаса артиллерія должна была начать подготовку и зажечь деревню, чтобы намъ его было видно, а онъ, чтобы, значитъ, насъ, со свѣта, не видалъ. Ну, говорю вамъ, все придумано у него было адски хорошо. Артиллерія зажгла деревню почти вразъ, съ перваго снаряда. Ну, стрѣляла она у насъ просто замѣчательно. А мы стоимъ въ лѣсу, на коняхъ. Не слѣзаемъ. Командиръ полка, полковникъ Протопоповъ, старичекъ такой, сидитъ на конѣ возлѣ знамени и пригорюнился. То-ли боится, то-ли еще что — не разберу. Уже девять часовъ прошло, а онъ ничего, значитъ, не начинаетъ. А луна уже высоко такъ поднялась. Ночь тихая, теплая, свѣтлая. Сосны стоятъ, каждую вѣточку видно. Видно, какъ сквозь деревья луна пятнами пробивается на землю, на казаковъ, на знамени играетъ. А знамя у насъ новое, въ 1914 году пожаловано. Ликъ Спасителя на немъ, серебро сверкаетъ... Лошади стоятъ тоже тихо, не вздохнутъ даже. Вы знаете, Ваше Императорское Высочество, она, лошадь-то, понимаетъ войну. Знаетъ, когда можно, когда нельзя. Вѣрите, когда по лѣсной дорожкѣ крались, такъ у меня такое впечатлѣніе было, что лошади точно на цыпочкахъ шли, такъ легко, осторожно. У германца, возлѣ деревни его окопы были, тишина. Наши батареи примолкли. Надо идти. А мы стоимъ. И знаете, я ненавидѣть даже сталъ полка командира, потому что чувствую, что онъ просто труситъ, боится идти на штурмъ... И вдругъ видимъ, ѣдетъ Саблинъ, генералъ. Вороная кобыла подъ нимъ, англійскій хунтеръ, я знаю: — Ледой звать, казакъ при немъ нашего полка, со значкомъ, начальникъ

штаба, полковникъ Семеновъ, еще ординарцы.

— Полковникъ Протопоповъ, — кричитъ генералъ Саблинъ, а самъ на часы смотритъ. Часы у него на рукѣ были самосвѣтящіе, — что же вы? О чемъ вы думаете? Командиръ нашъ встрепенулся и вижу, по лицу его вижу, что онъ и непріятеля боится, ну а начальника дивизіи пожалуй еще того болѣе боится. «Смирно!» — кричитъ, — «господа офицеры!»

— Пора наступать, полковникъ, — строго такъ говоритъ генералъ. — Командуйте: слѣзай.

И самъ, значитъ, слѣзъ и пошелъ съ начальникомъ штаба впередъ на опушку лѣса.

Спѣшились мы. Раскинулись цѣпью по лѣсу и пошли. Вышли на опушку, залегли. Полежали немного, развѣдчики пошли впередъ. Прошло съ полчаса, — вернулись. «Ну, что?» — спрашиваемъ ихъ. «А вотъ», — говорятъ, — «съ версту не будетъ — его окопы пойдутъ. Проволоки, или чего такого — нѣтъ. Просто въ канавѣ лежитъ. Ну, только очень густо. Много ихъ, такъ много, ужасъ. И не спятъ. Разговоръ слышенъ. Офицеры ходятъ». И такъ мнѣ страшно стало, Ваше Императорское Высочество...

— Сестра Татьяна или называйте Татьяна Николаевна, — сказала княжна.

— Слушаюсь, Татьяна Николаевна... Да, и такъ мнѣ стало страшно. Все тутъ вспомнилъ. И маму, и домъ нашъ, и корпусъ, такъ вотъ, казалось, что непремѣнно они убьютъ, или въ плѣнъ заберутъ. Шагахъ въ пяти отъ меня командиръ полка лежитъ. «Есаулъ Ивановъ!» — кричитъ онъ вполголоса, — «идите, вамъ наступать, направленіе по четвертой». И называетъ онъ «есаулъ Ивановъ», а не Святославъ Никитичъ, какъ обыкновенно, потому, значитъ, хочетъ строгость показать, обозначить, что тутъ, молъ, дѣло важное. Есаулъ Ивановъ, толстый такой, неповоротливый, куда ему идти. Лежитъ и сопитъ только. Мнѣ слышно, какъ сопитъ. — «Есаулъ Ивановъ!» — кричитъ командиръ, — «что же вы, я приказываю». А онъ говоритъ: — ладно.

У меня жена, дѣти, иди самъ!» — да такъ говоритъ, что, ей-Богу, стыда на немъ нѣтъ, всѣмъ слышно.

— Четвертая, встать! — крикнулъ командиръ полка такимъ визгливымъ, не своимъ голосомъ. — Направленіе на горящую деревню.

Я всталъ и пошелъ. Ноги, какъ пудовыя. Земля такая ровная, идти подъ уклонъ, казалось бы легко такъ, а я еле ноги отъ земли отдираю. И чувствую, что одинъ иду. Оглянуться страшно. Понимаю, что, если оглянусь и увижу, что одинъ я, что казаки не пошли — то просто умру со страха. Ну, однако, оглянулся. Вижу, идутъ казаки. Мимо. Вправо, влѣво, вижу винтовки на перевѣсъ держатъ, тогда уже всѣ у насъ со штыками были, идутъ, согнувшись, какъ тѣни. И такъ мнѣ сразу легко и весело стало, и ноги пошли свободно. Мнѣ показалось, что мы шли очень долго. Впереди горѣлъ пожаръ, сверху свѣтила луна и такъ было тихо, что я слышалъ, какъ шуршала трава подъ ногами. Вдругъ впереди вспыхнула яркая линія огоньковъ и сильный трескъ ружей оглушилъ насъ. Засвистали и зашелкали пули. Мы всѣ легли, какъ подкошенные. Никто и не командовалъ тогда. И сами открыли огонь. А близко были — шаговъ не болѣе трехсотъ... Лежимъ. Стрѣляемъ. Раненые появились. Поползли назадъ. Вдругъ вижу — выбѣгаетъ впереди насъ казакъ Сережниковъ. Ростомъ косая сажень. Первый силачъ былъ въ пулеметной командѣ. Пулеметъ, какъ игрушку, въ рукахъ держитъ. — «Эй, вы,» — кричитъ, — «я постръляю его изъ пулемета, а вы, братцы, атакуй!» Тутъ всѣ встали и закричали ура! Бѣжимъ. Вижу, нѣмцы отъ насъ бѣгутъ. Адски весело стало на душѣ. Ну, такъ хорошо! Внутри точно праздничные колокола звонятъ. Бѣжимъ. Прыгнули черезъ его окопы. Вижу, казаки въ плѣнъ кого-то взяли. Ведутъ. Сѣрая безкозырка на немъ, красный узенькій околышъ, идетъ, шатается. Хотѣлъ посмотрѣть, никогда еще не видалъ плѣнныхъ, ну, только не до того. Бѣгу впередъ, кричу что-то. Вбѣжали мы въ деревню. Вижу посреди улицы окопчикъ сдѣланъ, а за нимъ пулеметъ и

каска видна, солдатъ нѣмецкій стрѣляетъ. Я кричу: — Баранниковъ, Скачковъ, на пулеметъ! Тутъ меня, какъ звиздануло въ бокъ! Ну, я только пріостановился, а все бѣгу. Взяли пулеметъ. Тогда я сѣлъ. Кровь горломъ пошла. А только я въ полномъ сознаніи былъ...

— Да вы герой, Карповъ!

Это сказала она. Празднично звенящіе колокола снова зазвучали торжественнымъ перезвономъ въ душѣ у Карпова, какъ тогда, во время побѣды, и на сердцѣ стало хорошо и тепло. Онъ глядѣлъ на Царевну глазами, въ нихъ было такое обожаніе, что Татьяна Николаевна смутилась.

— Какъ ваше имя, Карповъ? Я молиться буду за васъ.

— Меня зовутъ Алеша.

— Какъ моего брата. Я буду звать васъ тоже Алешей. Вы позволите? Что съ вами?

Алеша плакалъ слезами неизъяснимаго волненія и счастья.

VI

Во всей радугѣ чувствъ любви чувство первой любви самое сильное и самое острое. Но особенно мучительно оно, когда не только не имѣетъ удовлетворенія, но даже надежды на взаимность. Такая первая любовь становится уже болѣзнью, почти безуміемъ. Отъ неизъяснимаго счастья, отъ дикой радости по поводу пустяка, поднятаго бантика, подаренной фотографической карточки человѣкъ переходитъ къ мученіямъ, доводящимъ до самоубійства отъ маленькаго невниманія, кокетства съ другимъ, неласковаго слова.

Первая любовь возникаетъ вдругъ, съ перваго взгляда. Вообще, любовь слѣпа и не ищетъ совершенства, но первая любовь слѣпа особенно. Она дорисовываетъ портретъ любимаго существа до своего идеала. Первая любовь чиста. Любимое существо надѣляется ею такими

совершенствами, что страшно подумать о томъ, чтобы прикоснуться и обладать.

Первая любовь безкорыстна. Пожатіе руки, поцѣлуй, близость на прогулкѣ, во время игры, или танцевъ, даютъ большее блаженство, чѣмъ полное обладаніе. Въ неудовлетворенности страсти, въ вѣчномъ ея горѣніи, въ постоянныхъ намекахъ и недомолвкахъ таится особенная мучительная прелесть первой любви. Только при первой любви выплываетъ она, какъ вполнѣ цѣлое и дѣлается прекраснымъ все, что касается до нея.

Платье, которое она носитъ, прическа, въ которую она складываетъ свои волосы, бѣлье, выглядывающее изъ-подъ юбокъ, чулки, башмаки, касающіеся ея тѣла, кажутся особенными и даже снятые и брошенные, способны доводить до пароксизма страсти. Въ ней нѣтъ недостатковъ. Она царитъ не столько во время своего присутствія, сколько тогда, когда она остается въ мечтахъ. Здѣсь она надѣляется всѣми совершенствами физическими и нравственными, здѣсь для нея совершаются самые невозможные подвиги, здѣсь плетется такой причудливый узоръ необыкновенныхъ приключеній, которому позавидовалъ бы романистъ съ большою фантазіей...

Такою первою любовью заболѣлъ Алеша Карповъ, едва только Татьяна Николаевна отошла отъ него и скрылась изъ комнаты. Его любовь была особенно сильна потому, что Татьяна Николаевна была прелестная дѣвушка, обладала чудными волосами, прекрасными глазами и была пропитана святостью своего происхожденія. Она была Царская дочь, царевна. Ни одна грѣховная мысль не вязалась съ нею, надѣяться на возможность сближенія съ нею — было нельзя, и оставалось только, молча, любить и страдать въ своихъ мечтахъ.

Жаднымъ, взволнованнымъ взглядомъ Алеша проводилъ ее, когда она встала со стула возлѣ кровати и ушла. Все въ ней было великолѣпное и особенное и онъ все охватилъ и запомнилъ. Талія, перехваченная бѣлымъ кушакомъ передника, казалась удивительно тонкой, сѣ-

рая юбка падала широкими складками и изъ-подъ нея выглядывали стройныя ноги. Башмаки на англійскомъ каблукѣ чуть стучали по паркету пола и шла она легко, какъ духъ.

Въ палатѣ онъ былъ не одинъ. Лежали другіе раненые. Противъ него сидѣлъ пожилой офицеръ въ халатѣ, на которомъ былъ приширпленъ офицерскій георгіевскій крестъ, и нервно курилъ. Желтое лицо его было мрачно, и голова непрерывно и независимо отъ его воли тряслась. Черезъ двѣ кровати, у самой стѣны, скорчившись, лежалъ раненый и тихо стоналъ. Въ скорбно иронической улыбкѣ его слишкомъ худого лица съ выдающимися костями черепа, Алеша узналъ спутника по вагону, Верцинскаго. Алеша лежалъ съ края, недалеко отъ окна. Онъ повернулся къ окну. Онъ боялся, что кто-нибудь заговоритъ съ нимъ и разсѣетъ прекрасное очарованіе, оставшееся у него послѣ разговора съ княжной. О, какъ хотѣлъ бы онъ теперь быть совершенно одинъ и въ полной мѣрѣ отдаться мечтамъ!

Сквозь большія оконныя стекла были видны раскидистыя липы и бѣлыя березы въ золотомъ уборѣ осени. По блѣдному небу тихо плыли бѣло-розовыя облака. Глядѣть на небо, слѣдить за этими облаками было лучше всего. Недалеко возвышался корпусъ трехэтажнаго зданія. Изъ трубы на желѣзной крышѣ шелъ дымъ. Вѣтеръ срывалъ его кусками и гналъ, крутя къ небу и обрывки этого дыма испарялись въ синей выси. И такъ же, какъ этотъ дымъ, въ умѣ Алеши срывались быстрыя и легкія мечты и улетали куда-то въ высь.

«Любимая моя!... Моя любовь... моя милая... Вотъ придешь ты снова ко мнѣ и сядешь на этомъ стулѣ»....

Хотѣлось поцѣловать стулъ, гдѣ она сидѣла, но было совѣстно. Алеша положилъ на него руку, но стулъ былъ холодный и солома плетенаго сидѣнья не сохранила теплоты ея тѣла.

«Что я скажу тебѣ? Что я попрошу у тебя? Я попрошу тебя дать поцѣловать твою бѣлую руку и я при-

жму ее къ губамъ, потомъ переверну и буду цѣловать твою маленькую розовую ладонь.»

Въ мечтахъ Алеша говорилъ Татьянѣ Николаевнѣ ты. Въ мечтахъ она любила его такою же святою чистою любовью и давала цѣловать свои руки.

«Чѣмъ отплачу я тебѣ за твои ласки? Чѣмъ отвѣчу на твое вниманіе? О! если бы я былъ художникъ — я нарисовалъ бы твое прекрасное лицо и подарилъ бы тебѣ! Если бы я былъ пѣвецъ — я пѣлъ бы гимны любви тебѣ, моей золотой, но тѣ пѣсни казачьи, что я только и умѣю пѣть, не для твоихъ ушей!... О, если бы я могъ быть поэтомъ, я написалъ бы въ честь твою стихи, равныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ. Но я солдатъ, и могу отдать тебѣ только жизнь»...

Алеша мечталъ, какъ онъ со своимъ разъѣздомъ возьметъ въ плѣнъ Вильгельма. Что же, развѣ это не можетъ быть? Онъ пробрался глубоко въ тылъ за германскія войска. Съ нимъ Скачковъ, Барашниковъ и Семерниковъ — все лихачи Усть-Бѣло-Калитвенцы, еще семнадцать такихъ же удальцовъ Гундоровцевъ. Ночью прокрались они за сторожевое охраненіе и сдѣлали семьдесятъ верстъ по шоссе. На развѣтѣ они напали на нѣмецкую заставу гвардейскаго полка. Перебили сонныхъ германцевъ, одного оставили, допросили. «Что за застава?» — «Тутъ почуетъ самъ кейзеръ.» Казаки переодѣлись въ нѣмецкіе мундиры и сѣли на нѣмецкихъ лошадей. Вотъ мчится автомобиль. Въ немъ знакомая по картинамъ и каррикатурамъ фигура. Кейзеръ ѣдетъ на позицію. — «Стой... Halt!»*) Съ револьверами набрасываются на шофферовъ. Кейзеръ охваченъ могучими руками Семерникова, дежурный флигель-адъютантъ связанъ и положенъ на дно автомобиля. Шофферы, угрожаемые револьверами, мчатся къ русской позиціи. Вывѣшенъ бѣлый флагъ. «Я — хорунжій Карповъ, хитростью взялъ въ плѣнъ императора Вильгельма, доставьте меня въ штабъ арміи.» Тамъ Алеша проситъ, какъ

*) Стой!

милости, лично доставить кейзера къ Государю. И вотъ онъ въ Ставкѣ. Выходитъ Государь. Ему все уже извѣстно по телеграфу. Германія проситъ мира и сдается на милость побѣдителя. — «Чѣмъ я могу наградить васъ, хорунжій?» — говоритъ Государь. — Я отдамъ вамъ полцарства и сдѣлаю васъ самымъ приближеннымъ къ себѣ человѣкомъ. Просите, что хотите вы еще въ награду за спасеніе Родины.» — «Ваше Величество», — твердо говоритъ Алеша, — «мнѣ не нужно никакой награды. Я совершилъ этотъ подвигъ, чтобы прославить вашу дочь, великую княжну Татьяну Николаевну. Мнѣ ничего не нужно. Наградите только моихъ казаковъ»...

Вѣтеръ все рветъ и рветъ клочья бѣлаго дыма надъ трубой и видно, какъ шевелится желѣзный флюгеръ на ней, тихо поворачиваясь то вправо, то влѣво. Съ березы срываются сухіе желтые листья и летятъ куда-то и уносятся въ поля... Летятъ и мечты, и сладко сжимается сердце.

VII

Этотъ день святой, прекрасный день, Алеша всю жизнь будетъ помнить его. Если бы у него были деньги, онъ купилъ бы маленькое хорошенькое колечко, вродѣ обручальнаго, только съ камнемъ и вырѣзалъ бы на немъ священное число. Двадцать третье сентября. Она подошла къ нему и принесла ему цвѣты.

— Ну вотъ, вы паинька у насъ, — сказала она, — вамъ можно теперь вставать и ходить.

— Этимъ я только вамъ обязанъ, — сказалъ онъ пересохшими губами.

— Почему мнѣ?

Въ палатѣ никого, кромѣ Верцинскаго, не было. Верцинскій лежалъ спиною къ нему.

— Почему... Я не могу вамъ этого сказать, Татьяна Николаевна. Вы на меня разсердитесь.

Она ставила цвѣты въ стаканъ на столикѣ у посте-

ли и наливала воду изъ графина. Она нагнулась къ нему. Ему снизу было видно ея покраснѣвшее лицо и большіе сѣрые глаза, внимательно слѣдившіе за тѣмъ, чтобы не перелить воду. Пальцы, державшіе графинъ, стали розовыми. Видна была бѣлая шейка.

— На что же я разсержусь? — ставя графинъ на столикъ, сказала она. — Развѣ вы хотите обидѣть меня и скажете что худое?

— Могу ли я сказать, или сдѣлать вамъ что-нибудь худое? — съ упрекомъ въ голосѣ сказалъ Алеша.

— Думаю, что нѣтъ. Вы хорошій офицеръ. Вы мнѣ очень нравитесь. Если бы много, очень много было такихъ офицеровъ, какъ вы, мы бы побѣдили нѣмцевъ.

— Мы побѣдимъ, Татьяна Николаевна. Видитъ Богъ, мы побѣдимъ ихъ!

— Противные они!... Но все-таки, что же это такое, чего вы не могли сказать мнѣ?

— Я хотѣлъ васъ попросить о великой милости.

— Что же вы хотите? — становясь серьезной, спросила Татьяна Николаевна. Она ожидала просьбы къ ней, какъ къ великой княжнѣ, просьбы исходатайствовать что-нибудь у Государя, чьего-нибудь помилованія, денегъ, пособія, награды. Такія просьбы почти всегда бывали неисполнимы и онѣ огорчали.

— Я очень прошу васъ... дайте мнѣ поцѣловать вашу руку.

Она засмѣялась короткимъ груднымъ смѣхомъ и протянула руку, Алеша схватилъ ее обѣими руками и прижалъ къ своимъ губамъ. Горячія губы обожгли руку великой княжны и она вся вздрогнула. Но она не отняла руки. Его горячіе пальцы быстро перевернули руку и покрыли ладонь горячими поцѣлуями.

— Ну, довольно,—сказала она.—Какой вы чудной.— И, быстро нагнувшись, она положила свои нѣжныя губы къ его горячему лбу и сейчасъ же вышла...

Алеша не могъ лежать больше, не могъ думать, не могъ молчать. Ему хотѣлось пѣть, кричать о своемъ

счастьи, ходить, прыгать, танцовать. Онъ всталъ и пошелъ по палатѣ.

— Верцинскій! Казиміръ Казиміровичъ,—окликнулъ онъ, — вы спите?

Острое лицо повернулось къ нему и горящій взоръ остановился на немъ.

— А, это вы, Карновъ. Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Я задушить васъ хочу, Казиміръ Казиміровичъ, вы понимаете? Я счастливъ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю. Только, пожалуйста, меня не трогайте. Рубцы подживать стали и рана не гноится.

— Казиміръ Казиміровичъ, вы знаете, что такое любовь?

Верцинскій внимательно посмотрѣлъ на Алешу.

— Да вы что, юноша, влюблены, что ли?

Алеша, молча, кивнулъ головой.

— Ну, значитъ, пропали. Юноша, только дуракъ можетъ любить въ настоящее время.

— Казиміръ Казиміровичъ, да... нѣтъ... Ну, въ самомъ дѣлѣ, неужели вы не знаете, что такое любовь?

— Любовь, или влюбленность, юноша, это различать надо. Вы въ грудь ранены. Смотрите, еще чахотку наживете.

— Ну, влюбленность, не все ли равно? — весело сказалъ Алеша и сѣлъ на постель Верцинскаго.

VIII

— Влюбленность — это выписываніе на пескѣ вензелей своей возлюбленной. Это, юноша, чувство глупое и недостойное мужчины, — сказалъ Верцинскій.

— Скажете тоже! Какъ вамъ не стыдно, Казиміръ Казиміровичъ. И вовсе вы не такой, вы только на себя напускаете.

— Нѣтъ, юноша, — локоновъ отъ милыхъ дѣвушекъ

никогда не бралъ и на сердцѣ въ видѣ амулета не носилъ, ибо это глупо.

Алеша представилъ себѣ, сколько радости ему доставилъ бы локонъ Татьяны Николаевны, и блаженно улыбнулся.

— Вижу, юноша, что вы не согласны. Ну, что дѣлать. Но предупредить васъ считаю обязаннымъ, ибо, можетъ быть, отчасти, благодаря вамъ, попалъ въ этотъ образцовый лазаретъ и на пути къ выздоровленію.

— И не благодарны за это ей, нашей Царицѣ, старшей сестрѣ.

— Нисколько, юноша. Она обязана это сдѣлать, и она и сотой доли своего долга не отдала мнѣ.

— Обязана? Но почему? За что она обязана? А дѣлать самой операцію надо мною? Возиться надъ моимъ тѣломъ, ходить за мной! Тоже обязана! — задыхаясь и торопясь, сказалъ Алеша.

— Эхъ, юноша! Юноша! Вы слыхали, что такое садизмъ?

— Нѣтъ.

— Ну, ладно... А о половой психопатіи, или истеріи слыхали?

— Очень мало.

— Всѣ онѣ, и старшая сестра, и ея дочери, въ лучшемъ случаѣ больныя женщины — истерички.

— Какъ вы можете это говорить!

— Продуктъ вырожденія, юноша.

Алеша молчалъ. Въ его головѣ это не укладывалось. Онъ видѣлъ сильную высокую императрицу, красавицъ великихъ княженъ и не могъ понять, какъ могутъ онѣ быть продуктомъ вырожденія. Верцинскій точно угадывалъ его мысли.

— Вы не смотрите на то, что онѣ тѣломъ такія здоровыя и сильныя, хотя Татьяна и тѣломъ худовата. Это бываетъ. Въ здоровомъ тѣлѣ есть такой нервный изломъ, и вотъ отъ этого-то нервнаго излома и идетъ все это. И лазаретъ съ красивыми молодыми офицерами, и игры съ ними, а болѣе того Распутинъ.

Это страшное имя было произнесено. Алеша боялся, что съ этимъ грязнымъ именемъ будетъ связана та, кого онъ любилъ больше жизни. О Распутинѣ онъ не зналъ ничего опредѣленнаго, но уже слыхалъ. Заставить замолчать Верцинскаго, уйти отъ него онъ уже не могъ. Съ непонятнымъ жуткимъ сладострастіемъ ему хотѣлось слушать все то худое и грязное, что тогда говорилось про Царскую семью.

— Ни меня, — продолжалъ Верцинскій, — ни штабсъ-капитана, вашего сосѣда, у котораго вчера отняли ногу по бедро, а сегодня онъ умеръ, сами не оперировали, даже и не глядѣли на насъ. Мы имъ не интересны. Тутъ смотрятъ и оперируютъ молодыхъ, красивыхъ, которые бьютъ на чувственность, раздражаютъ нервы... Да, это дополненіе къ Распутину, къ той страшной гангренозной язвѣ, что поразила императорскій домъ, наканунѣ его паденія.

И опять Алеша молчалъ. Онъ хотѣлъ возразить, но чувствовалъ, что то, что онъ скажетъ, будетъ шаблонно и ни на чемъ не основано. Верцинскій же говоритъ что-то значительное и умное, что еще юнкеромъ онъ немного слыхалъ, что чуть-чуть слыхалъ въ полку и чего никакъ не понималъ. Для него это все соединялось въ одномъ ужасномъ словѣ: *революція* и въ этомъ словѣ онъ видѣлъ сейчасъ самое страшное: — угрозу спокойствію Татьяны Николаевны.

Но не слушать онъ не могъ. Зеленоватые глаза Верцинскаго, больные и злобные, приковали его къ себѣ, какъ змѣя приковываетъ своимъ взглядомъ.

— Закона исторіи нельзя миновать. Россійскій императорскій домъ шатался не разъ. Послѣ прославленной и воспѣтой наемными льстецами императрицы Екатерины былъ сумасшедшій Павелъ. Тогда должна была быть Русская революція... Но съ одной стороны Русское общество еще не созрѣло, съ другой, великая французская революція пошла по уродливому пути и вылилась въ Бонапарта — у насъ дѣло кончилось дворцовымъ переворотомъ и новымъ преклоненіемъ передъ полоумнымъ

мистикомъ Александромъ. А тамъ и пошло. Держали народъ въ темнотѣ, ласкали дворянство и держались. Но гнилой плодъ все равно долженъ упасть: — это законъ тяготѣнія. Распутинскую язву видятъ всѣ, не видите ее только вы, одурманенный самою глупою болѣзнью — влюбленностью.

— Кто такое Распутинъ? — спросилъ Алеша и самъ испугался своего вопроса. Онъ понялъ, что сейчасъ откроется что то страшное, что то такое, что вывернетъ ему душу наизнанку.

— Распутинъ любовникъ истеричной царицы и купленный императоромъ Вильгельмомъ негодяй, притворяющійся юродивымъ. Распутинъ это альфа и омега надвигающейся Русской революціи, это ея краеугольный камень и послѣдняя капля, переполняющая чашу Русскаго самодержавія, — проговорилъ Верцинскій и, казалось, самъ любовался законченностью своего опредѣленія.

— Но, говорятъ... я читалъ, это простой мужикъ, — сказалъ Алеша.

— Ну такъ что же, что простой мужикъ?

— Какъ же онъ можетъ приблизиться къ Императрицѣ?

— Э! юноша. У него есть то, что ей нужно. Не безпокойтесь, пожалуйста. И Мессалина искала простыхъ легіонеровъ и гладіаторовъ, а не изнѣженныхъ сенаторовъ и римскихъ всадниковъ.

Алеша молчалъ, поникнувъ головой.

— И потому, юноша, — продолжалъ Верцинскій, — взвѣсьте самого себя и, если чувствуете въ себѣ достаточно силы и пріятности, дерзайте, а не вздыхайте и влюбленность свою отбросьте. Сантименты разводить тутъ нечего.

Алеша не слыхалъ, или сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ послѣднихъ словъ. Онъ сидѣлъ подавленный и тупо глядѣлъ на свѣтлую стѣну, покрашенную масляною краской.

— Какъ же вы говорите, что Распутинъ краеуголь-

ный камень Русской революціи. Вы называете его гнилымъ... мерзавцемъ... Но, если на этой мерзости, гнили и грязи вы построите Русскую революцію, то, что же она будетъ представлять изъ себя, какъ не ужасную мерзость?.. И не вѣрю я вамъ!.. — воскликнулъ со слезами въ голосѣ Алеша. — И ни въ какую революцію я не вѣрю! Мы, казаки, не допустимъ этого! Какъ не допустили въ 1905 году...

И Алеша быстро отошелъ отъ Верцинскаго, какъ отходятъ отъ гада, отъ змѣи и, подойдя къ своей кровати, рухнулъ на нее и легъ, устремивъ пустые глаза въ окно.

«А юноша не такъ глупъ», — думалъ Верцинскій. — «Иногда сравненіе приводитъ къ неожиданному открытію. Распутинъ какъ краеугольный камень революціи не приведетъ ли ее къ гнилому концу? Чортъ знаетъ, въ какой ужасный тупикъ загнана Россія. А впрочемъ — и чортъ съ ней! Туда и дорога! Лоскутная страна рабовъ, пьяницъ и сифилитиковъ!»

IX

Эту ночь Алеша не спалъ. Голова его пылала, тѣло томилось зноемъ страсти. Противъ воли распаленный мозгъ рисовалъ картины одна ужаснѣе другой. Онъ видѣлъ то, о чемъ никогда не смѣлъ думать. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, укутавшись съ головою въ одѣяло и рыданія подергивали его тѣло.

Это неправда! Это гнусная клевета! Это выдумка этихъ страшныхъ людей, отъ кого меня всегда предостерегалъ отецъ и воспитатели въ корпусѣ, это наглая клевета соціалистовъ.

Но недоступная раньше даже и въ мечтахъ Татьяна Николаевна стала доступной. Уже не необычайные подвиги, не взятіе въ плѣнъ Вильгельма кидали ее въ объятія Алеши, но привлекательность Алеши, какъ мужчины. Онъ вспомнилъ, что одна великая княгиня полюбила и вышла замужъ за простого кавалерійскаго офице-

ра, исторія напомнила ему про Потемкина, Орлова и Разумовскаго. «Дерзайте!» — властнымъ приказомъ стучали въ его мозгу слова Верцинскаго и каждый пульсъ его молодого тѣла кричалъ ему, что онъ можетъ дерзать.

Голова горѣла, какъ въ жару. Кровь бурлила, тяготило одѣяло, жгла лицо подушка. Онъ сбросилъ это все и, полунагой, отдавался тишинѣ ночи, ловя ея звуки.

Кто то прошелъ на верху, мягко ступая, и подъ тяжелымъ корпусомъ чуть скрипѣлъ паркетъ. Стала блѣднѣть и желтѣть опущенная штора и вдругъ погасли синія ночныя электрическія лампочки. Отъ большого окна потянуло утренней свѣжестью и прохладой и неуловимый запахъ осени, прѣлаго листа, холодныхъ росъ и свѣжаго хлѣба пошелъ отъ него. На дворѣ фырчалъ автомобиль, цокотали желѣзными подковами по камню лошади, гремѣла накатываемая телѣга. Жизнь начиналась въ лазаретѣ. Въ палатѣ были три койки — одна была свободна — умершаго послѣ операціи штабсъ-капитана. Верцинскій спалъ въ углу, закутавшись съ головою въ одѣяло и дыханія его не было слышно.

У Алеши отяжелѣли вѣки, дрема грозно наполнила ихъ и они крѣпко сомкнулись. Благодѣтельный сонъ юности сковалъ и разметалъ его члены. Снилось что то невѣроятно прекрасное, мучительно сладкое.

Алеша проснулся. Затекшая голова вспотѣла и сильно стучало въ виски. Во всемъ тѣлѣ была истома и не хотѣлось шевелиться. Хотѣлось снова закрыть глаза, чтобы продолжался этотъ колдовской сонъ.

Но надъ нимъ стояла сестра Валентина. Она расправляла на немъ простыню и накрывала его одѣяломъ. Сестра Рита принесла чай съ лимономъ и хлѣбъ съ масломъ. На столикѣ въ стаканѣ увядали прекрасныя хризантемы, принесенныя вчера Татьяной Николаевной. Было мучительно стыдно и вмѣстѣ съ тѣмъ легко и радостно на сердцѣ. Тяжесть спала съ души и хотѣлось смѣяться и обнять весь міръ въ ласковомъ привѣтѣ.

— Ну вотъ вы поправились и поздоровѣли, — привѣтливо улыбаясь, сказала сестра Валентина. — Я скажу

доктору и вамъ разрѣшатъ прогулки на воздухѣ. А тамъ пошлемъ васъ на мѣсяцъ, или на два въ санаторію въ Крымъ и вы будете снова такъ здоровы, какъ будто бы васъ никто и не ранилъ.

Рита пошла съ подносомъ дальше. Сестра Валентина хотѣла тоже идти, но Алеша удержалъ ее движеніемъ руки.

— Сестра Валентина! Сестра Валентина!—мучительно краснѣя, проговорилъ онъ.

— Что, дорогой мой? — сказала ласково сестра Валентина и сѣла на тотъ стулъ, гдѣ вчера сидѣла о н а.

— Сестра Валентина, устройте такъ, чтобы мнѣ отсюда никуда не уѣзжать. Не нужно Крыма. Я поправлюсь здѣсь много лучше. А отсюда прямо на фронтъ и тамъ — умереть...

Алеша замолчалъ. Прекрасное лицо его было взволновано. Большіе глаза смотрѣли съ мольбою въ лицо сестры Валентины.

— Скажите мнѣ, сестра Валентина... Скажите правду. Для меня это такъ важно... Что такое Распутинъ?.. И есть ли... Есть ли хотя что либо... Осмѣлился ли онъ... И Ея Императорское Высочество великая княжна Татьяна Николаевна.

Лицо сестры Валентины вспыхнуло. — Въ карихъ умныхъ глазахъ загорѣлся огонь негодованія.

— Какъ вамъ не стыдно, Карповъ! Вѣрить этой гнусной клеветѣ. Эти прекрасныя дѣвушки, отдавшія свою молодость тяжелой работѣ по уходу за ранеными чисты, какъ первый снѣгъ. Онѣ ненавидятъ Распутина и Распутинъ никогда къ нимъ не приближается. Да и вообще все то, что разсказываютъ про Распутина и старшую сестру, неправда. Распутинъ застрашалъ ее своимъ колдовствомъ и вліяніемъ на здоровье Наслѣдника. Старшая сестра больна отъ этого. Ее пожалѣть надо. Вы, офицеры, должны всѣми силами бороться съ этой страшной клеветой, пущенной нарочно врагами Россіи, чтобы свалить и уничтожить Россію. Карповъ! вотъ идетъ она!.. Посмотрите въ ея чистые, честные, прекрасные глаза,

неужели вы можете повѣрить, что эти глаза могутъ лгать? Къ вамъ идетъ дѣвушка, полная святой чистоты и прекрасной христіанской любви къ ближнему. Ее можно только боготворить!

— Я обожаю ее, — прошепталъ Алеша.

Къ его постели подошла Татьяна Николаевна.

— Татьяна Николаевна, — сказала сестра Валентина. — Мы съ Карповымъ только что говорили о васъ. У васъ еще новый поклонникъ. Вы покоряете сердца нашей Арміи.

— Умереть за васъ, Ваше Императорское Высочество, было бы величайшее счастье для меня, — сказалъ Карповъ.

Сестра Валентина встала и на ея мѣсто сѣла Татьяна Николаевна.

Всѣ ночные страхи и думы исчезли при одномъ взглядѣ на Татьяну Николаевну. Честно и прямо смотрѣли ея большіе, чуть выпуклые, сѣрые глаза и сверкало блескомъ юности молодое лицо съ блѣднымъ румянцемъ; при улыбкѣ сквозь розовыя губы горѣли чистымъ жемчугомъ прекрасные зубы.

— Карповъ совсѣмъ молодцомъ, Татьяна Николаевна, — сказала сестра Валентина. — У васъ легкая рука. Всѣ ваши раненые быстро поправляются. Вотъ и Карпову мы сегодня устроимъ ванну и, если врачъ позволитъ и рана не откроется, завтра мы разрѣшимъ ему прогулки и переведемъ въ отдѣленіе для выздоравливающихъ. Благодарите сестру Татьяну, Карповъ. Ваше положеніе передъ операціей мы считали почти безнадежнымъ. Сердце было такъ близко, а нагноеніе оставить казалось невозможнымъ.

— Я не знаю, какъ мнѣ благодарить, — сказалъ Алеша. — Что я могу? Я могу только умереть за васъ, сестра Татьяна. И я умру въ бою за васъ.

Онъ смотрѣлъ на Татьяну Николаевну такими влюбленными глазами, что она смутилась.

— Какъ ужасно умеръ Никольскій, — сказала она,

указывая глазами на пустую койку. — Все не хотѣлъ, чтобы ему ногу отнимали. И вотъ, видно, поздно было.

— Что дѣлать, Татьяна Николаевна. Видно Богу такъ угодно.

— Говорятъ, прекрасный офицеръ. Отличный батарейный командиръ. Осталась семья. Мы были на панихидѣ. У него красавица жена и трое малютокъ дѣтей... Пейте же вашъ чай, Карповъ. Мы вамъ мѣшаемъ. Я вамъ намажу масло на хлѣбъ. Хорошо?

Бѣлые пальцы ловко намазали булку масломъ. Алеша приподнялся и стыдливо прикрывая свою грудь и шею одѣяломъ, — онъ былъ еще безъ халата, — началъ ѣсть эту булку, какъ какой то священный хлѣбъ.

— Вянутъ мои хризантемы, — поправляя цвѣты сказала Татьяна Николаевна, — ну ничего, я вамъ принесу новыхъ. Какъ хорошо, что васъ скоро переведутъ въ палату для выздоравливающихъ. Тамъ гораздо веселѣе. Ольга будетъ играть на фортепьяно, мы будемъ играть въ рубль. Вы знаете эту игру, Карповъ?

— Нѣтъ, я не знаю.

— Это очень просто. Я васъ научу.

Да, все клевета. Это страшная работа бѣсовъ разрушителей Россіи, работа, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ, даже передъ этой невинной красотой. Татьяна Николаевна показалась ему еще прекраснѣе, еще дороже. Точно онъ потерялъ ее и теперь нашелъ снова. Опять царевна сказки была передъ нимъ. Разговоръ съ Верцинскимъ былъ чудовищный кошмаръ и Верцинскаго онъ теперь ненавидѣлъ всѣми силами души. Татьяна Николаевна сидѣла противъ него, ласково болтала и слушала разсказы Алеши про полкъ, про знамя, про казаковъ, про то, какъ страшно идти въ головномъ разъѣздѣ и напряженно ждать глухого стука выстрѣла и свиста пули. Сестра Валентина подняла штору и, стоя у окна, смотрѣла на дворъ, на противоположный флигель госпиталя, и забота не сходила съ ея лица.

— Простите, Татьяна Николаевна, — сказала она. — Я пойду. Надо принять и приготовить бѣлье изъ пра-

ченной. Сегодня ожидается поѣздъ съ ранеными юго-западнаго фронта.

— Я пойду съ вами, — сказала Татьяна Николаевна. — До свиданья, Карповъ. Будьте умницей. Знайте, что вы мнѣ дороги.

Она кивнула ему точеной головкой. Онъ не посмѣлъ попросить у нея руки на прощанье и влюбленнымъ взглядомъ провожалъ ее пока она не вышла изъ комнаты. Онѣ проходили мимо Верцинскаго. Верцинскій проснулся. Его худое лицо тонуло въ подушкѣ. Торчалъ какъ у покойника обострившійся носъ и глаза смотрѣли мрачно и злобно.

Татьяна Николаевна прошла мимо, не посмотрѣвъ на Верцинскаго. Точно безсознательно она ощущала дыханіе той злобы и непримиримой ненависти, что жили въ этомъ человѣкѣ.

X

Въ просторной столовой отдѣленія для выздоравливающихъ собралось человѣкъ двѣнадцать офицеровъ въ чистыхъ, изящныхъ халатахъ, была Императрица со всѣми четырьмя дочерьми, сестра Валентина, сестра Рита и еще нѣсколько сестеръ и служащихъ.

Великая княжна Ольга Николаевна только что кончила играть на рояли и всѣ сидѣли молча, не смѣя хвалить мастерскую игру Государевой дочери.

Былъ октябрьскій вечеръ. За окномъ сыпалъ дождь и иногда съ налетающимъ вѣтромъ барабанилъ по стекламъ. Здѣсь, въ ярко освѣщенной электричествомъ столовой, было тепло и уютно. Служители разносили чай, хлѣбъ и сласти. Въ углу Карповъ сидѣлъ съ сестрой Ритой Дурново.

Къ сестрѣ Ритѣ его влекло одинаковое страстное обожаніе ко всей Царской Семьѣ.

— Нашъ родной прадѣдъ, — говорила высокая и худая съ громадными глазами, умно глядящими изъ-подъ

тонкихъ бровей Рита Дурново, — былъ Суворовъ. И у насъ у всѣхъ, у меня, у моихъ сестеръ и братьевъ надъ постелями виситъ послѣднее завѣщаніе Суворова: — «Сіе завѣщаю вамъ: — безпредѣльную преданность Государю Императору и готовность умереть за Царя и Родину».

— Да, выше этого нѣтъ ничего, — сказалъ Алеша. — Знаете, сестра Рита, я давно таю въ себѣ горячее желаніе умереть на войнѣ. Вы меня поймете. Сестра Валентина тоже понимаетъ... Вы скоро услышите, что я убитъ. Тогда скажите Татьянѣ Николаевнѣ, что это я для нея убитъ.

— Вы влюблены въ нее, — прошептала Рита. — Какъ я понимаю васъ, Алексѣй Павловичъ! Правда, въ нее нельзя не влюбиться и именно такъ, чтобы умереть за нее. Вѣдь она сама греза. Вы знаете, что я посвятила всю себя имъ. Для меня нѣтъ ничего выше, ничего лучше, какъ имъ служить. Что бы ни было, я останусь имъ вѣрна. Я никогда и нигдѣ ихъ не покину, хотя бы это мнѣ стоило жизни.

— А развѣ что-нибудь грозитъ имъ? — понижая голосъ почти до шопота, сказалъ Алеша.

— Ахъ, не знаю, не знаю... Но говорятъ. И временами такъ страшно становится отъ этихъ разговоровъ. Скажите, Алексѣй Павловичъ, вы увѣрены въ вѣрности своихъ казаковъ?

— О, да! — Вы знаете, сестра Рита, что нашъ казакъ и солдатъ, сколько я понимаю, самъ ничего худого не сдѣлаетъ. Нужны вожаки. Его можетъ повести на хорошее и худое только интеллигенція, только офицеры.

— А какъ офицеры?

Карповъ вспомнилъ Верцинскаго и задумался.

— Я наблюдаю ихъ здѣсь въ лазаретѣ, — сказала Рита, — кромѣ того, у меня шесть братьевъ. Знаете, Алексѣй Павловичъ, страшно становится. Все лучшее погибло на поляхъ Пруссіи и Галиціи ради спасенія Франціи. Вотъ недѣлю тому назадъ мы хоронили штабсъ-капитана Никольскаго. Какой это былъ офицеръ! И сколько такихъ мы схоронили. У меня братъ офицеръ

Лейбъ Гвардіи Егерскаго полка, — онъ мнѣ говорилъ, что не узнаетъ полка. Восемьдесятъ процентовъ новыхъ людей, прапорщики ускоренныхъ выпусковъ, изъ студентовъ и гимназистовъ, люди совершенно не имѣющіе гвардейскихъ традицій. И такъ вездѣ! Здѣсь стоятъ запасные батальоны гвардіи; я вижу офицеровъ — я молода, неопытна, но я вижу, что это не то. Какъ позволяютъ они себѣ говорить про священную особу Государя, какъ ведутъ себя на желѣзной дорогѣ и въ трамваяхъ. Я гляжу и мнѣ страшно. А что, если это начало конца? О, никогда, что бы ни случилось, я ихъ не покину. Мой прадѣдъ завѣщалъ мнѣ безпредѣльную преданность — и съ нею я умру.

— Рита, — звонкимъ, груднымъ голосомъ сказала Ольга Николаевна, — что вы тамъ шепчетесь съ Карповымъ? Идите играть въ рубль.

Офицеры и великія княжны сѣли за столъ.

— Карповъ, идите сюда, — позвала его Татьяна Николаевна и Алеша почувствовалъ, какъ горячая кровь хлынула по его тѣлу, и покраснѣлъ до корня волосъ. Онъ сѣлъ рядомъ съ ней.

У всѣхъ играющихъ руки были подъ столомъ. Одинъ молодой поручикъ гвардейскаго пѣхотнаго полка, раненый въ руку и уже совершенно оправившійся, внимательно слѣдилъ за лицами и за движеніями плечъ играющихъ, стараясь угадать, у кого изъ нихъ въ рукахъ остановился серебряный рубль. Сидѣвшіе за столомъ нарочно толкали другъ друга, перешептывались, дѣлая видъ, что стараются незамѣтно передать рубль черезъ сосѣда, чтобы ввести въ заблужденіе отгадчика.

— Карповъ, у васъ, — крикнулъ отгадчикъ, но Карповъ проворно поднялъ свои руки и показалъ пустыя ладони.

Алеша зналъ, что рубль давно находится въ мягкихъ и нѣжныхъ пальчикахъ Татьяны Николаевны и что, по молчаливому соглашенію между ними, онъ никуда дальше не пойдетъ. Было страшно, если отгадчикъ назоветъ имя Татьяны Николаевны. Тогда для Карпова пропадетъ

все обаяніе нагрѣтаго милыми ручками рубля. Оба, — Татьяна Николаевна и Алеша, сидѣли съ сильно бьющимися сердцами и пустая игра вдругъ получила для нихъ какую-то особую, непонятную имъ самимъ важность. Но отгадчикъ подумалъ, что, если онъ былъ близокъ къ тому, чтобы угадать, то теперь рубль уже ушелъ куда-либо далеко въ сторону. Онъ оглянулъ столъ, стараясь по веселымъ раскраснѣвшимся лицамъ угадать, у кого притаился рубль.

— Марія Николаевна, у васъ? — сказалъ онъ.

Еще дѣвочка, великая княжна Марія Николаевна, весело засмѣялась и протянула почти къ самому лицу отгадчика свои пухлыя ручки.

Алеша держалъ свою руку въ рукѣ Татьяны Николаевны. Горячій рубль лежалъ между его и ея пальцами. Его пальцы касались ея колѣна и чувствовали матерію ея сѣрой юбки.

— Татьяна Николаевна, — чуть слышно засохшими губами прошепталъ Алеша, — ради Бога, никому не передавайте рубля, отдайте его мнѣ навсегда, на память и кончите игру.

Маленькая рука съ рублемъ крѣпко сжала руку Алеши и долго держала такъ въ дружескомъ пожатіи. Карповъ чувствовалъ тонкое біеніе пульса каждаго пальца. Онъ испытывалъ величайшее счастіе.

— Каппель, ну у васъ, — сказалъ отгадчикъ. Его начинало сердить и утомлять то, что онъ не можетъ напасть на вѣрный слѣдъ.

— Господа, довольно, — капризнымъ тономъ сказала Татьяна Николаевна. — Давайте лучше играть въ отгадываніе мыслей — и, говоря это, она еще разъ сжала руку Алеши и оставила въ ней горячій рубль.

Всѣ согласились. Игра дѣйствительно не удавалась. Кто то удерживалъ рубль, а водить пустыми руками, не чувствуя въ нихъ предательскаго рубля, было не интересно.

Императрица сидѣла въ углу съ сестрой Валентиной.

— Только здѣсь, среди этой молодежи, я и отдыхаю,

— сказала она. — Посмотрите, какъ оживилась моя Татьяна. Я давно не видала ее такой. И какъ милъ этотъ Карновъ. Онъ очень воспитанный человѣкъ. Вы мнѣ говорили, сестра Валентина, что его отецъ убитъ на войнѣ, вотъ теперь, недавно.

— Да, годъ тому назадъ. Еще года нѣтъ. На рѣкѣ Нидѣ.

— Бѣдный молодой человѣкъ. И сколько, сколько такихъ осиротѣлыхъ семей! Ахъ, сестра Валентина, надо, надо кончать войну. Намъ не подъ силу сражаться съ ними.

Сестра Валентина молчала. Она низко опустила голову на грудь.

— Намъ надо раньше побѣдить, Ваше Императорское Величество, — тихо сказала она и стала теребить край своего бѣлаго передника.

Императрица не отвѣчала. Она встала, за нею поднялась и сестра Валентина. Императрица отправлялась во дворецъ раньше, чѣмъ всегда. Она была разстроена. Сестра Валентина чувствовала себя виноватой въ этомъ, но она не могла поступить иначе, да Императрица ее и не обвиняла. Она понимала ее, но знала, что ее-то никогда и никто не пойметъ.

XI

Эти полтора мѣсяца были для Алеши горѣніе на медленномъ огнѣ. Ежедневныя встрѣчи, милыя недомолвки, ласки взглядомъ, пожатіемъ руки, маленькимъ подаркомъ, то цвѣтовъ, то конфетъ, то книги, длинные задушевные разговоры, но разговоры далекіе, чуждые любви. То она разскажетъ про свои шалости съ Алексѣемъ, котораго онѣ, всѣ сестры, боготворили, или про то, какъ въ недавнюю поѣздку Анастасія Николаевна забралась въ вагонѣ на сѣтку для багажа, укуталась пледомъ, взяла пузырекъ съ водою и капала изъ него на голову старому генералъ-адъютанту, сопровождавшему ихъ, къ ве-

ликому смущенію ея, Ольги, и Маріи, то онъ станетъ разсказывать ей про казаковъ, про жизнь въ станицѣ, про Новочеркасскъ. Казаки въ его описаніи выходили сказочными героями, чудо-богатырями. Его разсказы были пропитаны любовью. Ею горѣло его сердце.

— Какъ я рада, что они такіе, — говорила Татьяна Николаевна, — а то, говорятъ, что они плохо сражаются и много грабятъ.

Потомъ Алеша разсказывалъ про свой полкъ, про новое синее съ серебромъ знамя, про свою лошадь. Она обожала лошадей. Она любила читать книги, гдѣ было написано про лошадей, и, если исторіи были печальныя, она плакала и сердилась на автора. Въ тѣ дни, когда она не могла быть въ лазаретѣ, она посылала ему черезъ сестру Валентину маленькую записку съ милымъ привѣтомъ. На широкомъ листѣ плотной, англійской бумаги разгонисто, еще дѣтскимъ почеркомъ было написано нѣсколько ничего не значущихъ словъ, а внизу стояла подпись: «сестра Татьяна».

Иногда ему удавалось выпросить у нея позволеніе поцѣловать ея руку. Она давала ее, смѣясь, но сейчасъ же отдергивала. Онъ нѣсколько разъ напоминалъ ей про чудный день 23 сентября. Она спросила: «да что было?» Онъ покраснѣлъ и, запинаясь, сказалъ:

— Я былъ такъ счастливъ тогда. Я думалъ, что умру отъ счастья. Вы поцѣловали меня тогда.

— Ахъ, да, — лицо Татьяны Николаевны стало серьезнымъ. — Мнѣ было тогда такъ жалко васъ.

— Я поклялся въ тотъ день, что умру за васъ.

— Старайтесь не думать объ этомъ.

— А вы помните, какъ вы поцѣловали меня?

Она не помнила. Но она почувствовала, что огорчитъ, если скажетъ прямо, что не помнитъ, и она сказала: — да, помню. Вы хорошій, Карповъ. Я хочу, чтобы вы всегда были хорошимъ. Любите меня. Мнѣ сладко и хорошо сознавать, что такіе люди, какъ вы, любятъ меня. Но не думайте о глупостяхъ! Поцѣлуй, это глупости! Этого не надо. Но помните о 23 сентября. Всегда помни-

те. Можетъ быть, вамъ станетъ когда-нибудь очень трудно, вы вспомните о томъ, что я люблю васъ, что я молюсь за васъ и вамъ станетъ легко.

Каждую субботу онъ ходилъ ко всенощной, а воскресенье къ обѣднѣ въ Θеодоровскій соборъ. Построенный въ строгомъ стилѣ древнихъ Русскихъ церквей, этотъ маленькій соборъ производилъ глубокое впечатлѣніе. Тихо горѣли огоньки въ разноцвѣтныхъ лампадкахъ, придворный хоръ пѣлъ мягко и красиво. На правомъ крылосѣ стояла Императрица съ дочерьми. Карпову сладко было обмѣниваться взглядами съ Татьяной Николаевной и ея сестрами, чувствовать, что онъ узнанъ, что его увидали, что онъ, какъ бы свой. Священникъ, отецъ Александръ Васильевъ, служилъ проникновенно. Хоръ плавно трепеталъ сдержанными звуками, и тихіе напѣвы рѣяли подъ росписными сводами. Служки въ темно-малиновыхъ стрѣлецкихъ кафтанахъ, въ цвѣтныхъ сапогахъ, тихо ходили по церкви. Неподвижными рядами стояли казаки конвоя и солдаты Сводно-гвардейскаго полка. Когда наступало время пѣть «Отче нашъ» — пѣли всѣ прихожане. Алеша сильнымъ, чистымъ баритономъ покрывалъ тихое гудѣніе казачьихъ и солдатскихъ голосовъ и велъ ихъ за собою. Императрица и великія княжны стояли на колѣняхъ, но Алеша чувствовалъ, что его слышатъ и его слушаютъ, и голосъ его звенѣлъ полный уже не сдерживаемой, страстной мольбы.

Алеша любилъ чисто. Ни одна грѣховная мысль не прорѣзала его мозгъ. Она была для него не только его любимая, но и Царская дочь, великая княжна, и это усиливало остроту чувства.

Онъ сознавалъ, что это сумасшествіе такъ полюбить Татьяну Николаевну. Онъ сознавалъ, что онъ никого уже больше не полюбитъ и что жизнь его загублена, потому что полной взаимности онъ не получитъ никогда. И онъ обрекъ себя на смерть. Въ другое время онъ застрѣлился бы въ одинъ изъ приступовъ неудовлетворенной страсти — теперь онъ зналъ, что сумѣетъ достойно умереть и спокойно готовился къ этому. То, что онъ сдѣ-

лалъ подъ Желѣзницей, уже не казалось ему геройствомъ. Онъ сдѣлаетъ теперь большее. онъ сдѣлаетъ такое, что или умреть, или явится къ ней съ орденомъ святого Георгія, явится истиннымъ героемъ, достойнымъ ея любви. Но, если нельзя иначе — онъ сумѣетъ и умереть безстрашно.

Время шло, и незамѣтно подкрался жуткій часъ разлуки. Алеша ѣхалъ на одинъ день повидаться съ матерью, а потомъ: на фронтъ, въ полкъ.

— Карповъ, — сказала сестра Валентина Алешѣ, когда, отправивъ санитара съ маленькимъ узелкомъ на станцію, онъ собирался уходить и надѣвалъ свою шинель, — сестра Татьяна желаетъ васъ видѣть. Пройдите въ пріемную.

Сердце дрогнуло у Карпова, у него потемнѣло въ глазахъ. Онъ бросилъ шинель на койку и пошелъ за сестрой Валентиной.

— Вотъ онъ, нашъ бѣглецъ. Все на фронтъ, на фронтъ — и не долечился, какъ слѣдуетъ, — сказала сестра Валентина, отворяя дверь и проталкивая Карпова въ пріемную. Дверь закрылась за нимъ.

Въ пріемной, кромѣ Татьяны Николаевны, не было никого. Низкое осеннее солнце бросало косые лучи на паркетъ. За окномъ неподвижныя стояли заиндевѣлыя деревья сада, лишь кое-гдѣ сохранившія желтые, красные и коричневые листья. По замерзшему шоссе стучали подковы лошадей.

— Я хотѣла попрощаться съ вами, — сказала дрогнувшимъ голосомъ Татьяна Николаевна, — мама велѣла передать вамъ ея благословеніе. Сама она не можетъ принять васъ. Она посылаетъ вамъ этотъ крестикъ и евангеліе.

Сѣрые глаза Татьяны Николаевны стали серьезными. Она перекрестила Алешу и надѣла ему крестикъ. Ея руки и лицо были совсѣмъ рядомъ. Его сердце забилось такъ сильно, что, ему казалось, онъ слышитъ его стукъ.

Она положила ему руки на плечи и сказала: — Прощайте, дорогой. Да хранитъ васъ Богъ. — Она протя-

нула ему руку. И тотъ поцѣлуй, которымъ онъ прикоснулся къ маленькой рукѣ, былъ поцѣлуемъ страсти. Горячія губы обожгли ее и Татьяна Николаевна тихо освободила свою руку изъ его руки и посмотрѣла на него почти съ испугомъ.

— Не забывайте меня, — сказала она и сняла со своего пальчика нарочно приготовленное колечко съ алымъ камнемъ.

— Прочтите, — сказала она.

На внутренней сторонѣ кольца было вырѣзано «сестра Татьяна 23 сентября 1915 года».

— Дайте, я надѣну.

Она надѣла ему кольцо и протянула руку для поцѣлуя. Онъ снова прильнулъ къ ея рукѣ, и она почувствовала, что горячія слезы капаютъ на нее.

— Ну, будетъ, будетъ, — сказала она, тихонько цѣлуя его полные слезъ глаза. — Ну, будьте мужчиной.

Она крѣпко пожала руку Алешѣ.

— Прощайте, — сказала она и вышла.

Алеша, шатаясь, подошелъ къ столу у окна и сѣлъ. Слезы текли ручьями по лицу и зубы стучали. Только теперь онъ понялъ, что никогда, никогда не увидитъ онъ этого лица и не услышитъ любимаго голоса. Краткое, какъ золотой майскій дождь, пролилось съ неба милое Алешино счастье, и впереди ждалъ его послѣдній вѣнецъ — смерть.

XII

Въ гвардейскомъ запасномъ пѣхотномъ полку вывели людей на ученье. Въ казармѣ, гдѣ были помѣщены команды пополненія, не хватало мѣста. Койки были сдвинуты вплотную на подобіе наръ, всѣ коридоры, учебныя и гимнастическія залы были заняты людьми, а потому на занятія вывели на Морскую улицу, на торцовую мостовую. Старый кадровый унтеръ-офицеръ съ георгіевскимъ крестомъ и два молодыхъ прапорщика ускоренныхъ вы-

пусковъ были приставлены для обученія взвода. Солдаты были одѣты въ шинели и кто въ сапоги, кто въ австрійскія штиблеты, всѣ въ сѣрыхъ искусственнаго барашка папахахъ. Была оттепель, моросилъ мелкій, какъ сквозь сито, пронизывающій петербургскій дождь и на торцу было скользко, какъ на ледяномъ каткѣ. Солдаты съ унылыми лицами маршировали, скользили и падали. Ружей на всѣхъ не хватало и тѣ два ружья, что имѣлись во взводѣ, были зажаты въ прицѣльные станки и стояли подъ воротами. Возлѣ нихъ упражнялись по очереди въ прицѣливаніи. Прохожіе мѣшали солдатамъ, солдаты мѣшали прохожимъ. Одни прохожіе умилялись тому, что всѣ улицы загромождены обучающимися солдатами и видѣли въ этомъ залогъ побѣды, другіе, напротивъ, возмущались.

— И чего держатъ экую уйму солдатъ въ Петроградѣ. На фронтъ ихъ надо посылать, да тамъ и учить въ полѣ, чтобы они и окапываться умѣли и перебѣжки настоящія дѣлать — а это отданіе чести, да лѣвой, правой забыть пора, — говорили прохожіе.

Оба прапорщика, забившись подъ ворота высокаго дома, курили папиросы и разговаривали, предоставивъ обученіе унтеръ-офицеру. Надъ всѣмъ батальономъ былъ поставленъ кадровый, старый офицеръ, присланный изъ полка съ позицій, но онъ на занятія не ходилъ. Онъ и самъ хорошенько не зналъ, присланъ ли онъ на очередной отдыхъ или командовать запаснымъ батальономъ.

Второй часъ занимались отданіемъ чести съ остановкой во фронтъ. Взводный Михайловъ пропускалъ мимо себя людей взвода. Онъ требовалъ, чтобы противъ него дѣлали остановку и здоровался отъ имени разныхъ начальствующихъ лицъ.

— Отвѣчай, Рубцовъ, какъ корпусному командиру: «Здорово, братецъ!»

— Здравія желаю, ваше высокопревосходительство!

— Нѣ-с... Форцу настоящаго въ отвѣтѣ не вижу. Корпусный, онъ любитъ, чтобы на «ство» было настоящее удареніе. Ты начало проглоти, или скажи скороговоркой.

а потомъ и ударь на «ство» отчетливо, по-варшавски. Ну еще разъ — здорово молодецъ!

Прапорщики переглянулись и младшій, — Кнопъ, бывшій студентъ юридическаго факультета, посмотрѣлъ на часы съ браслеткой и сказалъ старшему Харченко: — «не пора ли кончать? Довольно ерундой заниматься».

— Пожалуй, можно кончить, — отвѣчалъ Харченко.

Харченко былъ гимназистъ, совсѣмъ мальчикъ. Онъ съ трудомъ одолѣлъ семь классовъ гимназіи, а потомъ кинулся на курсы прапорщиковъ, чтобы не идти на войну рядовымъ. У него былъ дѣтскій, неустоявшійся характеръ. Здѣсь въ полку онъ командовалъ ротой въ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, но постоянно находился подъ чьимъ нибудь вліяніемъ и кого-нибудь боялся. Онъ боялся и благоговѣлъ передъ младшимъ себя прапорщикомъ Кнопомъ, потому что тотъ былъ студентъ и демонстративно носилъ университетскій значекъ. Онъ побаивался серьезнаго и угрюмаго унтеръ-офицера Михайлова съ его георгіевскимъ крестомъ, боялся разбитного рядового Коржикова, не признававшаго никакой дисциплины, но больше всего боялся своего батальоннаго командира, молодого изящнаго штабсъ-капитана Савельева, въ прекрасно сшитомъ суконномъ френчѣ, усѣянномъ значками, съ Владиміромъ съ мечами, раненаго въ плечо, заходившаго иногда въ роту и всегда все критиковавшаго.

— Михайловъ, — крикнулъ Харченко, — кончайте занятія.

Михайловъ собралъ взводъ, назначилъ людей отнести станки и винтовки и вызвалъ Коржикова запѣвать и идти съ пѣснями домой.

Солдаты запѣли пѣсню. Пѣсня была новая. Она звучала придуманно и не было въ ней Русскаго широкаго размаха, ни въ словахъ, ни въ напѣвѣ. Плаксиво грустно говорилось о покинутой семьѣ, прощались съ домомъ, или не разить врага и побѣждать его, или умирать. Шагъ подъ нее выходилъ размѣренный, медленный и короткій. Отъ этой пѣсни съ души рвало, по выраженію Михайлова, но перемѣнить ее онъ не могъ. Ее пѣли вездѣ.

Ее придумали и принесли вотъ эти самые прапорщики, которыхъ не любилъ и не уважалъ Михайловъ. «Побѣжишь послѣ такой пѣсни», выговаривалъ онъ какъ-то Коржикову, «развѣ это солдатская пѣсня? Ни Царя, ни отечества въ ней нѣту. Ноги не слышно. Пѣсня должна быть такая, чтобы тебя за душу хватала и впередъ бросала, а то слезы однѣ, да «прощай, прощай!» Ты бы спѣлъ про «пѣсни Русскія, живыя, молодецкія, золотыя удалыя, не нѣмецкія!»

— Я такихъ пѣсенъ, господинъ взводный, не знаю. Пойте тогда сами. — говорилъ Коржиковъ, принимая почтительную позу передъ Михайловымъ и нагло глядя ему въ глаза.

«Пойте сами», — вотъ въ этомъ то и загвоздка была, что и Михайловъ и его помощники, кадровые солдаты, были не пѣвуны и насчетъ словъ знали мало. Толкнулись къ прапорщикамъ, но и тѣ въ этомъ дѣлѣ ничего не понимали.

— Ну, погодите вы, — идя за взводомъ съ тоскою думалъ Михайловъ, — погодите вы, ужо я васъ на позиціи!

Но при мысли о позиціи тоска еще сильнѣе сжимала его сердце. — «А кто выучитъ тамъ», думалъ онъ съ горечью. «Ротнаго, капитана Себрякова, еще въ началѣ войны убили, старшаго субалтерна поручика Синеокова, уже и душевный-же парень былъ!—пятью пулями въ завислинскомъ походѣ уложило, только послѣ пятой и упалъ, а то все шелъ впереди роты, младшаго субалтерна, подпоручика Фонштейна въ первомъ же бою, какъ пріѣхалъ изъ училища, убили. Да и кто изъ старыхъ господъ офицеровъ остался — никого въ полку нѣтъ. Все новое, молодое, неумѣлое. Подойти къ солдату не умѣютъ. Это развѣ модель, чтобы солдатъ волосы, какъ дѣвка, чолкой запускалъ? А Коржиковъ носитъ. Прапорщикъ Кнопъ ему разрѣшилъ. И кто такой Кнопъ? Не то нѣмецъ, не то жидъ. Можетъ, и правда жидъ, а что скубентъ, такъ и не скрываетъ этого. Господи, Твоя воля — полтора часа поучились и уже размокли подъ воротами стоючи. И кто ихъ направитъ! Фельдфебеля Сидора Петро-

вича убили, обоихъ сверхсрочныхъ тяжелымъ снарядомъ пришибло», — продолжалъ тяжкія думы Михайловъ — «развѣ теперь это гвардейскій полкъ? Срамъ одинъ! Солдаты въ обмоткахъ, все одно, какъ австріецъ рваный!.. А мы то пѣли: — «Русскій Царь живетъ богато, войско водитъ въ сапогахъ, ваша-жъ рать есть оборванцы, ходитъ вовсе безъ чувякъ»... Гвардія!» — Михайловъ презрительно пхнулъ, — «одно имя осталось! Какая гвардія, когда ни Себрякова, ни Синеокова, ни Фонштейна, ни Сидора Петровича, никого изъ старыхъ солдатъ нѣтъ!? Эти развѣ гвардія!?»

— Иди въ ногу, чортовъ песъ! — крикнулъ Михайловъ въ безсильной злобѣ и толкнулъ задняго солдата такъ, что тотъ пошатнулся.

— Михайловъ, — голосомъ классного наставника окликнулъ его Кнопъ съ троттуара — попрошу васъ не драться. Оставьте ваши полицейскія привычки.

Михайловъ тѣ два года, что былъ въ запасѣ, служилъ въ Петроградской полиціи и прежніе господа одобряли это, говорили ему, что хорошо, что онъ не оставилъ службы и не распустился, а тутъ — на поди!..

Въ казармѣ Харченко и Кнопъ прошли въ канцелярію и вызвали Михайлова къ себѣ на совѣтъ. Оба никакъ не могли научиться говорить Михайлову т ы. На Харченко дѣйствовала внушительная фигура унтеръ-офицера и его крестъ, Кнопъ говорилъ в ы отчасти по убѣжденію, что нельзя никому говорить ты, отчасти изъ презрѣнія къ Михайлову, какъ бывшему городовому. Михайлова же это холодное в ы оскорбляло.

— Михайловъ, — началъ Харченко, — мнѣ совсѣмъ не нравится, какъ вы ведете занятія во дворѣ. Скажите по совѣсти, развѣ это вы видали на войнѣ?

Михайловъ молчалъ, тупо глядя на юное, безъ усовъ и бороды, лицо прапорщика и заставляя себя видѣть въ немъ офицера и прямого начальника, а не гимназиста, дѣлающаго скандалъ на улицѣ.

— Нѣтъ, вы скажите, Михайловъ, — вмѣшался,

визгливо обрываясь на высокихъ нотахъ, Кнопъ, — вы скажите — отданіе чести съ остановкой во фронтъ, а? Это въ область преданій должно отойти. Это Николаевщина! Или ваши манеры при обращеніи къ солдату? Теперь, Михайловъ, солдатъ образованный, въ нашемъ взводѣ шесть человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, а вы ругаетесь.

— Оставьте, Борисъ Матвѣевичъ, — сказалъ Харченко. — Вы мнѣ скажите, Михайловъ, что вы дѣлали на войнѣ?

— Стрѣляли... Кололи, били прикладомъ, окапывались.

— Значитъ, что нужно солдату, чтобы умѣть воевать? — мягко спросилъ Харченко.

— Первѣе всего солдатъ долженъ понимать дисциплину, — мрачно сказалъ Михайловъ.

— Ну, это хорошо. Не это главное, а по отношенію къ непріятелю, что долженъ дѣлать солдатъ?

— Потому, какъ безъ дисциплины войско становится, какъ орда, занимается грабежомъ, бѣжитъ отъ врага, — продолжалъ говорить Михайловъ.

— Все это ладно, но вотъ вы сказали, что надобно, чтобы окапываться, стрѣлять, колоть штыкомъ, — вкрадчиво сказалъ Кнопъ, — вотъ этому и надо учить.

— Такъ точно, — еще мрачнѣе проговорилъ Михайловъ.

— Ну вотъ, ну вотъ... Сами понимаете. Вотъ и учить этому окапыванію, стрѣльбѣ, колоть, ну, словомъ, военному искусству, а не шагистикѣ, — торжественно сказалъ Кнопъ.

— Ваше благородіе, — съ мольбою въ голосѣ, обращаясь къ Харченко, сказалъ Михайловъ, — ну какъ же я учить буду окапываться на торцовой мостовой и безъ лопатъ, ну какъ же стрѣлять, или колоть, ежели одна винтовка на весь узводъ... Я хочу, чтобы дисциплину, а они даже остричь солдата по формѣ не дозволяютъ. Ваше благородіе, что же это! Вѣдь, на войну готовимъ!

Харченко былъ смущенъ и молчалъ.

— Хорошо, хорошо, Михайловъ, — сказалъ онъ, — я поговорю объ этомъ съ командиромъ батальона.

Онъ уже и не радъ былъ, что затѣялъ этотъ разговоръ, но его подбилъ на это Кнопъ.

— Чѣмъ теперь заниматься прикажете? — спросилъ Михайловъ.

— А что тамъ по расписанію?

— Гимнастика на снарядахъ и сокольская.

— Ну вотъ и займитесь.

— Такъ что, ваше благородіе, снаряды поставить негдѣ.

— Ну, какъ же Михайловъ... Ну тогда...

— Можетъ быть дозволите заняться словесностью, уставы подтвердить.

— Ну хорошо... Да...

Въ двери канцеляріи просунулся молодой человѣкъ, красивый, бритый, съ прической на проборъ и большимъ клокомъ волосъ, выпущеннымъ на лобъ, въ солдатской собственной, хорошо сшитой въ сборку суконной рубахѣ и шароварахъ шитыхъ у хорошаго портного, и нагло посмотрѣлъ на прапорщиковъ.

— Коржиковъ, что вамъ? — спросилъ Харченко.

— Дозвольте поговорить, — сказалъ молодой человѣкъ.

— Хорошо. Такъ ступайте, Михайловъ. Значитъ займетесь словесностью. Пожалуйста, Коржиковъ.

XIII

Послѣ убійства полковника Карпова Викторъ перебѣжалъ къ австрійцамъ. За тѣ цѣнныя показанія о расположеніи и настроеніи Русскихъ войскъ, что онъ сдѣлалъ въ австрійскомъ штабѣ, ему удалось получить свободу и онъ пробрался въ Швейцарію, въ Зоммервальдъ. Онъ думалъ, что онъ тамъ никого не застанетъ, но къ его удивленію Коржиковъ, Бродманъ и всѣ члены семерки были на мѣстахъ. Въ домѣ Любовина былъ организованъ

ихъ боевой штабъ. Только что окончилась конференція интернаціоналистовъ въ Циммервальдѣ и на ней была принята формула, предложенная Ленинымъ.

— «Съ точки зрѣнія рабочаго класса и трудовыхъ массъ всѣхъ народовъ Россіи, наименьшимъ зломъ было бы пораженіе царской монархіи и ея войскъ.»

По поводу этой формулы среди эмигрантовъ шли разговоры. Ее считали слишкомъ рѣзкой. Для членовъ семерки не было тайной, что Ленинъ получилъ крупныя деньги отъ германскаго правительства и это многихъ оттолкнуло отъ него. Отошелъ отъ него и Өедоръ Өедоровичъ. Но Ленинъ назвалъ ихъ «соціалъ-предателями» и замкнулся въ работѣ съ тѣсной кучкой преданныхъ ему людей, исключительно евреевъ.

Бродманъ былъ въ этой группѣ. Онъ вызвалъ Виктора къ себѣ, долго бесѣдовалъ съ нимъ, ѣздилъ съ докладомъ о немъ въ центральный комитетъ и затѣмъ съ глазу-на-глазъ передалъ Виктору слѣдующее:

— Въ Швеціи, германскимъ правительствомъ организована спеціальная контора для пропаганды въ войскахъ, воюющихъ съ германской коалиціей. Мы должны использовать эту контору въ своихъ цѣляхъ, въ цѣляхъ міровой революціи. Вы должны отправиться туда, а оттуда въ Россію, гдѣ стараться поднять соціальное движеніе, организовывать забастовки, революціонныя вспышки, подготовлять сепаратизмъ составныхъ частей государства, устроить гражданскую войну и агитировать въ пользу разоруженія и прекращенія кровавой войны. Такова общая директива германскаго правительства. Она вполнѣ совпадаетъ съ задачами нашей партіи. Вы назначаетесь руководителемъ семерки, которая будетъ работать въ Петроградѣ. Войдите въ связь съ членами Государственной Думы: — Петровскимъ, Бадаевымъ, Муратовымъ, Самойловымъ и Шаговымъ...

Бродманъ нервно засмѣялся.

— Вы видите, — все русскіе. Вамъ бояться нечего.

— Да хотя бы и не-русскіе, — сказалъ Коржиковъ. — Мнѣ это все одно. У меня э т о г о нѣтъ.

— Вамъ помогутъ поступить въ войска подъ вашимъ именемъ. Ваша задача развратить и изнѣжить солдатъ такъ, чтобы они боялись идти на фронтъ. Ну, не бойтесь, товарищъ, вамъ всѣ помогутъ. Развращайте въ лазаретахъ, кинематографахъ, театрахъ. У насъ теперь на это большія средства и само общество за насъ. Все готово! Говорите, пишите, толкуйте одно: на войнѣ единственный страдалецъ и герой — солдатъ. Поднимите солдата на высоту и втопчите въ грязь офицера! Про офицеровъ говорите только скверное.

— Какъ же мы это сдѣлаемъ? — сказалъ Коржиковъ. — Такихъ какъ я, немного.

Бродманъ опять засмѣялся.

— Не безпокойтесь, товарищъ, вся русская интеллигенція вамъ бросится помогать. Вѣдь это стадо трусливыхъ барановъ и нужно только втиснуть ее въ армію и она, какъ гнилостный микробъ, разложитъ ее. Помогайте всячески создавать на помощь интендантству и военносанитарному вѣдомству союзы городовъ, земскіе, дворянскіе... какіе хотите. Устраивайте туда молодежь, не желающую умирать, а въ прессѣ и полкахъ поднимайте шумъ о томъ, что тяжесть войны ложится неравномѣрно между господами и народомъ, и указывайте на эту уклоняющуюся молодежь. — Помните одно, товарищъ, что намъ надо теперь валить уже не царя и тронъ, — эти свалятся сами, но намъ надо свалить всю интеллигенцію, доказать народу, что она его обманываетъ и обираетъ, посѣять вражду къ ней и создать солдатскую диктатуру. Чѣмъ глупѣе и хуже будетъ это правительство, тѣмъ лучше. Когда все будетъ готово, явимся мы и станемъ править по своему. Тогда наступитъ истинный соціализмъ и мы сбросимъ капиталистовъ и уничтожимъ имперіалистически-буржуазный строй. Создайте неслыханный развратъ въ тылу. Развратъ открытый, на глазахъ у всѣхъ. Старайтесь пошатнуть вѣру и церковь, сдѣлайте изъ солдатъ сознательныхъ рабочихъ, поставьте политику и принадлежность къ политической партіи краеугольнымъ камнемъ, добейтесь, чтобы партійность стала порядоч-

ностью и вы разрушите колосса на глиняныхъ ногахъ. — Чѣмъ хотите: — анекдотами, пѣсенками, театромъ, — сдѣлайте, чтобы быть генераломъ стало стыдно, а солдатомъ почетно. Играйте на преклоненіи общества передъ солдатами и постепенно создайте такого солдата, въ которомъ ничего солдатскаго не было бы. Ждите момента. Когда настанетъ усталость отъ войны, мы ударимъ всѣми силами, по всему фронту и объявимъ открыто наши лозунги: — долой войну! Миръ хижинамъ, война дворцамъ! Да здравствуетъ пролетаріатъ! — Создавайте изъ преступниковъ героевъ и привлекайте уголовный элементъ на свою сторону. Наша тактика противопоставить Государю — Государственную Думу и общественныхъ дѣятелей и одновременно посѣять вражду между общественными дѣятелями. Вселите въ нимъ недовѣріе, внушите толпѣ, что солдаты и рабочіе единственные чистые люди въ Россіи и подберите изъ среды ихъ самыхъ развращенныхъ негодяевъ. Посмотримъ, кто побѣдитъ! Чье сердце окажется сильнѣе? Сердце, пылающее любовью, или сердце, пропитанное ненавистью. Христіане говорятъ, что у нихъ въ жизни должно быть три путеводныхъ маяка — вѣра, надежда и любовь и любовь изъ нихъ главная, — мы будемъ сѣять: — безвѣріе, отчаяніе и ненависть и ненависть больше всего. Посмотримъ, устоитъ-ли Христосъ?

Викторъ торжествовалъ. Это было именно то, что такъ нравилось ему. Послѣ того, какъ лунною зимнею ночью онъ свалилъ выстрѣломъ Лукьянова, а потомъ полковника Карпова, онъ почувствовалъ сладострастную радость въ убійствѣ человѣка. «Вотъ былъ», — думалъ онъ, — «полковникъ Карповъ, его всѣ любили и уважали и имъ держалось много людей, а вотъ нѣтъ его и не будетъ никогда, и это сдѣлалъ я. Я тотъ, кто несетъ смерть и разрушеніе. Есть люди, которые служатъ Богу и ангеламъ, — что у нихъ? — нищета и голодъ! Я послужу дьяволу и посмотримъ, кто сильнѣе: дьяволъ или ангелъ?» Но, главное, что восхищало Виктора въ ученіи Бродмана, было то, что оно открывало ему путь къ весе-

лей жизни и открытому разврату, что такъ отвѣчало его пылкой и страстной натурѣ.

Изъ Швейцаріи черезъ Германію Коржиковъ пробрался въ Швецію, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ безъ помѣхъ поступилъ на службу въ гвардейскій запасный батальонъ. Снабженный и снабжаемый широко средствами, Коржиковъ весь отдался выполненію программы, продиктованной ему Бродманомъ.

XIV

— Я къ вамъ, ваше благородіе, — развязно сказалъ Коржиковъ, становясь у дверей канцеляріи и закладывая руки за спину. — Взводъ уполномочилъ меня жаловаться на Михайлова: вы сами видѣли, какъ онъ сегодня Котова ни за что обругалъ и ударилъ. Мы всѣ къ вамъ, какъ къ образованному человѣку, потому что силъ нѣтъ больше терпѣть.

— Я вамъ обѣщаю, Коржиковъ, что этого больше не будетъ, — сказалъ Харченко.

— Ваше благородіе, взводъ требуетъ, чтобы Михайлова вы наказали.

— Я переговорю объ этомъ съ командиромъ батальона.

— Еще, ваше благородіе, взводъ недоволенъ пищей. За обѣдомъ не всѣмъ хватило мяса. Солдаты просятъ разрѣшить ходить довольствоваться домой. У многихъ здѣсь семьи, это ихъ не стѣснитъ.

— Я переговорю съ командиромъ батальона, — устало сказалъ Харченко.

Эти заботы о питаніи роты его тяготили. Довольствіе людей ему не удавалось. Не было опытныхъ артельщиковъ, кашеваровъ, хлѣбопековъ, съ раскладкой онъ никакъ не справлялся. Она казалась ему труднѣе таблицы логарифмовъ. Харченко самъ чувствовалъ, что въ этомъ отношеніи неблагополучно, роту обкрадываютъ неизвѣстные люди: — артельщикъ, кашеваръ, или тѣ, кто

приходить на кухню, но только у него никогда не хватало порцій, щи были не наваристыя, а каша комкомъ. Хозяйство не ладилось и, какъ помочь этому дѣлу, онъ не зналъ. Теперь онъ смотрѣлъ на Коржикова и думалъ: «почему ему обо всемъ этомъ докладываетъ Коржиковъ? Кто онъ такой? Взводный? Отдѣленный? Нѣтъ. Онъ говоритъ по полномочію солдатъ. Правильно ли это? Допустимо?» Съ его точки зрѣнія, гимназиста, съ точки зрѣнія Кнопа, студента-юриста, это было вполнѣ допустимо, а какъ посмотритъ штабсъ-капитанъ Савельевъ? Коржиковъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ солдатъ, разбитной парень, никогда, по заявленію Михайлова, не ночующій въ казармѣ и страшный нахалъ. «Почему онъ выбранъ? Да и выбранъ ли?»

— Еще, ваше благородіе, товарищи заявляютъ, чтобы имъ разрѣшили ходить въ кинематографы и въ городъ до позднихъ часовъ.

— Этого я не могу разрѣшить, — сказалъ Харченко, — это запрещено уставомъ внутренней службы.

— Все одно ходятъ, — сказалъ Коржиковъ, — а уставъ внутренней службы самимъ начальствомъ не соблюдается.

— Какъ такъ?

— Развѣ по уставу дозволено, чтобы люди, какъ свиньи, валялись на полу. Наше помѣщеніе разсчитано на сто двадцать коекъ, а насъ помѣщено двѣсти пятьдесятъ. Матрацы не всѣмъ выданы, одѣялъ не хватаетъ. На койкахъ дневальныхъ и караула спятъ чужіе люди. По ночамъ адъ кромѣшный въ казармѣ. Продохнуть нельзя.

Харченко зналъ, что все это правда. Онъ нѣсколько разъ докладывалъ объ этомъ Савельеву, но тотъ только безпомощно махалъ рукой. — «Что я могу подѣлать», — говорилъ онъ, — «когда у насъ положено имѣть всего четыре тысячи, а намъ пригнали двѣнадцать. Куда я ихъ дѣну? Кухонь не хватаетъ. Я писалъ повсюду — ниоткуда нѣтъ отвѣта. До самого министра Поливанова доходилъ — только смѣется. Такъ, молъ, надо».

— Ступайте, Коржиковъ, — сказалъ Кнопъ, — повѣрьте, все, что можно, будетъ сдѣлано. Вамъ надо идти на занятія.

Въ ротѣ, несмотря на холодный февральскій день, было душно. Пахло кислыми испареніями поношенаго бѣлья и портянокъ. Отъ сырыхъ шинелей и сапогъ въ казармѣ стоялъ туманъ. Она гудѣла сотнями голосовъ и не производила впечатлѣнія казармы солдатъ, но помѣщенія рабочей артели.

Когда прапорщики вошли въ нее, никто имъ не скомандовалъ «смирно». Только при ихъ входѣ солдаты сторонились, давая дорогу и нѣкоторые, но далеко не всѣ, вставали. Это не коробило ни Харченко, ни Кнопа. Имъ непонятна была внѣшняя дисциплина, считавшаяся старыми офицерами необходимо нужной. Солдаты отвѣчали имъ почтительно, не грубили и это они считали вполнѣ достаточнымъ. Въ казармѣ кое-гдѣ были посторонніе люди. Два молодыхъ матроса сидѣли на койкѣ, окруженные солдатами, подлѣ была разложена карта военныхъ дѣйствій, валялись газеты.

— Вы что же, господа? — спросилъ ихъ Харченко.

— Мы къ товарищамъ пришли, — отвѣчалъ матросъ.

— Это ко мнѣ, ваше благородіе, — сказалъ мальчикъ-охотникъ, знакомый Кнопа.

Харченко ничего не сказалъ. Онъ посмотрѣлъ на солдатъ. Съ возбужденными покраснѣвшими лицами, они, видимо, только что слушали что-то очень интересное. И тѣни не было на нихъ той вялости, что была полчаса назадъ, во время ученья.

Харченко и Кнопъ продолжали свой обходъ. Въ углу казармы, среди солдатъ, сидѣла сестра милосердія и съ нею пожилой, прилично одѣтый штатскій. На вопросъ, что это за люди, блѣдный солдатъ сказалъ, что это сестра, выходившая его въ госпиталѣ, пришла провѣдать, а штатскій его отецъ. И опять Харченко молчалъ и не зналъ, какъ поступить. Улица лѣзла въ казарму, а казарма выпирала на улицу, и ни Харченко, ни Кнопъ не знали, какъ сдѣлать, чтобы не было ни того, ни другого.

Когда Харченко съ Кіономъ ушли въ отдаленный уголъ казармы, матросъ разложилъ карту и сталъ на ней показывать солдатамъ:

— Вотъ видите, товарищи, — говорилъ онъ, — наше расположеніе къ ноябрю прошлаго года. Мы, овладѣвъ Львовомъ и Сенявой, подходили къ Кракову. Къ Кракову подвезена была тяжелая артиллерія, и вотъ въ это самое время въ нашей крѣпости Брестъ происходитъ страшный взрывъ какъ разъ тѣхъ самыхъ снарядовъ, которые надо везти къ Кракову.

— Что гутаришь!... Измѣна, что-ль?... Продались нѣмцамъ?... — спросилъ молодой солдатъ и сѣрые злобные глаза его устремились на разсказчика.

— Господа... Почему не продаться? — сказалъ матросъ.

— Давить такихъ надо, — злобно сказалъ запасной солдатъ. — И чего генералы глядятъ.

— Глядѣлы-то золотомъ позавѣшаны.

Стала среди солдатъ зловѣщая тишина и въ нее змѣинымъ шипомъ входили слова человѣка, одѣтаго матросомъ:

— Наши войска, вмѣсто того, чтобы овладѣть Краковомъ, идти къ блестящей побѣдѣ, — стали отступать... И тутъ случилось, что у насъ ни снарядовъ, ни патроновъ.

— Голыми руками бейся. Не скусное дѣло!

— Ну, составляютъ поѣзда... Спѣшно грузятъ артиллерійскіе снаряды и въ это самое время запретъ по всей линіи пускать поѣзда — потому, что Императрица ѣдетъ въ Могилевъ.

— Это зачѣмъ же? — спросилъ солдатъ съ темною молодою бородкою.

— Навѣстить, значитъ, супруга, соскучалась по ёмъ, — высказалъ свое предположеніе молодой, разбитной солдатъ.

— Нѣтъ, товарищи... А получила она, значитъ, на то указаніе отъ святого старца Григорія Распутина.

— Уг-уумъ! — промычалъ старый солдатъ. — Сказываютъ, шпіёнъ нѣмецкій.

— Не безъ того.

— Капиталистическія государства дерутся за рынки и за колоніи, а рабочему и крестьянину эта война ни къ чему.

— Конечно, на кого ляда нужна она!

— Ты не будь дитёмъ. Паны дерутся, а у хлопцевъ чубы трещатъ.

— Какъ же быть-то, товарищи?

— Генералы, которые продались, которые что... Имъ война, конечно, одна нажива... А нашему брату — на что?

— Присяга!

— Страдай по присягѣ... Вотъ оно что!

— Страдай... Такъ всѣ... и они вѣдь присягали!

Въ другомъ углу казармы сестра милосердія раздавала солдатамъ сладкіе пирожки и говорила медовымъ голосомъ:

— Кушайте, товарищи, на поминъ души солдатика, что померъ вчера у меня на рукахъ. Такой сердечный былъ солдатикъ, жалостливый. А что онъ разсказывалъ, просто ужасъ одинъ. Въ сраженіи они были. Пули свищутъ, а офицеръ ему и приказываетъ: — ложись впереди меня, укрывай меня отъ пуль. Такъ и укрылся солдатикомъ. Ужасъ просто. И офицеръ-то былъ пьяный, распьяный.

— Откуда водку достаютъ?! — злобно сказалъ черноусый бравый парень. — Кругомъ запрещенная.

— Гдѣ?... Господамъ все можно... Имъ запрета нѣтъ, на то господа!

Коржиковъ самодовольно похаживалъ по казармѣ, заложивъ руки въ карманы. Онъ собиралъ компанію въ кинематографъ и предлагалъ неимѣющимъ денегъ въ долгъ безъ отдачи.

И только въ серединѣ казармы слышалось мѣрное жужжаніе. Тамъ сидѣлъ Михайловъ и солдаты невто-

ряли за нимъ то, что онъ, устремивъ сѣрые глаза въ потолокъ, говорилъ съ тупою настойчивостью:

— Присяга есть клятва передъ Богомъ и передъ святымъ Его Евангеліемъ, служить честно и нелицемѣрно...

XV

— Смиррна! встать! — раздалась громкая команда вскочившаго въ двери унтеръ-офицера въ щегольской новенькой шинели, перетянутой бѣлымъ лакированнымъ ремнемъ съ тесакомъ. Это былъ помощникъ дежурнаго по батальону.

Всѣ вскочили. Пожилой господинъ, сестра милосердія, оба матроса исчезли.

Въ казарму торопливыми шагами вошелъ офицеръ лѣтъ двадцати семи, въ чистой солдатской шинели, сшитой изъ тонкаго добротнаго сукна, въ мирнаго покроя, зимней фуражкѣ съ цвѣтнымъ околышемъ. Это былъ штабсъ-капитанъ Савельевъ, командиръ запаснаго батальона.

Онъ недавно женился и теперь смотрѣлъ на свою командировку для командованія запаснымъ батальономъ, какъ на отдыхъ, и появлялся въ батальонѣ въ двѣнадцатомъ часу, чтобы дать указанія и творить судъ и расправу. Остальное время онъ проводилъ съ молодою женою въ вихрѣ Петроградскихъ удовольствій, въ визитахъ, раутахъ, обѣдахъ, бывалъ въ театрахъ, кафе-концертахъ, и входившихъ тогда въ моду кабарэ.

Отъ всей его фигуры вѣяло молодечествомъ, гвардейской выправкой и изяществомъ. Въ его присутствіи все подтягивалось, головы драли кверху и смотрѣли в е с е л о и б о д р о, какъ училъ Михайловъ.

Дежурный по ротѣ выросъ, какъ изъ-подъ земли и громко и отчетливо отрапортовалъ о томъ, что происшествій въ ротѣ не случилось.

— Здорово, молодцы! — весело крикнулъ Савельевъ.

Громовой отвѣтъ загремѣлъ въ спертомъ тяжеломъ воздухѣ.

Штабсъ-капитанъ поздоровался съ Харченко и Кнопомъ и, сопровождаемый ими и Михайловымъ, пошелъ по ротѣ.

— Отчего шинели валяются, а не повѣшены, а? — строго спросилъ онъ у Харченко.

— Сейчасъ только пришли съ занятій, не успѣли разобраться, ваше высокоблагородіе, — почтительно проговорилъ шедшій сзади Михайловъ.

— А, здравствуй, Михайловъ.

—Здравія желаю, ваше высокоблагородіе, — радостно воскликнулъ Михайловъ.

— Ну, какъ, братецъ, поживаешь? Рана не открылась?

Михайловъ для Савельева и Савельевъ для Михайлова — это были свои. Настоящіе гвардейцы. Знакомые, спаянные совмѣстной службой еще на Мокотовскомъ полѣ. Они понимали другъ друга съ полуслова и для Савельева Михайловъ былъ дороже Харченко и Кнопа, не понимавшихъ, что такое нога, печатаніе съ носка, что значитъ посадить на мушку и не признававшихъ за всѣмъ этимъ великаго значенія науки, ведущей къ побѣдѣ. Михайловъ все это понималъ, и Савельевъ часто думалъ, что, лучше для дѣла было бы, если бы Михайловъ былъ офицеромъ и ротнымъ командиромъ, а не эти юные прапорщики, чуждые традицій части.

— Это что такое? — останавливаясь противъ Коржикова, строго спросилъ Савельевъ. — Я васъ спрашиваю, прапорщикъ Харченко, что это, солдатъ, или дѣвка? Что за костюмъ? Что за челка? Это уличная дѣвка какая-то!

— Ваше высокоблагородіе, прошу меня не оскорблять, — спокойно и громко сказалъ Коржиковъ.

— Что? Молчать! Какъ ты смѣешь! Остричь!

— Прошу не кричать на меня и не оскорблять, — снова сказалъ Коржиковъ, но штабсъ-капитанъ уже шелъ дальше.

— Это я ему позволилъ, — сказалъ прапорщикъ Кнопъ, — я думалъ, что это все равно, а ему доставляетъ удовольствіе.

— Вольнодумство и мерзость, — проходя въ канцелярію, сказалъ Савельевъ. — Какъ можно позволять! И морда наглая. Михайловъ, обрати вниманіе на этого негодяя.

— Ваше высокоблагородіе, силъ просто нѣту съ ними. Ежедневно вольные въ казармы ходятъ, милосердныя сестри, кто они такіе, Богъ одинъ знаетъ! Невозможно порядокъ держать. Какъ вечеръ, цѣлыми толпами уходятъ и не удержишь. Говоришь имъ — только грубости въ отвѣтъ слышишь, полицейскимъ ругаютъ. Ваше высокоблагородіе, что же это? Вѣдь этого самаго Коржикова суду мало предать, вотъ онъ какой. Это мало сказать негодяй.

— Прапорщикъ Харченко, постройте роту, — сказалъ Савельевъ.

Черезъ пять минутъ, когда по затихшему шуму въ ротномъ помѣщеніи и многократно повторенной командѣ *равняйсь и смирно*, Савельевъ убѣдился, что рота готова, онъ вышелъ въ казарму.

Въ узкомъ проходѣ между койками и окнами въ двѣ шеренги стояли двѣсти пятьдесятъ человѣкъ. По росту, по здоровому сложенію, это была гвардія. Выше средняго роста стройный штабсъ-капитанъ Савельевъ былъ на голову ниже правофлангового взвода. Ему жутко и пріятно было проходить вдоль фронта этихъ рослыхъ людей. Но отсутствіе выправки, небрежно надѣтыя, необдернутыя рубахи, не подтянутые пояса, разнообразно остриженные волосы — все это говорило Савельеву, что это далеко еще не солдаты, что почти два мѣсяца обученія прошли безплодно. Когда онъ проходилъ, не всѣ провожали его глазами. Когда, ставъ противъ середины роты, онъ началъ говорить, не всѣ повернули къ нему головы и слушали его не по солдатски. И отъ этого больно сосало сердце и штабсъ-капитанъ Савельевъ ощущалъ свое безсиліе сдѣлать что-нибудь и что-нибудь перемѣнить одно-

му въ этой массѣ людей. У него въ батальонѣ ихъ было двѣнадцать тысячъ человѣкъ и всѣ такіе же, какъ въ ротѣ Харченко!

— Нельзя, братцы, такъ вести себя, какъ вы ведете, — говорилъ онъ. — Нельзя! Тамъ идетъ жестокая война. Врагъ одолѣваетъ насъ. На фронтѣ нетерпѣливо ждутъ подкрѣпленій. Какіе вы придете! Что за люди къ вамъ ходятъ? Можетъ быть это нѣмецкіе агенты, шпіоны, которые совращаютъ васъ. Вы должны готовиться къ святому исполненію своего долга...

Онъ говорилъ долго все то же, что говорилъ и въ другихъ ротахъ. Онъ самъ не вѣрилъ въ то, что говорилъ, потому что зналъ, что рѣчами и убѣжденіемъ нельзя перевернуть людей. Вотъ, если бы ихъ взять отсюда, поставить въ двадцати верстахъ отъ позиціи, вооружить ихъ и по деревнямъ, или въ землянкахъ повести настоящее полевое обученіе — вотъ это было бы дѣло! Хлопотать объ этомъ?

Но тогда исчезнетъ возможность по очереди на четыре мѣсяца отрываться отъ войны и жить въ Петроградѣ, въ теплой квартирѣ, съ влюбленной въ него молодою женою и посѣщать театры, гдѣ можно забыть, хоть на мигъ, что изъ ихъ полка восемьдесятъ два процента офицеровъ убито или такъ ранено, что никогда не вернется въ строй и что и его самого вѣроятно ожидаетъ та же участь. Это дѣло начальства. Ему сверху виднѣе. И, если оно находитъ, что можно держать двѣсти тысячъ молодыхъ солдатъ въ Петроградѣ, среди городского разврата и обучать ихъ на мостовыхъ, безъ ружей, лопатъ, ручныхъ гранатъ и прочаго — это уже его дѣло, а мое дѣло исполнять то, что могу, по мѣрѣ силъ.

Кончивъ рѣчь, Савельевъ далъ *вольно*, но по гулу голосовъ онъ убѣдился, что солдаты роты Харченко не умѣютъ стоять вольно и потому онъ сейчасъ же скомандовалъ *смирно*. Ему нужно было выбрать парныхъ почетныхъ часовыхъ для благотворительнаго вечера у графини Палтовой и отобрать пѣсенниковъ и артистовъ для этого же вечера.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, записавъ фамиліи выбранныхъ людей и приказавъ имъ придти сейчасъ же въ помѣщеніе первой роты штабсъ-капитанъ Савельевъ удалился.

Едва онъ вышелъ, какъ рота, не дожидаясь команды «разойтись», разошлась по койкамъ и загомонила.

Кто то рѣзко свистнулъ, кто то злобно сказалъ — «вотъ жохъ, туда сюда его мать!.. Подъ судъ!.. Ловко! Имъ солдата всегда подъ судъ, а что генералы и офицеры снаряды крадутъ, — это можно».

Харченко и Кнопу жутко стало оставаться въ ротѣ и они пошли по домамъ.

— По моему, — говорилъ, спускаясь по широкой, каменной лѣстницѣ казармы, Кнопъ, — онъ совсѣмъ не правъ. Людямъ надо дать свободу. Больше свободы. Вѣдь многіе изъ нихъ не вернутся домой никогда, ну и пусть погуляютъ. И на Коряжкова онъ совершенно напрасно кричалъ. Кому мѣшаетъ этотъ клокъ волосъ? А вышло глупо. И я знаю навѣрно, что Коряжковъ не острижется, да и я бы на его мѣстѣ не остригся, вотъ ни за что бы не остригся. Савельевъ только себя компрометтируетъ... И намъ съ вами лучше не мѣшаться въ это дѣло.

— Вы пойдете на вечеръ графини Палтовой? — спросилъ, чтобы перемѣнить разговоръ Харченко.

— Ну, еще бы, — отвѣчалъ Кнопъ. — Я же тамъ участвую... Какъ разказчикъ... А вы?

— Надо пойти. Жена командира. Да, говорятъ, и графъ Палтовъ пріѣдетъ. Я вѣдь своего командира еще не видалъ.

XVI

Вечеръ — кабарэ при участіи лучшихъ Петроградскихъ артистокъ и артистовъ въ пользу семействъ убитыхъ того гвардейскаго полка, которымъ командовалъ графъ Палтовъ, былъ давно и широко задуманъ графиней

Натальей Борисовной. Она постаралась къ этому дню собрать возможно больше офицеровъ изъ полка и устроила имъ отпуски, воспользовавшись тѣмъ, что полкъ стоялъ въ резервѣ. Изъ запаснаго батальона были взяты красивые рослые люди. Они были одѣты въ парадную форму мирнаго времени, въ кивера и мундиры съ лацканами и поставлены шпалерами по обоимъ широкимъ маршамъ мраморной лѣстницы особняка графини. Такъ же, въ старой формѣ, яркой и блестящей, былъ одѣтъ и полный хоръ музыкантовъ полка, нарочно присланный къ запасному батальону. Веселясь въ пользу семействъ убитыхъ на войнѣ солдатъ, дѣлали все возможное, чтобы позабыть объ этой войнѣ и вспомнить старое безмятежное время красивыхъ парадовъ, удивительной выправки солдатъ, лихихъ пѣсенъ и бравурной музыки.

Ожидалась одна высокопоставленная особа, ожидался начальникъ кавалерійской дивизіи, молодой свитскій генералъ Саблинъ, долженъ былъ быть генералъ Петреповъ и его начальникъ штаба, генералъ Самойловъ, надѣялись видѣть генерала Поливанова и члена Государственной Думы четырехъ созывовъ Облѣписимова и многихъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей.

Должна была танцовать Преображенская, играть румынскій квартетъ Гулеско, Кюнъ разсказывать и пѣть подъ гитару, сама хозяйка, графиня Палтова, выступала съ нѣсколькими модными романсами и пѣсенками легкаго содержанія, обѣщала пріѣхать изъ Москвы Иза Кремеръ.

Несмотря на наступавшую дороговизну, былъ заказанъ роскошный ужинъ, и, по особой протекціи, добыто шампанское и другія заграничныя вина.

Наталья Борисовна, княгиня Рѣпнина, графиня Валерская и старый Мацневъ, ставшій предсѣдателемъ отдѣленія «земгора», больше мѣсяца готовили этотъ шикарный вечеръ «кабарэ», о которомъ долженъ былъ говорить весь Петроградъ.

Если бы подсчитать все то, что было заплачено художнику за прекрасныя афиши, изображавшія солдатъ

въ парадной формѣ, за устройство интимной сцены, за ужинъ, вина и закуски, за участіе артистовъ и артистокъ, то на эти деньги можно было бы много лучше обезпечить семьи убитыхъ, чѣмъ на ту прибыль, что ожидалась отъ небольшого числа зрителей, званыхъ по именнымъ билетамъ. Но графиня Палтова знала, что безъ этой приманки ѣдой, выпивкой и весельемъ ей никто не дастъ нужныхъ денегъ, что это такъ принято и вечеръ самъ по себѣ занималъ ее больше, чѣмъ помощь несчастнымъ солдатскимъ семьямъ.

Начало было назначено въ восемь часовъ, но съѣзжаться начали только къ девяти. Графъ и графиня Палтовы и группа офицеровъ полка встрѣчали гостей на верхней площадкѣ лѣстницы. На графинѣ Натальѣ Борисовнѣ былъ дорогой открытый вечерній туалетъ, она была причесана у лучшаго парикмахера и выглядѣла красавицей, сверкая бѣлизною плечъ и ширииою красивой груди. Офицеры были въ новомодныхъ френчахъ съ длинными юбками cloche*) въ блестящихъ погонахъ, и блистали различными значками и орденами.

Едва только на первомъ маршѣ показалась высокая, сгорбленная фигура генерала въ защитныхъ погонахъ и съ шашкой на защитномъ ремнѣ, какъ полковой адъютантъ сдѣлалъ знакъ музыкантамъ и оркестръ грянулъ полковой маршъ.

— Счастливъ видѣть васъ въ добромъ здоровьи, — скрипучимъ голосомъ проговорилъ чернобородый генералъ, цѣлуя руку Палтовой. — Вы все хорошѣете. Такъ отдыхаешь у васъ отъ всѣхъ волненій войны.

За нимъ, придерживая георгіевское оружіе и сверкая георгіевскимъ крестомъ на чистомъ кителѣ стараго покроя со свитскими аксельбантами, все еще молодой отъ короткой стрижки сѣдѣющихъ волосъ и отъ темнаго, юнаго загара похудѣвшаго лица, вошелъ въ залу Саблинъ.

Онъ поклонился графинѣ и чернобородому генералу.

— А, Саблинъ, — сказалъ тотъ, ласково протягивая

*) Колоколомъ.

щедрую руку, — какое чудное дѣло дѣлаетъ графиня! Сколько слезъ бѣдныхъ сиротъ она утретъ этимъ роскошнымъ вечеромъ! Какъ мы отвыкли за эти полтора года отъ блеска! Парадная форма нашихъ славныхъ N—цевъ кажется уже анахронизмомъ.

Генералы и офицеры, бывшіе въ залѣ, встали и поклонились чернобородому генералу. Дамы, однѣ сидя, другія стоя, съ любопытствомъ разглядывали его въ лорнеты.

— Какъ онъ постарѣлъ, — сказала красивая сестра милосердія въ элегантной, короткой, защитной юбкѣ генералу Самойлову, стоявшему съ ней рядомъ.

— Да, не легко дается ему борьба на два фронта, Любовь Матвѣевна.

А вы считаете, что онъ борется? — кокетливо, исподлобья глядя на Самойлова, сказала сестра.

— Конечно, — отвѣчалъ Самойловъ.

— По моему, давно плыветъ по теченію.

— Съ какихъ поръ?

— Съ той самой поры, какъ онъ былъ увѣренъ, что свалилъ Свиньина, а Свиньинъ перебѣжалъ ему дорогу и черезъ императрицу свалилъ его самого.

— Но вѣдь теперь онъ достигъ желаемаго.

— Поздно, Николай Захаровичъ. Онъ достигъ, чтобы мстить. Я знаю его татарскую натуру, онъ жестоко отомститъ. Это одинъ изъ главныхъ дѣятелей надвигающейся революціи.

— Шшш, Любовь Матвѣевна! Въ салонѣ графини Палтовой, въ присутствіи почти двора и коронованныхъ особъ такія страшныя слова.

— Я говорю то, что всѣ говорятъ. Этотъ раутъ, Николай Захаровичъ — это пиръ во время чумы. Это пиръ Навуходоносора. Мнѣ все кажется, что раздвинется занавѣсъ на сценѣ и вмѣсто милой графини Палтовой у рояля я увижу чью то страшную руку, которая напишетъ: — мене, текелъ, фаресъ...

— И вамъ не страшно?

— И даже очень. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, Николай Захаровичъ, вѣдь это не люди кругомъ, не Рус-

скіе люди, живущіе въ столицѣ во время величайшей войны, а это ходячія партіи. Съ нами и противъ насъ. У каждаго своя платформа, и эта платформа для него все.

— Ну, а вы на какой, Любовь Матвѣевна? — улыбаясь спросилъ Самойловъ.

— Я?.. Моя платформа: — живи и жить давай другимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мужъ меня бросилъ, я должна была что-нибудь дѣлать. Я оглянулась — искать друга, добывать разводъ — это всегда роняетъ. Я пошла по другому пути и смотрите, какъ всѣ меня уважаютъ!

— Отъ нихъ же первый есмь азъ. Могу я разсчитывать на вашу благосклонность?

— Если будете паинькой и не будете дѣлать заранѣе масляныхъ глазъ, чего я терпѣть не могу. У меня les affaires sont les affaires!*)

XVII

Темносиняя бархатная занавѣсъ, украшенная по низу золотымъ меандромъ и бахромою и подвѣшенная на большихъ кольцахъ, медленно раздвинулась на двѣ половины, но вмѣсто таинственной руки, которую ожидала Любовь Матвѣевна, на сценѣ появился прапорщикъ Кнопъ. Въ модномъ френчѣ, съ длинной юбкой, въ защитныхъ шароварахъ и сапогахъ съ гетрами, припомаженный и подвитой, онъ не походилъ на офицера. Это былъ актеръ, неискусно вырядившійся въ офицерскую форму. Но главное, тутъ, на сценѣ, при свѣтѣ рампы, было ясно видно, что это не только не офицеръ, но это развязный и нахальный еврей.

Какъ могъ онъ попасть въ полкъ? Какъ могъ пробраться въ офицеры? Какъ могъ попасть въ н а ш ъ полкъ, думали, глядя на него, графъ Палтовъ и другіе кадровые офицеры полка.

Залъ затихъ.

---

*) Дѣло — такъ дѣло.

Съ гитарой въ рукахъ, небрежно похаживая вдоль рампы, Кнопъ ожидалъ, когда станетъ совсѣмъ тихо и тогда вмѣстѣ съ трелью гитары и ударами костяшками пальцевъ по декѣ, подобными отдаленному барабанному бою, бросилъ коротко:

— Солдаты идутъ!..

Красиво и талантливо онъ рисовалъ чувства ребенка, дѣвушки, женщины и старика, стоящихъ у окна и глядящихъ на проходящій мимо полкъ. Искусно поставленный и заглушенный грамофонъ то игралъ все удаляющійся пѣхотный маршъ, то разсыпался трескомъ барабановъ.

— Солдаты идутъ! Солдаты, солдаты, солдаты идутъ, играютъ и поютъ...

Иллюзія была такъ сильна, что многіе поворачивали головы къ задрапированнымъ тяжелыми занавѣсами окнамъ.

Едва онъ кончилъ и раздались рукоплесканія и крики «браво», Саблинъ всталъ и прошелъ въ маленькую гостиную, бывшую сзади зала. Ему тяжело было видѣть все это. Три дня тому назадъ, отбивъ спѣшенными частями своей дивизіи страшный штурмъ германской пѣхоты, сопровождавшійся ураганнымъ огнемъ артиллеріи и передавъ позицію подошедшей на смѣну армейской пѣхотѣ, онъ отошелъ въ резервъ, на тридцать верстъ въ тылъ. Передъ его глазами все еще стояла послѣдняя картина, которую онъ наблюдалъ. Онъ пропускалъ мимо себя дивизію на переправѣ черезъ рѣку. Рѣка на половину замерзла, но, замерзая, разлилась и неуклюжій мостъ, построенный еще въ сентябрѣ казаками, оказался посрединѣ рѣки. На него въѣзжали, проваливаясь по конское брюхо въ воду, и съ него съѣзжали тоже въ воду. Дно было вязкое, болотистое и проходившіе полки растоптали и углубили его. Небо было пасмурно, дулъ холодный рѣзкій вѣтеръ и срывалъ снѣжинки. Эскадронъ за эскадрономъ подходили къ мосту. Суровыя, худощавыя солдатскія лица хмуро и серьезно смотрѣли внизъ на воду. Наканунѣ здѣсь утонулъ оренбургскій казакъ и свѣжая могила желтымъ глинистымъ бугромъ возвышалась на

самомъ берегу. Крестъ безъ надписи стоялъ надъ ней. Собранныя на мундштукахъ рыжія лошади драгунскаго полка, сильно похудѣвшія съ раздуваемой вѣтромъ длинной шерстью, заминались и неохотно ступали въ темную ледяную воду. По рѣкѣ неслись, кружась, ржавыя льдинки. Лошади то неожиданно проваливались по брюхо, то шли по мелкому мѣсту, звеня льдомъ и водой, разбрызгиваемой копытами. Пики мотались изъ стороны въ сторону и ряды разстраивались. Угрюмый, на прекрасной чистокровной кобылѣ, стоялъ командиръ полка. Эскадронный командиръ первымъ бухнулся въ воду, а за нимъ пошли его люди. Въ верстѣ, за широкимъ разливомъ рѣки, эскадроны стягивались въ длинныя и узкія змѣйки колоннъ по три и уходили за лѣсъ. Саблинъ простоялъ весь день на переправѣ. Артиллерія задержала. Уже ночью, при лунѣ, перешелъ онъ самъ и рысью, по лѣсной дорогѣ, запорошенной тонкимъ слоемъ снѣга, пошелъ, обгоняя послѣднія сотни казачьяго полка, на свой ночлегъ въ убогій домъ священника селенія Озеры. Послѣднимъ его впечатлѣніемъ былъ молодой хорунжій, дежурный по полку, сопровождавшій его вдоль полка по узкой лѣсной дорогѣ и звонко кричавшій казакамъ: — поводъ вправо. Знакомымъ казалось Саблину красивое лицо молодого офицера съ горящими оживленіемъ и какимъ то особеннымъ счастіемъ глазами.

— Какъ ваша фамилія? — спросилъ его Саблинъ.

— Хорунжій Карповъ, — весело отвѣтилъ офицеръ.

— Вы были ранены подъ Желѣзницей?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Уже оправились?

— Совершенно, ваше превосходительство!

Они обгоняли хмурыхъ казаковъ. Всѣ были мрачны, голодны и усталы и только этотъ молодой офицеръ былъ счастливъ и радостенъ. Саблинъ внимательно посмотрѣлъ на него и понялъ по его глазамъ, что въ немъ сидятъ — сіи три — вѣра, надежда, любовь — но любовь больше всего.

Потомъ Саблинъ долго ѣхалъ одинъ со старшимъ

адъютантомъ, трубачами и вѣстовыми по дорогѣ и, наконецъ, замаячили въ серебристомъ сумракѣ лунной ночи эскадроны гусаръ на сѣрыхъ дымящихся паромъ лошадяхъ. И опять были крики: поводъ вправо и такія-же хмурыя, серьезныя, голодныя лица.

Шли солдаты...

На другой день, переночевавъ на соломѣ, на полу, въ столовой у священника, Саблинъ на автомобилѣ проѣхалъ на желѣзную дорогу и черезъ тридцать шесть часовъ былъ въ Петроградѣ. Его дочь и графиня Палтова упросили его пойти на вечеръ. И вотъ... солдаты идутъ...

Саблину слишкомъ вспоминалось, что значитъ идутъ солдаты. Онъ хорошо ихъ видѣлъ и сейчасъ...

XVIII

— А, Александръ Николаевичъ, — привѣтствовалъ его Пестрецовъ, сидѣвшій въ углу съ Облѣнисимовымъ и съ подвижнымъ, немолодымъ штатскимъ, въ черной на глухо застегнутой курткѣ военнаго образца, въ золотыхъ очкахъ и съ сѣдой, небритой щетиной бороды. — Нашъ бравый Румянцевъ! О твоей дивизіи разсказываютъ чудеса. Вы не знакомы? — обратился онъ къ штатскому.

— Александръ Ивановичъ Пучковъ, нашъ магъ и чародѣй. Да, милый Александръ Николаевичъ, то, чего не могли сдѣлать мы, люди съ военной эрудиціей, то дѣлають теперь вотъ они, коммерческіе люди, люди практической складки, знающіе, что такое общественность. И, если Алексѣй Андреевичъ Поливановъ нашъ князь Пожарскій, то это Мининъ. Армія спасена! Вы къ веснѣ будете завалены снарядами и патронами. Аэроплановъ будетъ сколько угодно. Все союзники.

— Не одни союзники, Яковъ Петровичъ, мы и свою промышленность широко ставимъ. Теперь нами провозглашенъ девизъ: все для войны! — тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ сказалъ Пучковъ.

— Помогай Богъ, — сказалъ Саблинъ.

— Ну что, какъ у тебя на фронтѣ? — спросилъ Облѣпысимовъ, — ты, Саша, можешь говорить вполнѣ откровенно, все свои, вѣрные люди.

— На фронтѣ настроеніе такое, что если бы тутъ были враги, я и передъ ними съ удовольствіемъ бы разсказалъ про него. Дайте намъ ту технику, что имѣютъ нѣмцы, и прикажите идти на Берлинъ, — сказалъ горячо Саблинъ.

— Хорошо сказано, — сказалъ Пестрецовъ.

— А не увлекаешься ты, Саша?

— Нѣтъ; что же увлекаться. Нашъ солдатъ былъ, есть и, хочу вѣрить, и будетъ первымъ солдатомъ въ мірѣ. Офицеры одинъ восторгъ. У насъ такихъ еврейчиковъ, какъ только что выступавшій, нѣтъ.

— Ну, какой же онъ еврей, — сдержанно сказалъ Пестрецовъ.

— И отчего еврей не можетъ быть офицеромъ? — спросилъ Пучковъ.

— Отчего еврей не можетъ быть офицеромъ, я, пожалуй, вамъ не сумѣю отвѣтить, но я знаю одно, что ни одинъ офицеръ, не еврей, не способенъ на такую пошлость, какъ этотъ... Ломаться на сценѣ, какъ послѣдняя дѣвка, въ то время, когда его товарищи сидятъ въ окопахъ. Вы посмотрите, какъ онъ одѣтъ! Вѣдь это костюмъ, а не форма.

— Неисправимъ, — сказалъ Облѣпысимовъ. — Какъ ты отсталъ, Саша! ты не видишь, что тутъ готовится новое и это новое должна сдѣлать армія. Всѣ взоры на нее.

— Ты сказалъ, дядя, что здѣсь все свои. Никого кругомъ нѣтъ, всѣ увлечены, если я не ошибаюсь, танцами Преображенской, такъ скажи прямо — готовится революція?

— А развѣ не нужна она? — спросилъ Пестрецовъ. — Развѣ не дошли не только мы, лучшіе люди, но и простой народъ до роковего сознанія, что она неизбѣжна и необходима?

— Значитъ, я не лучшій человѣкъ, — сказалъ Са-

блинъ, — потому что я считаю, что пока идетъ война, она невозможна... Да и послѣ... Къ чему?..

— Но что же дѣлать? — тихо спросилъ Пучковъ.

— Всѣми силами поддерживать тронъ! Я говорилъ это полтора года тому назадъ дядѣ Егору Ивановичу и повторяю и теперь. Назовите меня ретроградомъ, но я считаю, что валить тронъ, во время ужасной войны, это такое безуміе!.. Вообще... валить тронъ! Да, еще въ Россіи..

Саблинъ не договорилъ. Наступило тяжелое молчаніе. Изъ сосѣдней комнаты сквозь притворенную дверь врывались обрывки музыки и слышался легкій стукъ ножекъ. Танцы продолжались.

— Тронъ валится самъ, и поддержать его мы не въ силахъ, — сказалъ мягкимъ, спокойнымъ голосомъ Пучковъ, но Саблинъ замѣтилъ, что онъ волновался. — Мы все сдѣлали. Какой былъ энтузіазмъ въ началѣ, какъ вѣрили въ Царя, какъ шли за нимъ и для него и чѣмъ это кончилось?! Распутинъ обнаглѣлъ, какъ никогда. Вліяніе его и Александры Θеодоровны стало невозможно и оно идетъ прямо во вредъ Россіи. Вы знаете адмирала Балтова? Онъ сдѣлалъ чудеса въ Севастополѣ. Посылаютъ телеграмму Государю, просятъ о назначеніи его на высокое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы все перестроить. Государь согласенъ. Приказъ подписанъ. Она мчится въ Могилевъ и черезъ два часа подписанъ новый приказъ объ удаленіи Балтова изъ Севастополя и о назначеніи его въ тылъ на синекуру.

— Въ угоду нѣмцамъ и по приказу изъ Берлина, — вставилъ Пестрецовъ.

— Противъ Государя даже великіе князья. Они пробовали уговаривать Государя, писали ему письмо. Они попали въ опалу. Государь прямо сказалъ, что ему легче выносить Распутина, чѣмъ истерики Ея Величества, — сказалъ Облѣнисимовъ.

— Надо устранить и его и ее отъ управленія, но поколебать принципа монархіи, — сказалъ Саблинъ.

— Милый мой, онъ давно поколебленъ. Въ полкахъ

открыто говорятъ о связи Царицы съ Распутинымъ и уваженія къ Монарху нѣтъ, — сказалъ Облѣнисимовъ.

— Въ какихъ полкахъ? полки высочайше ввѣренной мнѣ дивизіи умрутъ за Государя, каковъ бы онъ ни былъ.

— И отлично. Но Петроградскій гарнизонъ настроенъ иначе. Революціонные лозунги начинаютъ проникать въ солдатскую массу и здѣсь уже на перекличкѣ вы не услышите гимна. Въ ротахъ, если открыто еще и не поютъ, то умѣютъ пѣть рабочую марсельезу, — сказалъ Пучковъ. — Съ этимъ хотите — не хотите, а считаться приходится.

— Это результатъ обученія солдатъ на мостовыхъ. Сегодня утромъ, проѣзжая съ вокзала къ себѣ на квартиру, я видѣлъ это безобразіе. Толпу, а не шеренгу солдатъ на улицѣ, винтовку въ станкѣ и рядомъ какихъ то темныхъ личностей съ газетами и листками. Это видимо подготовка республиканскихъ войскъ...

Никто не возразилъ.

— Обучать нужно въ полѣ, — продолжалъ Саблинъ. — Пошлите ихъ къ намъ въ резервы. Мы ихъ обучимъ, не балуя. Я вижу работу тыла даже здѣсь на сегодняшнемъ праздникѣ.

— Ты осуждаешь прелестную Наталью Борисовну? — сказалъ Пестрецовъ.

— Зачѣмъ было ставить этихъ скверно выправленныхъ болвановъ, одѣтыхъ въ кивера и мундиры съ лацканами? Чтобы они видѣли эту роскошь, этотъ развратъ высшаго круга, этотъ блескъ, вино и яства и потомъ воспоминаніе объ этомъ и сравненія перенесли въ холодные и сырые окопы.

— Точно они не знаютъ, — сказалъ Облѣнисимовъ.

— Надо, чтобы они знали другое, — сказалъ Саблинъ. — Нужно самимъ переродиться. Если все для войны, то долой эту роскошь, театры, балы, вино, концерты, всѣ на работу для фронта!

— Неисправимъ, — сказалъ Облѣнисимовъ.

— Фронтъ и тылъ, — сказалъ снисходительно Пучковъ. — Ихъ никогда не примиришь.

Въ гостиную вошла графиня Палтова.

— Господа, — сказала она, — вотъ это мило! Я сейчасъ выступаю, а вы забились куда то и знать меня не хотите.

— Мы только покурить, графиня, — сказалъ, подымаясь съ кресла, тяжелый Облѣнисимовъ.

— Успѣете курить. Знаю я ваше — курить. Поболтать захотѣли, неисправимый болтунъ. Александръ Николаевичъ, вашу руку, я сейчасъ буду пѣть прелестную венціцу Гуно — «Баркаролла». Послушайте припѣвъ. Совсѣмъ точно волны колышатъ лодку.

И она напѣла Саблину вполголоса:

Dites la jeune et belle
Ou voulez vous aller
La voile ouvre son aile
La brise va souffler...*)

XIX

Громъ апплодисментовъ привѣтствовалъ графиню Палтову, едва только она показалась въ залѣ подъ руку съ Саблинымъ. Апплодировали ей, хозяйкѣ дома, апплодировали и Саблину, его георгіевскому кресту и той славѣ, что шла съ его именемъ.

Какой-то штатскій, въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ сухимъ старымъ лицомъ, гдѣ не росла борода, вышелъ изъ кресел ъ и, остановивъ Саблина, протянулъ ему пачку сторублевыхъ ассигнацій.

— Ваше превосходительство, тутъ десять тысячъ, раздай своимъ орламъ.

---

*) Скажите, юная красавица,
Куда намъ плыть?
Поставленъ парусъ,
Вѣтеръ играетъ имъ.

Саблинъ, смущенный, не зналъ, что дѣлать. Графиня Палтова выручила его.

— Это нашъ постоянный поставщикъ, Лапинъ, большой патріотъ и благотворитель. Вы мнѣ скажите, что купить для вашихъ солдатъ, и я съ вами имъ и пошлю.

— Вотъ спасибо, ваше сіятельство, Наталья Борисовна. Такъ и хорошо будетъ.

Оваціи Саблину и графинѣ Палтовой долго не смолкали. У Саблина глаза были полны слезъ отъ вида устремленныхъ на него женскихъ и дѣвичьихъ глазъ и маленькихъ рукъ, что хлопали ему. Онъ видѣлъ среди нихъ милое лицо своей Тани, красное, полное восторга.

Все это вышло такъ неожиданно!

Графиня Палтова поняла его смущеніе и, покинувъ его, прошла на сцену. Аккомпаніаторъ заигралъ ритурнель. Всѣ стали садиться, въ залѣ наступила тишина.

Когда графиня Палтова кончила пѣть, весь залъ разразился бѣшеными аплодисментами, а она, раскраснѣвшаяся, обрадованная своему успѣху, сошла со сцены и, вмѣшавшись въ толпу зрителей, остановилась, разговаривая съ графиней Валерской. Саблинъ воспользовался общимъ движеніемъ, — былъ антрактъ, — гости выходили къ чайному буфету и пошелъ къ выходу. Онъ не могъ долѣе оставаться. Нервы не выдерживали. Онъ рѣшилъ прогуляться и вернуться къ концу ужина за Таней.

— Ну, голоса-то у нея никакого, а манера какая-то есть, — говорилъ худощавый штатскій, продолжая аплодировать, своему сосѣду, полному господину во фракѣ, съ большимъ бѣлымъ жилетомъ.

— И куда ей за Гуно браться, — отвѣчалъ тотъ, — изъ баркароллы у нея такъ ничего и не вышло. Я слышалъ эту вещицу въ исполненіи Бакмансонъ. Вотъ, батенька мой, школа, доложу я вамъ!

— Ей вотъ «Гусаровъ» пѣть, это по ея голосу.

— И то до Вяльцевой далеко.

— По улицѣ пыль подымая, подъ звуки лихи-ихъ трубачей, — напѣвалъ какой-то интендантскій полковникъ, весь сплошь въ защитномъ, даже съ затемненными

пуговицами и наткнулся на Саблина, — «извеняюсь, ваше превосходительство», — сказалъ онъ, давая дорогу Саблину.

На лѣстницѣ все также, стараясь тянуться, стояли солдаты въ киверахъ. Но отъ непривычки ихъ носить кивера съѣхали на затылокъ, а отъ плохой выправки и запавшихъ грудей на блестящихъ лацканахъ были складки и отъ всей этой прекрасной формы, которую такъ любилъ Саблинъ, вѣяло жалкой бутафоріей.

Саблинъ отыскалъ съ помощью солдата свою шинель и вышелъ на улицу.

Былъ одиннадцатый часъ ночи и городъ жилъ полною суетною жизнью. По улицамъ носились трамваи, переполненные пассажирами, и на каждомъ на передней и на задней площадкѣ, на ступенькахъ, держась за поручни висѣли солдаты. Эти солдаты были вездѣ. Они толкались по улицамъ, грызя сѣмечки, они толпами стояли у яркоосвѣщенныхъ, горящихъ разноцвѣтными огнями кабарэ и кинематографовъ. Саблинъ не былъ въ Петроградѣ полтора года и онъ не узнавалъ его. Сколько открылось новыхъ кинематографовъ и маленькихъ театриковъ миніатюръ, гдѣ обѣщали пѣніе, танцы, музыку, фокусы. И откуда взялась вся эта масса артистовъ, кто они?

Была ночь, а солдаты свободно ходили по городу. Они были трезвы, большинство, если и не становилось во фронтъ Саблину, то все-таки отдавало честь и даже притопывало по гвардейски ногами, но видъ имѣли эти солдаты не только не гвардейскій, но и не солдатскій. Сѣрыя папахи были надѣты небрежно, большинство было безъ поясныхъ ремней, а тѣ, у кого эти поясные ремни были надѣты, имѣли ихъ неподтянутыми, съ пряжками и бляхами сползшими на бокъ. Многіе солдаты ходили съ молодыми штатскими людьми и съ дѣвушками интеллигентнаго вида.

У одного большого кинематографа на Невскомъ только что окончился сеансъ и одна толпа входила, а другая выходила.

— Ахъ, товарищи! — восхищенно говорилъ молодой

солдатъ, выходя изъ кинематографа и обращаясь къ другимъ солдатамъ, — ну и ловкая жизнь. Вотъ жизнь!

— Что же, все возможно, товарищъ, — проговорила маленькая, черная женщина, въ платьѣ сестры милосердія, шедшая съ ними. — Кто дерзаетъ, тотъ и достигнетъ.

— Все-таки преступленіе, сестрица.

— Ну, какое тамъ преступленіе.

Солдатъ увидалъ Саблина и испуганно вытянулся.

Саблинъ взглянулъ на часы. Было половина одиннадцатаго. Сеансъ окончится около двѣнадцати, а раньше двухъ ночи нечего и думать вытащить отъ графини Палтовой Таню.

Саблинъ вошелъ въ кинематографъ. Онъ шелъ не смотрѣть картину съ заманчивымъ названіемъ, сверкавшимъ громадными, красными буквами подъ картиной, изображавшей людей въ маскахъ, душащихъ старика. Онъ шелъ смотрѣть толпу и солдатъ.

Впереди него, на третьемъ мѣстѣ, какъ всегда въ кинематографѣ, передъ самымъ экраномъ, сидѣла дешевая публика. Это почти исключительно были солдаты. Они сняли съ себя папахи и Саблинъ вмѣсто коротко остриженныхъ, шариками, головъ, видѣлъ то косматые, вихрастые затылки, то тщательно раздѣланные примасленные и припомаженные проборы. Тамъ и тамъ среди солдатскихъ шинелей видѣлась косынка сестры милосердія, или кокетливая шляпка швейки, или горничной. Несмотря на то, что курить въ кинематографѣ было строго запрещено, кое кто изъ солдатъ тихонько курилъ.

На второмъ мѣстѣ сидѣли молодые элегантные офицеры, штатскіе и дамы. Штатскихъ было мало, почти всѣ мужчины были одѣты въ защитные френчи, или шинели солдатскаго сукна, военнаго и невоеннаго покроя. Можно было подумать, что со второго года войны интендантство взяло на себя подрядъ одѣть по военному всю Россію. Одни изъ этихъ молодыхъ людей въ защитномъ имѣли какіе то узенькіе погоны изъ золотой и серебряной

рогожки съ зелеными, малиновыми, алыми и черными просвѣтами, другіе были безъ погонъ. Кто они? какого вѣдомства? почему въ формѣ? — Саблинъ понять не могъ. Даже многія женщины были одѣты въ платья защитной матеріи. Здѣсь очень много было сестеръ милосердія. Но по лицамъ многихъ изъ нихъ, Саблинъ видѣлъ, что это не сестры, но лишь носящія платье сестеръ.

На первомъ мѣстѣ публика была старая, не Петроградская, а Петербургская, та, которую хорошо зналъ Саблинъ. Средній обыватель, что раньше наполнялъ Александринскій театръ и ходилъ по клубнымъ сценамъ, устремился теперь въ кинематографы. Но и здѣсь много было защитныхъ френчей и вычурныхъ формъ. Саблинъ спросилъ у одного изъ молодыхъ людей съ зелеными полосами на серебряной рогожкѣ погона, и съ чиномъ коллежскаго совѣтника, въ синесѣрыхъ рейтузахъ галиффэ и большихъ шпорахъ на рыжихъ сапогахъ, — гдѣ онъ служитъ.

— Въ гидротехническомъ отдѣлѣ Земгора, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, — по осушкѣ окоповъ отъ сточной воды.

Саблинъ не нашелся, что сказать: такъ поразила его эта особенная дѣятельность молодого человѣка.

Въ кинематографѣ игралъ сокращенный оркестръ какого то гвардейскаго полка. Нечищенныя, грязныя трубы отзывали какимъ то захолустьемъ и ихъ странно было видѣть въ рукахъ музыкантовъ съ алыми, гвардейскими погонами на рубашкахъ. Турецкій барабанъ часто билъ тактъ. Но очевидно это считалось за особое прибавленіе къ сеансу, потому что, проигравъ какую то дребедень, солдаты шумно встали и съ громкимъ разговоромъ ушли изъ театра.

Ближе къ рамкѣ придвинули піанино и какой то молодой человѣкъ началъ фантазировать на немъ, дополняя музыкой то, что было на экранѣ.

XX

Въ кинематографѣ стало темно. Піанино говорило о тоскѣ, пѣвучій вальсъ съ нарочно замедленнымъ темпомъ срывался съ клавишъ изъ-подъ пальцевъ піаниста.

«И въ хижинѣ страдальца цвѣла любовь» — появилась надпись на экранѣ.

Въ маленькой комнатѣ сидѣла красивая дѣвушка. Она была бѣдно одѣта. Она шила. Она принуждена была шить шелковое и батистовое бѣлье на магазинъ и портить глаза за мелкой строчкой. Въ труды ея рукъ одѣваются другія, не знающія труда.

На экранѣ роскошное помѣщеніе моднаго магазина бѣлья. Приходили и уходили дѣвушки съ картонками, сдавая свою работу. Онѣ были бѣдно одѣты, у нихъ были плохіе, дырявые башмаки, а было холодно и шелъ снѣгъ.

На экранѣ встала та самая бѣлошвейка, что была изображена въ первой картинѣ. Артистка была снята на улицѣ въ костюмѣ бѣдной дѣвушки, въ оборванной юбкѣ и въ большихъ дырявыхъ башмакахъ. Сыпалъ снѣгъ, проходили прохожіе и заглядывали на нее, а она пожималась, топотала ножками на подъѣздѣ въ ожиданіи, когда ей откроютъ дверь богатаго магазина.

«Тамъ шили приданое» — мелькнула надпись и снова появилась картина большого зала магазина. Красивыя дѣвушки раздѣвались до бѣлья и примѣряли панталоны и нижнія юбки. Онѣ становились передъ зеркаломъ въ самыхъ рискованныхъ позахъ и любовались собою. Въ залѣ раздавалось сладострастное мычаніе мужчинъ и ахи женщинъ.

«Она любила святою первою любовью...

«Но онъ былъ бѣденъ»...

Сказалъ кинематографъ, и на экранѣ въ большомъ овалѣ появилось молодое, смѣлое лицо съ папироской въ зубахъ, въ мягкой кепкѣ рабочаго, въ старомъ пиджакѣ,

надѣтомъ поверхъ блузы и съ руками, заложенными въ карманы.

Піанистъ сталъ играть мотивъ пѣсни: «послѣдній нынѣшній денечекъ», а на полотнѣ появилась надпись:

«Его хотѣли взять въ солдаты. Его хотѣли заставить убивать своихъ братьевъ. Онъ зналъ, что война это ужасъ. Она помѣшаетъ любви. Почему не берутъ богатыхъ, которые тратятъ деньги на пиры и увеселенія, на игру и женщинъ? Онъ наблюдалъ ихъ жизнь.»

Мимо плыли изображенія какихъ то парижскихъ кабачковъ, гдѣ пьянствовали и кутили молодые люди, разряженныя дѣвушки, танцовали канканъ между столиками, играли въ карты. Въ этотъ вертепъ, съ улицы, гдѣ носились автомобили, пьяный офицеръ тащилъ за руку бѣдную дѣвушку, съ кордонкой.

— «Никогда!» — стояло на экранѣ — и молодой человѣкъ хваталъ за грудь офицера и отталкивалъ его отъ дѣвушки. На полотнѣ разыгрывалась грубая сцена драки между офицеромъ и молодымъ оборванцемъ. Съ офицера срывали эполеты и такъ толкнули его, что съ него свалилось кепи. Собиралась толпа.

— «Онъ оскорбилъ мою невѣсту!» — объясняла надпись на экранѣ и сейчасъ же появился сначала въ большую величину артистъ, герой драмы. Его лицо было искажено гнѣвомъ и негодованіемъ, грудь тяжело дышала. Ротъ часто открывался, онъ быстро что то говорилъ. Мелькнула перемѣна картины и публика увидѣла опять шумную улицу, толпу, размахивающую руками и палками и офицера, стоящаго среди нея. Но уже бѣжали полисмены.

«Оскорбленіе арміи» — стоялъ короткій заголовокъ и на экранѣ вели героя драмы съ цѣлымъ отрядомъ полицейскихъ. Офицеръ съ оборванными эполетами давалъ свою карточку полицейскому сержанту и садился въ кебъ, полицейскіе разгоняли толпу.

Въ третьемъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли солдаты, шелъ тихій

ропотъ негодованія. Картина кинематографа захватывала страшною драмою и симпатіи солдатской массы были на сторонѣ ея героя.

Шли картины суда, тюрьмы. Развивался чувствительный романъ дѣвушки бѣлошвейки и арестанта.

Бѣлошвейка принесла заключенному въ запеченномъ хлѣбѣ пилу и веревку и къ великой радости публики третьяго мѣста, онъ бѣжалъ. Было показано, какъ пилилась осторожно, съ оглядкой, рѣшетка тюрьмы, какъ бѣглецъ повисъ надъ бездной, какъ спрыгнулъ, какъ бросился за нимъ часовой, хотѣлъ стрѣлять, приложился — и тутъ, когда всѣ зрители замерли въ волненіи, на экранѣ появилась надпись:

«Онъ узналъ въ бѣгущемъ брата. Брата узналъ онъ въ несчастномъ. Пускай меня судятъ, пускай убьютъ меня, но я не могу стрѣлять». —

И зрители увидали часового, скорбно облокотившагося на ружье.

Первая часть кончилась. Но Саблинъ не ушелъ изъ кинематографа. Съ сильно бьющимся отъ волненія сердцемъ, съ глазами горящими возмущеніемъ, онъ оглядывалъ освѣщенный яркими электрическими лампочками залъ. У входа стоитъ затянутый въ сѣрое пальто полицейскій офицеръ съ тяжелымъ револьверомъ у бедра, два генерала и нѣсколько пожилыхъ офицеровъ сидятъ въ мѣстахъ, сидятъ юнкера, кадеты. И тутъ же на глазахъ у всѣхъ идетъ серьезная, глубокая проповѣдь антимилитаризма, идетъ во время войны. Кто разрѣшилъ къ постановкѣ эту фильму? Откуда пришла она къ намъ? Не изъ Германіи ли? Удушливые газы, которыми тогда начали угрожать германцы, вся ихъ тяжелая артиллерія, воздушный и подводный флотъ были ничто въ сравненіи съ этой картиной въ двѣ тысячи метровъ длиною. И неужели никто этого не видитъ? Неужели я первый сдѣлалъ это страшное открытіе, думалъ Са-

бликъ — неужели этого не видятъ ни Поливановъ, ни Штюрмеръ, ни Протопоповъ, ни Родзянко, ни мой всевѣдущій и вездѣсущій дядюшка Егоръ Ивановичъ?..

XXI

Вторая часть называлась «Мститель». Передъ зрителями проходили сцены самыхъ необычайныхъ, хитро и смѣло задуманныхъ ограбленій. Герой драмы уже былъ главаремъ цѣлой шайки городскихъ громилъ. Начавъ съ малаго, онъ развилъ свое воровское дѣло въ цѣлое предпріятіе. Въ ихъ распоряженіи былъ таинственный, черный автомобиль, который истреблялъ по ночамъ наиболѣе ревностныхъ агентовъ полиціи и наводилъ панику на жителей громаднаго города.

— «Черный автомобиль носился по городу» — говорила надпись экрана. Мелькали красивыя перспективы улицъ ночного города. Онѣ были почти безлюдны. Проѣзжала изрѣдка карета ночного извозчика, проходила компанія загулявшихъ кутилъ, шелъ полицейскій патруль, и вдругъ вдали показывался таинственный, черный автомобиль. При видѣ его, полицейскіе въ паническомъ ужасѣ разбѣгались въ подворотни, патрули торопливо исчезали.

— «Шайка мстителя не трогала бѣдныхъ. «Руки вверхъ!» была ея команда и горе тому, кто вздумалъ бы ее не исполнить.»

Зритель видѣлъ шикарный игорный домъ. Горы золота и кучи ассигнацій лежали на столахъ, за ними сидѣли богато одѣтые молодые люди и дамы. Пили шампанское и выигравшіе счастливцы отдыхали на диванахъ въ объятіяхъ женщинъ. И вдругъ въ широко распахнутыя двери врывалась шайка бандитовъ. Всѣ были въ маскахъ, только герой драмы, Лео, предводитель шайки, былъ съ открытымъ лицомъ. Всѣ подняли руки вверхъ, кромѣ одного молодого офицера, который, обнаживъ саб-

лю, бросился на бандитовъ, но тутъ же былъ застрѣленъ.

Шайка грабила банки. Въ ея распоряженіи были усовершенствованные кислородные приборы для рѣзанія стали струею горящаго газа.

— «Лучшіе химики помогали Лео въ его борьбѣ съ капиталомъ».

Обыскивались банковскіе сейфы, проникали въ самыя потаенныя хранилища. Лео былъ благороденъ. Грабители хотѣли взять какой-то маленькій узелокъ изъ одного сейфа.

— «Товарищи, оставьте», — гласила надпись, — «это всѣ сбереженія бѣдной вдовы рабочаго, на которыя ей предстоитъ прожить всю ея длинную жизнь. Товарищи, оставьте».

На другой день даже полиція умилялась благородству бандитовъ.

Вся фантазія авторовъ Шерлока Хольмса и Пинкертона была перенесена на экранъ. И то, чѣмъ раньше зачитывалась молодежь и въ возможность чего не вѣрила, было инсценировано и все было ясно, просто и красиво.

Третья часть изображала счастливую жизнь Лео и его возлюбленной бѣлошвейки. Счастье было чисто буржуазное. Лео и его нареченная жили въ прекрасномъ особнякѣ, у нихъ были горничныя и лакеи, правда, съ этими горничными и лакеями Лео и его жена обращались просто. Они разговаривали со своими господами сидя, но Лео отлично кушалъ, у него былъ свой автомобиль, а когда онъ проѣзжалъ по какому-то предмѣстью, рабочіе снимали передъ нимъ шапки.

— «Онъ нашъ. Онъ вышелъ изъ нашей среды, но онъ былъ сильный и сумѣлъ побѣдить», — гласила надпись, — «будемъ же всѣ сильными и тогда побѣдимъ»...

Такова была заключительная вывѣска драмы въ двѣ тысячи метровъ, при участіи лучшихъ артистовъ экрана.

Саблинъ не уходилъ. Онъ заставилъ себя остаться и посмотрѣть картины кинематографа Патэ, который

«все видитъ и все знаетъ». Обрывками, маленькими эпизодическими сценками мелькали передъ нимъ отголоски войны. «Налетъ французскихъ аэроплановъ», «Гидропланы», «Германская пушка большая Берта», «Атака кавалеріи» и сразу послѣ этого чествованіе какого-то атамана на Кавказѣ. Пиръ горой, офицеры въ черкескахъ съ эполетами, лезгинка, пьяные тосты, киданіе на «ура» какого-то толстаго генерала и разливанное море вина.

Когда на экранѣ было показано обученіе въ тылу англійской арміи, перебѣгалъ и маневрировалъ по плацу, усѣянному камнями батальонъ англичанъ, Саблинъ слышалъ одобряющіе возгласы и сейчасъ же мучительно обидное сравненіе — «это не то, что у насъ. Отданіе чести и остановка во фронтъ»...

Сеансъ кончился. Возбужденная и взвинченная толпа выходила изъ театра на мокрую панель улицы. Дождя не было, но туманъ сѣлъ на землю. Фонари бросали вверхъ странныя темныя тѣни столбами. Шумный городъ имѣлъ необычный видъ. Населеніе его точно удвоилось, слышался польскій говоръ — это были бѣженцы изъ Польши. Саблинъ вспомнилъ свое первое дѣло, замокъ и графа Ледоховскаго со всѣми его панами и панейками. Онъ шелъ по Невскому, глубоко взволнованный. Кинематографъ, — а ихъ были сотни и на самомъ Невскомъ, и на Литейномъ, и на Загородномъ, и на Забалканскомъ, и всюду и вездѣ, — нагло пестрыми буквами и громадными картинами и плакатами кричалъ заманчивыя названія и смыслъ ихъ былъ: — пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Долой войну! Миръ хижинамъ, война дворцамъ! — Страшная классовая война открыто проповѣдывалась съ экрана и милліоны людей смотрѣли на это, а тѣ, кому нужно было видѣть, не видѣли.

Былъ фронтъ, гдѣ терпѣливые солдаты шли холодною ночью по полуразрушенному мосту, гдѣ умирали молча; гдѣ раненые, какъ этотъ милый Карповъ, едва оправившись, стремились въ свой полкъ, гдѣ мѣсяцами жили въ

землянкахъ и прислушивались, какъ рвутся снаряды въ окопѣ, или подлѣ; гдѣ молчаливымъ укоромъ стояли нѣмыя, безъ надписей, могилы съ плохо сколоченными изъ палокъ крестами. Тамъ была глубокая чистая вѣра въ Бога, надежда на побѣду, на то, что будетъ день, когда побѣдныя знамена, окруженныя потоками войскъ, будутъ возвращаться въ родные города и ихъ встрѣтятъ дѣвушки съ вѣнками цвѣтовъ, съ радостными криками. Тамъ была любовь, выше которой ничего не можетъ быть, любовь, полагающая душу свою за други своя...

Это было три дня назадъ. Три дня назадъ Саблинъ жилъ святою христіанскою жизнью среди христіанъ. Жилъ на фронтѣ!

Теперь онъ былъ въ тылу. Онъ видѣлъ глубокое равнодушіе къ вѣрѣ. Онъ не слышалъ имени Христа нигдѣ. Онъ видѣлъ храмы, гдѣ проповѣдывалось отчаяніе и ненависть. Что, какъ не отчаяніе отъ своего безсилія, вызвалъ этотъ простой и, казалось бы, такой невинный кинематографъ Патэ? Тамъ, у нѣмцевъ, у французовъ, у англичанъ: — все для войны. Шумными стаями летаютъ аэропланы и, кажется, съ экрана слышишь гулъ ихъ пропеллеровъ. Тамъ длинная Берта, стрѣляющая на сорокъ верстъ, тамъ разумное полевое обученіе молодыхъ солдатъ, а у насъ — чествованіе атамана, лезгинка, пьяные тосты и пьяныя пѣсни. Отчаяніе и ненависть проповѣдывалъ кинематографъ и на Невскомъ, и на Литейномъ, и на Загородномъ, и на Забалканскомъ и всюду и вездѣ. Вонъ, съ угла какого-то переулка наглыми хлесткими огнями сквозь туманъ кричитъ онъ: — только для взрослыхъ. И толпа солдатъ, юныхъ и безусыхъ, толпа мальчишекъ и дѣвочекъ-подростковъ выливается изъ его гостепріимныхъ дверей на улицу. Слышны смѣлыя шутки и смѣхъ. Въ нихъ нѣтъ стыда. Мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, нагнулся къ уху дѣвочки-подростка и напѣваетъ на всю улицу:

Какъ тебѣ не стыдно,
Панталоны видно...

Кругомъ смѣхъ, жадный, страстный, животный смѣхъ...

Раньше на всѣхъ этихъ мѣстахъ были синекрасныя вывѣски и горящія золотомъ надписи: трактиръ, распивочно и на выносъ. Тутъ отравляли тѣло человѣка, но тогда лучшіе умы народа, писатели и художники, возставали противъ нихъ. Толстой и Кившенко одинъ перомъ, другой кистью, описывали весь ужасъ, что несетъ въ народъ эта синекрасная вывѣска съ золотыми буквами.

Теперь здѣсь вытравляли душу человѣческую, здѣсь соблазняли малыхъ сихъ, заплевывали ихъ юныя сердца, но никто не навѣшивалъ на соблазнителей жернова и не бросалъ ихъ въ морскую пучину. Молчали писатели и художники, потому что это было либерально! Это шло подъ лозунгами соціализма и говорить противъ этого было невыгодно!!

И опять, какъ въ ту страшную ночь, когда Саблинъ, послѣ разговора съ дядюшкой Егоромъ Ивановичемъ, пришелъ къ сознанію пустоты кругомъ, къ сознанію того, что въ Россіи нѣтъ людей, нѣтъ силы, способной спасти Россію, онъ содрогнулся и низко опустилъ голову.

Но сейчасъ же онъ вспомнилъ фронтъ. Онъ увидалъ хмурое лицо командира драгунскаго полка, стоящаго на переправѣ, онъ увидалъ радостное лицо Карпова, увидалъ своихъ солдатъ и казаковъ, и горячая вѣра и могучая любовь согрѣли его сердце.

Офицеры! вотъ кто придетъ и спасетъ Россію! Офицеры, какъ нѣкогда Христосъ, возьмутъ вервіе и выгонять торгующихъ изъ храма! Фронтъ придетъ на мѣсто тыла и разгонитъ тылъ и уничтожитъ эти мѣста, гдѣ совращаютъ душу народную.

Только не было бы поздно. Только не совратился бы и фронтъ отъ этой заразы?

И Саблинъ гадливо отстранился отъ двухъ солдатъ, тащившихъ весело визжавшую дѣвчонку.

XXII

Когда Саблинъ подходилъ къ дому графини Палтовой, онъ нагналъ какого-то генерала, шедшаго съ высокой и стройной сестрой милосердія, одѣтой въ модный каракулевый сакъ и косынку. Онъ издали узналъ Самойлова. Саблинъ хотѣлъ ихъ обогнать, но они ускорили шаги и Саблинъ невольно слышалъ ихъ веселый громкій разговоръ. Оба были подъ вліяніемъ вина.

— Любовь Матвѣевна, — говорилъ Самойловъ. — Куда же мы? Намъ надо закончить эту ночь. Я знаю васъ давно, но такою вижу васъ первый разъ.

— А я вамъ нравлюсь — такою?

— Да. Вы мнѣ такою нужны.

— Почему?

— Потому, что я для этого пріѣхалъ съ позиціи.

— Вотъ какъ!

— Я замѣтилъ, а нашъ милый корпусный врачъ подтвердилъ мнѣ это, что долгое воздержаніе отъ женщинъ дѣйствуетъ на нервы и понижаетъ мужество и храбрость.

— Цѣлое открытіе, — сказала съ проніей Любовь Матвѣевна.

— Но не новое. Древніе знали это и потому-то женщины всегда становились добычей побѣдителя.

— Ну, а не - древніе?

— Великіе полководцы тоже понимали это. Скобелевъ выписывалъ дѣвицъ въ армію.

— Николай Захаровичъ, вы цинbackъ.

— Я и не скрываю этого. Притомъ, вы же мнѣ сказали, что у васъ les affaires sont les affaires*) и я васъ понялъ. На что я могу расчитывать?

— Но, Николай Захаровичъ, «la plus jolie fille ne peut donner que ce qu'elle a!»**)

— Вотъ это-то мнѣ и надо!

---

*) Дѣло — такъ дѣло.

**) Самая красивая дѣвушка можетъ дать только то, что у нея есть.

— Какой вы понятливый.

— Всегда этимъ отличался. За это меня и цѣнятъ, какъ начальника штаба, потому что я съ намека угадываю мысль начальника. Но, однако, куда же мы?

Любовь Матвѣевна стала серьезна и замедлила шаги.

— Куда? Для васъ, бездомнаго, это вопросъ. Ко мнѣ нельзя. Я живу въ госпиталѣ и иногда, очень рѣдко, ночую у матери. Ни тутъ, ни тамъ намъ нельзя быть такъ поздно. Вы гдѣ остановились?

— Въ Сѣверной гостиницѣ.

— Туда не пустятъ.

— Любовь Матвѣевна, вы плохого обо мнѣ мнѣнія, какъ объ офицерѣ генеральнаго штаба. Я все предусмотрѣлъ. Я прописанъ съ женою и я предупредилъ прислугу, что моя жена пріѣдетъ съ дачи сегодня или завтра ночью.

— Почемъ же вы знали, что я... Что это возможно со мною?

— Я этого не думалъ.

— Значитъ, вы думали о другой. О комъ, позвольте спросить? Мнѣ интересно знать, кто моя соперница?

— Я думалъ вообще о женщинѣ. О женщинѣ прекрасной и умной. Я нашелъ гораздо больше, чѣмъ ожидалъ. Я нашелъ интеллигентную, а женщина интеллигентная въ дѣлѣ любви во много разъ выше простой. Я знаю, что это мнѣ будетъ стоить дороже, но зато и удовольствія больше.

— Это будетъ стоить вамъ очень дорого и мнѣ даже жалко васъ, Николай Захаровичъ, потому что я ваши достатки знаю. Но разъ уже я съ вами стала откровенна, буду откровенна до конца. Мнѣ надо жить. Я дама общества, я всюду принята и это меня обязываетъ. Я должна хорошо одѣваться, я должна быть скромна, я не могу дѣлать это часто, я должна очень выбирать. Я знаю, что вы не разболтаете. А между тѣмъ жизнь становится дороже и дороже. Даже скромный костюмъ сестры милосердія уже стоитъ болѣе сотни рублей, и пото-

му я должна заранѣе предупредить васъ о томъ, что я васъ оберу.

— Однако?

Они остановились. Саблинъ обгонялъ ихъ въ эту минуту и онъ услышалъ отчетливо и рѣзко произнесенное слово:

— Пятьсотъ.

XXIII

Петроградскій тылъ изумилъ Саблина. Не то, чтобы Саблинъ ожидалъ увидѣть и услышать что-нибудь иное. Онъ зналъ, что тылъ всегда тылъ, то-есть, что въ немъ и должно группироваться все трусливое и малодушное, все жаждущее развлеченій во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣною. Онъ зналъ, что никакая война не въ силахъ измѣнить характера и привычекъ графини Палтовой, а съ нею и всего петроградскаго свѣта — это его не поражало, но поразила его распущенность гарнизона и его новыхъ офицеровъ.

Душно и противно было въ Петроградѣ, несмотря на зиму, снѣгъ и морозы. Скучно, несмотря на развлеченія. Даже дочь его не развлекала. Тихая и скромная Таня только что становилась изъ дѣвочки дѣвушкой и уже забиралъ ее цѣпкими сѣтями петроградскій свѣтъ. Она росла внѣ дома. Была мать — мать умерла, ушла такъ трагически страшно. Былъ братъ, котораго она боготворила, и братъ ушелъ, погибъ въ конной атакѣ. Безъ нужды погибъ. Попалъ въ атаку случайно, любителемъ, и убитъ... Таня осталась одна на попеченіи института и старой, сухой англичанки, миссъ Прокторъ. Растетъ его дочь, — а что въ ея душѣ, что думаетъ она, о чемъ мечтаетъ — кто знаетъ?

Саблинъ торопился — домой, въ дивизію, въ маленькій домикъ священника села Озеры, къ драгунамъ, уланамъ, гусарамъ и казакамъ. Они, кого онъ зналъ менѣе полугода, были ему дороже и съ ними было уютнѣе,

чѣмъ въ старой петроградской квартирѣ на улицѣ Гоголя, гдѣ такъ много пережито счастья и горя.

Проснувшись на другое утро послѣ вечера у графини Палтовой, Саблинъ долго лежалъ въ постели, постланной ему на диванѣ въ кабинетѣ. Было девять часовъ утра. Поздно, по понятіямъ Саблина, встававшаго у себя въ семь часовъ и въ восемь уже отправлявшагося на позицію и очень рано по понятіямъ его дома, гдѣ онъ чувствовалъ себя теперь какъ бы въ гостяхъ.

Сѣрый зимній день тихими сумерками колыхался за окномъ, занавѣшаннымъ желтоватою шторою въ мелкихъ складкахъ. Портьеры не были задвинуты и кабинетъ съ наскоро и временно устроенной изъ него спальней казался чужимъ. На письменномъ столѣ стояли кое-какія старыя бездѣлушки, но бумаги были убраны, чувствовалось, что за нимъ давно никто не работалъ и онъ имѣлъ мертвый, покинутый видъ. Противъ дивана висѣлъ портретъ Вѣры Константиновны. Кротко и ясно смотрѣли большіе синіе глаза. Слишкомъ большіе, слишкомъ синіе, чтобы лгать. И она не солгала ему. Въ шкафу ея страшный дневникъ, написанный ею передъ самоубійствомъ.

Саблинъ потянулся сильнымъ и крѣпкимъ тѣломъ, съ чувствомъ животной радости ощутилъ подъ собою чистое, свѣжее бѣлье, мягкія подушки и тюфячокъ, положенный на пружинный диванъ, и широко открытыми глазами посмотрѣлъ на портретъ.

Бѣлая роза была приколота въ золотистыхъ волосахъ Вѣры Константиновны, счастливая улыбка застыла на прекрасномъ лицѣ. Но Саблинъ не видѣлъ ее такою, какою она была на полотнѣ. Изъ-за красокъ смотрѣло на него другое лицо, искаженное нечеловѣческой мукой стыда и отчаянія.

«Простилъ-ли?» — спрашивалъ взглядъ синихъ глазъ и жутко становилось отъ полнаго муки вопроса.

Ужасъ вставалъ передъ нимъ и смотрѣлъ на него красками портрета.

«Простилъ-ли?»

Да, простилъ. Хочу простить. Когда я позналъ всю силу христіанской любви. Кажется.... могу простить.

Онъ отвернулся отъ портрета.

Могу ли?

Отдохнувшее тѣло жаждетъ женской ласки, ты ушла, ушла, моя Вѣра!!...

Саблинъ съ тоскою и упрекомъ посмотрѣлъ на портретъ. Ему стало жаль себя. Неужели и ему, какъ Самойлову, искать утѣшенія и минутной радости въ объятіяхъ Любови Матвѣевны, звать ее къ себѣ, раздѣвать ее, на глазахъ у портрета, въ квартирѣ, гдѣ живетъ его дочь?... Или ѣхать къ Ксеніи Петровнѣ, хорошенькой тридцатилѣтней разводкѣ, которая вчера смотрѣла на него въ свой черепаховый лорнетъ большими карими выпуклыми глазами и говорила ему, запинаясь:

— Какъ вы интересны, Александръ Николаевичъ! Вы мнѣ такъ нравитесь! Пріѣзжайте ко мнѣ завтра въ шесть.

Онъ смотрѣлъ на ея рыжіе крашеные волосы, на лицо, тронутое бѣлилами и румянами, на блестящіе зубы, мелькавшіе изъ-подъ алыхъ губъ чувственнаго рта и что-то старое, — напоминавшее ему его корнетскіе годы и Китти, вставало передъ нимъ.

— Зачѣмъ? — спросилъ онъ ее, а глазами говорилъ ей: — ты дразнишь меня.

— Я встрѣчу васъ съ бульоткой чая и бутылкой хорошаго коньяка на шкурахъ бѣлаго медвѣдя въ своемъ любимомъ бѣличьемъ халатѣ, такая мягкая, мягкая...

— А подъ халатикомъ что будетъ? — спросилъ Саблинъ, невольно впадая въ игривый тонъ.

Она засмѣялась ему въ лицо и бѣлые зубы сверкнули жадно. Она повернулась къ нему спиной и, повернувъ голову, кинула ему:

— Ma peau!...*)

И пошла, чуть покачивая широкими бедрами...

*) Моя кожа.

Саблинъ вздрогнулъ. Вѣра Константиновна смотрѣла на него, улыбаясь синими глазами.

«Простишь-ли?» — подумалъ Саблинъ и всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ отвѣтъ: — прощу, прощу!... Хочу, чтобы ты былъ хоть на мигъ счастливъ!.

Сытый, холеный звѣрь просыпался въ Саблинѣ.

«Простишь!» — вдругъ подумалъ онъ. — «Ты-то простишь, а тѣ...»

И съ необычайной ясностью встала передъ нимъ рѣка, покрытая пробитымъ льдомъ, мостъ, нелѣпо торчащій посреди и сѣрые солдаты, осторожно спускающіеся къ водѣ... Могила казака. Крестъ изъ двухъ лучинокъ и сѣрыя землистыя лица... Простятъ ли?

Не довольно ли? Китти, Маруся, Вѣра Константиновна... Были и другія. Сытая, праздная жизнь, визиты, рауты, обѣды, балы, красивые маневры, блестящіе парады, шумное военное поле, трубачи, вся эта жизнь — между полемъ и театромъ, запахъ солдатскаго пота по утрамъ, а вечеромъ ароматъ духовъ и возбужденныя лица красивыхъ женщинъ.

Не довольно ли?...

«А что же», — подумалъ Саблинъ. — «Развѣ не умѣли мы умирать и драться? Ну, что же? Вотъ началась и больше года идетъ великая война. Безъ снарядовъ и патроновъ мы дрались и развѣ въ пѣхотѣ нашей нѣтъ смѣлыхъ Долоховыхъ и терпѣливыхъ Максимъ Максимычей, развѣ въ конницѣ вывѣтрились и вывелись Васьки Денисовы и смѣлые Ростовы, а въ артиллеріи Тушины? Русская армія жива и будетъ жить и побѣждать. Тихій философъ Платонъ Каратаевъ еще стоитъ въ ея рядахъ...»

«А что, если...»

«Если они уже умерли. Эти полтора года войны унесли столько жизней! Сколько легло на поляхъ Восточной Пруссіи и Галиціи, сколько зарыто въ отрогахъ Карпатъ и въ болотахъ Польши!»

«Но другіе идутъ на смѣну.»

«Другіе!?...»

Саблинъ сказалъ это слово почти вслухъ и даже сѣлъ на постели, пораженный страшной мыслью. «Кто же идетъ? Этотъ офицеръ-куплетистъ, что пѣлъ вчера у графини Палтовой — солдаты идутъ...» Послѣ ужина они заперлись въ маленькой гостиной графини. Барышень прогнали танцовать. Были дамы, генералы и много новыхъ, неваго типа офицеровъ. И этотъ... тоже офицеръ... во френчѣ, въ сѣрыхъ галиффэ и въ гетрахъ, подъ гитару, говорилъ куплеты, гдѣ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ былъ грязный циничный намекъ. Его слушали... Дамы общества и эта молодежь...

Саблинъ смотрѣлъ на нихъ. Погоны, знакомые значки родныхъ гвардейскихъ полковъ и училищъ, но между ними новыя не офицерскія лица...

Одинъ задѣлъ неловко даму. —

— Извеняюсь. — нагло сказалъ онъ.

Трое сидѣли на стульяхъ въ то время, когда дамамъ не хватило мѣста и онѣ стояли. Одинъ закурилъ папиросу, ни у кого не спросивъ, ни у дамъ, ни у старшихъ. Саблинъ оглядывалъ ихъ. Они всѣ были трезвы, но изъ нихъ глядѣла развязная свобода, почти наглость.

Саблинъ хорошо зналъ, что офицеры дѣлятся на цѣлый рядъ разновидностей. Есть офицеры гвардіи и арміи, у каждаго рода войскъ свои типичныя особенности, — но всѣ старые офицеры отличались рыцарскою вѣжливостью, вниманіемъ къ дамамъ. Въ нихъ не было безцеремонной развязности. Были между ними бурбоны, были нахалы, но хамовъ не было. Отъ многихъ изъ этихъ новыхъ вѣяло именно хамствомъ, подчеркнутой свободой отъ всѣхъ красивыхъ условностей.

«Мы», — думалъ Саблинъ, — «могли увлекаться Китти, могли губить невинныхъ дѣвушекъ, какъ я погубилъ Марусю, мы пьянствовали, развратничали, но у насъ было все же божество, вѣра, идеалы и мы бережно несли нашъ высокій девизъ: за вѣру, Царя и отечество. Мы не могли насмѣяться надъ вѣрой, ругать Царя и не любить отечество. Мы не измѣнимъ».

«А эти... Есть ли у нихъ вѣра? Я не говорю о глу-

бокой вѣрѣ, нѣтъ, есть ли у нихъ хотя наружная вѣра, состоящая въ умѣньи стоять въ церкви, поставить свѣчку, приложиться къ иконѣ. Есть ли у нихъ хотя бы видимая дисциплина духа, что даетъ религія.»

«Царя они не любятъ. А Родину?»

Это были новые офицеры, съ новыми понятіями. Да, среди нихъ еще были люди стараго вида, это тѣ, кто вышелъ изъ лицея, училища правовѣдѣнія, изъ кадетъ, — эти держались особо, старались не смѣшиваться съ толпою, но масса, но большинство, были новые и какіе странные!

Саблинъ долго подбиралъ имъ названіе, долго искалъ, какъ опредѣлить ихъ однимъ словомъ и вдругъ это слово блеснуло у него въ головѣ и холодъ побѣжалъ по его спинѣ.

Революціонные офицеры...

Ужели правда, что будетъ то, что словно носится въ воздухѣ, о чемъ ему вчера намекали дядя Обтѣнисимовъ, Самойловъ, Пестрецовъ и другіе. Ужели будетъ революція!

Рѣшеніе уѣхать обратно, на позицію, крѣпло въ немъ. Одѣвшись, онъ позвонилъ. Въ дверь постучали нескоро. Вошла горничная его дочери, Паша. Хорошенькое лицо ея еще было красно отъ сна, она была наскоро, но по модѣ причесана и одѣта нарядно и богато. Она смотрѣла на Саблина открыто и развязно.

— Барышня встала? — спросилъ Саблинъ.

— Татьяна Александровна еще спятъ.

Саблинъ смотрѣлъ на нее, Паша смотрѣла на него и первый смутился Саблинъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Дайте мнѣ сюда чаю. И принесите мой чемоданъ. Я сегодня уѣзжаю.

XXIV

Весь день Саблинъ провелъ съ дочерью. Они пошли вмѣстѣ гулять по любимымъ улицамъ Петрограда. И

опять Саблину показалось, что лицо города стало другое. Его поразило обиліе вещей въ ювелирныхъ магазинахъ. Бриллiанты, драгоцѣнные камни, золото сверкали повсюду и, повидимому, несмотря на безумныя цѣны, находили сбытъ. Саблинъ изучалъ дочь и былъ ею доволенъ.

— Таня, зайдемъ, я хочу купить тебѣ на память эти сережки съ бирюзою. Онѣ такъ пойдутъ къ тебѣ, — сказалъ онъ, останавливаясь у витрины ювелира.

Дѣвушка улыбнулась блѣдной улыбкой.

— Нѣтъ, папа, — сказала она. — Не покупай мнѣ теперь. Мнѣ совѣстно носить такія вещи во время войны.

— Тебѣ понравилось вчера у Натальи Борисовны?

— И да, и нѣтъ... Мнѣ было... неудобно... Столько страданія кругомъ изъ-за войны, что странно веселиться. Мнѣ, папа, не понравилось, какъ вели себя многіе офицеры. Правда, папа, они не похожи на офицеровъ?

Саблинъ не отвѣчалъ.

— Папа, — тихо сказала Таня, когда они, молча, прошли всю Морскую. — Папа, ты будешь представляться Императрицѣ?

— Нѣтъ, — сухо отвѣчалъ Саблинъ, — я сегодня уѣзжаю къ дивизіи. Мнѣ надо... А почему ты это спрашиваешь?

— На прошлой недѣлѣ великая княжна Ольга Николаевна спрашивала меня, почему ты ни разу не былъ въ отпуску, даже послѣ раненія. Она сказала, что Императрица тебя такъ любитъ и до сихъ поръ не можетъ забыть маму.

— Таня, — сказалъ Саблинъ, сжимая руку своей дочери, — никогда не говори мнѣ о императрицѣ и о матери одновременно. Ты не должна знать...

— Нѣтъ, я знаю.

— Что ты знаешь? — спросилъ Саблинъ и почувствовалъ, какъ волосы зашевелились у него подъ фуражкой.

Но Таня не отвѣтила.

Они прошли мимо массивной гранитной ограды сада у Зимняго Дворца и вышли на набережную. Бѣлыя тучи, застилавшія утромъ дали, раздвинулись, и блѣдно-

голубое небо открылось надъ Петропавловскимъ соборомъ. Ширь Невы, покрытой снѣгомъ, сверкала передъ ними. У крѣпости стрѣлялъ пулеметъ. Солдаты на льду учились стрѣльбѣ. Вправо стоялъ холодный и заиндевѣлый Зимній дворецъ и странными казались на немъ вывѣски Краснаго Креста. Вся красота набережной открылась вдругъ подъ лучами блѣднаго, зимняго солнца и шибко забилось сердце у Саблина отъ охватившаго его восторга передъ спокойнымъ величіемъ царственной Невы. Должно быть, и Таня испытывала тотъ же восторгъ.

— Папа, — сказала она, сильно сжимая его руку своей маленькой ручкой въ шерстяной теплой перчаткѣ. — Папа, неужели нѣмцы возьмутъ Петроградъ?!

— Что ты, родная моя. Да развѣ же это возможно?

— Папа, мнѣ вдругъ представилось, что чужіе завладѣютъ нашимъ городомъ, что они разрушатъ и пожгутъ прекрасныя зданія дворцовъ, разорятъ Эрмитажъ, вывезутъ картины и намъ нельзя будетъ жить здѣсь. Папа, скажи, что это невозможно.

— Ну, конечно, невозможно. — Голосъ Саблина звучалъ нетвердо.

— Ты не допустишь этого? — сказала Таня и съ гордостью посмотрѣла на отца и на георгіевскую ленточку, нашитую въ петлицу его пальто.

Въ умѣ Саблина прошло опять это странное слово: — революціонные офицеры!.. Но онъ мысленно оборвалъ себя.

«Ничего! Еще надо, чтобы у этихъ революціонныхъ офицеровъ были и революціонные генералы...»

XXV

Поѣздъ на Сарны отходилъ вечеромъ. Таня съ Пашей пріѣхали провожать Саблина. Справа съ дачной платформы отходилъ поѣздъ на Царское Село и тамъ видны были богато одѣтыя гусарскія и стрѣлковыя дамы и съ ними офицеры, кто въ защитныхъ, кто въ мирнаго

времени яркихъ цвѣтныхъ фуражкахъ. Придворный лакей провожалъ какую то даму и несъ за нею большой пакетъ. Жизнь шла такая же яркая, пестрая и шумная, не желающая ничего знать о войнѣ. Не видѣли крови, а кровь уже вопіяла къ небу.

Купэ международнаго вагона было залито электрическимъ свѣтомъ. Вѣжливый проводникъ почтительно пропустилъ Саблина и сказалъ ему: — до Царскаго одни изволите ѣхать, а въ Царскомъ еще пассажиръ сядетъ.

«Все равно», подумалъ Саблинъ. Неясная тоска сжимала сердце. «Неужели предчувствіе?» думалъ онъ, крестя Таню, «неужели я болѣе никогда не увижу эту милую, чистую дѣвушку.»

Онъ долго стоялъ на площадкѣ и смотрѣлъ на Таню, быстро шедшую за вагономъ, глядѣвшую полными слезъ глазами и махавшую платкомъ.

«Нѣтъ,» думалъ онъ. «Это мнѣ такъ показалось. Никакой революціи. Вѣдь въ сущности все идетъ хорошо. По старому. И эти Распутины, Варнавы, Штюрмеры — это только ѣдкій привкусъ и больше ничего. Нервы расходились въ тылу — на фронтѣ будетъ лучше. Если и есть революціонные офицеры, то ихъ мало. Они потонутъ въ нашей массѣ, революціонныхъ генераловъ нѣтъ и не можетъ быть.»

Поѣздъ остановился у Царскаго. Чей то женскій голосъ весело кричалъ у самаго окна: — «до свиданія! до свиданія. И поскорѣе пріѣзжайте! Кончайте вашу несносную войну. Будетъ... повоевали.»

Голосъ былъ знакомый.

Саблинъ приложился къ окну, закрывая ладонями лицо отъ свѣта и увидалъ сестру милосердія, весело прощавшуюся съ генераломъ. Генералъ былъ Самойловъ, сестра — Любовь Матвѣевна.

Черезъ минуту, когда поѣздъ тронулся, въ купэ вошелъ красный отъ мороза Самойловъ.

— А, ваше превосходительство, — привѣтствовалъ онъ Саблина, — вотъ пріятный сюрпризъ. До Могилева,

значитъ, вмѣстѣ. Поболтаемъ. Ну, какъ вы нашли нашъ тылъ?

— Ужасъ.

— Ну... Что вы?!.. Идетъ работа... Да... Великая, большая работа.

— Въ чемъ вы ее видите?

— Въ подготовкѣ революціи — прошепталъ Самойловъ. Саблинъ отшатнулся отъ него.

— Что? испугались, ваше превосходительство? Я такъ и зналъ. Васъ слово пугаетъ. Понимаю. Конечно, странно. Вы, бывшій флигель-адъютантъ, генералъ свиты Его Величества, гвардейскій офицеръ и вдругъ слышите такія слова и отъ кого же? отъ стараго, заслуженнаго генерала, ѣдущаго... въ Ставку... А вы привыкайте...

— Во время войны?

— Вотъ и ловлю васъ. Значитъ, не во время войны, уже можно, — улыбаясь проговорилъ Самойловъ.

— Нѣтъ, я этого не говорилъ, — горячо возразилъ Саблинъ — и никогда этого не скажу.

— Будто? — хитро сощуривая глаза, сказалъ Самойловъ.

— Ну, а ежели я вамъ скажу, что иначе насъ ожидаетъ сепаратный миръ — не произнесъ, а еле слышно, какъ бы продохнулъ, Самойловъ.

Саблинъ отвѣтилъ не сразу.

— Что же... — спокойно началъ онъ. — Сепаратный миръ, если посмотрѣть на него съ Русской точки зрѣнія, это уже не такая плохая штука. Народъ усталъ отъ войны. Настоящая армія погибла на поляхъ сраженія. Лучшее офицерство полегло. Пополненія приходятъ все хуже и хуже. Армія постепенно обращается въ милицію. Положимъ, что у противника положеніе приблизительно такое же. Сепаратный миръ мы заключили-бы, конечно, не даромъ. Надо полагать, что онъ разрѣшилъ бы всѣ тѣ вопросы, что давно тяжелымъ бременемъ нависли надъ Россіей и прежде всего Балканскій.

— Да, Константинополь и проливы остались бы за

нами, — вставилъ Самойловъ, съ удивленіемъ слушавшій спокойную рѣчь Саблина.

— Вотъ видите. Навѣрно и Персидскій вопросъ вырѣшился-бы не худо.

— Наше вліяніе въ Малой Азіи безусловно окрѣпло-бы и гавань въ Персидскомъ заливѣ была бы за нами обезпечена, — проговорилъ Самойловъ.

— Ну вотъ видите. Внѣшне Россія достигнетъ такого могущества, о какомъ и мечтать не могла. Смотрите дальше. Народныя массы устали отъ войны. Надвигается дороговизна, а съ нею и голодъ. Войскамъ война надоѣла. Всѣ данныя къ тому, что мы совсѣмъ завязнемъ въ окопахъ и перейдемъ къ позиціонной войнѣ. Миръ будетъ встрѣченъ массами съ энтузіазмомъ, особенно, если его подкрѣпить еще хорошимъ манифестомъ о землѣ, такъ молъ и такъ, «Россійское побѣдоносное воинство, кровью своею заслужившее передъ Нами и Родиной, имѣетъ разсчитывать, чтобы и Мы не забыли заслугъ въ вѣрности Намъ на поляхъ сраженія показанныхъ. Слѣдуя примѣру дѣда Нашего» — и т. д., и т. д... Вы понимаете, какъ укрѣпится въ народѣ любовь и уваженіе къ Царю. А если интеллигенціи нашей кинуть хоть какую ни на есть конституцію, да подкормить хорошенько прессу, — такое славословіе начнется. И, согласитесь, Николай Захаровичъ, во всей исторіи Россіи это будетъ первый случай, когда мы повоюемъ для себя. Не за болгаръ, не за австрійцевъ, пруссаковъ, или французовъ, а для себя. Да благодарное потомство памятникъ поставитъ такому императору и назоветъ его не только миротворцемъ, но и мудрымъ.

— Но... измѣнить своему слову! Предать союзниковъ! Вы говорите страшныя вещи. Вы говорите то, что говоритъ Штюрмеръ.

— Значитъ, онъ не такой глупый парень, какъ о немъ говорятъ. Вы говорите: измѣнить союзникамъ. Кому? Англіи и Франціи? Ну, а они не измѣнятъ намъ, пожалѣютъ насъ, если намъ плохо будетъ? Не наша ли интеллигенція такъ осуждаетъ и Павла и Александра I. и

Николая I, и Александра II, за то, что Россія играла роль европейскаго жандарма. За кого только не лилась кровь Русскаго солдата! Какіе троны не укрѣпляла она! Не нашимъ ли солдатамъ обязанъ Францъ-Іосифъ своимъ престоломъ и за добро, что ему сдѣлала Россія онъ точно мстилъ ей и мститъ теперь. Не будетъ ли того же съ Франціей и Англіей? Политика сердца — плохая политика, но къ сожалѣнію это именно Русская политика. Какъ думаете вы, съ какимъ чувствомъ пойдутъ въ бой Русскіе солдаты, если я скажу имъ, что они идутъ умирать за Англію? Вы свалите тронъ во имя вѣрности союзникамъ, но армія не пойдетъ умирать за интересы британскаго народа.

— О, Александръ Николаевичъ! Вы проглядѣли въ Петроградѣ главное. Новаго солдата и офицера.

— Напротивъ. Ихъ то я больше всего и наблюдалъ. О нихъ-то я и думалъ, когда съ самаго начала сказалъ вамъ одно слово: — ужасъ.

— Да, вамъ не понравилась ихъ стрижка волосъ, ихъ свободная дисциплина, ихъ, можетъ быть, нѣкоторая неряшливость въ одеждѣ, въ отданіи чести. Внѣшней дисциплины въ нихъ мало, это правда. Но мы готовимъ, Александръ Николаевичъ, сознательнаго солдата.

— Это не будетъ нескромнымъ съ моей стороны, если я спрошу у васъ, кто это мы.

— Мы? — это тѣ военные, которые видятъ, что правительство идетъ по ложному пути, которые сознали, что старая система войны приведетъ насъ къ пораженію и мы ищемъ новыхъ путей. Фамилій я вамъ называть не буду. Но, зная вашу любовь къ военному дѣлу, я думаю, что и вы тоже принадлежите къ н а м ъ...

- Новыхъ путей въ военной наукѣ я не ищу. Я вѣрю въ нее. Для меня завѣты нашихъ великихъ полководцевъ святы. Съ ними я всегда побѣждалъ и надѣюсь побѣждать и впредь, — сухо, съ достоинствомъ, сказалъ Саблинъ.

— Но, ваше превосходительство, — накладывая свою полную руку съ опухшими, мягкими пальцами на малень-

кую породистую, загрѣлую отъ солнца и мороза руку Саблина, сказалъ Самойловъ — вы не станете отрицать завѣта Суворова, что всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ.

— Всегда это не только исповѣдывалъ, но и проводилъ въ жизнь, — еще суше проговорилъ Саблинъ.

— Вотъ видите, — вкрадчиво, точно протискиваясь въ душу Саблина, заговорилъ Самойловъ. — Мы готовимъ сознательнаго солдата, то есть такого, который могъ бы разбираться во всей сложной политической обстановкѣ. Солдата, способнаго на критику и анализъ.

— Иными словами, вы хотите внести въ армію политику? — съ негодованіемъ воскликнулъ Саблинъ.

— Ну... Немножко политики. Намъ нужно, чтобы армія поняла, что Распутины не олицетворяютъ Русскую монархію, что Варнавы, Штюрмеры, Сухомлиновы недопустимы. Намъ нужна сила, чтобы сломить упрямство. Можетъ быть: — маленькій дворцовый переворотъ.

— Сумѣете ли вы остановиться на этомъ?.. Оставьте меня. Мнѣ страшно слышать все, что вы говорите. И съ такими мыслями вы ѣдете въ Ставку! Боже, Боже, что же это такое!?

— Въ Ставку я вызванъ, какъ мужъ совѣта, — не безъ комичнаго достоинства сказалъ Самойловъ.

— Я долженъ донести на васъ!

— Доносите. Но знайте, что насъ много и насъ всѣхъ вы не перевѣшаете. Мы сильные міра сего, съ нами не только высшее командованіе, но и великіе князья. А кто съ вами?

— Солдаты! — горячо воскликнулъ Саблинъ.

Самойловъ скривилъ лицо въ презрительную усмѣшку.

— Вы имъ вѣрите? Стадо барановъ, подкупный низкій Русскій черный народъ, который пойдетъ за тѣмъ, кто покажетъ ему лучшую приманку, кто больше посулитъ, — сказалъ, вставая Самойловъ. — Вы пойдете обѣдать? Тутъ вагонъ-ресторанъ есть.

Саблинъ смотрѣлъ на него съ ненавистью.

— Нѣтъ, — коротко сказалъ онъ. — Я пообѣдалъ дома.

— Какъ хотите, — потягиваясь проговорилъ Самойловъ. — А я такъ много любилъ эти дни, что чувствую теперь волчій аппетитъ.

И, нагнувъ свою лысую голову, поросшую по краямъ, какъ бахромою, косичками жидкихъ, сѣдыхъ волосъ и поеживаясь плотными плечами Самойловъ, спокойно вышелъ изъ купэ.

Саблинъ откинулся на подушки вагона. Онъ былъ голоденъ. Дома онъ не только не обѣдалъ, но и не завтракалъ, не успѣлъ за спѣшными сборами въ дорогу. Но мысль о томъ, что придется сидѣть съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ и, быть можетъ, продолжать тяжелый разговоръ, лишила его аппетита. «Нѣтъ, ни за что! Я ненавижу его! Революціонный генералъ. Вотъ ужъ и они появились въ Россіи, какъ грибы на болотѣ, эти вожди революціонныхъ офицеровъ, революціонные генералы», — подумалъ Саблинъ.

«Боже, Боже! Давно ли восхищенный Твоимъ кроткимъ ученіемъ я далъ завѣтъ чистой христіанской любви и вотъ уже скольких я ненавижу! Я не могу простить императрицѣ, я ненавижу Распутина, я ненавижу этихъ новыхъ сознательныхъ офицеровъ и солдатъ, я ненавижу революціоннаго генерала Самойлова. Вмѣсто любви — ненависть. Любить ненавидящихъ насъ, но если они ненавидятъ не меня, а Родину, ненавидятъ Тебя, Распятаго за насъ! Гдѣ найдешь отвѣтъ?»

Саблинъ вытащилъ изъ дорожнаго чемодана Библію развернулъ ее на первой попавшейся страницѣ и первое, что бросилось ему въ глаза, были слова:

— Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ!

Саблинъ задумался и поникъ головою. «Значитъ нѣтъ свободной воли у людей, значитъ все, что теперь происходитъ, это — Твоя великая воля, Тобой предначертано».

«Но тогда — нѣтъ преступленій. И убійство не грѣхъ.»

Мысль блуждала въ лабиринтѣ противорѣчій и упиралась въ тупики безнадежности.

Самойловъ засталъ Саблина за чтеніемъ Библіи. Онъ скосилъ глаза на книгу, чуть замѣтно презрительно улыбнулся и шумно сталъ раздѣваться. Онъ позвалъ сопровождавшаго его денщика и заставилъ его стягивать сапоги и рейтузы, желчно ругаясь, когда тотъ въ тѣснотѣ вагона неловко брался за его платье.

— Дуракъ, штрипку оборвешь!.. Болванъ! не тяни за шпору, выше берись. Эк-кая дубина!

Онъ вытянулся подъ одѣяломъ, демонстративно взялъ изъ сѣтки желтую книжечку веселаго французскаго романа и началъ со вкусомъ разрѣзать большимъ, отдѣланнымъ ногтемъ страницы.

Самойловъ чувствовалъ себя молодымъ, бодрымъ и прекраснымъ. Онъ создавалъ новую Россію, и ему казалось, что и самъ онъ становился новымъ и не чувствовалъ бремени своихъ пятидесяти шести лѣтъ.

Они не говорили больше ни слова до самаго Могилева и Самойловъ вышелъ, не прощаясь съ Саблинымъ. Когда онъ вышелъ, Саблинъ вздохнулъ полною грудью. Ему показалось, что самый воздухъ въ купэ сталъ легче и чище.

XXVI

Поѣздъ, на которомъ ѣхалъ Саблинъ, сильно запоздалъ и только въ третьемъ часу ночи прибылъ въ Сарны.

Два дня назадъ, въ Петроградѣ была суровая зима, блѣдное солнце не грѣло холодный гранитъ обледенѣлой набережной и желѣзныя рѣшетки садовъ, а здѣсь даже ночью чуялось легкое дуновенье весны. Было около пяти градусовъ мороза, но воздухъ былъ такъ чистъ и нѣженъ, что казалось, что вотъ - вотъ начнетъ таять и двинется сразу южная весна.

На станціи было темно. Тускло горѣвшіе керосиновые фонари бросали пучки свѣта на грязную, истоптанную

деревянную платформу, а кругомъ былъ черный мракъ. По ту сторону путей по синему прозрачному небу кружевомъ легли вѣтви высокихъ раскидистыхъ акацій и деревья таинственно, по весеннему шумѣли. Невдалекѣ протяжно свистѣлъ паровозъ, настойчиво требуя себѣ пятый путь, но стрѣлочникъ спалъ и онъ повторялъ свои свистки надтреснутымъ, точно простуженнымъ голосомъ.

Пассажировъ сошло немного. Это были солдаты, возвращавшіеся изъ отпуска или изъ командировокъ. Они вздѣвали за плечи свои мѣшки и увязки и, хрипло, заспанными голосами, переговаривались.

Саблина встрѣтили его любимый ординарецъ, гусаръ, унтеръ-офицеръ Шаповаловъ, денщикъ — гвардеецъ, вышедшій съ нимъ изъ Петрограда и ставшій какъ бы членомъ семьи — Семенъ и шофферъ его автомобиля, солидный Петровъ, до войны служившій шофферомъ у одного петроградскаго богача. Они всѣ искренно обрадовались Саблину.

— Съ пріѣздомъ, ваше превосходительство, — говорилъ Семенъ, входя въ вагонъ и снимая сильными руками съ сѣтки чемоданы. — Мы васъ и не ждали такъ рано. Мало отдохнуть изволили. Какъ здоровье ея превосходительства Татьяны Александровны? А миссъ все у васъ? И Паша тоже? Ну, той что, толстая она, безчувственная...

— У насъ что? — спросилъ Саблинъ.

— Все по хорошему. Мирно. Тихо. Леда по васъ соскучилась, ждетъ проѣздки. Діану вчора подковали. Въ акуратъ шесть недѣль вышло. Шаповаловъ, возьмите несесеръ, а я чемоданчикъ потащу.

Шаповаловъ, ожидавшій на платформѣ, громко отвѣчалъ на привѣтствіе и сообщалъ новости о жизни всей дивизіи.

— Ротмистру Михайличенко Анна второй степени съ мечами вышла за Желѣзницкій бой и хорунжему Карпову егорьевское оружіе присудили. Третьяго дня изъ штаба Арміи прислали. А тутъ ваша телеграмма подошла, что вы обратно ѣдете. Начальникъ штаба приказалъ васъ обождать. На завтра къ тремъ часамъ ихъ вы-

зываютъ. И трубачей къ обѣду заказали отъ уланскаго полка. Матушка пирогъ спечь обѣщали.

Словно въ семью въѣзжалъ Саблинъ. Въ петроградскомъ домѣ ему не было такъ уютно, радостно и тепло, какъ здѣсь, среди этихъ людей.

Петровъ въ отличной шубѣ съ алыми погонами шелъ сзади и докладывалъ ему о дорогѣ.

— Дорога отличная. И снѣгу не такъ, чтобы много. Только въ Боровомъ немного застрѣвали, какъ сюда ѣхали... А воду брать будемъ на мельницѣ. Тамъ не замерзло. Часамъ къ девяти поспѣемъ.

На площади, куда упирались темныя улицы мѣстечка съ деревянными двухэтажными домами, еще погруженными въ предутренній сонъ, стоялъ любимый Саблинымъ сильный и грубый «Русско-балтійскій». Яркіе фонари бросали длинные снопы свѣта на дорогу и упирались въ домъ, освѣщая окно, плотно затянутое спущенной бѣлой шторой. Мужицкія сани дожидались кого то и маленькая лохматая гнѣдая лошаденка, накрытая рогожей, пугливо косилась глазами, казавшимися огненными рубинами въ лучахъ автомобильныхъ фонарей. Поляковъ, помощникъ шоффера, въ такой же шубѣ, какъ и Петровъ, вытянулся навстрѣчу Саблину.

— Здравія желаю, ваше превосходительство, — отвѣчалъ онъ. — Заводить прикажете?

— Да, ѣдемъ.

Саблинъ любовно смотрѣлъ на освѣщенный верхнимъ фонарикомъ дивизіонный флачекъ, синій съ желтымъ, составшей ему родною цифрой дивизіи, и на возившагося на четверенькахъ у ключа Полякова и чувствовалъ, какъ холодная ненависть отходитъ отъ его сердца и христіанское чувство любви и братства горячимъ ключемъ заливаетъ его.

Онъ сѣлъ въ автомобиль. Шаповаловъ и Семенъ заботливо укутали его ноги бараньимъ мѣхомъ. Автомобиль фырчалъ и трясся.

— Можно ѣхать? — оглядываясь, спросилъ Петровъ.

— Да, трогай, — отвѣчалъ, радостно набирая грудью свѣжій ночной воздухъ, Саблинъ.

Скрипнуло желѣзо рычага. Петровъ сильно и увѣренно надавилъ педаль и небрежно, рукою въ кожаной перчаткѣ, взялся за руль. Автомобиль дрогнулъ и мягко тронулся по бѣлому укатанному снѣгу. Лошаденка въ саняхъ затряслась всѣмъ тѣломъ, быстро переступая съ ноги на ногу и притворяясь, что хочетъ понести, но едва автомобиль прокатилъ мимо и все погрузилось въ сонную тьму, она успокоилась, тяжело вздохнула и принялась ѣсть брошенное у ея ногъ сѣно.

Какъ въ сказкѣ, въ темнотѣ ночи, вдругъ появлялись освѣщенные огнями фонарей, — выступъ дома, сѣрое крылечко въ три ступени, надпись на вывѣскѣ, далекая мельница-вѣтрякъ на горѣ, покрытой снѣгомъ, рядъ низкихъ ветлъ на греблѣ. Выплываетъ камень или придорожный крестъ, темная капличка и въ ней гипсовая раскрашенная Богоматерь, увѣшанная увядшими цвѣтами и выцвѣтшими лентами. И снова пустынныя поля, покрытыя тонкимъ слоемъ снѣга и точно разлинованныя старыми бороздами пахоты.

Тихій лѣсъ незамѣтно надвинулся. Стало теплѣе и уютнѣй. Пахнуло сыростью, гдѣ-то шумѣла вода. Автомобиль стоялъ на плотинѣ у мельницы. Машина не стучала. Люди молчали и видно было, какъ внизу, у темной воды, возился съ парусиновымъ ведромъ Поляковъ.

Звѣзды мигали на небѣ. Подъ мѣхомъ было тепло. Саблину не хотѣлось спать. Ему хотѣлось, «чтобы вѣчно, вѣчно такъ было».

Шумъ лѣниво льющихся подо льдомъ струй не нарушалъ, но лишь усиливалъ спокойствіе ночи.

Автомобиль освѣщалъ дорогу и темный боръ, дружно обступившій по обѣимъ сторонамъ широкое шоссе. Было кругомъ такъ мирно и тихо, что странно было думать, что ѣдешь на войну, на позицію.

Потомъ опять долго шумѣлъ автомобиль и мягко подбрасывалъ на ухабахъ. Шаповаловъ и Семенъ, сидѣвшіе

на переднихъ мѣстахъ привставали, вглядывались въ лѣсъ и озабоченно переговаривались съ Петровымъ.

— А вы не проѣхали, Аѳанасій Павловичъ, — спрашивалъ Шаповаловъ.

— Нѣтъ. Еще фабрики не было. Вотъ слѣва фабрика будетъ. Тамъ и поворотъ.

Свѣтало. Звѣзды одна за другой погасали. И только утренняя звѣзда долго горѣла въ позеленѣвшемъ небѣ и становилась больше и ярче. Подъ нею небо розовѣло, желтѣло и вдругъ полились оттуда, изъ-за снѣжной равнины огненно-красные лучи.

Солнце всходило.

Стало холоднѣе. Но такая радость была разлита въ зимней природѣ, такою бодростью былъ пропитанъ воздухъ, что Саблинъ снялъ сѣрую папаху и дышалъ полной грудью, отдаваясь радости бытія и отгоняя прочь всѣ черныя мысли...

По узкому проселку между сдвинувшихся ясеней молодого лѣса, по бревенчатой греблѣ надъ болотомъ выѣхали изъ лѣса и попали въ широкое раздолье невысокихъ холмовъ, ложбинъ и балокъ. Вѣтреныя мельницы весело махали крыльями навстрѣчу автомобилю.

— Ишь поляки то, — сказалъ Семенъ — и въ воскресенье мелютъ, что значитъ нужда въ хлѣбѣ.

Автомобиль поднялся на холмъ, стала видна широкая даль, опушенная по краямъ темными лѣсами.

Село Озеры разбѣжалось маленькими сѣрыми хатками по склонамъ холма и обступило замерзшее озеро. Тамъ, гдѣ вѣтеръ сдулъ снѣгъ, озеро сверкало зеленымъ изумрудомъ и горѣло на солнцѣ. Крошечная блѣдно-голубая церковь, окруженная деревьями, стояла у берега. Улицы селенія расходились во всѣ стороны, узкія и кривыя. То и дѣло встрѣчались солдаты въ короткихъ полушубкахъ на распашку, въ папахахъ сдвинутыхъ на затылокъ, съ румяными свѣжими лицами. Они вели рослыхъ гнѣдыхъ лошадей, должно быть, съ уборки по дворамъ. Они подтягивались при видѣ автомобиля, короче брали лошадей и радостно смотрѣли на Саблина. Они

любили своего начальника дивизіи тою безотчетною любовью, какою любилъ Русскій солдатъ смѣлыхъ и твердыхъ, но не заносчивыхъ и не гордыхъ начальниковъ.

XXVII

Въ штабѣ его ждали съ чаемъ. Маленькій на кривыхъ ногахъ, рыжеватый бойкій полковникъ Варламъ Николаевичъ Семеновъ, его начальникъ штаба, капитанъ Давыденко, черный и стройный, щеголяющій своими длинными усами, толстый врачъ Успенскій и два молодыхъ ординарца, корнеты Павловъ и фонъ Даль, выстроились въ столовой. Тамъ же были и хозяева дома, молодой священникъ и его молодая жена, предметъ общаго поклоненія и ухаживанія.

— Ну, что, батюшка, совсѣмъ успокоились? — спросилъ священника Саблинъ. Священникъ все боялся, что Русскія войска еще отступятъ, отдадутъ Озеры нѣмцамъ и ему придется бѣжать. Онъ насмотрѣлся на бѣженцевъ за годъ и не могъ безъ ужаса думать, что ему нужно будетъ покидать свое молодое хозяйство.

— Начинаю вѣру имѣть, ваше превосходительство. Кажись, прочно стали. Я и солдатиковъ разспрашивалъ — говорятъ: стоимъ твердо. Вотъ какъ со снарядами? Тамъ бы не подвели?

— Могу васъ порадовать. Снарядами, патронами и даже оружіемъ къ веснѣ будемъ завалены.

— Съ весною, можетъ быть, и въ наступленіе? — робко спросилъ священникъ.

— Да навѣрно такъ.

— Вотъ хорошо-бы. И Ковель забрали-бъ, и Холмъ, и Владиміръ-Волынскій, а тамъ поди и Варшаву.

— Тамъ видно будетъ. А вы матушка какъ?

— Я что? — смущаясь и краснѣя до ушей и улыбаясь милой улыбкой сознающей силу своей красоты и все-таки боящейся начальства женщины, отвѣчала попадья. — Я храбрѣе отца. Я и то его уговорила. Безъ

васъ ѣздили въ Демборовицу, у пана сѣмена купили на посѣвъ. Свою пшеничку хотимъ посѣять. Огородныхъ сѣмянъ тоже взяли. Нынче, благодаря милости вашей, навозу много у насъ, огороды хорошо будетъ раздѣлать. Я ужъ такъ вѣрую, что не отступите, какъ на каменную стѣну надѣюсь; а ужъ если прогоните такъ, что пушекъ не станетъ слышно, да раненыхъ возить перестанутъ! Вотъ славно то будетъ. И о войнѣ позабуду.

— Да вы и такъ, Александра Петровна, не очень то о ней помните. Безъ васъ, ваше превосходительство, Александра Петровна какими пирогами насъ угощала, какіе вареники съ вишневымъ вареньемъ дѣлала! Пальчики оближете, а ей ручки золотыя расцѣлуете, — сказалъ начальникъ штаба.

— Ну что ужъ, гдѣ ужъ, намъ ужъ! Скажете тоже, Они все смѣются съ меня. Вотъ, погодите, лѣтомъ, Богъ дастъ, я вамъ вареники со свѣжимъ вишеньёмъ подамъ. Отецъ, помнишь, какъ на свадьбу подавали, - обратилась она за поддержкой и помощью къ мужу.

— Э что, Александра Петровна, загадывать на лѣто, — сказалъ Давыденко. — Лѣтомъ мы въ Берлинѣ уже будемъ.

— Да, Александра Петровна съ нами поѣдетъ — сказалъ начальникъ штаба, — Тихонъ Ивановичъ ее сестрою милосердія беретъ.

Всѣ засмѣялись. Толстый врачъ Тихонъ Ивановичъ Успенскій былъ женоненавистникъ.

Сѣли за длинный столъ, накрытый розовой въ бѣлыхъ узорахъ плотною скатертью. На ней шумѣлъ, пуская густые пары къ низкому потолку, большой мѣдный самоваръ и стояли сливки, свѣжее, въ ручную сбитое масло и разныя домашнія булочки и печенья. Въ маленькія окна, сквозь кисейныя занавѣски и круглые пестрые листья герани глядѣлась зима, замерзшее озеро, холмы въ отдаленіи и темный сосновый боръ. За боромъ, верстахъ въ тридцати была позиція...

Канарейка и чижикъ въ желѣзной клѣткѣ заливались веселыми пѣснями, а изъ угла, гдѣ свѣтила лампада,

мягко и кротко смотрѣлъ Христосъ, точно радуясь видѣть довольство и свѣтлое счастье людей и слушать ихъ веселую полную шутокъ болтовню.

— Вы не разсердились, ваше превосходительство, — сказалъ Саблину Семеновъ, — что я на сегодня вызвалъ награждаемыхъ орденами и георгіевскихъ кавалеровъ. Всего пятьдесятъ два человѣка. Можетъ быть вы устали съ дороги и вамъ хотѣлось бы отдохнуть?

— Пустяки какіе, Варламъ Николаевичъ, — послѣ чая съѣздимъ съ вами верхомъ къ корпусному командиру, а къ часу я думаю и обратно. Успѣю и отдохнуть. Что же Карпову и шашку прислали?

— Какое! — съ негодованіемъ воскликнулъ Давыденко. — Такіе жмоты въ штабѣ арміи! Только маленькій крестикъ и темлякъ. А вѣдь, поди, деньги на всю шашку выписали.

— Мошенство, — вздохнулъ толстый Успенскій.

— Экая досада, — сказалъ Саблинъ. — Мнѣ такъ хотѣлось дать ему хорошую шашку съ клинкомъ хорошимъ. Чтобы память осталась. Потомъ онъ сыну, а тотъ внуку передалъ бы. Хорошій офицеръ! И отецъ былъ отличный офицеръ. Къ георгіевскому кресту былъ представленъ, да не дождался, бѣдняга, на Нидѣ убитъ.

— Дѣло поправимое, — сказалъ Давыденко, — если ваше превосходительство разрѣшите произвести маленькіе депансы.

— А какъ? Хотѣлось бы сегодня?.. А вѣдь такъ скоро не выпишемъ ниоткуда.

— Я достану.

— Ну?

— Тутъ, въ штабѣ Кубанскаго полка, верстахъ въ двадцати, на прошлой недѣлѣ продавали вещи убитаго есаула и въ томъ числѣ отличную кавказскую шашку. Настоящая гурда. Клинокъ темный, съ золотою турецкою надписью, отдѣлана — заглядѣнье! — серебро съ золотомъ и чернью — рисунокъ удивительный. Назначили цѣну триста рублей. Сами знаете — такія деньги не всякій осилитъ. Шашка осталась непроданной. Разрѣ-

шите послать вашъ автомобиль, а деньги мы какъ-нибудь изъ хозяйственныхъ суммъ выведемъ.

— Зачѣмъ такъ, — сказалъ Саблинъ, вынимая бумажникъ, — порадовать молодого достойнаго офицера мнѣ доставитъ громадное удовольствіе. Я плачу. Вы только постарайтесь мнѣ и бѣленькій крестикъ въ нее вставить.

— Будетъ сдѣлано. Шофферъ Петровъ отличный слесарь. Къ тремъ часамъ такъ отдѣлаемъ, — у Александры Петровны бархатную подушку съ ея диванчика попросимъ и на подушкѣ поднесемъ.

— Спасибо, Михаилъ Ивановичъ. Такъ постарайтесь.

— Будетъ исполнено, ваше превосходительство, — отвѣтилъ, вытягиваясь, капитанъ.

XXVIII

Послѣ чая, Саблинъ съ начальникомъ штаба собрались ѣхать верхомъ въ штабъ корпуса.

На улицѣ, за палисадникомъ поповскаго дома, бравый вѣстовой гусаръ въ короткомъ полушубкѣ и крановыхъ чакчирахъ, въ ярко начищенныхъ сапогахъ до самаго колѣна, держалъ подъ уздцы вороную рослую лошадь. Сытая кобыла нервно рыла тоненькой точеною ногой снѣгъ, вздыхала и слегка пофыркивала, косясь на крыльцо, откуда долженъ былъ выйти ея хозяинъ. Блестящая тонкая шерсть была ровно приглажена и на солнцѣ отливала въ синеву. Коротко, по рѣпицу остриженный хвостъ часто взмахивалъ вправо и влѣво, отмахиваясь отъ воображаемыхъ мухъ и съ силой билъ по крупу. Леда знала, что она хороша, что она любима своимъ господиномъ, что впереди хорошая прогулка по мягкой усыпанной снѣгомъ дорогѣ, сладкій запахъ хвойнаго лѣса и солнце, а послѣ теплый сарай поповской усадьбы, обильный кормъ и радостная встрѣча съ ея милой подругой Діаной и отъ этого все существо ея было наполнено радостнымъ волненіемъ, сердце мощно билось и наполняло жилы горячею кровью. Она косилась на крыльцо, сер-

дясь на хозяина, что онъ не идетъ и поглядывала на стоявшую поодаль группу изъ трехъ лошадей. Она ихъ всѣхъ знала и всѣхъ цѣнила по своему.

Толстаго и лѣниваго Бригадира, казенно-офицерскаго коня Семенова она глубоко презирала за его лѣнь, за то, что онъ конь, за то, что онъ не понималъ и не могъ оцѣнить всей ея кобыльей прелести и кокетства. Голубка — сѣрая кобыла вѣстового, съ кѣмъ ей часами приходилось стоять рядомъ, была ея повѣренной въ лошадиныхъ тайнахъ. Она то объѣдала ее, выбирая лучшія травки изъ подкинутаго имъ обѣимъ снопка сѣна, то отдавала ей гордо свой недожеванный овесъ. «На», молъ, «ѣшь, Богъ съ тобой!» Кобылу Бочку вѣстового Семенова она такъ же презирала, какъ и Бригадира уже за одно то, что она покорно ходила за Бригадиромъ и стояла рядомъ съ нимъ.

Леда слышала сквозь двѣ двери голосъ своего хозяина и то прижимала тонкія, блестящія, душистыя, мелкой шерсткой покрытыя уши къ темени, то косилась ими на двери, выворачивая темный агатовый глазъ такъ, что бѣлокъ показывался съ краю, и тяжело вздыхала.

«И чего томитъ! И чего тамъ болтаютъ», — думала она. «Скорѣе, скорѣе бы!»

Но вотъ онъ вышелъ. Она еще не увидала его, но всѣмъ существомъ своимъ почувствовала его приближеніе. Она вздрогнула, перестала копать снѣгъ и замерла въ сладостномъ ожиданіи.

— Леда! Леда моя! — услышала она ласковый голосъ и тихо откликнулась сдержаннымъ ржаніемъ.

— Ишь, отвѣчаетъ! Узнала, — сказалъ вѣстовой Ферапонтовъ. Леда рассердилась на него. «Не мѣшай мнѣ», — будто сказала она и ударила гнѣвно задней ногой о землю.

Мягкая, такъ хорошо знакомая рука потрепала ее по шеѣ и по щекѣ и поднесла ко рту кусокъ сахара. Но Леда не взяла сахаръ. Она вся отдалась волнующему чувству душевной любви, она отбросила сахаръ и внима-

тельно нюхала руку своего хозяина, своего господина, своего бога.

— Ишь ты, и сахаръ не ѣстъ, — сказалъ Ферапонтовъ, — баловница! А узнала, ей Богу, узнала. Соскучилась за вами.

Натянулось лѣвое путлище, коснулось бока колѣно и сразу пріятная тяжесть легла на сѣдло и Леда почувствовала свободу. Ей хотѣлось прыгнуть, затанцовать, подбросить задомъ, взвизгнуть, и поскакать, задравъ хвостъ, но мягкое нажатіе на нижнюю челюсть желѣза мундштука и прикосновеніе сапогъ къ бокамъ сказали ей: — «нельзя». Она перебрала всѣми четырьмя ногами, точно не зная съ какой начать и пошла, широко шагая, поднявъ голову и шумно вбирая теплѣющій подъ солнцемъ воздухъ.

Радость движенія, радость жизни охватили ея простое существо и передались такими же простыми ощущеніями счастья, сладостнымъ сознаніемъ свободы и силы самому Саблину.

Играючи, она неслась широкою рысью и какъ бы говорила всѣмъ: — и лошадямъ, ее сопровождавшимъ, и маленькимъ воробушкамъ и бѣлкѣ, пугливо вскочившей на елку и смотрѣвшей оттуда любопытными черными глазами: — «смотрите, какая я, смотрите, какъ я могу» — и со стороны казалось, что она совсѣмъ не касается земли своими тонкими, напряженными, какъ струны, ногами.

— Какая красавица, ваша Леда! — сказалъ Семеновъ, — все любуюсь на нее и не могу налюбоваться.

— Неправда ли? — ласково сказалъ Саблинъ и потрепалъ Леду по шеѣ.

Леда согнула крутую шею, скосила глазъ и подъ нажатіемъ трензеля пошла шагомъ. Она поняла похвалу, поняла ласку и, гордая и счастливая, вытянувъ шею на отданныхъ поводьяхъ, шла, себя не чувствуя отъ охватившаго ее восторженнаго сознанія, что она любима своимъ богомъ...

— Я очень радъ, что вамъ удастся порадовать Кар-

нова, — сказалъ Семеновъ. — Я съ нимъ безъ васъ ближе познакомился. Прекрасный юноша.

— Хорошій офицеръ, — сказалъ Саблинъ.

— Его мечта умереть на войнѣ. Вы знаете, онъ былъ въ лазаретѣ Императрицы и очарованъ. Мнѣ кажется, бѣдняга безумно влюбился въ великую княжну Татьяну Николаевну.

— Ну, это не страшно.

— Онъ грезитъ умереть героемъ и чтобы только ее о томъ увѣдомили.

— Мальчишество.

— А право, ваше превосходительство, есть много хорошаго въ этомъ мальчишествѣ. Вѣдь сколько ихъ убито, сколько умерло по лазаретамъ съ пустымъ сердцемъ. А этотъ умретъ съ сердцемъ, полнымъ счастья и любви.

— Зачѣмъ такъ? Можетъ еще насъ съ вами переживетъ.

— Охъ, ваше превосходительство. Сколько ихъ убито. Помните Сережина.

— Гусаръ?

— Гусарикъ... Такъ его сестры въ корпусной летучкѣ звали. Красоты неописанной былъ юноша. Что за брови, что за усики! Пѣлъ — божественно! И, помните сестру Ксенію — француженку. Ну, любовь между ними была, чистая, хорошая... О помолвкѣ думать не смѣли. Каждый себя считаетъ недостойнымъ. Тогда въ разъѣздѣ, у Камень-Каширскаго, рота германцевъ отрѣзала ему путь. «Ребята! за мной!» — въ шашки врубился въ роту, выскочилъ и всѣхъ людей вывелъ. Но у самого двѣ пули въ животѣ. Какъ онъ доѣхалъ — чудо. Привезли въ летучку. Ну, Ксенія надъ нимъ. Я былъ тогда въ лазаретѣ. Посмотрѣлъ на насъ, на Ксенію. Страдалъ, должно быть, ужасно. — «Какъ хорошо умирать!» — сказалъ, вытянулся, закрылъ глаза и умеръ. Вотъ такой же и Карповъ. Эти молодчики не только не скажутъ, но и не подумаютъ, что живому псу лучше, нежели мертвому льву.

— А есть такіе, что говорятъ такъ?

— Было немного. Становится больше. А вѣдь Карповъ... Да, ему теперь что-нибудь отчаянное поручить. Только осчастливите!

«Какая хорошая дорога», — думала Леда, идя по широкой аллеѣ между двухъ канавъ, обсаженныхъ громадными липами. Солнце пригрѣло и снѣгъ таялъ. Черная, блестящая и жирная земля обнажилась на колеяхъ.

«Тутъ бы галопомъ хорошо! Ну, милый! галопомъ»...

Саблинъ понялъ ея просьбу, онъ подобралъ поводья, разобралъ по полевому и не успѣлъ приложить шенкеля, какъ Леда радостно свернулась упругимъ комкомъ, отдѣлилась отъ земли и пошла, далеко выбрасывая правую ногу и подставляя лѣвую красивымъ и легкимъ галопомъ. Она прибавила ходу, на нее не разсердились.

«Вотъ хорошо-то!» — думала она, косясь на тяжело скакавшаго Бригадира и все прибавляла и прибавляла хода. Хвостъ ея вытянулся въ одну линію съ крупомъ и красивымъ опахаломъ свѣшивались съ него блестящіе волосы.

Такъ и дошли они всѣ, возбужденные быстрымъ ходомъ, счастливые и взволнованные, полевымъ галопомъ до самаго господскаго дома, гдѣ помѣщался командиръ корпуса.

XXIX

— У комкора начдивъ 177 и комъ 709 полка, — сказалъ румяный, завитой офицеръ-ординарецъ въ изящно сшитомъ френчѣ, пропуская Саблина и Семенова въ темную гостиную, уставленную богатою старинною мебелью. — Впрочемъ, я доложу-съ...

Онъ вышелъ и сейчасъ же вернулся. Ему доставляло удовольствіе говорить входившими тогда въ моду сокращенными выраженіями, вмѣсто «командиръ корпуса» — «комкоръ», вмѣсто «начальникъ дивизіи» — «начдивъ».

— Комкоръ васъ проситъ, — сказалъ онъ.

Саблинъ прошелъ въ небольшой кабинетъ, гдѣ сидѣлъ знакомый ему по Петрограду генералъ-лейтенантъ Зиновьевъ и какой-то мрачнаго вида пѣхотный полковникъ. Командиръ корпуса, старый генералъ отъ инфантеріи Лоссовскій, всталъ ему навстрѣчу.

— Какъ скоро вернулись, — сказалъ онъ. — Не понравилось, поди, въ тылу! Но какъ я счастливъ! Вы очень и очень кстати. Давайте, посовѣтуйте намъ. Я съ Леонидомъ Леонидовичемъ никакъ не согласенъ. Вы знакомы? Начальникъ кавалерійской дивизіи, генералъ-маіоръ Саблинъ. Нашъ Мюратъ...

— Какъ же, — сладко улыбаясь, сказалъ Зиновьевъ. — Имѣли удовольствіе встрѣчаться въ Петроградскомъ округѣ. Я думаю, — обратился онъ къ корпусному командиру, — генералъ могъ бы намъ помочь.

— Вотъ видите, Александръ Николаевичъ, — показывая широкимъ жестомъ на карту, сказалъ Лоссовскій, — у насъ тутъ разногласіе. И опять я слышу тѣ слова, которыя я терпѣть не могу слышать и которыхъ я не долженъ слышать: Это невозможно. Позвольте, господа, на войнѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Тамъ, гдѣ люди готовы отдать жизнь, тамъ не можетъ быть невозможнаго. Да-съ, — онъ надулъ крупныя пухлыя губы и разгладилъ свои усы съ подусниками. — Поди, Суворову Багратіонъ не говорилъ, что эт-та невозможно. Русскому солдату, милый полковникъ, все возможно. Все. Дѣло только въ процентѣ потерь. Только въ процентѣ! А на войнѣ не безъ урона. Да-съ...

— Но если, ваше высокопревосходительство, процентъ потерь будетъ равенъ ста — ничего не выйдетъ, — сказалъ почтительно, но грубоватымъ тономъ командиръ полка.

Лоссовскій пожалъ широкими плечами.

— Тутъ дѣло все въ томъ, — обратился онъ къ Саблину, — что намъ надо подыскать Петровскаго солдата, знаете, такого богатыря, которому Петръ Великій, въ спорѣ съ нѣмецкимъ королемъ Фридрихомъ о дисциплинѣ, приказалъ прыгать въ окно. Надо отыскать офицера, ко-

торый смѣло и не задумываясь, пошелъ бы на вѣрную смерть. И вотъ, полковникъ Сонинъ такого у себя въ полку, а Леонидъ Леонидовичъ у себя въ дивизіи не находятъ-съ. А? Какъ вамъ это покажется?

— Мнѣ это не вполнѣ понятно, ваше высокопревосходительство, — сказалъ Саблинъ.

— Извольте, я вамъ объясню. Глядите на карту.

Лоссовскій пододвинулъ Саблину громадный планъ, склеенный изъ многихъ листовъ, гдѣ до мельчайшихъ подробностей было изображено расположеніе нашихъ и нѣмецкихъ войскъ. Двѣ зубчатыя линіи, извилистая и ломаная — красная и черная, сходились и расходились, закрывая собою контуры лѣсовъ, болотъ и деревень.

— Съ первымъ дуновеніемъ весны, какъ пишутъ въ хорошихъ романахъ, мы переходимъ въ наступленіе, — тихо и таинственно заговорилъ Лоссовскій. — Это, конечно, секретъ полишинеля. Объ этомъ говорятъ всѣ жиды мѣстечка Рафаловки и пишутъ нѣмецкіе и русскіе военные обозрѣватели. Командармъ возложилъ прорывъ позиціи на мой корпусъ. Ну, меня еще усилятъ. Вы понимаете, что надо сдѣлать загодя кое-какія работы, подготовить новыя позиціи для батарей, срепетировать, такъ сказать, всю пьесу, чтобы долбануть безъ отказа. Я хочу прорывъ на узкомъ фронтѣ и сейчасъ же въ этотъ прорывъ, еще теплый — кавалерію — двѣ, три дивизіи, васъ въ томъ числѣ. Ну, вотъ, милый Александръ Николаевичъ, разсмотрите на картѣ и скажите, гдѣ бы вы нанесли ударъ и гдѣ повели демонстрацію?

— Мѣста и позиція мнѣ хорошо знакомы, — сказалъ Саблинъ. — Я дрался съ дивизіей здѣсь осенью, я закрѣпился на ней и передалъ позицію пѣхотѣ.

— Ну вотъ и отлично. Такъ гдѣ же?

Саблинъ долго вглядывался въ карту и, наконецъ, сказалъ: — ударъ я нанесъ бы у Костюхновки, демонстрацію у Вольки Галузійской.

— Ну вотъ, что я говорилъ? — съ торжествомъ обратился Лоссовскій къ Зиновьеву.

— Его превосходительство такъ говоритъ потому, что

не знаетъ обстоятельствъ, — хриплымъ простуженнымъ басомъ сказалъ командиръ пѣхотнаго полка. — Тутъ есть одно роковое обстоятельство. У Костюхновки, сами изволите видѣть, наши и непріятельскіе окопы сходятся вплотную. Тутъ, такъ называемое, «орлиное гнѣздо». Между нами и ими всего тридцать шаговъ. Солдаты свободно переговариваются между собою изъ окопа въ окопъ. Тутъ не то, что выйти невозможно безнаказанно, но посмотрѣть въ бойницу стального щита нельзя. Ухлопаютъ.

— Ухлопаютъ перваго, а передъ вторымъ, передъ цѣпью, растеряются и сдадутъ, — сказалъ Лоссовскій.

— Ну, конечно же, — подтвердилъ и Саблинъ. — Сами посудите, — здѣсь тридцать шаговъ. Мгновеніе и уже пошла штыковая работа. Позицію занимаетъ польская бригада Пилсудскаго. Да никогда поляки не выдержатъ удара! Вы только къ проволокѣ подойдете — они уже бѣгутъ. А тамъ, гдѣ вы хотите, — густой болотистый лѣсъ. Артиллерійская подготовка невозможна. Проволочныя загражденія въ три полосы и всѣ съ фланговымъ обстрѣломъ изъ пулеметовъ, укрѣпленія глубокія, мѣстами бетонированы и занимаетъ ихъ венгерская спѣшенная кавалерія. Этихъ-то мы знаемъ! Умѣютъ умирать. Да и идти придется три версты. Сколько дойдетъ? Тутъ вы навѣрняка положите двадцать, тридцать человѣкъ, а тамъ, пока вы дойдете, вы потеряете сотни людей.

— Ваше превосходительство, — сказалъ командиръ пѣхотнаго полка, — въ этомъ у насъ и споръ. Тутъ цѣлая, извольте видѣть, психологія. Навѣрняка!... Навѣрняка-то никто и не идетъ. Тамъ каждый думаетъ, — ну, убьютъ кого-нибудь. Да, можетъ быть, не меня, а другого кого-то. А тутъ именно меня. Это, вѣдь, какъ самоубійствомъ кончить, подъ поѣздъ, что-ли, на рельсы броситься. Никто не хочетъ — навѣрняка-то. Въ этомъ и вся штука. Я уже говорилъ не разъ. Хотѣли мы тутъ сами поляковъ ликвидировать, фронтъ выравнять, ну, вызывалъ охотниковъ. Навѣрняка-то никто и не идетъ. Что ему георгіевскій крестъ, когда онъ его на-

вѣрняка не увидитъ. Одинъ штабсъ-капитанъ, пьяница притомъ, согласился было. «Я», — говоритъ, — «пойду». — Въ пьяномъ видѣ, понимаете. А потомъ раздумалъ. —«У меня», — говоритъ, — «жена и дѣти, вѣдь уже навѣрное вдовою, да сиротами будутъ». — Другой тоже вызвался. Подпоручикъ одинъ. Порохомъ мы его зовемъ. Смѣльчага, знаете, феноменальный. Ночью ли караулъ непріятельскій снять, въ бою ли на батарею броситься — первый человѣкъ. Три раза раненъ. Одного глаза нѣтъ. Кажется, уже калѣка. Совсѣмъ было сговорили. Тебѣ, молъ, все равно. Все одно безпутной головы не сносить. Согласился сперва, а потомъ и на отказъ. — «Нѣтъ», — говоритъ, — «н а в ѣ р н я к а не пойду. Нехорошо испытывать Бога. Будь хотя одинъ шансъ, пошелъ бы, а, когда никакой надежды нѣтъ — не могу».

— Тутъ, ваше высокопревосходительство, — сказалъ Зиновьевъ, — надо свѣжихъ людей, которые всѣхъ подробностей бы не знали. Вотъ, если бы, скажемъ, наканунѣ штурма, Александръ Николаевичъ своихъ бы молодцовъ прислалъ. Между казаками, навѣрно, есть такіе отчаянные, что и навѣрняка пойдутъ. Въ свою судьбу вѣрятъ. Я помню у Лабунскихъ лѣсовъ въ августѣ 1914 года замялась моя пѣхота. А рядомъ казаки были. Чаща непроходимая. Орѣшникъ такъ разросся, что прямо джунгли какія-то. А оттуда австрійцы такъ и садятъ. Казаки пришли. Спѣшились, перекрестились — и айда — такъ и ухнули въ лѣсъ. А за ними моя пѣхота. Въ два часа лѣсъ покончили. Плѣнныхъ больше шестисотъ набрали. Такъ и тутъ бы. Свѣжаго кого-нибудь. Кто не былъ еще подъ гипнозомъ страха. Вѣдь сидятъ мои люди здѣсь всю зиму и дня не проходитъ, чтобы кого-нибудь не убили и все въ «Орлиномъ гнѣздѣ»! Каждые полмѣсяца я новую роту ставлю и каждую недѣлю пятьдесятъ человѣкъ въ этой ротѣ ухлопаютъ. Вся дивизія «Орлиное гнѣздо» знаетъ.

— Что вы скажете, Александръ Николаевичъ, — сказалъ Лоссовскій. — Мысль не плоха. А, подумайте-ка? Примѣните кого изъ своихъ. Кого, можетъ быть, и не

жалко.

Саблинъ долго молчалъ.

—Нѣтъ. Всѣхъ жалко, — сказалъ онъ. — Я понимаю — послать на подвигъ, когда есть хотя одинъ шансъ, что посланный уцѣлѣетъ, это одно, а послать, когда нѣтъ ни одного шанса, — это уже другое. Посылаешь эскадронъ въ атаку, знаешь, что половина не вернется, но вѣдь не знаешь, кто именно ляжетъ, — а тутъ послать и знать, что эти погибнутъ... Но я понимаю, что все-таки это надо сдѣлать.

— Сдѣлайте, Александръ Николаевичъ. Я на вашу славную дивизію надѣюсь, — сказалъ Лоссовскій. — Подберите, что-ли, какого негодяя, котораго все равно суду предать надо и разстрѣлять, георгіевскій крестъ ему авансомъ и вдовѣ тысячу рублей. А? Что? Правда?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, — серьезно, въ глубокомъ раздумьи, словно не самъ онъ говорилъ, а кто-то другой, произнесъ съ разстановкой и, чуть задыхаясь отъ охватившаго его волненія, Саблинъ, — чистое дѣло, святое дѣло надо дѣлать и чистыми руками, я найду вамъ человѣка. Только скажите мнѣ когда, и позвольте съѣздить самому и осмотрѣть обстановку.

— Не угодно ли въ первую лунную ночь пожаловать ко мнѣ въ домъ лѣсника, вмѣстѣ и поѣдемъ. Днемъ-то туда не пройдешь. На выборъ бьютъ по дорогѣ. Мѣсто открытое. Я позвоню вамъ по телефону, — сказалъ Сонинъ.

— Хорошо. Я осмотрю все самъ и найду офицера! — сказалъ, вставая, чтобы откланяться корпусному командиру, Саблинъ.

— Спасибо, Александръ Николаевичъ, — пожимая руку Саблину, сказалъ Лоссовскій, и признательно большими выпуклыми сѣрыми глазами, съ навернувшейся слезою, посмотрѣлъ въ самую душу Саблину.

XXX

Назадъ въ свой штабъ, къ великому негодованію Леды, Саблинъ ѣхалъ шагомъ и маленькою рысью, не торо-

нясь и не позволяя ей прибавлять хода. Стало совсѣмъ по весеннему тепло. Солнце съ голубого яснаго неба свѣтило ярко, и ожили ручьи въ лѣсу, сливаясь въ придорожныя канавы и напѣвая серебро-голосыми струями ликующій весенній гимнъ. Тамъ, гдѣ на пути туда были темныя пятна жирной земли среди бѣлаго снѣга — были теперь большія лужи и снѣгъ отошелъ далеко отъ нихъ и сталъ рыхлый и поздреватый. Въ шинели было жарко. Лобъ намокалъ подъ папахой. Лѣсъ былъ полонъ таинственныхъ шороховъ, будто готовился къ весеннему маскараду и искалъ и сзывалъ могучіе соки земли. Съ вѣтвей шла капель, шуршащая по старымъ листьямъ и тихо передвигающая невидимыми ручьями мохъ, птицы перекликались звончѣе и выбѣжавшій на дорогу сѣрый пушистый заяцъ не бросился опрометью назадъ, но присѣлъ на заднія лапки и сталъ внимательно вглядываться въ приближавшихся лошадей. Леда удивилась его нахальству и, вся насторожившись, напружинила спину, готовясь прыгнуть отъ притворнаго испуга. Семеновъ не выдержалъ и крикнулъ на весь лѣсъ такое «тю!», что лѣсъ задрожалъ и цѣлый пластъ снѣга упалъ съ сосѣдней елки, а заяцъ исчезъ во мгновеніе ока. И долго ему чудился страшный окрикъ и на всемъ скаку онъ выдѣлывалъ прыжки, выметывая таинственныя петли.

Къ штабу подъѣзжали въ третьемъ часу.

— Вамъ и отдохнуть не придется, ваше превосходительство, — сказалъ Семеновъ, стэкомъ показывая Саблину на выстроившихся вдоль поповскаго палисадника гусаръ и казаковъ георгіевскихъ кавалеровъ и на хоръ трубачей, разбиравшій инструменты.

— Ничего. Я чувствую себя отлично. Прогулка освѣжила меня, — отвѣчалъ Саблинъ.

Весь домикъ священника былъ перевернутъ вверхъ дномъ. Изъ столовой въ гостиную широко, на обѣ половинки, распахнули двери и сквозь обѣ комнаты протянули длинный обѣденный столъ. Собрали всю посуду, какую могли найти въ селѣ и столъ былъ накрытъ на двадцать приборовъ. Давыденко, любитель выпить, вос-

пользовался пoff\u0301здкой къ кавказцамъ, у кого всегда какимъ-то чудомъ было вино и привезъ маленькія бутылочки Сараджіевскаго коньяка и толстыя темныя бутылки кахетинскаго бѣлаго и краснаго.

Скатерти были разноцвѣтныя, посуда разнокалиберная, — не всѣмъ хватило салфетокъ и рюмокъ, но столъ былъ убранъ вѣтками елокъ и сосенъ, букетами стоявшими посрединѣ, а съ потолка свѣшивались три большихъ клубка зеленой омелы, усѣянной бѣлыми ягодами.

Ординарцы постарались придать обѣду торжественный видъ. Старалась и матушка, колдовавшая на кухнѣ съ Семеномъ и помощникомъ шоффера Поляковымъ.

Всѣ офицеры штаба, командиры гусарскаго и донского полковъ, отъ кого были награждаемые люди, командиръ артиллерійскаго дивизіона, ротмистръ Михайличенко и хорунжій Карповъ были приглашены на обѣдъ. Батюшка въ парадной лиловой рясѣ похаживалъ вдоль стола, потирая руки и устанавливая стулья.

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, — говорилъ онъ, улыбаясь радостной улыбкой и косясь на бутылки. — Прямо пиръ Валтасара у меня. Уму неподобно.

Трубачи встрѣтили Саблина маршемъ того гвардейскаго полка, гдѣ онъ провелъ двадцать лѣтъ своей жизни. Этотъ маршъ былъ связанъ для него со столькими жгучими, сладкими и тяжелыми воспоминаніями... Его слыхалъ онъ, когда впервые вышелъ въ полкъ и взволнованный счастьемъ свободы, пріѣхалъ въ полковое собраніе... Этотъ маршъ сыграли ему и Вѣрѣ Константиновнѣ трубачи, когда послѣ вѣнчанія они вышли изъ церкви... Подъ звуки этого марша повезутъ хоронить его тѣло.

Такъ вѣрилъ Саблинъ и иначе не могъ себѣ представить своихъ похоронъ.

Со звуками этого марша сливались въ его воспоминаніяхъ громовое ура и осіянный вѣчнымъ солнцемъ ликъ вѣнценоснаго вождя Россійской Арміи Государя Императора.

И всякій разъ, какъ Саблинъ слышалъ мощные ак-

корды своего полкового марша, сердце тѣснилось волненіемъ и глаза туманились слезою.

Саблинъ слѣзъ съ лошади, потрепалъ ее по шеѣ и далъ ей сахару. Онъ обошелъ фронтъ людей и поздоровался съ ними. Все знакомые, бодрые люди, герои Желѣзницы. Отдохнувшіе въ тылу солдаты были румяны и глаза ихъ блестѣли отъ сытой спокойной жизни. У казаковъ кудри вились и отливали металломъ. Люди были красавцы, молодецъ къ молодцу, высокіе, стройные, большинство сѣроглазые или съ голубыми глазами, смѣло и радостно смотрѣвшими на Саблина. При отвѣтѣ ровные, крѣпкіе зубы ярко блестѣли изъ-подъ усовъ.

«Какъ хороши наши солдаты!» — подумалъ Саблинъ. «Лучше и красивѣе нѣтъ на свѣтѣ».

— Герои Желѣзницы! — сказалъ онъ, становясь противъ фронта, — именемъ Государя Императора поздравляю васъ георгіевскими кавалерами... Вы...

Саблинъ хотѣлъ продолжать, но дружный громовой отвѣтъ: — «покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство!» — прервалъ его.

— Носите эти кресты съ честью! — съ подъемомъ говорилъ Саблинъ. — Помните, что этотъ крестъ святого великомученика Георгія обязываетъ васъ и въ бою, и въ мирной жизни вести себя такъ, какъ надлежитъ вести георгіевскому кавалеру. Вы должны для другихъ людей своего взвода быть образцомъ храбрости и честнаго исполненія долга передъ Царемъ и Родиной. И, когда придете вы въ родныя села и деревни, каждый и тамъ будетъ смотрѣть на васъ, какъ на кавалера и вы должны вести себя честно, быть трезвыми и разумными работниками на счастье Россіи и на радость нашему великому Царю...

— Постараемся, ваше превосходительство, — крикнули дружно солдаты.

Саблинъ пошелъ къ правому флангу. На флангѣ гусаръ стоялъ командиръ полка и рядомъ съ нимъ лихой длинноусый ротмистръ Михайличенко, командовавшій эскадрономъ гусаръ, ворвавшимся въ Желѣзницу. Капитанъ Давыденко подалъ Саблину коробочку съ орденомъ.

— Именемъ Государя Императора поздравляю васъ, ротмистръ, съ орденомъ Святыя Анны второй степени съ мечами.

Онъ подалъ коробочку ротмистру и протянулъ ему свою руку.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство, — отчетливо, по-солдатски, отчеканилъ ротмистръ, крѣпко, до боли, сжимая руку Саблина. Одну секунду они смотрѣли въ глаза другъ другу, и Саблинъ понялъ, что этотъ немолодой уже ротмистръ, — и Саблинъ зналъ это, — очень неглупый и образованный человѣкъ, философъ, отличный семьянинъ, мужъ прекрасной піанистки и отецъ четырехъ дѣтей, — этотъ ротмистръ, не колеблясь, въ эту минуту пойдетъ на смерть, увѣчье и смертныя муки... За кусочекъ золота, покрытаго эмалью, на алой лентѣ. Онъ зналъ, что сегодня будетъ послана отъ него въ семью радостная телеграммма и немолодая и некрасивая мадамъ Михайличенко будетъ плакать слезами радости.

«Какъ все это непонятно», — подумалъ Саблинъ. Странное волненіе охватило его самого. Дальше стояли солдаты. Саблинъ каждому подавалъ георгіевскій крестъ съ продернутою ленточкою и каждому говорилъ одну и ту же фразу: — «именемъ Государя Императора награждаю тебя георгіевскимъ крестомъ!»

Солдаты неловко брали крестъ, большинство крестилось и цѣловало его. Сзади командиръ полка съ ординарцемъ Саблина, корнетомъ фонъ Даль, суетились, прикалывая ленточки съ крестами къ шинелямъ. И опять Саблинъ видѣлъ взволнованныя лица, слезы на глазахъ и радостное возбужденіе.

«Много ли надо человѣку?» — думалъ Саблинъ, — «грубо отштампованный кусочекъ бѣлаго металла и клочокъ черножелтаго шелка, а сколько радости, сколько готовности умереть за это! Немногаго стоитъ жизнь человѣка!»

На правомъ флангѣ казаковъ стоялъ полковникъ Протопоповъ и рядомъ съ нимъ хорунжій Карповъ. Едва только Саблинъ взглянулъ въ большіе лучистые глаза

Карпова, опушенные длинными изогнутыми рѣсницами, какъ ему вспомнился Облонскій въ «Аннѣ Карениной» и его восклицаніе при встрѣчѣ съ Левинымъ: — «узнаю коней ретивыхъ по какимъ-то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ».

Такою радостью и вмѣстѣ съ тѣмъ смертельною тоскою были наполнены эти чистые большие глаза юноши, такъ ясно смотрѣли изъ нихъ: и счастье любить, и отчаяніе сознавать полную безнадежность своей любви, что Саблину даже жутко стало. Такъ смотрѣть долженъ былъ Вертеръ, такъ смотрятъ... — самоубійцы...

Давыденко исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ подалъ Саблину не только прекрасную кавказскую, всю въ серебрѣ и золотѣ шашку, но у головки эфеса скромно блисталъ искусно вдѣланный въ нее бѣленькій крестикъ и георгіевскій новенькій темлякъ былъ ловко, по-кавказски, ввязанъ на шейку эфеса. Тонкая, безъ украшеній, щегольская джигитская портупея черной кавказской сыромяти была надѣта на кольца. Шашка лежала на подушкѣ малиноваго бархата съ вышитой собачкой, не совсѣмъ гармонировавшей съ положеннымъ на нее оружіемъ.

— Именемъ Государя Императора, и по постановленію Георгіевской Думы, я счастливъ, хорунжій Карповъ, передать вамъ это оружіе храбрыхъ. Пусть изъ рода въ родъ передается оно у васъ, какъ память о вашемъ славномъ подвигѣ.

Лицо Карпова, похудѣвшее отъ раны, покрылось румянцемъ и дрогнувшимъ голосомъ Карповъ поблагодарилъ Саблина.

—Хотите, я пошлю сій телеграмму? — сказалъ Саблинъ.

— Кому? — чуть слышно спросилъ Карповъ.

— Татьянѣ Николаевнѣ, — сказалъ Саблинъ такъ тихо, что Карповъ только по движенію губъ догадался, о комъ говоритъ ему его генералъ.

— О, да, если можно, — заливаясь краской до самыхъ волосъ, проговорилъ Карповъ.

— Ну, конечно. А вы напишите письмо.

Ординарецъ, уланъ фонъ Даль, надѣвалъ на смущеннаго Карпова новую шапку, снимая его старую, простую. Саблинъ подходилъ къ правофланговому казаку, застывшему въ напряженной позѣ съ повернутой направо головой.

«Этотъ юноша», — думалъ Саблинъ, — «умретъ съ наслажденіемъ и совершитъ какой угодно подвигъ. Онъ пойдетъ впередъ даже и тогда, когда будетъ знать, что его навѣрное ожидаетъ смерть».

«Но смогу ли я послать его?...»

И уже дрогнувшимъ голосомъ Саблинъ сказалъ казаку: — именемъ Государя Императора награждаю тебя этимъ георгіевскимъ крестомъ.

Рука его дрожала, когда онъ передавалъ крестъ.

XXXI

Обѣдъ удался на славу. Пирогъ, торжественно принесенный самою матушкой Александрой Петровной, прекрасно зарумянился и хрустящая темная корочка, посыпанная поджаренными тертыми сухариками, мѣстами поднялась большими темными пузырями.

— Не осудите, пожалуйста, — говорила красная отъ плиты и волненія попадья, еще болѣе хорошенькая отъ выбившихся на лобъ русыхъ вьющихся кудрей и съ полными бѣлыми руками, обнаженными по локоть.

За окномъ играли трубачи. Звучіе аккорды «Жизни за царя» напоминали Маріинскій театръ и уносили изъ крошечныхъ комнатъ, гдѣ канарейка и чижикъ старались перекричать и трубачей, и гостей, въ далекій Петроградъ.

Шли тосты. За Государя Императора, покрытый громовымъ ура и мощными звуками торжественнаго русскаго гимна, за новыхъ кавалеровъ, перемежаемый маршами полковъ гусарскаго и донского, за славу, за побѣду, за начальника дивизіи, за командировъ полковъ, за господъ

офицеровъ, за солдатъ и казаковъ, за вѣрныхъ боевыхъ товарищей, конскій составъ дивизіи, за прелестную, радушную хозяйку...

Офицеры, отвыкшіе отъ вина, хмелѣли быстро. Протопоповъ, командиръ донского полка, сидѣвшій по лѣвую руку Саблина, приставалъ, прося разрѣшенія вызвать по тревогѣ пѣсенниковъ, послушать пѣсни казачьи.

— Вѣдь онъ у насъ, ваше превосходительство, первый пѣвунъ въ полку,—говорилъ онъ про Карпова,—такой баритонъ, что просто въ оперу, на сцену надо бы. Вы его никогда не слыхали?

— Нѣтъ, никогда, — сухо отвѣтилъ Саблинъ.

— Вотъ и послушали бы. Влюбитесь въ него и безъ того прекраснаго казака. Единственный сынъ у матери.

«Слушай, слушай», — говорилъ Саблину внутренній голосъ мучителя совѣсти, — «сумѣй оцѣнить, сумѣй полюбить всею душою этого юношу и тогда отдай, тогда принеси въ жертву, ибо жертва нужна. Вѣдь, пошлешь его на смерть, на вѣрную смерть, пошлешь? Когда настанетъ нужный часъ, отдашь приказаніе и голосъ не дрогнетъ и не смутишься, потому что ты — солдатъ. Но развѣ это грѣхъ? Гдѣ больше грѣхъ? Послать, любя больше самого себя, послать на смерть, плача и рыдая и болѣя сердцемъ, или по злобѣ отправить того, кого не любишь, кто противенъ тѣлесно, кто нравственно возмутилъ душу. Если жертва нужна, она должна быть дана отъ всего сердца».

— Далеко, вѣдь, Семенъ Ивановичъ, — сказалъ Саблинъ, гоня желаніе увидѣть Карпова во всемъ его блескѣ. — Когда еще пріѣдутъ. Темно станетъ. Не стоитъ.

— И что за далеко? — отвѣчалъ Протопоповъ. Ему хотѣлось щегольнуть передъ начальникомъ дивизіи исполнительностью казаковъ своего полка, быстротою сбора и отличными голосами. — Семи верстъ отсюда не будетъ. Духомъ прискачутъ. По телефону только сказать.

— Ну, какъ знаете.

— Я распоряжусь, — сказалъ Давыденко, слушавшій

разговоръ начальника дивизіи. — Которой сотни пѣсенниковъ? — спросилъ онъ у Протопопова.

— Да четвертой, что ли, — небрежно сказалъ Протопоповъ, зная, что четвертой сотни пѣсенники лучшіе въ полку, что они уже подготовлены къ выѣзду и лошади на всякій случай поосѣдланы и сами они собраны на штабномъ дворѣ. Онъ уже предвкушалъ удовольствіе удивить начальника дивизіи и всѣхъ гостей. Только предудить телефонъ и черезъ двадцать минутъ уже готово — и пѣсенники на мѣстахъ. Пусть-ка кто другой такъ сдѣлаетъ!

— Четвертой... Вѣдь и кавалеръ-то молодой самъ четвертой, — повторилъ онъ еще разъ.

Давыденко пошелъ на телефонъ.

На другомъ концѣ стола подвыпившій Семеновъ раскрылъ окно, чтобы слышнѣе были трубачи и, улыбаясь краснымъ веселымъ лицомъ, подпѣвалъ куплеты, подмигивая попадьѣ.

— Это барышни всѣ обожаютъ... Это барышни всѣ обожа-а-а-ютъ! — Александра Петровна, а вы обожаете и теперь.

— Что то, Варлаамъ Николаевичъ, я не пойму въ толкъ, о чемъ такомъ вы намекаете.

— А вы поймите, Александра Петровна, слышите, какъ трубачи-уланы выговариваютъ — слушайте, — и дождавшись повторенія мотива, онъ и съ нимъ входившій съ телефона Давыденко и фонъ Дать уже втроемъ пристроились:

— Это барышни всѣ обожа-аютъ...

Въ открытое окно врывался холодный, но пахнущій весною, воздухъ, слышалось въ перерывахъ игры трубачей ржаніе и взвизгиваніе лошадей, наполнявшихъ дворъ и говоръ кавалеровъ — гусаръ и казаковъ, только что пообѣдавшихъ въ ригѣ и выходившихъ теперь на дворъ, чтобы ѣхать по домамъ.

Трубачи по настроенію обѣдавшихъ почувствовали, что вино уже подѣйствовало и смѣнили серьезный репер-

туаръ модными легкими пѣсенками, маршами и отрывками изъ оперетокъ.

Офицеры имъ вторили, напѣвая безцеремонно за столомъ.

Впрочемъ, обѣдъ уже былъ конченъ. Саблинъ разрѣшилъ курить и самъ, чтобы не стѣснять, вышелъ изъ-за стола и сѣлъ у окна. Подали чай, печенье, карамель, сухари и коржики, изготовленія матушки.

Короткій зимній день догоралъ. Румяное солнце спускалось къ темной полосѣ лѣсовъ и молодой мѣсяцъ красивымъ рогомъ показался на поблѣднѣвшемъ небѣ, когда подъѣхали казачьи пѣсенники. Съ лошадей валилъ густой паръ. Казаки постарались и примчались въ двадцать минутъ. Солидный вахмистръ ввелъ ихъ во дворъ и скомандовалъ «смирно». Саблинъ поздоровался съ ними.

—Разрѣшите начинать? — спросилъ вахмистръ.

— Начинайте.

Чтобы распѣться, они спѣли свою походную старую пѣсню, — «не концертную», какъ говорилъ вахмистръ, не разъ слыхавшій пѣніе войскового хора.

— Хорунжій Карповъ, идите пѣть, — начальническимъ голосомъ сказалъ Протопоповъ, когда казаки кончили первую пѣсню.

Карповъ, ему давно хотѣлось показаться передъ казаками въ своей новой «шикарной» шашкѣ съ георгіевскимъ темлякомъ, не заставилъ повторять приказаніе и въ одномъ кителѣ выскочилъ на дворъ.

«Если бы она меня теперь видала!» — подумалъ онъ, охорашиваясь передъ хоромъ и сверкая своими ясными глазами изъ-подъ красивой серебристаго мѣха папахи, сплющенной по-кабардински и заломленной на затылокъ такъ, что непонятно было на чемъ она держится. — «А д с к и лихо было бы е й пропѣть.»

Онъ ощупалъ на пальцѣ е я кольцо. Казаки сдержанными голосами поздравляли его съ Монаршею милостью.

— Заслужили, ваше благородіе, хороша штука, — говорили они вполголоса.

Саблинъ и многіе гости вышли на крыльцо. Морозъ еще не могъ осилить разогрѣтаго солнцемъ воздуха, на землѣ была жидкая грязь, не скованная ледкомъ.

— Начинайте, Карповъ, — сказалъ Протопоповъ.

Карповъ взялъ у вахмистра плеть, чтобы ею управлять хоромъ, сталъ въ позу, закрылъ на минуту глаза и подумалъ: — «это я тебѣ... это я вамъ, Ваше Императорское Высочество, пою...»

Самый титулъ ему нравился. Чаровала сказочная недоступность его любимой и до жути хотѣлось умереть со славой.

Онъ запѣлъ, создавая въ умѣ картину, которая теперь влекла его, манила и казалась великимъ счастьемъ.

— Черный воронъ, что ты вьешься,
Надъ моею головой... —

Не пропѣлъ, а прокричалъ онъ музыкальнымъ стономъ героическаго отчаянія смерти, такъ, что холодокъ мурашками пробѣжалъ по жиламъ Саблина, и послушный хоръ сейчасъ же вступилъ мягкими согласными аккордами:

— Ты добычи не дождешься, —

говорилъ на фонѣ ихъ голосовъ голосъ Карпова, уже смягченный и умиротворенный:

— Черный воронъ, — я не твой.

И опять стономъ воскликнулъ голосъ, какъ бы уносящійся въ жалобѣ къ небу.

— Ты лети-ка, черный воронъ,
Къ намъ на славный тихій Донъ,

и хоръ проговорилъ, уже не покрываемый голосомъ запѣвалы, сдержанно и грустно:

— Отнеси ты, черный воронъ,
Отцу, матери поклонъ.

Красивая пѣсня отвѣчала грусти умирающаго дня и общей обстановкѣ фронта, возможности ежеминутно быть вызваннымъ на позицію, быть убитымъ и брошеннымъ на съѣденіе воронамъ. Каждое слово имѣло смыслъ, понимаемый этими людьми, видавшими и смерть товарищей и раны.

Пѣсня кончилась. Молчаливая грусть была лучшимъ одобреніемъ пѣвцовъ.

— Конь боевой, — сказалъ Протопоповъ, стоявшій рядомъ съ Саблинымъ съ видомъ импрессаріо на удавшемся концертѣ.

Карповъ переставилъ руками двухъ казаковъ, мѣшавшихъ ему пѣть и, ставъ лицомъ къ крыльцу, на мгновеніе задумался. Онъ искалъ въ умѣ теплыхъ душевныхъ тоновъ, которыхъ требовала пѣсня.

— Конь боево-ой съ походнымъ вьюкомъ
У церкви ржетъ, кого то ждетъ,

пропѣлъ онъ сильнымъ баритономъ и хоръ вступилъ за нимъ, мягко дорисовывая картину станичной жизни.

Въ оградѣ бабка плачетъ съ внукомъ,
Молодка горьки слезы льетъ...

И, едва смолкъ хоръ, Карповъ продолжалъ:

— А изъ дверей святого храма,
Казакъ въ доспѣхахъ боевыхъ,
Идетъ къ коню изъ церкви прямо
Идетъ въ кругу своихъ родныхъ.

Древній, все повторяющійся изъ рода въ родъ семейный ритуалъ проводовъ на службу вставалъ передъ мысленнымъ взоромъ.

Мы послужили-и-ли Государю,
Теперь и твой чередъ служить

говорилъ Карповъ мягкимъ, за душу хватающимъ голосомъ и хоръ продолжалъ:

— Ну, поцѣлуй-же женку Варю
И Богъ тебя благословитъ...

Саблинъ вспомнилъ свои юные годы, когда онъ самъ пѣвалъ съ солдатами. Жизнь захватила его грязными лапами и пронесла сквозь пучины оскорбленій, униженій и подлости. Жизнь при дворѣ, наружно яркая, блестящая, а внутри темная и страшная. Ну, развѣ не лучше было умереть тогда, когда могъ онъ пѣть съ Любовинымъ и былъ чистымъ юношей, и безупречно честнымъ офицеромъ... Не лучше развѣ, если и Карповъ умретъ теперь, когда столько силы и правды въ его голосѣ, когда ни одной подлости еще онъ не совершилъ? Пусть будетъ мертвымъ львомъ, а не живымъ псомъ!

— Гдѣ научились вы этой пѣснѣ? — спросилъ Саблинъ Карпова, когда длинная, полная благородной любви къ Родинѣ пѣсня замерла въ торжественномъ раскатѣ.

— Въ Донскомъ, Императора Александра III кадетскомъ корпусѣ, — сказалъ Карповъ.

— Славная пѣсня... — сказалъ задумчиво Саблинъ, — прекрасная пѣсня.

Ему стало холодно, и онъ вошелъ въ хату. Денщики прибирали столъ и снимали скатерти, залитыя виномъ. Въ окно было видно, какъ догоралъ закатъ. Мягкая грусть щемила сердце.

«Ну какая тутъ можетъ быть революція, измѣна Царю, дворцовый переворотъ?» — думалъ Саблинъ, сравнивая свои петроградскія впечатлѣнія съ тѣмъ, что онъ

только что пережить и перечувствовать. Никакіе кинематографы, никакая пропаганда не совратятъ этихъ людей. Развѣ возможно съ вѣрою креститься и цѣловать георгіевскій крестъ, развѣ возможно такъ пѣть, а потомъ идти и убивать Царя?!.. Нѣтъ, Русскій народъ никогда не пойдетъ на это!»

«А, если... Если у него вынуть вѣру въ Бога?» — тихо сказалъ кто-то внутри него и холодъ побѣжалъ отъ этихъ словъ по спинѣ и по ногамъ. — «Если ему докажутъ, что Бога нѣтъ... Докажутъ... Отсутствіемъ Божьяго гнѣва, тѣмъ, что Богъ не защититъ и не поможетъ. Надругательствомъ надъ святыми, надъ мощами, надъ храмомъ. Вѣдь Русскій народъ дикъ и суевѣренъ и если огонь съ неба не опалитъ осквернителя храма — Богъ исчезнетъ, осквернитель станетъ Богомъ и тогда... Все позволено!»

«Какой вздоръ! — тогда... тогда поведутъ народъ на подвигъ вотъ эти самые святые юноши!»

«Но ты убьешь ихъ раньше, чѣмъ настанетъ ихъ часъ...»

«Господи! Господи! яви мнѣ свое милосердіе. Господи, если Ты еси, помоги мнѣ.»

«Если Ты еси, — но вѣдь это уже сомнѣніе, а можетъ ли сомнѣвающійся молить о чудѣ, просить о пощадѣ?»

«Господи! Прости и помоги! Помоги маловѣру.»

Какъ въ туманѣ, машинально, привычными словами, которыхъ самъ за внутреннею душевною работою не слышалъ, Саблинъ поблагодарилъ трубачей и пѣсенниковъ, далъ имъ наградныя деньги и отпустилъ ихъ.

Праздникъ кончился. Саблинъ вошелъ въ кабинетъ священника, гдѣ была готова ему походная койка, и заперъ двери. Хотѣлось остаться одному.

Синее небо съ загоравшимися звѣздами глядѣло въ оконце, пригорюнилась одинокая маленькая церковка на берегу озера и на образкѣ надъ дверьми ея тихо отразилась луна. Была печальная прелесть въ этомъ уголкѣ замерзшаго озера.

А по ту сторону дома еще шелъ шумъ жизни. Съ бубнемъ и присвистомъ весело пѣли уѣзжающіе пѣсенники и ихъ перебивали трубачи, уходившіе по другой дорогѣ. И долго слышались то звуки бодрой, веселой пѣсни казачьей: —

«Донцы пѣсню поютъ
Черезъ рѣку Вислу—ю
На коняхъ плывутъ»

— то напѣвы трубачей —

«По улицѣ пыль поднимая,
Подъ звуки лихи — ихъ трубачей...

...«Вѣрую, Господи! Помоги моему невѣрію!»...

XXXII

Дней черезъ десять послѣ этого праздника, утромъ, Саблина вызвали къ телефону изъ штаба корпуса.

— Съ вами сейчасъ будутъ говорить начальникъ 177-й пѣхотной дивизіи, — сказалъ телефонистъ. — Соединяю.

Но говорилъ не начальникъ дивизіи, а Сонинъ, командиръ того пѣхотнаго полка, на участкѣ котораго было знаменитое «Орлиное гнѣздо». Онъ докладывалъ, что луна настолько хорошо свѣтитъ, что есть полная возможность осмотрѣть и правильно оцѣнить позицію у Костюхновки, и если его превосходительство не передумалъ, то не пріѣдетъ ли онъ сегодня къ восьми часамъ и они вмѣстѣ пройдутъ въ «Орлиное гнѣздо».

— Хорошо, я пріѣду, — сказалъ Саблинъ.

Дорога уже сильно размокла, снѣгъ почти весь сошелъ и Саблинъ выѣхалъ заблаговременно. Въ ясныхъ сумеркахъ онъ одинъ, безъ ординарцевъ, никому не сказавъ, куда онъ ѣдетъ, покатилъ на автомобилѣ изъ селе-

нія Озеры. Дорога была знакомая. Зимою онъ шелъ по ней, смѣняясь съ позиціи. Но теперь онъ видѣлъ много перемѣнъ. Густой красивый лѣсъ, имъ такъ любовался онъ подъ Рафаловкой, былъ почти весь вырубленъ, зато болотистая, грязная дорога была нагачена широкою, отлично раздѣланною гатью. У самой рѣки былъ устроенъ землянычный городъ и порѣдѣвшій лѣсъ кишѣлъ пѣхотою, какъ муравьями. Слышался грубый здоровый смѣхъ, визжала гармоника, солдаты шли, звеня котелками, къ краснѣвшимъ вдоль задней линейки кухнямъ. Лѣсъ рубили не подъ корень, а какъ удобнѣе — въ ростъ человѣка и оставшіеся высокіе пеньки торчали желтѣвшимъ частоколомъ вдоль землянокъ. Моста, по которому тогда съ такимъ трудомъ переходила дивизія Саблина, уже не было. Вмѣсто него былъ новенькій щеголевато сдѣланный длинный, почти на версту мостъ, покрывавшій все займище рѣки, устроенный понтоннымъ батальономъ. Невдалекѣ отъ него виднѣлся другой, а еще дальше — третій мостъ. Весь берегъ рѣки былъ изрытъ глубокими, отдѣланными деревомъ окопами, здѣсь была разработанная инженерами тыловая позиція корпуса.

Густая сѣть проволочныхъ загражденій спускалась въ воду и уже была залита вздувавшейся рѣкою.

Часовой-ополченецъ остановилъ у моста автомобиль, спросилъ пропускъ и пропустилъ, удостовѣрившись, что ѣдетъ «начальство». Саблина удивило, что проходившихъ одновременно солдатъ и съ ними какихъ то евреевъ съ булками часовой не опрашивалъ.

«Значитъ, опрашиваетъ только «начальство» — подумалъ Саблинъ.

Деревня Рудка-Червоная, гдѣ когда-то стояли драгуны дивизіи Саблина, болѣе чѣмъ на половину выгорѣла. Печально торчали обгорѣлыя печи съ трубами и обугленныя деревья небольшихъ садовъ. Въ оставшейся части деревни стояли обозы. При свѣтѣ поднявшейся луны Саблинъ увидѣлъ длинныя коновязи и за ними ряды парныхъ повозокъ и двуколокъ.

И тутъ все полно было солдатами. У крайней хаты,

которую тогда занималъ командиръ драгунскаго полка, болталась бѣлая тряпка съ краснымъ крестомъ. Здѣсь сидѣли сестры на завалинкѣ, подлѣ стояли какія то фигуры въ рыжихъ халатахъ и слышался смѣхъ.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ Саблинъ къ позиціи, тѣмъ меньше становилось войскъ и цѣлѣе лѣсъ. Гать по болоту стала болѣе узкой и была сдѣлана небрежно, работали наспѣхъ, можетъ быть, подъ огнемъ. Позиціи за лѣсомъ еще не было видно, но она уже чувствовалась постоянными, каждыя полминуты повторяющимися выстрѣлами.

Та—пу!.. Та—пу!.. звучали выстрѣлы австрійцевъ и очень рѣдко раздавался имъ въ отвѣтъ нашъ выстрѣлъ и казался совсѣмъ близкимъ, громкимъ эхомъ прокатываясь по всему лѣсу... а потомъ опять далекіе двойные: та—пу!.. та—пу!..

Влѣво, у самой дороги, прикрытая еловыми вѣтвями, маскированная отъ аэроплановъ стояла батарея. Немного поодаль въ лѣсу тянулись коновязи, были устроены землянки и желтымъ свѣтомъ горѣлъ огонекъ. Автомобиль остановился, помощникъ шоффера пошелъ разспрашивать о дорогѣ.

— Первый свертокъ налѣво, — сказалъ онъ, возвращаясь. — Тамъ указатель есть.

И дѣйствительно, у перваго поворота былъ столбъ, на столбѣ доска, на ней крупными буквами безъ «ъ» и «ѣ» было написано «к дому лесника». Проѣхали еще съ полверсты и оказались на небольшой лѣсной прогалинѣ. Она была такъ же изрыта землянками и нѣсколько повозокъ стояло на ней. Въ полуразрушенномъ домикѣ свѣтились окна, подлѣ стоялъ денежный ящикъ и ходилъ часовой въ старой шинели. На шумъ автомобиля съ фонаремъ въ рукѣ вышелъ хозяинъ, полковникъ Сонинъ.

— Сюда, ваше превосходительство, пожалуйте, — говорилъ онъ, присвѣчивая фонаремъ. — Тутъ только осторожно, одной ступеньки не хватаетъ.

Черезъ разбитое крылечко Саблинъ прошелъ въ узкія темныя сѣни и изъ нихъ въ маленькую комнату, служив-

щую и спальней, и столовой, и рабочимъ кабинетомъ. Вдоль стѣнъ стояли три койки и четвертая постель была послана прямо на полу. Посерединѣ былъ грубо сколоченный изъ необтесанныхъ досокъ столъ и скамейки, впрочемъ было и нѣкоторое подобіе кресла изъ чурбана съ прибитыми къ нему спинкой и ручками изъ толстыхъ и кривыхъ сучьевъ. На столѣ стояла маленькая, жестяная лампочка и ярко горѣла широко пущеннымъ пламенемъ. Было душно и жарко. Хозяева пили чай. Большой синій эмалированный чайникъ, кружки облупившіяся и почернѣвшія и ломти чернаго хлѣба валялись на столѣ. Три офицера встали при входѣ Саблина.

— Мой адъютантъ; ординарецъ Пышкинъ; казначей — быстро и небрежно, какъ лицъ не стоющихъ особаго вниманія, представилъ Сонинъ.

Адъютантъ былъ долговязый малый изъ «кадровыхъ» офицеровъ. На немъ былъ китель стараго покроя, усѣянный значками, съ покоробившимися сѣрыми защитными погонами и старыми почернѣвшими аксельбантами. Лицо было худое, острое, безъ усовъ и бороды, и глаза сѣрые и печальные носили безпокойство и тревогу. Длинная фигура его хранила слѣды старой выправки и на поклонъ Саблина онъ отвѣтилъ не безъ граціи, даже попытался звякнуть шпорой и руку подалъ умѣло, привычнымъ жестомъ.

Ординарецъ Пышкинъ, молодой человѣкъ съ широко выпученными сѣрыми бараньими глазами на кругломъ румяномъ безбородомъ и безбровомъ лицѣ, смотрѣлъ на Саблина, какъ ребенокъ смотритъ на игрушку; онъ неловко протянулъ мягкую потную руку и не зналъ куда дѣвать лѣвую.

Казначей былъ изъ нижнихъ чиновъ. У него была строгая солдатская осанка, рыжіе усы надъ тонкими, блѣдными губами и скуластое, худое съ нездоровою кожею лицо. Все говорили, что это былъ бравый исполнительный унтеръ-офицеръ изъ нестроевыхъ, какой-нибудь каптенармусъ, или писарь, который и въ церкви прислуживаетъ, и мастеръ дешево дрова купить, и солдатъ бла-

годѣтельствуетъ тайно продаваемой водкой. Сѣрые глаза изъ-подъ рыжихъ рѣсницъ смотрѣли остро и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не выражали. Онъ подалъ руку дощечкой съ плотно сжатыми прямыми пальцами и такъ и не согнулъ ее въ рукѣ Саблина.

И Пышкинъ, и казначей были въ рубахахъ безъ ремней съ защитными погонами. На нихъ химическимъ карандашемъ были нарисованы полоса, звѣздочка и номеръ полка.

— Чайку не прикажете, — предложилъ Сонинъ такимъ тономъ, что заранѣе предвидѣлъ отказъ. — Мы въ ожиданіи васъ баловались немного.

Саблинъ отказался.

— А то лучше пойдемте, пока луна высоко свѣтитъ, а вернемся, поужинаемъ и чаю настоящаго напьемся, — сказалъ Сонинъ.

— Мнѣ прикажете идти? — спросилъ адъютантъ.

— Нѣтъ, оставайтесь. Пышкинъ пойдетъ.

Пышкинъ съ видимымъ неудовольствіемъ сталъ одѣваться.

Всѣ трое сѣли въ автомобиль и проѣхали около двухъ верстъ къ перекрестку дорогъ, гдѣ Сонинъ приказалъ остановиться.

— Вотъ и Костюхновская дорога, — сказалъ Сонинъ, вылѣзая изъ автомобиля. — Тутъ уже пѣшкомъ придется. Вамъ ничего? Немного. Версты двѣ.

— Я пройдусь съ удовольствіемъ, — сказалъ Саблинъ.

Они вышли на опушку.

— Изволите видѣть — какая позиція, — сказалъ Сонинъ, останавливая Саблина.

XXXIII

Большой высокій мѣшаный лѣсъ обрывался темною стѣною и тянулся вправо и влѣво отъ широкой песчаной дороги. Шаговъ на тридцать отъ него отбѣжали малень-

кія елочки, сосны и можжевельникъ. Дальше до песчаныхъ бугровъ тянулось ровное поле. Оно теперь искрилось и сверкало подъ лучами луннаго свѣта. Верстахъ въ двухъ были видны небольшіе перелѣски и надъ ними непрерывно взметывались бѣлыя свѣтящіяся ракеты. Вылетитъ, оставляя яркую полосу одна, вспыхнетъ синеватымъ, неземнымъ свѣтомъ и начнетъ тихо падать на землю. И не упала одна, какъ взлетаетъ рядомъ другая и падаетъ печальная, таинственная, точно живая. На много верстъ вправо была видна позиція и она вся была покрыта этими тихо порхающими синеватыми огоньками.

И безъ того таинственная и страшная, неприступная «его» позиція отъ этихъ огней становилась еще таинственнѣе и загадочнѣй.

Иногда гдѣ-то бухали пушки и сверкалъ желтымъ сполохомъ, какъ далекая молнія, отражаясь въ синемъ небѣ, огонь выстрѣла. Полета снаряда не было слышно и вдругъ недалеко надъ самымъ лѣсомъ яркимъ огнемъ вспыхивалъ разрывъ и долго гудѣлъ и эхомъ отдавался гулъ лопнувшей шрапнели.

— Всю ночь палитъ, а чего и самъ не знаетъ, — сказалъ Сонинъ.

Луна серебристымъ, измѣнчивымъ, обманнымъ свѣтомъ усугубляла таинственность этого поля, живущаго своею ночною жизнью. Вправо и влѣво тарахтѣли колеса и звенѣло желѣзо — это ѣхали кухни, торопясь за ночь накормить людей.

— Идемте, — сказалъ Саблинъ.

— Идемте, — отвѣчалъ Сонинъ. — Вы, Пышкинъ, пріотстаньте, чтобы мишени большой не дѣлать.

— А что? — спросилъ Саблинъ.

Сонинъ не отвѣтилъ. Маленькая пулька пропѣла неподалеку и щелкнула гдѣ-то въ землю.

— Всю ночь стрѣляетъ по дорогѣ. На авось... — сказалъ Сонинъ. — Никого, однако, не убилъ.

Выстрѣлы не переставали и пѣніе, а по мѣрѣ того, какъ они подходили къ холмамъ и чмоканіе пуль становилось чаще.

— Дураки эти поляки и австрійцы, — говорилъ раздраженно Сонинъ. — Ну, можно-ли ночью попасть! Онъ можетъ быть и видитъ, да никогда не попадетъ.

Пуля чмокнула въ песокъ совсѣмъ близко.

— Однако пойдемте немного стороной отъ дороги и разойдемся, — сказалъ Сонинъ, — теперь вѣдь не больше шестисотъ шаговъ осталось.

Они подходили къ длинному песчаному бугру. Онъ тянулся поперекъ дороги, и уже было видно, что онъ весь изрытъ маленькими землянками и подлѣ нихъ ходили, какъ тѣни, люди и слышались сдержанные голоса.

Это было мертвое пространство, недоступное для пуль и здѣсь, на клочкѣ земли въ двѣсти шаговъ длиною и сорокъ шириною, жили, ѣли, спали, разговаривали, думали сто пятьдесятъ человѣкъ — двѣ недѣли — отъ смѣны и до смѣны. Въ сторонѣ были видны небольшіе холмики и надъ ними кресты. Могилы убитыхъ.

Песчаный холмъ подымался стѣною и по окраинѣ его зубцами были поставлены стальные щиты. За ними лежали часовые.

— Вотъ мы и въ «Орлиномъ гнѣздѣ», — сказалъ Сонинъ. Лежавшіе, сидѣвшіе и ходившіе люди смотрѣли на нихъ, какъ на выходцевъ съ того свѣта. Отъ одного къ другому шелъ шопотъ — «командиръ полка» — «полка командиръ» — «ротному сказать».

Но ротный командиръ, вѣроятно, предупрежденный по телефону, выходилъ изъ крошечной землянки. Это былъ мальчикъ. Такой же юный, какъ Карповъ, но безъ воинственнаго задора, безъ страсти войны. Бѣлобрысый, бѣлокурый, толстогубый, онъ былъ неловко одѣтъ въ навыченную шинель, дѣлавшую его толстымъ и неуклюжимъ. Сѣрая папаха искусственнаго барана кругло, какъ то по-бабьему была надѣта на его голову. Глаза выражали испугъ и тоску, и лицо было блѣдное и смятенное.

Онъ пошелъ съ рапортомъ къ командиру полка, но Сонинъ указалъ ему на Саблина и юноша окончательно растерялся. Называя Саблина то «ваше превосходительство», то «господинъ полковникъ», юноша доложилъ ему,

что на фортѣ № 14 находится 9-ая рота 709 пѣхотнаго Тьмутараканскаго полка, что въ ней одинъ офицеръ и 127 рядовыхъ солдатъ, что происшествій никакихъ не случилось кромѣ того, что полчаса тому назадъ изъ бомбомета ранило шесть человѣкъ и одного убило наповалъ у бойницы ружейною пулею.

— Опять подглядывали въ щиты, — недовольно сказалъ Сонинъ. — Я вамъ сколько разъ говорилъ, чтобы не смѣли смотрѣть.

— Ну что же! — господинъ полковникъ, да развѣ же я имъ не говорю! Тянетъ ихъ... Понимаете, какъ прорубь тянетъ, или омутъ... И меня, знаете, тянетъ, — со слезами въ голосѣ проговорилъ юноша.

— Это кого убило-то? — спросилъ Сонинъ.

— Овечкина.

— Это который Овечкинъ?

— Изъ октябрьскаго пополненія.

— Дурной онъ, ваше высокоблагородіе, — почтительно заговорилъ, выставляясь сзади, фельдфебель, пришедшій выручать своего ротнаго командира.

Фельдфебель былъ маленькій, кряжистый, приземистый человѣкъ лѣтъ сорока, черноусый, чернобровый, ладный, ловкій, типичный Русскій солдатъ, смѣтливый, смѣлый и разумный.

— Загляну, да загляну, — передразнивалъ онъ Овечкина, — и ничто мнѣ не будетъ, — вотъ и заглянулъ. Лежитъ дуракомъ, якъ падаль!

И онъ указалъ на лежавшее неподалеку тѣло.

Сонинъ подошелъ къ убитому, снялъ шапку и перекрестился.

Тѣло солдата, еще теплое и гибкое, лежало на пескѣ на спинѣ. Кто-то сложилъ ему на груди бѣлыя восковыя руки. Лицо было страшное, съ разбитымъ глазомъ и развороченнымъ черепомъ, все залитое черною кровью.

— Разрывною должно быть, — сказалъ Саблинъ.

Два солдата, стоя на колѣняхъ, рыли малыми «носимыми» лопатами неглубокую могилу въ пескѣ.

— Хоронить здѣсь будете? — спросилъ Сонинъ.

— Здѣсь. Куда таскать. Онъ и ночью бьетъ непрерывно, — отвѣчалъ фельдфебель — вотъ съ ранеными и то не знаю какъ? Дождусь, когда луна зайдетъ. По темнотѣ лучше. Да кабы кричать не стали. Онъ и на крикъ палитъ. А ему что. Все одно — померъ.

— Копайте только глубже, — сказалъ Сонинъ.

Сонину, фельдфебелю и солдатамъ, рывшимъ могилу — все это было такъ просто и ясно. Возить мертваго: — рисковать живыми. Мертвый уже никому не нуженъ: онъ обуза для роты на ея боевомъ посту и отъ него надо отдѣлаться поскорѣе. Саблинъ взглянулъ на командира роты. Этотъ видимо и думалъ и чувствовалъ иначе. Лицо его было зеленовато-бѣлымъ, холодный ужасъ застылъ въ добрыхъ дѣтскихъ выпуклыхъ глазахъ и подбородокъ его прыгалъ.

— Что молодой человѣкъ, боитесь, — отечески ласково сказалъ ему Саблинъ, взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону отъ убитаго.

Эта ласка чужого незнакомаго человѣка такъ тронула юношу, что онъ вдругъ расплакался, сдерживая вырывавшіяся рыданія.

— Бою-усь... — говорилъ онъ сквозь слезы, — я и покойниковъ боюсь. И смерти боюсь. А меня тянетъ. Вотъ, какъ его тянуло. Я понимаю его. Удержаться нельзя. Вѣдь это такъ просто, подошелъ къ щиту, отодвинулъ задвижку и заглянулъ... а тамъ... тамъ... смерть... Какъ же это можно? Я шестой день здѣсь и это уже четвертый... такъ... Страшно. Ночью они мнѣ снятся.

— Вамъ надо успокоиться, отдохнуть, — сказалъ Саблинъ. — Вы гдѣ учились?

— Въ коммерческомъ я кончалъ. Тутъ на курсы стали записывать. Солдатомъ я не хотѣлъ идти, я и пошелъ.

— Давно на войнѣ?

— Второй мѣсяцъ.

— Кто ваши родители?

— Купцы. Въ Апраксиномъ у насъ магазинъ. Зай-

чиковы, мы, можетъ быть, изволили слыхать, — успокаиваясь, говорилъ ротный.

— Ну вотъ и все Орлиное гнѣздо, — сказалъ, подходя, Сонинъ. — Видали? Я вамъ говорю — навѣрняка. Пойдемте обратно.

XXXIV

Но Саблину этого было мало.

По песчаной осыпи холма онъ подошелъ къ стальнымъ щитамъ, неровнымъ рядомъ установленнымъ вдоль хребта. Приникши и слушая землю лежалъ, не шевелясь, подъ ними часовой.

Да, тянуло... Саблинъ и самъ испыталъ это чувство, какъ и его потянуло подойти, взяться за стальную пуговку и откинуть окошечко, закрывавшее пазъ и посмотрѣть на смерть.

Сонинъ оставался внизу.

Саблинъ медленно, нагнувшись, проходилъ позади щитовъ и вдругъ увидалъ небольшую щелку между ними. Онъ легъ на землю, подползъ къ щели и припалъ къ ней жаднымъ глазомъ.

Луна ярко свѣтила. Передъ нимъ былъ хаосъ. Два песчаныхъ хребта, параллельныхъ другъ другу, отдѣлялись неширокою прогалиною. Вся она была завалена рогатками, оплетенными колючей проволокой, и небрежно, наспѣхъ, видно въ тѣ немногія минуты, когда шла штыковая свалка, вбитыми кольями, кое-какъ опутанными проволокой. Два трупа, высохшихъ и желтыхъ, съ большими, черными глазными впадинами, лежали здѣсь давно, съ самой осени. Валялись кровавыя черныя тряпки, обрывки шинелей, чьи то сапоги, жестянки отъ консервовъ и неразорвавшаяся бомба бомбомета. Напротивъ, — не болѣе какъ въ двадцати пяти шагахъ, зубцами торчали желѣзные щиты. Оттуда съ легкимъ шипѣніемъ взметнулась брошенная вверхъ ракета и, лопнувъ, залила всю эту страшную картину мертвымъ синимъ свѣтомъ. И

всѣ эти предметы — не жизненные, не обычные, безобразные — трупы людей, придавленные рогатками съ проволокой, колья, жестянки освѣтились мертвымъ колеблющимся порхающимъ свѣтомъ и стали казаться кошмарнымъ, дикимъ сномъ. Покойники, какъ будто шевелились и страшныя тѣни коробили ихъ страшныя иссохшія лица...

Сильно билось у Саблина сердце и ему казалось, что въ тактъ его сердцу тамъ, по ту сторону страшной ложбины, бьется чье-то чужое, страшное сердце врага.

Томила жуткая тоска. Хотѣлось вскочить и бѣжать подальше отъ этого клочка земли, освѣщеннаго порхающимъ синимъ свѣтомъ, бѣжать отъ... войны.

Вся война слилась для него въ этомъ десяткѣ квадратныхъ саженей песка, въ ямѣ съ трупами и безпорядочнымъ хаосомъ рогатокъ, кольевъ и проволоки.

Перебѣжать этотъ клочокъ земли — и непріятель.

Но перебѣжать невозможно.

Отчего?

И вдругъ съ холоднымъ расчетомъ военнаго человѣка, понимающаго войну, Саблинъ сталъ соображать, что именно здѣсь легче всего перебѣжать къ непріятелю. Эти рогатки даже и рѣзать не надо. Если надѣть саперныя кожаныя рукавицы, которыя надѣваютъ, когда оплетаютъ проволокой, — то можно просто откинуть рогатку, бросить ручныя гранаты, а тамъ прикладами свалить щиты.

«Да, это возможно», — подумалъ онъ. — «Погибнетъ только первый, котораго тѣ увидятъ еще смѣлыми, не затуманенными ужасомъ глазами, а остальные сдѣлаютъ свое дѣло».

«Но первый погибнетъ навѣрняка.»

«И этотъ первый будетъ Карповъ?» — спросилъ онъ самъ себя. И не отвѣтивъ, подавилъ вздохъ и сталъ медленно сползать, отодвигаясь отъ страшной щели.

Ему казалось, что онъ пролежалъ такъ одну секунду.

— Долго же вы разсматривали тамъ, — сказалъ ему ожидавшій внизу Сошинъ. — Ну, что?

Но Саблинъ не отвѣчалъ. Онъ весь дрожалъ внутрен-

нею дрожью и боялся голосомъ обнаружить волненіе. Онъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ вопроса и медленно пошелъ къ землянкѣ ротнаго командира. Сонинъ и Зайчиковъ съ фельдфебелемъ шли за нимъ.

— Можно заглянуть къ вамъ? — спросилъ, наконецъ, усиліемъ воли овладѣвъ собою, Саблинъ у молодого ротнаго.

— Ахъ, пожалуйста... — сконфуженно отвѣтилъ Зайчиковъ.

Пять узкихъ ступенекъ вели въ землянку. Она была мала и тѣсна, какъ гробъ. И когда вошелъ одинъ, — другому не было мѣста. Вдоль стѣны на земляномъ выступѣ, покрытомъ еловыми вѣтвями, была постлана постель. Подлѣ былъ небольшой столикъ. На немъ горѣла свѣча. На столѣ стоялъ портретъ женщины въ черномъ кружевномъ чепцѣ съ простымъ миловиднымъ лицомъ, валялись иллюстрированные, измятые, зачитанные журналы «Огонекъ», «Солнце Россіи» и лежало маленькое Евангеліе.

Зайчиковъ заглядывалъ сверху.

— Это матушка моя, — сказалъ онъ глухимъ печальнымъ голосомъ, уловивъ взглядъ Саблина, устремленный на портретъ. — Вотъ и вся наша жизнь, — добавилъ онъ.

Пахло земляною сыростью и хвоею. Пахло могилою.

«Да», — подумалъ Саблинъ, — «нелегко прожить такъ двѣ недѣли, особенно, когда каждая бойница тянетъ приподнять завѣсу и узнать, что по ту сторону жизни?»

Онъ попрощался съ Зайчиковымъ и пошелъ съ Сонинымъ назадъ.

Теперь онъ не замѣчалъ уже свиста пуль и только, когда одна чмокнула подлѣ самыхъ его ногъ, онъ сказалъ нервно — «ишь, проклятая!»

Въ домѣ лѣсника была прибрано. Столъ былъ накрытъ на два прибора, стояли чистые стаканы, было положено на тарелку печенье и открыты жестянки сардинокъ и маринованной лососины. За дверью возился казначей и оттуда пахло жареной курицей.

Заспанный адъютантъ съ высохшимъ безразличнымъ

лицомъ, доложилъ: — «а въ Орлиномъ гнѣздѣ опять одного убило».

— Знаю-съ, — сказалъ командиръ полка, — Овечкина.

— Нѣтъ. Безъ васъ уже. Ротнаго — Зайчикова, прапорщика.

— К-какъ? — въ голосъ спросили Саблинъ и Сонинъ.

— Обычно, какъ. Не утерпѣлъ. Вы уѣхали, подошелъ къ щиту, открылъ задвижку и сталъ смотрѣть. Фельдфебель говоритъ, минуты двѣ смотрѣлъ.

— Ахъ, ты! Царство ему небесное! Этакій, право! — говорилъ, крестясь, Сонинъ. — Кого же мы назначимъ вмѣсто него?

— Больше некого какъ, Верцинскаго, — сказалъ адъютантъ.

— Ну, что вы! Верцинскаго, — съ возмущеніемъ возразилъ Сонинъ.

— А что вы думаете, господинъ полковникъ, такіе-то лучше выдерживаютъ. Этотъ, по крайности, не заглянетъ, куда не надо. Да и некого больше.

— Простите, ваше превосходительство, не угодно ли откушать? — обернулся Сонинъ къ Саблину. — Казначе-ей! — крикнулъ онъ, — что, курица готова?

— Сейчасъ, — отвѣчалъ голосъ за дверью.

— На всѣ руки онъ у насъ, — сказалъ про казначея Сонинъ. — А гдѣ Пышкинъ? — вдругъ вспомнилъ онъ.

— Полчаса, какъ пришелъ, — отвѣчалъ адъютантъ.

— Ишь, каналья, увильнулъ-таки. Экій трусишка. Маменькинъ сынокъ, знаете. Навязали мнѣ. Родственничекъ. — Садитесь, пожалуйста, ваше превосходительство. Сейчасъ и водочки достанемъ.

Но Саблинъ наотрѣзъ отказался. Хотѣлось быть одному. Нервы шалили...

XXXV

Когда проѣхали мимо батареи и стали уже выѣзжать къ опушкѣ лѣса, щелкнула покрышка у шины и автомобиль остановился.

— Я говорилъ, такъ не обойдемся, — ворчалъ Петровъ. — Ишь, ты, подлюга, заяцъ, дорогу перебѣжалъ... Одну минуту, ваше превосходительство, шину перемѣнимъ.

— Я пройдусь немного, — сказалъ Саблинъ, и вышелъ изъ автомобиля.

Все въ немъ было напряжено и внутренняя дрожь не умолкала.

Полная и красивая луна спускалась къ закату. Маленькія елочки, причудливые кусты можжевельника, казались привидѣніями. Саблинъ шелъ ровнымъ широкимъ шагомъ, заложивъ руки за спину, и обрывки мыслей неслись у него въ головѣ. Зайчиковъ съ круглымъ лицомъ и выпуклыми сѣрыми наивными глазами не шелъ у него изъ ума.

«Ротный командиръ»... — криво усмѣхнувшись, подумалъ Саблинъ. — «Властитель и отвѣтчикъ за полтораста человѣкъ крестьянъ, сдѣланныхъ солдатами. Этотъ робкій ребенокъ на страшномъ посту, въ тридцати шагахъ отъ непріятеля, гдѣ каждую ночь можно ожидать штурма и прорыва позиціи и... крушенія цѣлаго фронта. Цѣлый фронтъ держится на прапорщикѣ Зайчиковѣ, который боится покойниковъ и непріятеля, который плачетъ, какъ ребенокъ и котораго тянетъ посмотрѣть на смерть и приподнять завѣсу будущаго».

— И котораго уже нѣтъ больше, — сказалъ кто-то у дороги блѣднымъ, грустнымъ голосомъ.

Саблинъ вздрогнулъ, поднялъ голову и тревожно оглянулся. Влѣво у дороги, среди мелкихъ елочекъ и кустовъ можжевельника была солдатская безымянная могила. Такихъ могилъ было много въ этомъ лѣсу, гдѣ всю осень шли бои. Саблинъ замѣтилъ ее и тогда, когда они ѣхали къ дому лѣсника. Небольшой крестъ изъ

двухъ стволовъ молодыхъ елокъ, связанныхъ колючей проволокой, какъ терновымъ вѣнкомъ. Наверху истлѣвшая солдатская фуражка... Теперь у этого креста, обнявъ его, сидѣлъ кто-то и смотрѣлъ на Саблина неподвижнымъ бѣлымъ лицомъ. Правая сторона лица была залита чѣмъ-то чернымъ. Мѣсяцъ, спускаясь, смотрѣлъ прямо въ лицо этому странному видѣнію и мелкія тучи, тянувшіяся по небу, то бросали на него тѣни, то снова открывали его. Саблинъ не сомнѣвался, что это былъ Зайчиковъ. Какъ могъ трупъ Зайчикова оказаться сидящимъ теперь у креста одинокой могилы, какъ могъ убитый Зайчиковъ говорить? — Саблину въ эту минуту не приходило въ голову. Но онъ и потомъ былъ увѣренъ, что это былъ Зайчиковъ и что онъ разговаривалъ съ нимъ въ лѣсу.

— Вы убили его. За что?

— Какъ, я убилъ Зайчикова? — подумалъ Саблинъ.

— Вы приласкали его. Вы заглянули къ нему въ душу. А развѣ можно *на такомъ мѣстѣ* открывать душу? — говорилъ тотъ, кто казался Зайчиковымъ. — Душа и улетѣла. Эхъ, вы, психологъ! Сонинъ со своею грубостью лучше понимаетъ, что надо дѣлать. А вы, взяли, да по больному мѣсту и шарахнули. На мать посмотрѣли. Развѣ можно мать напоминать, когда человѣкъ у омута стоитъ и давно въ него броситься собирается.

— А Карпова пошлешь?

— Пошлю, если нужно будетъ, — подумалъ Саблинъ.

— Смотри, посылать будешь — о смерти, о матери, о *ней* ни гу-гу. Посылать будешь на *вѣрную* смерть, а такъ говори, что и смерти не будетъ. Просто лихость одна, ну, какъ всегда на войнѣ, конечно, и опасность есть, но чтобы *вѣра была*. Понялъ? Безъ вѣры не посылай. Нельзя. Жестоко...

Голосъ становился все дальше и дальше. Зайчиковъ чуть шевелился около креста, точно хотѣлъ опереться и встать. Саблинъ едва не потерялъ сознаніе.

Недалекій шумъ машины заставилъ его очнуться.

Съ удивленіемъ смотрѣла на нихъ пѣхота. Эти люди шли на вѣрную смерть и ни минуты не думали о смерти, такъ были увѣрены, что и послѣ будетъ.

Карпевъ, лежа, изучалъ мѣстность. Ночь была темная. Луна еще не поднялась и ея большой красивый шаръ только началъ краемъ показываться изъ-за горизонта, но часто свѣтили ракеты. Непріятель чуялъ опасность и сыпалъ ими одна за другою, и весь промежутокъ между его и нашими окопами былъ освѣщенъ синимъ, мертвымъ, тихо порхающимъ измѣнчивымъ свѣтомъ. Все было отчетливо видно. Тѣ трупы, про которые говорилъ Саблинъ, разложились и распались. Видны были темно-коричневые черепа, грудныя клѣтки и кости ногъ, накрытыя какимъ-то полуистлѣвшимъ тряпьемъ. Рогатка стояла на нихъ, но она была привязана къ колу и отшвырнуть ее было не легко. «Но можно перепрыгнуть», — подумалъ Карповъ, и сталъ разсчитывать высоту ея.

О томъ, что онъ будетъ убитъ, онъ совсѣмъ не думалъ. Даже не могъ себѣ этого представить. Подвигъ рисовался ему во всей его живой, но не мертвой красотѣ. «Прорывъ непріятельскаго фронта удался, благодаря подвигу хорунжаго Донского полка Карпева, — первымъ бросившагося на штурмъ съ ручною гранатою», — читалъ онъ мысленно фразу въ реляціи.

И она прочтетъ.

Онъ допускалъ, что будетъ раненъ, даже тяжело, мучительно раненъ. Это даже хорошо. Опять лазаретъ и... она. Но убитъ?... Это не входило въ его умъ.

Каждый свой шагъ онъ разсчиталъ заранѣе. Въ лѣвой рукѣ винтовка, въ правой граната. Шашка подвязана за спиною. Онъ не хотѣлъ съ нею разставаться. Ему казалось, что она принесетъ ему счастье. «Перепрыгну рогатку, — пріостановлюсь, бросаю гранату, сейчасъ же срываю вторую съ пояса и бросаю. Передамъ винтовку въ правую руку и впередъ... И что Богъ дастъ!»

Богу онъ не молился. Ротъ пересохъ. Слова молитвъ исчезли изъ памяти, ураганъ мыслей перебивалъ ихъ. Она стояла надъ всѣмъ. Онъ видѣлъ ее, какъ жи-

вую. Мягкость ея теплыхъ губъ онъ ощущалъ на глазахъ своихъ. Поцѣлуй Царской дочери томилъ и прожигалъ его насквозь.

Карповъ назначилъ каждому казаку, что дѣлать, сговорился съ пѣхотой и, лежа съ часами въ рукахъ, ждалъ.

Уже часъ, какъ гремѣла по всему фронту канонада, а онъ ничего не слыхалъ. Ему казалось, что было тихо на мокромъ пескѣ, за щитами. Онъ посмотрѣлъ подлѣ. Молодая травка выбивалась мягкими иголками. И такъ травкѣ обрадовался. Такою удивительно красивой показалась она ему при свѣтѣ мѣсяца и ракетъ.

— «Какъ хорошъ Божій міръ», — подумалъ онъ и вздохнулъ. — «Какъ прекрасна жизнь!»

Каждымъ мускуломъ своимъ, каждымъ нервомъ, каждою жилкою испытывалъ онъ радость бытія. Онъ посмотрѣлъ на небо.

И небо было прекрасно съ серебрянымъ кружевомъ тучъ, то медлившихъ въ тихомъ хороводѣ вокругъ мѣсяца, то вдругъ удалявшихся отъ него и стыдливо млѣвшихъ между чуть сверкающихъ робкихъ звѣздъ.

«Ахъ! хорошо! хорошо!» — подумалъ онъ и вдругъ тревожно посмотрѣлъ на часы.

Было без ъ одной минуты одиннадцать.

Казаки напряженно лежали рядомъ. Сзади готовая стояла рота, батальонный резервъ незамѣтно надвинулся и намѣчался въ туманной низинѣ длинными ровными цѣпями.

И вдругъ стало страшно, мучительно страшно. Все тѣло обмякло. Кровь перестала течь по жиламъ и мускулы стали дряблыми. Карповъ понялъ, что тамъ смерть... Смерть и больше ничего. Грязный черепъ и безобразная клѣтка реберъ на кривыхъ позвонкахъ.

И понялъ, что не пойдетъ... Ни за что не пойдетъ... Не можетъ идти.

За что?

Захотѣлъ молиться. Но молиться не могъ.

— Господи, помилуй! — еле прошепталъ онъ поблѣднѣвшими губами и впалъ какъ бы въ забытье.

полненія, надо было отвести части въ тылъ, но сдѣлать этого было нельзя. Все было брошено на фронтъ, русская армія спасала Верденъ, спасала Парижъ. Русскіе офицеры и солдаты умирали въ лѣсахъ Полѣсья и Волыни для того, чтобы ихъ союзники французы могли устоять на берегахъ Рейна.

Страшное лѣто 1916 года наступало.

Въ маѣ корпусъ Лоссовскаго сдѣлалъ новую перегруппировку, къ нему подошли еще двѣ казачьихъ дивизіи. Высшее командованіе требовало прорыва непріятельскаго фронта во что бы то ни стало. Лоссовскій намѣтилъ прорывъ у Костюхновки и сообщилъ Саблину, что онъ надѣется на то, что онъ дастъ офицера и 10 молодцовъ для того, чтобы увлечь пѣхоту.

— Вы понимаете, — говорилъ онъ, пожимая руку Саблину, вызванному въ штабъ корпуса, — что, послѣ нашей неудачи въ апрѣлѣ — это особенно намъ необходимо. Ахъ, зачѣмъ мы тогда васъ не послушали! Да смутило, что вѣдь вы одинъ среди насъ были не генеральнаго штаба. Такъ пришлете, кого надо?

— Долгъ исполню, — сказалъ Саблинъ и сумрачный вернулся на свой бивуакъ.

XXXVII

Вся дивизія стояла въ тѣсномъ, сосредоточенномъ порядкѣ по лѣснымъ прогалинамъ и въ самомъ лѣсу. Непріятельскіе аэропланы каждое утро цѣлыми эскадрильями налетали на нее и сбрасывали бомбы. Все сходило благополучно, если не считать, что одною бомбою, упавшею какъ разъ въ середину коновязи уланскаго полка, ранило тридцать человѣкъ и убило и покалѣчило семьдесятъ лошадей. Стали рыть землянки и крыть ихъ лѣсомъ и землей, чтобы найти защиту отъ воздушнаго врага.

Близость рѣшительнаго боя и побѣды, — а въ ней почему-то никто не сомнѣвался, возбуждала людей, и кава-

лерія, собранная въ резервы, жила шумною жизнью. Лишь только смеркалось, повсюду загорались веселые огни костровъ, собирались пѣсенники и трубачи, лѣсъ наполнялся гомономъ людскихъ голосовъ и ржаніемъ коней и создавалась атмосфера возбужденнаго, все забывающаго веселья. Особенно шумно жили кавказскіе казаки. Уже съ семи часовъ вечера гремѣлъ тулумбасъ, пищала зурна и веселые голоса беззаботно пѣли:

— Можетъ завтра въ эту пору
Насъ на ружьяхъ понесутъ,
И ужъ водки послѣ боя
Намъ понюхать не дадутъ.
    Пей, друзья, покуда пьется,
    Горе жизни забывай,
    На Кавказѣ такъ ведется
    Пей, ума не пропивай!
Тара-ри-рай, та-ра-ра-рай,
Тари-ри-рай, — та-ри-рай, —
На Кавказѣ такъ ведется, —
Пей! — Ума не пропивай!!

Вдругъ вскакивалъ казакъ и пускался лихою лезгинкою по мягкому мху. Кругъ раздвигался, начинали хлопать въ ладоши, казакъ выхватывалъ кинжалъ, бралъ еще другой у товарища и гордо выступалъ, играя острыми лезвеями, то подбрасывая ихъ, то втыкая въ землю и перебирая между ними ногами. Иногда лезгинка сопровождалась стрѣльбою въ землю изъ револьвера. Ранили при этомъ въ плечо доктора — что за бѣда! — лезгинка и пѣсни не утихали.

Кругомъ толпилась сѣрая угрюмая пѣхота.

Солдаты смотрѣли на порхающія въ танцѣ лезгинки полы черкесокъ, на красные штаны и алые башлыки, на бритыя наголо головы съ папахами чернаго курпея на затылкахъ, на оживленные, черные, южнымъ солнцемъ прожженные глаза и дивились:

— Не люди, а черти... ишь, ты, какіе! — говорилъ ши-

рокій скуластый солдатъ съ лицомъ, обросшимъ густою рыжею бородою, крестьянинъ, призванный изъ запаса. — Вѣдь создастъ же Господь!

— Нагаечники! — презрительно сплевывая сѣмечки, возразилъ худощавый и блѣдный солдатъ съ сѣрыми злыми, страдающими глазами. — Имъ только бы пить, да пѣсни горланить. Безсознательный народъ.

— А, что, паря, поди доставалось? — подмигнулъ ему сосѣдъ, бойкій солдатъ, въ опрятно надѣтой рубахѣ. — Вѣрно нагайкой-то полосnули, когда забастовки дѣлалъ?

— Молчи, фараонъ, — злобно сказалъ блѣдный солдатъ и пошелъ вонъ изъ толпы.

— Ты, поругайся, сволочь, я тебѣ покажу, холера несчастная! — сказалъ бойкій солдатъ.

— Вы сами, товарищъ, его задѣли, — замѣтилъ смуглый солдатъ грузинскаго типа.

— Эки, право, люди. Завтра на штурмъ идти, на смерть, а они лаются. Ну люди! Имъ бы рубаху чистую надѣть, да Богу помолиться, а они что задумали, — сказалъ рыжебородый и обратился къ подошедшему офицеру:

— Что, ваше благородіе, да нешто казаки люди?

— Ну, конечно, люди, — отвѣчалъ тотъ, улыбаясь,— такіе же крестьяне, какъ и вы. Только земли у нихъ больше.

— Скажи пожалуйста! А почему земли у нихъ больше?

— Навоевали, — отвѣчалъ прапорщикъ.

— То-то они съ войны и веселятся. Имъ что. Ихъ и пуля не беретъ. Ишь, и защитнаго не носятъ.

— Имъ на коняхъ-то все одно.

— Они и пѣшкомъ такъ идутъ.

— Черти, право слово. Вѣдь родятся же такіе.

— Посторонись, пѣхота! — раздались сзади голоса, и, расталкивая толпу, прошли къ пѣсенникамъ казачьи офицеры съ бутылками и стаканами вина.

— Ишь ты, какіе! Гоголи! И пьютъ съ казаками вмѣстѣ. Не жеманятся. Чудной народъ! . . .

. . . .

У Саблина была небольшая землянка. Ее строили зимой для командира пѣхотнаго полка. Она имѣла дощатый полъ и стѣны ея тоже были сбиты досками. Маленькое окно въ четыре стекла въ уровень съ землею пропускало тусклый свѣтъ. Была поставлена койка Саблина, былъ столъ для бумагъ и ящикъ отъ консервовъ вмѣсто стула. Гулъ и шумъ биваковъ, пѣсни и музыка глухо проникали въ это подземное жилище, придавленное низкой крышей, съ насыпанной на нее на аршинъ землей, и въ немъ было тихо, какъ въ могилѣ.

Саблинъ сидѣлъ на ящикѣ, опершись спиною о столъ и смотрѣлъ на маленькій образъ Спасителя, поставленный въ головахъ постели. Это былъ дорогой, богато украшенный золотомъ и самоцвѣтными камнями образъ, имъ когда-то дѣдъ и бабка Саблина благословили на бракъ его отца и мать. Этимъ же образомъ благословляли его и Вѣру Константиновну. Темный ликъ Спаса Нерукотворнаго кротко смотрѣлъ изъ вѣнчика. Отсвѣтъ догорающаго весенняго дня ложился и бродилъ по нему тихими тѣнями.

— Свѣте тихій святыя славы Отца Небеснаго, — думалъ Саблинъ, глядя на образъ умиленными глазами.

— Свѣте тихій, — задумчиво повторилъ онъ. — Подлинно тихій свѣтъ и кроткая любовь и правда идутъ отъ Тебя. Скажи мнѣ правду... Правъ ли я?

Онъ только что отпустилъ Карпова. Онъ еще ощущалъ стройную фигуру юноши, на вытяжку стоявшаго у двери. Онъ помнилъ каждое свое слово и въ его ушахъ звучалъ каждый солдатски-точный, словно заученный, отвѣтъ Карпова.

— Отберите десять молодцовъ казаковъ, на все готовыхъ, — сказалъ Саблинъ. — Командиръ полка предупрежденъ. Явитесь съ ними ко мнѣ въ двадцать часовъ. Костюхновку знаете?

— Такъ точно, ваше превосходительство, — спокойно и отчетливо сказалъ Карповъ.

— Орлиное гнѣздо?

— Знаю. Найду.

— Мнѣ подвигъ нуженъ, хорунжій Карповъ!

— Я все исполню.

Саблинъ на картѣ показалъ расположеніе частей.

Карповъ вынулъ изъ полевой сумки свою карту и зарисовалъ на ней окопы.

— Нужно увлечь пѣхоту... Пойдите, посмотрите обстановку... Это пустяки... Двадцать пять шаговъ... Рогатки откинуть можно... Возьмите въ конно-саперной командѣ кожаныя рукавицы... Ручныя гранаты возьмите... Понимаете?...

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Въ отверстія щитовъ не смотрите. Онѣ всѣ пристрѣляны изъ наведенныхъ пулеметовъ и винтовокъ. Но тамъ, въ лѣвой сторонѣ, есть щель между щитами. Вы увидите. Подползите къ ней и разсмотрите обстановку. Тамъ съ осени лежатъ два трупа. Сгнили теперь, должно быть. Я зимою видѣлъ. Надъ ними рогатка — не привязанная. Ее отпихнуть — и ура!!! — Щиты прикладомъ свалите, или перепрыгнуть можно... Пѣхота за вами. Тьмутараканскій полкъ... Понимаете?... Подвигъ... Георгіевскій крестъ.

— Все будетъ точно исполнено, ваше превосходительство.

Саблинъ молчалъ.

— Могу я идти? — спросилъ Карповъ.

— Да... Идите, пожалуйста.

Разъ — два, — Карповъ повернулся отчетливо на лѣвомъ каблукѣ и на правомъноскѣ, щелкнулъ шпорою, открылъ дверь и вышелъ.

XXXVIII

Пока дверь была открыта, въ нее слышенъ былъ пѣвучій вальсъ, который играли неподалеку трубачи. Потомъ все стихло...

— Свѣте тихій, святыя славы Отца Небеснаго, святого блаженнаго Іисусе Христе, — какъ же это такъ? Развѣ можно это? Можно — дерзать? Или мнѣ все позволено? И власть надъ жизнью и смертью дана мнѣ? — думалъ Саблинъ, обращаясь къ образу.

И долго ждалъ отвѣта. Вдругъ вспомнилъ бесѣду со священникомъ въ госпиталѣ, и, казалось, услышалъ тихія слова, полныя безграничной печали: — «ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше»... Такъ сказалъ Христосъ Пилату. Такъ говоритъ теперь Христосъ ему за Карпова.

— Но вѣдь, Господи, я на вѣрную смерть, на вѣрную посылаю его?... Значитъ, можно... убійство. Значитъ, мнѣ дана власть судить и рѣшать... Но если найдутся и другіе, которые будутъ считать, что имъ дано судить и рѣшать, что тогда? И почему я могу, а другіе нѣтъ?

«Господи!» — въ невыразимой мукѣ воскликнулъ Саблинъ и, подойдя къ образу, опустился на колѣни и, доставъ изъ-подъ подушки Евангеліе, сталъ перелистывать его, отыскивая тѣ мѣста, что давно поразили его и въ которыхъ онъ искалъ отвѣта на вопросы смятенной души.

Сотникъ проситъ Христа войти въ домъ его и исцѣлить его разслабленнаго и страдающаго слугу, и говоритъ Христу: — «скажи только слово, и выздоровѣетъ слуга мой. Ибо я и подвластный человѣкъ, но, имѣя у себя въ подчиненіи воиновъ, говорю одному: «пойди», и идетъ; и другому: «приди» и приходитъ; и слугѣ моему: «сдѣлай то» и дѣлаетъ»...

Христосъ не возмутился, но исполнилъ просьбу сотника.

...«И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за Меня, для свидѣтельства передъ ними и язычниками.»

«Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать; ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ что сказать.»

«Ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить за васъ.»

«Предасть же брать брата на смерть, и отецъ сына, и возстануть дѣти на родителей и умертвять ихъ.»

«И будете ненавидимы всѣми за имя Мое; претерпѣвый же до конца спасется.»*)

Пальцы проворно перелистывали страницы Евангелія и смущенный умъ бился среди недосказанныхъ, непонятныхъ мыслей, но чувствовалъ Саблинъ одно: — нѣтъ свободной воли и Кто то невидимый руководить дѣлами, поступками и даже мыслями людей. Дѣлаеть, какъ Ему надо.

«Не двѣ ли малыя птицы продаются за ассарій? И ни одна изъ нихъ не упадеть на землю безъ воли Отца вашего.»

«У васъ же и волосы на головѣ всѣ сочтены.»

«Не бойтесь же: вы лучше многихъ малыхъ птицъ.»**)

Карповъ, прекрасный въ своей духовной чистой любви, съ глазами, излучающими вдохновенную преданность Богу, Престолу и Родинѣ, былъ дорогъ Саблину.

Въ эти часы Саблинъ любилъ Карпова, какъ сына.

«Онъ сказалъ имъ: — и такъ, отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу.»***)

«А если это жизнь? И жизнь отдать? Какъ отдать, когда не знаешь, что по ту сторону ея, что тамъ?»

«А вдругъ ничего.»

«И это ничего я даю Карпову, вмѣсто прекраснаго міра, вмѣсто пѣсенъ съ казаками, вмѣсто его нѣжной чистой любви и всей красоты жизни.»

«Два трупа подъ рогаткой... Темныя лица, провалившіеся глаза, черными впадинами глядящіе недоумѣнно на свѣтъ, и обрывки шинелей и рубахъ на почернѣвшемъ и изсохшемъ тѣлѣ. Лежатъ съ осени. И что имъ красота и ужасъ міра, что имъ страхъ и радости? Бѣдный Зайчиковъ. Гдѣ онъ? И отъ него съ его робостью и тихимъ

---

*) Евангеліе отъ Матѳея, глава 10, ст. 18—22.

**) Евангеліе отъ Матѳея, глава 10, ст. 29—31.

***) Евангеліе отъ Луки, глава 20, ст. 25.

умомъ тоже ничего не осталось. Вѣра? Николай... Маруся... Ушли, и нѣтъ ихъ. И вѣсточки не подали. Н и ч т о я даю ему, вмѣсто яркой, — пусть даже тяжелой жизни, — по жизни... Жизни!!!»

«Гдѣ это? У Достоевскаго, Раскольниковъ думаетъ, что, если бы міръ былъ бы только скала, на которой можно поставить ступню и тогда стоило бы жить...»

«И сколько ихъ? Сколько прекрасныхъ юношей убито за время войны. Прошлый мѣсяцъ неудавшееся наступленіе стоило 112 жизней офицеровъ и 7.325 солдатскихъ жизней и ничего не добились... А тутъ онъ одинъ. Его прекрасною жизнью я спасаю тысячи людскихъ жизней.»

«А ты знаешь, что Карповъ будетъ убитъ?»

«Не двѣ ли малыя птицы продаются за ассарій? И ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю б е з ъ в о л и Отца вашего...»

«Ты знаешь эту волю? Можетъ быть, именно тамъ и есть спасеніе. И подвигъ, и спасеніе, а гдѣ-нибудь въ тылу, на спокойномъ бивакѣ, въ сладкомъ утреннемъ снѣ какая-нибудь бомба съ аэроплана... И смерть — глупая смерть безъ пользы для дѣла, безъ нужды, безъ оправданія и подвига!»

«Если бы ты зналъ, если бы тебѣ дано было знать судьбы и в о л ю, можетъ быть, все шло бы иначе, но тебѣ ничего не дано, а потому, молчи и дѣлай.»

«И скажу слугѣ моему: «сдѣлай то» и дѣлаетъ.»

Въ двери постучали.

— Кто тамъ? — воскликнулъ Саблинъ, пряча подъ подушку Евангеліе.

— Ординарецъ, ваше превосходительство. Хорунжій Карповъ съ казаками ожидаютъ.

— А, — хорошо.

Вдругъ полная увѣренность, что съ Карповымъ ничего не случится, что поляки побѣгутъ изъ окоповъ, что они промахнутся и онъ увидитъ завтра всѣхъ этихъ живыми и бодрыми, охватила Саблина.

Благодарными, счастливыми глазами посмотрѣлъ Са-

блинъ на образъ Спасителя, еле видиѣвшійся въ потемнѣвшей землянкѣ и вышелъ наружу.

Былъ ясный вечеръ. Тихій свѣтъ былъ разлитъ по лѣсу. Въ двадцати шагахъ отъ землянки на песчаной дорогѣ стояло шестнадцать конныхъ казаковъ и офицеръ. Впереди десять удальцовъ, рѣшившихся идти на подвигъ, немного поодаль шесть коноводовъ. Лица казаковъ были тщательно вымыты, а волосы завиты кольцами. Новыя рубахи и шаровары съ алыми лампасами были надѣты на нихъ и сапоги ярко начищены. Они сознательно шли на послѣдній смотръ въ своей жизни — на смотръ смерти. Но смотрѣли они бодро, серьезно и весело. А стоявшій на правомъ флангѣ ихъ на прекрасномъ рыжемъ конѣ Карповъ — тотъ сіялъ отъ восторга и важности возложеннаго на него предпріятія.

— Здорово, молодцы - донцы! — сказалъ бодрымъ голосомъ Саблинъ.

Казаки дружно отвѣтили.

— Ну... помогите пѣхотѣ. Съ Богомъ, да хранитъ васъ Господь! Ровно въ одиннадцать начинаете, — крикнулъ имъ Саблинъ.

— Постар-р-раемся, ваше превосходительство! — крикнули казаки и стали проѣзжать мимо по три на торопящихся, жмущихся другъ къ другу, храпящихъ и фыркающихъ коняхъ, прявшихъ длинными острыми ушами.

Карповъ подъѣхалъ къ Саблину. Саблинъ вздрогнулъ отъ охватившаго его тайнаго предчувствія чего-то мучительнаго и тяжелаго. Съ тоскою посмотрѣлъ онъ на молодого офицера. Но лицо его было полно спокойной рѣшимости и того дисциплинированнаго сознанія важности каждой мелочи при исполненіи своего долга, что прививается годами муштровки въ корпусѣ и училищѣ.

—Позвольте часы свѣрить, ваше превосходительство, — просто сказалъ Карповъ.

Саблинъ облегченно вздохнулъ.

— Шесть минутъ девятаго, — сказалъ онъ.

Карповъ взглянулъ на свои часы - браслетъ.

— Есть! — сказалъ онъ, сдавилъ лошадь шенкелями и въ три могучихъ скачка догналъ голову своего малаго отряда.

Саблинъ круто повернулся и, шатаясь, прошелъ въ свою землянку. Онъ захлопнулъ двери и бросился на койку. Тихо и темно стало въ землянкѣ, какъ въ могилѣ.

Саблинъ долго лежалъ ничкомъ, уткнувшись въ подушку. Потомъ медленно повернулся. Голова пылала. Четыре стекла узкаго оконца, всѣ въ рядъ, мутно рисовались. Заглушенная землею, чуть слышна была музыка. Саблинъ прислушался, приподнялъ голову, прислушался еще разъ:

...Это барышни всѣ обожа-ютъ...

играли трубачи.

Встали и поплыли прекрасные, но мучительные образы... Озеры... Праздникъ у батюшки на квартирѣ. Пѣсенники и стройный юноша съ красивымъ баритономъ.

...Это барышни всѣ обожа-аютъ!...

«Я, кажется, съ ума схожу», — подумалъ Саблинъ,— снова уткнулся лицомъ въ подушку и весь сосредоточился въ горячей молитвѣ: — тихому свѣту... Свѣту тихому — потому что бушевалъ онъ весь противъ Бога. «Если нѣтъ у меня свободной воли, если Ты все взялъ на себя, такъ зачѣмъ же Ты уничтожаешь все лучшее, красивое и чистое и оставляешь одну мерзость на землѣ? — Ну, — возьми меня, меня возьми съ моими грѣхами и заблужденіями, но его спаси и сохрани!»

Темно, какъ въ могилѣ, и сыро, какъ въ могилѣ, было въ одинокой землянкѣ и тихій свѣтъ не входилъ въ нее.

XXXIX

Карповъ приникъ къ щели между щитами. Пять минутъ тому назадъ убило Алпатова — его любимца, ухаря казака, лучшаго пѣсенника въ полку, кавалера трехъ степеней георгіевскаго креста. Пошелъ за четвертымъ. Золотымъ съ бантомъ. Убило глупо. Зря, безъ пользы для дѣла.

Когда пришли въ «Орлиное гнѣздо», разспросили пѣхоту объ обстановкѣ. Ротный командиръ къ нимъ не вышелъ.

— Онъ въ землянкѣ сидитъ. И не выйдетъ. Какъ три дня тому назадъ на позицію заступили, забился въ землянку и не выходитъ. Боится, — докладывалъ фельдфебель.

Солдаты радостно обступили казаковъ. Точно эти десять человѣкъ, прибывшихъ для того, чтобы первыми броситься на штурмъ, были заколдованы отъ пуль. Смотрѣли они весело, были одѣты щеголями и распоряжались разумно и удивительно спокойно. Они сняли шашки, — чтобы подъ ногами не болтались и не мѣшали идти, составили ихъ кустикомъ.

— П о с л ѣ возьмемъ, когда дѣло кончимъ.

Они не сомнѣвались въ томъ, что это п о с л ѣ будетъ и что они вернутся. А между тѣмъ готовились на вѣрную смерть, потому что всѣ понадѣвали чистыя рубахи.

Они приготовили ручныя гранаты, распредѣлили между собою, кто и что будетъ дѣлать, каждый поглядѣлъ въ щелку и намѣтилъ свой путь.

— Ну, пѣхота, гляди, не запаздывай, выручай!

И та самая пѣхота, что еще часъ тому назадъ въ душѣ рѣшила не подниматься на штурмъ, весело отвѣчала:

— Ня бось, не подгадимъ. Мы тоже съ усами. Тьмутараканскіе свое дѣло знаютъ. Мы еще въ Мазурскихъ болотахъ учены.

— То-то, — говорилъ имъ Карповъ, — первый я, потомъ они, а слѣдомъ вы, — поняли, черти?

— Ишь, самъ чортъ, — говорилъ, смѣясь, мрачный запасный дядя, — мы-то! Еще кабы не упрядили тебя!

— Вотъ это офицеръ! Это можно сказать. Съ такимъ на штурму одно удовольствіе.

— Истинный Богъ.

— А кто вашъ ротный? — спросилъ Карповъ.

— Да Вярцинскій, поручикъ. Онъ раненый. Никчемушный человѣкъ. Такъ, званіе одно, — отвѣчалъ старый дядя, вдругъ почувствовавшій себя рядомъ съ казаками героемъ.

«Верцинскій... А... тотъ самый!... Ну, хорошо», — подумалъ Карповъ. — «П о с л ѣ мы поговоримъ. И пусть увидитъ онъ, что значитъ святая чистая любовь и на какіе подвиги она толкаетъ!»

— Въ щелку, гляди, подглядывай, — говорили казакамъ солдаты, — потому онъ объ ей не догадался никакъ, а въ щитъ и думать не моги подсмотрѣть, потому — капутъ. Убьетъ навѣрняка.

— Навѣрняка, — сказалъ Алпатовъ. — Ну, это, братцы, еще ничего неизвѣстно. Коли храбрость имѣешь, такъ и то пустое. Не убьетъ.

Не успѣлъ Карповъ сказать что-нибудь, какъ Алпатовъ былъ у щита.

— Алпатовъ, что Бога испытываешь? грѣхъ! — сказалъ урядникъ Земсковъ.

Но Алпатова уже несла какая-то сила покуражиться надъ смертью передъ пѣхотой. Рѣшительнымъ движеніемъ онъ откинулъ задвижку щита и прильнулъ къ нему всѣмъ лицомъ. И сейчасъ же рѣзко щелкнулъ выстрѣлъ по ту сторону окопа, и Алпатовъ упалъ съ пробитой головой.

— Эхъ, Алпатовъ, Алпатовъ, — сокрушенно говорили казаки, относя трупъ въ сторону и накрывая его солдатскою шинелью, — зря погибъ, мальчикъ. Мало насъ, а еще меньше осталось.

И тутъ же увѣренно сказали:

— П о с л ѣ его съ собою заберемъ, похоронять будемъ, какъ слѣдуетъ.

На крестѣ висѣла незамѣченная имъ раньше старая, ставшая черной отъ времени и сырости, солдатская шинель. Она была освѣщена теперь яркимъ свѣтомъ автомобильныхъ фонарей.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, — открывая дверцу автомобиля, — сказалъ Поляковъ.

Пересиливъ страшное волненіе, Саблинъ заставилъ себя посмотрѣть на могилу.

— Какъ далеко зашли, — продолжалъ говорить Поляковъ, — мы уже обезпокоились, думали, не дай Богъ, не случилось ли что. Ишь, лѣсъ-то какой страшный. И могила безименная тутъ. Наше мѣсто святое! Страшное мѣсто.

— Пустое болтаешь, — сказалъ Саблинъ, садясь въ автомобиль.

Всю дорогу онъ молчалъ. Уже поздней ночью, безъ луны онъ вернулся домой. Звѣзды кротко мигали надъ озеромъ. Ледъ трещалъ, сковываемый предутреннимъ морозомъ, въ подклѣтяхъ хрипло пѣли первые пѣтухи. Саблинъ чувствовалъ себя больнымъ и разбитымъ.

«Нервы шалятъ», — думалъ онъ, сѣрый и грустный, входя утромъ въ общую штабную столовую, гдѣ докторъ Успенскій пилъ чай. — «Рано я вернулся, надо было пожить въ тылу, отдохнуть».

Мелькнулъ передъ нимъ шумный Петроградъ, ученья войскъ на улицахъ, вечеръ у графини Палтовой, кинематографъ... «Нѣтъ, нѣтъ, только не тамъ. — Спросить Успенскаго? Можетъ быть, надо бромъ?»

Саблинъ посмотрѣлъ на толстаго доктора, сосредоточенно дувшаго на блюдечко съ чаемъ, увидалъ сытое розовое лицо, заплывшіе жиромъ равнодушные глаза и понялъ, что этотъ человѣкъ никогда не пойметъ его душевнаго состоянія.

Бромъ принимать?

«Нѣтъ, не бромъ принимать, — а надо измѣнить всю эту жизнь, добиться побѣды и черезъ нее мира, — тогда все хорошо будетъ.»

«Побѣды, во что бы то ни стало!»

XXXVI

Въ концѣ апрѣля N—скій армейскій корпусъ сдѣлалъ перегруппировку для перехода въ наступленіе. Дивизію Саблина перевели ближе къ рѣкѣ и поставили биваками въ лѣсахъ въ ожиданіи прорыва и атаки. По сосредоточенію резервовъ, Саблинъ понялъ, что жертва Карпова будетъ не нужна, мнѣніе Зиновьева восторжествовало, Костюхновку оставили въ покоѣ — прорывъ намѣчали у Вольки Галузійской.

Трое сутокъ подрядъ днемъ и ночью долбили наши тяжелыя и легкія пушки позицію непріятеля, засыпая лѣса металломъ, срывая деревья, взрывая цѣлыя площади земли. Непріятель отвѣчалъ тѣмъ же. Онъ собиралъ послѣдніе резервы и съ лихорадочною поспѣшностью гналъ ихъ на фронтъ, готовясь парализовать прорывъ. На четвертыя сутки длинныя густыя цѣпи солдатъ поднялись изъ окоповъ и сѣрые люди перешли грань таинственнаго и пошли къ окопамъ непріятеля. Они шли по густому лѣсу, продираясь сквозь чащу молодой зелени и невидимые пулеметы и ружья косили ихъ ряды и цѣпи становились рѣже и рѣже. Многіе незамѣтно, въ лѣсу, поворачивали и разбредались и когда дошли до проволокъ — людей было слишкомъ мало, чтобы кинуться на штурмъ. 175-ая и 180-ая дивизіи остановились и стали окапываться. Въ порывѣ атаки образовался перерывъ и атака захлебнулась. Венгерская спѣшенная кавалерія и германскій ландверъ, быстро подвезенный изъ-подъ Вердена, отбили русскую атаку. На пятый день было приказано отойти въ исходное положеніе, чтобы не нести напрасныхъ потерь.

Растрепанныя дивизіи уходили въ тѣ самые окопы, что занимали они зимою, въ опостылѣвшія землянки, свозили туда своихъ убитыхъ и сзади ихъ позицій выросли кладбища съ сотнями новыхъ крестовъ. Потери обѣихъ дивизій были громадны и превышали половину состава. Три командира полка были убиты, четыре ранены, почти всѣ офицеры погибли. Нужны были новыя по-

— Ваше благородіе... Пора!... — тихо, но повелительно проговорилъ Земсковъ.

— Пора? — переспросилъ совершенно сухими бѣлыми губами Карповъ и всталъ.

Но идти не могъ.

Тогда вдругъ сорвалъ со своего пальца ея кольцо и со злобой кинулъ туда — къ непріятелю, и подумалъ: — «п о с л ѣ найду».

Съ бѣлымъ лицомъ и большими, ничего не видящими, пустыми глазами, Карповъ ринулся черезъ щиты внизъ.

Онъ ничего не кричалъ, но за нимъ бросились съ крикомъ ура казаки, это ура подхватила пѣхота бѣшенымъ ревомъ и оно стало слышнымъ далеко, на нѣсколько верстъ.

И оно сказало дивизіи Саблина, тревожно ожидавшей на бивакахъ, и Лоссовскому, сидѣвшему въ блиндажѣ наблюдательнаго пункта и прислушивавшемуся къ музыкѣ боя: — треску ружей и пулеметовъ и частымъ орудійнымъ залпамъ, оно все шире и шире разливаясь среди ночи сказало съ неотразимою ясностью всѣмъ — что непріятельская позиція прорвана и Тьмутараканскій полкъ занялъ Костюхновку.

XL

— Вставать, вставать, ребятежъ! Сѣдлай коней! — кричали дежурные по бивакамъ всѣхъ трехъ конныхъ дивизій.

Этотъ крикъ говорилъ о побѣдѣ пѣхоты.

Большинство солдатъ не спало, но лишь лежало подъ шинелями и бурками, стараясь согрѣться и уйти отъ холода ночи и заботныхъ мыслей. Они вскакивали и высовывали на холодъ ночи свои то косматыя, то шарикомъ остриженныя, то бритыя головы.

Разбуженныя лошади ржали на коновязяхъ и тревожно фыркали. Раздавались звуки затиранія ихъ спинъ пучками сѣна и соломы и тяжкіе вздохи при накладыва-

ніи сѣделъ и затягиваніи подпругъ. Отъ бибаковъ отдѣлялись взводы и шли за знаменами къ землянкамъ командировъ полковъ. Въ Донскомъ полку адъютантъ со знаменнымъ урядникомъ развязывали тесемки чехла и открывали знамя.

При свѣтѣ луны показалось на темно-синей парчѣ блѣдное изображеніе Нерукотворнаго Спаса и ярко заблисталъ съ обратной стороны громадный, серебромъ шитый вензель Государя.

Эскадроны и сотни выстраивались, пулеметныя команды, тарахтя колесами по лѣснымъ кочкамъ и корнямъ, рысью заѣзжали за притихшіе ряды солдатъ и казаковъ.

— Ваше превосходительство, — спускаясь въ землянку къ Саблину, сказалъ Семеновъ, — дивизія готова, прикажете выступать?

Онъ не сомнѣвался, что Саблинъ бодрствуетъ, что ему извѣстно все то, что было уже извѣстно каждому рядовому его дивизіи.

Но въ землянкѣ было тихо и ровное дыханіе слышалось съ койки Саблина. Семеновъ чиркнулъ спичку и зажегъ свѣчу. Саблинъ лежалъ одѣтый на койкѣ и крѣпко спалъ. Онъ не слыхалъ словъ Семенова.

— Ваше превосходительство, — громче и настойчивѣе сказалъ Семеновъ, — проснитесь, пора!

Саблинъ открылъ мутные глаза, постепенно сознаніе вернулось ему, и онъ тревожно вскочилъ и сѣлъ на койкѣ.

— Ну, говорите, въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ.

— Сейчасъ изъ штаба арміи передали, что прорывъ у Костюхновки удался. Костюхновка нами занята, взято много плѣнныхъ, орудія, пулеметы, непріятель бѣжитъ. Кавалеріи приказано бросить въ прорывъ. Наша дивизія назначена въ авангардъ.

— А что Карповъ? — хотѣлъ спросить Саблинъ.

И не посмѣлъ спросить.

— Какой полкъ прикажете въ головной отрядъ? — спросилъ Семеновъ.

Саблинъ, не отвѣчая, сталъ надѣвать шинель и амуницію. Вошедшій денщикъ помогалъ ему.

— Папиросы дай... Спички.

Семеновъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Онъ не узнавалъ Саблина.

— Тутъ все приберешь... Повьючите... Чай подъ рукою, чтобы былъ... Коньякъ приготовь. Понялъ?

Онъ поднялъ лицо, посмотрѣлъ прямо въ глаза Семенову, прочелъ въ его глазахъ смущеніе и вдругъ сразу, какъ бы стряхнулся и сталъ тѣмъ старымъ Саблинымъ, котораго такъ любилъ Семеновъ.

— Идемте,—сказалъ онъ. — Въ авангардъ пойдутъ уланы. Командиры полковъ собраны?

— Ожидаютъ.

Былъ третій часъ ночи и луна стояла высоко надъ лѣсомъ, гдѣ мимо Саблина потянулись легкіе ряды уланъ на гнѣдыхъ большихъ лошадяхъ. Надъ караковымъ четвертымъ эскадрономъ тихо колыхался штандартъ. Солдаты проходили молчаливо и при лунномъ свѣтѣ ихъ лица казались блѣдными. Защитныя фуражки были глубоко надвинуты на уши и подбородные ремешки опущены. Командиръ полка, полковникъ Карпинскій, стоялъ сзади Саблина на первной чистокровной кобылѣ и ожидалъ, когда пройдетъ полкъ.

— Ну, съ Богомъ, — сказалъ Саблинъ. — Я иду слѣдомъ за вами.

Карпинскій поскакалъ догонять голову своего полка, а Саблинъ дождался гусарскаго полка и пошелъ впереди него.

До позиціи шли спокойно. Поле битвы было тихо. Ружейной стрѣльбы не было слышно, ракетъ не было видно, и только гдѣ-то далеко били пушки.

Дошли до опушки лѣса, слѣзли, оправились и рысью пошли по той самой Костюхновской дорогѣ, по которой Саблинъ первый разъ ходилъ съ Сонинымъ въ «Орлиное гнѣздо». Они обогнали сначала длинную колонну кухонь, звенящихъ и горящихъ красными огнями топокъ, потомъ легкую батарею, тихо подвигавшуюся впередъ.

«Орлиное гнѣздо» оставалось вправо, Костюхновская дорога шла лѣвѣе его.

Начинало свѣтать. Въ блѣдномъ сумракѣ утра стали обрисовываться холмы непріятельской позиціи, показались проволочныя загражденія, въ нихъ уже были прорублены проходы, уланы поспѣшно забрасывали землею траншеи, чтобы идти дальше. Дорога спускалась къ тому зданію, что на планѣ было обозначено: Костюхновскій господскій домъ. Онъ былъ сожженъ еще прошлымъ лѣтомъ. Густо разрослись кусты сада и изъ зеленой чащи торчали потемнѣвшія трубы и каменныя стѣны нижняго этажа. У самой дороги былъ устроенъ перевязочный пунктъ. Раненые солдаты, одни тихо лежали на землѣ, другіе сидѣли, передавая впечатлѣнія ночи. Въ сторонѣ, накрытые широкимъ палаточнымъ полотномъ, лежали убитые.

И опять у Саблина не хватило духа спросить про Карпова. Онъ безпокойнымъ взглядомъ смотрѣлъ на полотнище и точно хотѣлъ проникнуть, что подъ нимъ. Ему хотѣлось вѣрить, что Карповъ живъ и онъ боялся узнать правду...

Въ полуверстѣ, за окопами, у непріятеля былъ построенъ цѣлый городокъ. За нимъ сосредоточивалась наша пѣхота. Громадная толпа венгерцевъ въ темно-коричневыхъ кавалерійскихъ шинеляхъ стояла здѣсь, окруженная нашими солдатами. Это былъ 6-ой гонведный полкъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ цѣликомъ, съ командиромъ полка и со всѣми офицерами. Обходная колонна зашла ему въ тылъ, обороняться не было возможности. Въ сторонѣ отъ нихъ стояли австрійскія пушки и толпа любопытныхъ разглядывала ихъ.

Запахъ побѣды чувствовался повсюду. Онъ передавалъ людямъ то особенное возбужденное настроеніе, которое заставляетъ ихъ забывать все и дѣлаетъ ихъ счастливыми.

Саблинъ подгонялъ свою дивизію. Онъ былъ недоволенъ. Все дѣло было сдѣлано пѣхотой, — они пришли, какъ будто бы и поздно, а между тѣмъ Карпинскій съ

уланами перешелъ на шагъ и, наконецъ, и вовсе остановился.

— Чортъ его знаетъ, чего онъ тамъ? — нетерпѣливо сказалъ Саблинъ и полевымъ галопомъ поскакалъ обгонять заднiе уланскiе эскадроны. Уланы стояли по три на дорогѣ и весело разговаривали.

— Видалъ пушки ихнiя? Взяли.

— Наши уже ежели пойдутъ, все заберутъ...

— А убитыхъ стра-асть.

— Ну, нашихъ не такъ много.

— Нѣтъ — ихнихъ; окопъ такъ и завалёнъ имъ.

— Пропустите начальника дивизiи.

— Дорогу начальнику дивизiи! Поводъ права! Права поводъ!

Лошади затронулись и задѣвая ногами за ноги улапъ, Саблинъ протискался къ мосту, переѣхалъ черезъ маленькую, болотистую, заросшую травою и молодымъ камышомъ, рѣчку и выбрался на чистое.

Здѣсь стоялъ Карпинскiй и разговаривалъ съ пѣхотнымъ офицеромъ. Немного впереди, по берегу рѣки вправо и влѣво лежала цѣпь.

Тылъ кончался, начиналось опять то страшное пространство между н и м ъ и н а м и, которое такъ трудно было перейти.

— Въ чемъ дѣло, полковникъ Карпинскiй? — спросилъ Саблинъ, стараясь быть спокойнымъ, но чувствуя, какъ сердце начинаетъ быстро колотиться и кровь приливаетъ къ лицу.

Карпинскiй, сухощавый блондинъ съ бритыми усами, съ пенснэ безъ оправы на носу, повернулъ къ Саблину свое лицо и, беря руку подъ козырекъ, медленно и отчетливо произнесъ: — узнаю обстановку, ваше превосходительство.

Пѣхотный офицеръ быстро подошелъ къ Саблину и сталъ докладывать.

XLI

Это былъ высокій и худощавый человѣкъ лѣтъ тридцати пяти. У него было загорѣлое, темное, какъ бываетъ у крестьянъ, лицо, покрытое сѣтью маленькихъ морщинъ, русые усы и небольшая аккуратно подстриженная бородка. Онъ былъ весь изъ мускуловъ и теперь, освѣщенный лучами восходившаго солнца, казался выкованнымъ изъ бронзы. Почти по грудь онъ былъ мокръ и шаровары и рубаха, ставшіе черными отъ воды и ила, облѣпили его тѣло. Въ рукахъ у него была винтовка, на поясѣ патронташъ. Сѣрые глаза внимательно, печально и равнодушно смотрѣли на холеную, сытую, сверкающую шелковистою шерстью Леду, на аккуратное, хорошо начищенное оголовье и чистое сѣдло, и какъ будто сравнивали лошадь съ собою.

— Противникъ, ваше превосходительство, — началъ пѣхотный капитанъ, — накапливается въ двухъ верстахъ отсюда по опушкѣ лѣса. Это германская пѣхота, — съ уваженіемъ подчеркивая слово германская, сказалъ онъ. — Тамъ уже около батальона. Можетъ быть и больше. Здѣсь, и не больше, какъ въ верстѣ отсюда, вправо у деревни Летичовки еще стоитъ его тяжелая батарея. Очевидно не успѣли увезти. Ее прикрываютъ германцы, занявшіе деревню. Батарея тоже германская. Я и говорю полковнику, что дальше ему идти нельзя, надо отойти и ждать.

— Вы говорите, — нервно, подрагивая мускулами лица, сказалъ Саблинъ: — батарея и прикрытіе. Есть окопы? Проволока?

— Нѣтъ, чистое мѣсто. Батарея за домами, люди въ домахъ.

— Накопилось около батальона?

— Да, думаю, что если и больше, то немного. Они бѣгомъ пришли съ желѣзнодорожной станціи. Крестьянинъ прибѣгалъ, докладывалъ.

— А тамъ вправо и влѣво что?

— Не могу знать. По словамъ крестьянина, тамъ все бѣжитъ и германцы оборачиваютъ ихъ назадъ... Я думаю, черезъ часъ они предпримутъ контръ-атаку и послалъ за подкрѣпленіемъ. Въ моей ротѣ всего шестьдесятъ человѣкъ.

Лицо Саблина передернуло. Оно сейчасъ же и застыло въ твердой окаменѣлой рѣшимости.

— Уланы, впередъ! — крикнулъ онъ. — Дозорные галопомъ вправо и влѣво.

Карпинскій чуть замѣтно пожалъ плечами и, осадивъ лошадь, пропустилъ кинувшихся исполнять приказаніе начальника дивизіи улановъ, поскакавшихъ на крутой обрывистый берегъ рѣки.

Красное солнце загорѣлось багровымъ шаромъ надъ недальнимъ лѣсомъ и бросило кровавые лучи на высокій столбъ пыли, поднявшійся надъ головнымъ эскадрономъ. И сейчасъ же яркое пламя и бѣлое облачко показалось надъ эскадрономъ и глухой ударъ тяжелой пушки гулкимъ двойнымъ звукомъ выстрѣла и разрыва прокатился по долинѣ рѣки. За первымъ второй, третій, батарея перешла на бѣглый огонь, одновременно затрещали винтовки и пули стали свистать и щелкать возлѣ поднимавшихся на берегъ эскадроновъ.

Полковникъ Карпинскій выскочилъ за ними. Лицо его было болѣзненно блѣдно, глаза изъ-подъ стеколъ пенснэ сверкали.

Саблинъ оставался внизу, пропуская спѣшившіе впередъ, взволнованные боемъ эскадроны улановъ. Когда послѣдніе прошли, онъ выѣхалъ самъ и посмотрѣлъ на дорогу.

Несмотря на сильный огонь батареи и стрѣльбу прикрытія, несмотря на то, что уже въ сторонѣ были видны спѣшенные уланы, подъ которыми убило лошадей и тамъ и тамъ лежали убитые люди, Карпинскій продолжалъ идти рысью въ колоннѣ, подпимая жестокую пыль. Эта пыль его и спасала. Противникъ давалъ перелеты, такъ какъ стрѣлялъ по пыли, а не по эскадронамъ.

— Что же онъ медлитъ! — воскликнулъ гнѣвно Са-

блинъ и хотѣлъ уже посылать ординарца, но въ это время два среднихъ эскадрона — второй и третій, вдругъ рѣзко повернули лицомъ на батарею и, разсыпаясь вѣеромъ по песчаному полю, жалко запаханному и не снятому еще съ прошлаго лѣта, понеслись къ деревнѣ, откуда не переставая била батарея. За ними, такъ же разсыпаясь, стали готовиться къ атакѣ остальные эскадроны, и все поле покрылось скачущими гнѣдыми лошадьми. Пулеметная команда ускакала за ними.

Саблинъ вздохнулъ и остановилъ свою лошадь на дорогѣ. Онъ былъ съ начальникомъ штаба, ординарцами и трубачами. По усилившейся тамъ, куда поскакали уланы, ружейной стрѣльбѣ, смолкшему грохоту пушекъ, лихому, нѣсколько жидкому противъ нѣхотнаго, «ура» и вдругъ наступившей затѣмъ тишинѣ, онъ понялъ, что атака удалась и, должно быть, батарея уже взята. Онъ хотѣлъ скакать туда, но взволнованный крикъ Семенова заставилъ его обернуться. Слѣва и сзади, и не такъ далеко, бѣжали къ нему, разсыпаясь на бѣгу, германскіе солдаты. Отчетливо были видны ихъ низкія каски, ранцы и короткія сѣрыя фигуры. Пули стали щелкать совсѣмъ близко и взволнованные ординарцы шарахнулись въ сторону. Германцы хотѣли отрѣзать отъ рѣки Саблина и забѣжать въ тылъ уланскому полку. Но въ эту минуту на краю дороги, отъ рѣки показалась рослая широкая сѣрая кобыла командира гусарскаго полка барона Вебера и его холеная фигура съ длинными свѣтло-русыми усами. За нимъ, круто подобравъ своихъ сытыхъ лошадей, ѣхали его два трубача и адъютантъ.

— Гусары! — крикнулъ Саблинъ, — атакуйте пѣхоту.

Фонъ-Веберъ обернулся назадъ, пріостановилъ свою лошадь, вынулъ широкій палашъ шашки изъ ножонъ и ожидалъ первые ряды.

— Первый эскадронъ вправо по-эшелонно, — скомандовалъ онъ. — Строй полуэскадроны! — и указалъ на германцевъ.

Адъютантъ поскакалъ съ приказаніемъ второму эска-

дропу пристраиваться полевымъ галопомъ лѣвѣе перваго.

Германцы остановились и открыли бѣшеный огонь по гусарамъ. Пули стали такъ часто свистать и выть, поле клубилось дымками пыли, отъ падавшихъ пуль, какъ бы отъ крупнаго дождя, вдругъ упавшаго на сухую землю, что казалось, что все погибнетъ въ этомъ смертоносномъ свинцовомъ смерчѣ. Тяжело падали сѣрыя лошади, пытались подняться и валились снова, а подлѣ прыгали гусары, стараясь высвободить придавленную ногу, — но атака уже шла впередъ, скакали лошади, вытянувъ хвосты и потрясая серебряными гривами и надъ ихъ головами сверкали и горѣли нестерпимымъ блескомъ узкія полоски стали шашекъ.

— Сдавайтесь! — кричали гусары. Но выстрѣлы не смолкали. Тяжелые палаши шашекъ молотили черепа и пики пронизывали груди и доходили до самыхъ ранцевъ, и падали неестественно согнувшіеся люди. Поле стихало.

Саблинъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, придерживая взволнованную атакой Леду, и ждалъ, что будетъ дальше.

Къ нему подскакалъ гусарскій подпрапорщикъ. Это былъ бравый богатырь-солдатъ. Вся грудь его лошади была залита темно-красною кровью, по шапкѣ густилась и текла кровь, смѣшавшаяся съ пескомъ. Лицо его было бѣлое, какъ полотно, глаза горѣли, какъ угли. Онъ былъ взволнованъ и счастливъ.

Счастливъ! — Саблинъ отлично запомнилъ его лицо. Оно было счастливо. Оно горѣло отвагой и счастьемъ.

— Четырнадцать зарубилъ, ваше превосходительство, — салютуя окровавленной шашкой и круто останавливая свою разгоряченную лошадь, воскликнулъ онъ.

— Молодецъ! — сказалъ Саблинъ.

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

— А кровь это не ваша? Не ранены?

— Никакъ нѣтъ! Его это кровь, — гордо отвѣчалъ подпрапорщикъ, — лошадь маленько штыкомъ царапнули. И то не бѣда! — И онъ засмѣялся, и было что-то не-

выразимо жесткое въ оскаленныхъ подъ гусарскими усами зубахъ.

Саблинъ тронулъ лошадь и шагомъ поѣхалъ по полю къ деревнѣ, атакованной уланами. Поле было пусто. Видны были дорожки примятой прошлогодней пшеницы, низкой и сѣро-желтой. Деревенская улица была окопана двумя канавами съ крутыми отвѣсными берегами. И вдоль той и другой и на самой дорогѣ лежали убитыя лошади и люди. Они еще не успѣли потерять своей живой красоты и ихъ раскиданныя тѣла въ синихъ съ бѣлыми кантами рейтузахъ, ихъ рубахи, подтянутыя бѣлыми ремнями амуниціи, еще не облегли по мертвому ихъ тѣлъ. Ихъ было много. Особенно лошадей. Большія темногнѣдыя тѣла неподвижно лежали подлѣ канавы, выпятивъ животы и откинувъ черные хвосты. Саблину ихъ почему то стало особенно жаль.

Семеновъ считалъ тѣла.

— Сколько насчитали? — блѣднымъ, усталымъ голосомъ спросилъ Саблинъ.

— Лошадей тридцать четыре, уланъ пока шестнадцать, — отвѣчалъ Семеновъ.

Саблинъ перепрыгнулъ канавы и выѣхалъ за деревню. Въ четырехстахъ шагахъ за нею толпились спѣшенные уланы, въ резервной колоннѣ стояло два собравшихся эскадрона и два уходили вразсыпную къ лѣсу.

Полковникъ Карпинскій увидалъ Саблина и галопомъ поскакалъ къ нему. Его лицо сіяло.

— Ваше превосходительство, — доложилъ онъ, салютуя обнаженной шашкой, — N—скіе уланы счастливы поднести вашему превосходительству четыре тяжелыхъ пушки, съ шестнадцатью лошадьми и сорокъ плѣнныхъ германцевъ, взятыхъ въ конной атакѣ. Атаку, какъ изволили видѣть, я велъ лично, — значительно добавилъ онъ.

— Потери полка? — устало спросилъ Саблинъ.

— Пустячокъ! Восемнадцать убитыхъ и девять раненыхъ. Лошадей пятьдесятъ одна... Кабы не канавы,

совсѣмъ потерь бы не было. Изъ окопъ домовъ билъ по насъ, — сказалъ Карпинскій довольнымъ голосомъ.

— Поздравляю васъ, полковникъ. Развѣдка выслана?

— Пошла, ваше превосходительство!

— Трубите сборъ!

XLII

Саблинъ собиралъ дивизію у Летичовки для того, чтобы дать ей дальнѣйшую задачу. Онъ былъ доволенъ... Но прежняго, всепроникающаго, звенящаго счастья отъ побѣды не было. Онъ зналъ, что за это дѣло и онъ, вѣроятно, получитъ большую награду, можетъ быть, даже Георгія третьей степени, но на этотъ разъ не было радости ожиданія награды.

Кругомъ все ликовало. Полки рысью съѣзжались на огромное поле, еще покрытое свѣжими тѣлами, сзади звенѣли конныя батареи и всѣ люди, до послѣдняго рядового, были въ радостно приподнятомъ настроеніи. О потеряхъ не думали, ими какъ будто гордились. Если бы не было потерь — побѣда потеряла бы свой вкусъ, стала бы вялой.

Скоро четыре квадрата — рыжій, гнѣдой, сѣрый и рыже-гнѣдой установились на полѣ и Саблинъ поѣхалъ поздравить дивизію съ побѣдой и трофеями и поблагодарить храбрыхъ.

Потомъ онъ вызвалъ командировъ полковъ. Онъ указалъ задачу — идти дальше, искать исчезнувшаго и затихшаго противника и сталъ спрашивать о потеряхъ.

— Потерь не было, — какъ будто сконфуженнымъ тономъ сказалъ командиръ драгунскаго полка, словно сожалѣя объ этомъ. — Полкъ въ бою не участвовалъ.

— Убиты: ротмистръ Молодкинъ и поручикъ Затеплинскій, ранены корнеты Фуфаевскій и Лотовъ. Убито 18 уланъ и ранено 9. Лошадей 52, — доложилъ, щеголяя круглыми цифрами, полковникъ Карпинскій. Всѣ при атакѣ батареи. Атаку я велъ лично, — и онъ

осадилъ свою лошадь, давая мѣсто гусарскому полковнику.

— Убиты: ротмистры баронъ Холенъ и Спокойскій — оба эскадронные командиры, поручики Сѣнцовъ и Юзефовичъ, корнеты Никольскій и Ротовъ, ранены прапорщикъ Ленскій и подпрапорщикъ Лосевъ, гусаръ убито 56 и ранено 86, лошадей 112, — порублено и поколото германской пѣхоты болѣе шестисотъ... — доложилъ фонъ-Веберъ.

За нимъ выдвинулся полковникъ Протопоповъ.

— Полкъ въ атакѣ не участвовалъ, — спокойно сказалъ онъ.—Убиты: хорунжій Карповъ и 10 казаковъ въ штурмѣ пѣшкомъ непріятельской позиціи съ Тьмутараканскимъ полкомъ, — безразличнымъ тономъ доложилъ онъ.

— Какъ? Убиты? — спросилъ Саблинъ.

— Хорунжій Карповъ пятью пулями — двѣ въ голову, одна въ животъ и двѣ въ ноги — на самомъ гребнѣ нашего укрѣпленія, пять казаковъ у проволоки и четыре штыками въ непріятельскомъ окопѣ. Я заѣзжалъ, всѣхъ осматривалъ.

— Царство имъ небесное! — тихо сказалъ Саблинъ.

Пелена грусти надвигалась на него, но грустить и задумываться было нельзя. Едва началъ выдвигаться головной драгунскій полкъ, какъ за Саблинымъ пріѣхалъ ординарецъ командира корпуса. Генералъ Лоссовскій вызывалъ его къ себѣ. Онъ былъ поблизости, въ городкѣ польскихъ легіонеровъ. Саблинъ нехотя поѣхалъ.

У просторнаго барака стояли автомобили и посѣдланныя лошади. Внутри, за накрытымъ столомъ, уставленнымъ посудой и разными яствами, взятыми изъ польской добычи, сидѣли командиръ корпуса со штабомъ, начальникъ дивизіи и командиры пѣхотныхъ полковъ. Пили чай.

Лоссовскій всталъ навстрѣчу Саблину.

— Поздравляю, поздравляю, дорогой Александръ Николаевичъ! — громко, ликующимъ голосомъ, воскликнулъ онъ, сердечно обнимая Саблина. — Вамъ, милый

другъ, мы обязаны этимъ прорывомъ и всею побѣдою. Костюхновка себя оправдала! И подумайте — безъ потерь. Леонидъ Леонидовичъ, что потеряла 177-ая дивизія? — обратился онъ къ Зиновьеву.

— 6 офицеровъ и 165 солдатъ убитыхъ и раненыхъ.

— А, каково! Вотъ это дѣло! Однихъ плѣнныхъ взято восемь тысячъ, да еще и не всѣ сосчитаны. Гдѣ ваши молодцы?

— Они направлены мною, согласно съ задачей на Манюровку.

— Далеко отошли?

— Нѣтъ, тутъ еще.

— Пошлите остановить ихъ. Я поѣду поблагодарить Вѣдь тяжелую батарею захватили. Орлы! — батюшка мой, орлы! Ну, да иначе и быть не могло!

XLIII

Вечеромъ того же дня Саблинъ, сидя въ небольшомъ, уютно обставленномъ баракѣ венгерскаго полковника, занятомъ теперь для него и его штаба, писалъ письмо великой княжнѣ Татьянѣ Николаевнѣ. Онъ картинно и, стараясь быть понятымъ барышней, почти дѣвочкой, описывалъ всю сложность обстановки боя, необходимость жертвы, важность и величіе подвига хорунжаго Карпова, пошедшаго на вѣрную смерть, и писалъ:

— «Этотъ юноша, горя безпредѣльною преданностью къ августѣйшему Родителю вашему и нѣжною, преисполненной благодарности любовью къ Вамъ, Ваше Императорское Высочество, за Ваше полное самопожертвованія, ухаживаніе за нимъ въ лазаретѣ Ея Величества, рѣшилъ отдать жизнь свою ради Васъ. Посланный мною на штурмъ, онъ просилъ передать Вамъ, Татьяна Николаевна, что онъ счастливъ умереть за Васъ съ Вашимъ именемъ на устахъ. Онъ убитъ пятью пулями, когда первый бросился на непріятельское укрѣпленіе»...

Написавъ эти слова, Саблинъ отбросилъ перо и глубоко задумался...

«По существу, онъ убитъ, ничего не сдѣлавъ.»

«Въ чемъ его подвигъ, да и вообще, что такое — подвигъ?»

«Подвигъ ли въ томъ, чтобы въ пылу и опьяненіи боя, не помня самого себя, зарубить четырнадцать человѣкъ, какъ зарубилъ ихъ тотъ восторженный подпрапорщикъ, что весь въ крови подскакалъ къ Саблину послѣ конной атаки гусаръ?»

«Или подвигъ совершенъ этимъ прекраснымъ юношей, который поднялся, чтобы перейти страшную грань, и не перейдя ея, былъ сраженъ пятью пулями? Чувствовалъ ли онъ всѣ пять? Или первая же свалила его замертво и онъ уже не чувствовалъ ничего?...

«Или подвигъ совершилъ, какъ на томъ настаиваетъ онъ самъ, полковникъ Карпинскій, который противъ своей воли, блѣдный и, видимо, сильно душевно потрясенный, кинулся позади своихъ эскадроновъ на батарею и получитъ за это георгіевскій крестъ?»

«Или подвигъ лежитъ въ этихъ мукахъ душевныхъ, въ этомъ страданіи за всѣхъ нихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, милыхъ и безразличныхъ, павшихъ сегодня по его волѣ, по его приказу?»

«Но развѣ Карповъ пошелъ и убитъ по его приказу? Развѣ въ прорывъ, а слѣдовательно и въ атаки на батарею и германскую пѣхоту войска были двинуты по его волѣ? Это воля командира корпуса Лоссовскаго, это воля командующаго арміей, главнокомандующаго фронтомъ, воля Верховнаго Вождя Россійскихъ Армій Государя Императора и онъ эту волю исполнилъ и подвигъ не на немъ, исполнителѣ, и муки, и страданія, и отвѣтъ за погибшихъ не его, а Государевы...»

«Но Государь ли виновенъ въ этомъ? Развѣ не вынудили его обстоятельства? Необходимость спасти Францію, ослабить во что бы то ни стало атаки германцевъ на Верденъ побудили предпринять этотъ прорывъ во имя

спасенія союзника и, значить, всѣмъ руководила какая-то чужая сила обстоятельствъ, рокъ, судьба...»

«То есть — Господь!»

«Но — да будетъ воля Твоя! И воля Господня свершилась. И, результатъ этой воли, рядъ подвиговъ, рядъ смертей и рядъ тяжкихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій. Человѣкъ — это гонимая бурей песчинка, не знающая, куда упадетъ.»

«Пусть, сверкая хищными зубами изъ-подъ нависшихъ усовъ, разсказываетъ гусарскій подпрапорщикъ о томъ, какъ онъ зарубилъ четырнадцать, и пусть ужасаются одни, видя въ немъ страшнаго убійцу, и восхищаются другіе, называя его героемъ, — онъ былъ не больше, какъ молнія, поражающая человѣка въ степи, или паровозъ, наѣхавшій на упавшаго подъ рельсы. И подвигъ его, и вина его сомнительны.»

«Пусть носитъ горделиво бѣленькій крестъ полковникъ Каринскій и кричитъ всюду и вездѣ о своей лихой конной атакѣ — ничего бы онъ не сдѣлалъ, если бы не дано было ему это свыше.»

«И Карповъ, и я, и Лоссовскій, и Государь — нѣтъ у насъ ни подвига, ни страданій, ни вины, потому что воля наша несвободна и неисповѣдимы пути Божіи.»

Саблинъ то снова брался за письмо, то задумывался и долго сидѣлъ, устремивъ взглядъ на пламя свѣчи, то вставалъ и долго ходилъ по полу барака, сдѣланному изъ тонкихъ сосновыхъ стволовъ. Его душа томилась смертельной мукой. Колебалась вѣра въ Христа, въ подлинность и точность того ученія, въ которое онъ такъ увѣровалъ всего полтора года назадъ.

Онъ остановился у низкаго, въ уровень съ землею окна и сталъ безсознательно глядѣть въ него, не отрываясь. Мысли текли сами по себѣ.

«Когда-то въ Батумѣ, гуляя съ профессоромъ, мы рѣшили, что удовлетвореніе жизни въ работѣ, а счастье въ творчествѣ. Взятыя дивизіей тяжелыя пушки, прорывъ фронта у Костюхновки и то, что я сижу въ чьемъ-то чужомъ, чужими руками построенномъ баракѣ, жгу чужія

свѣчи и ѣмъ чужія галеты, — вся эта п о б ѣ д а — развѣ это творчество?»

«А что такое дѣятельная, дѣйствующая христіанская любовь къ ближнему, если наша воля не свободна? Если воля не свободна — ни подвига, ни жертвы, ни вины, ни страданія, ни позора, ни муки совѣсти, ни любви... Ни любви... Если на то не моя воля...»

Онъ снова началъ ходить взадъ и впередъ.

«Нѣтъ, — такъ нельзя... Воля должна быть свободна, до извѣстной степени. Воля свободна, но пути неисповѣдимы. Я хочу, но не могу. Я хочу не посылать Карпова, потому что я его полюбилъ и мнѣ его жалко, но я не могу не послать его, потому что это мой долгъ, и я посылаю его и потомъ мучаюсь и страдаю и въ этихъ страданіяхъ и заключается подвигъ!»

«Карповъ хотѣлъ совершить подвигъ, но его воля не совпала съ волею Божества. Онъ умеръ, не совершивъ подвига. Потому что, падая на своемъ окопѣ, онъ не зналъ, что казаки и пѣхота ринулись впередъ и довершили то, что началъ онъ и чего они никогда безъ него не сдѣлали бы. Но умеръ онъ въ отчаяніи. За что?»

«За что же погибъ Карповъ? Невинный, красивый, благородный, молодой, и тѣломъ и душею прекрасный!»

Мука исказила лицо Саблина.

Онъ остановился у окна, гдѣ уже начинался блѣдный день и, глядя на лѣсъ, позлащенный косыми лучами утренняго солнца, онъ повторялъ: — «Господи, помоги моему невѣрію.»

«А что, если», — весь холодѣя, въ ужасѣ нестерпимомъ, думалъ онъ, глядя на сосны и ели густого и темнаго лѣса, — «что, если истина не во Христѣ?... Вѣдь сколько народа поклоняется Буддѣ, сколько людей стало атеистами, сколько народа считаетъ, что истина въ соціализмѣ. — Я знаю только христіанство.»

«Да и знаю ли?»

«А если Бога нѣтъ?»

Розовый лучъ проникъ, скользя по землѣ, въ окно низкаго бревенчатаго барака. Пылинки заиграли въ немъ

цвѣтами радуги и желто-золотые квадраты упали на полъ. На окнѣ, въ деревянныхъ ящикахъ были растенія и тянулись къ свѣту едва распустившіеся цвѣты зелено-оранжевой резеды и сочные бѣлые и лиловые левкои. За окномъ, въ лучѣ солнца желтая бабочка наслаждалась, купаясь въ золотыхъ искоркахъ. Природа просыпалась отъ сна. Невдалекѣ трубачъ игралъ утреннюю зорю и съ коновязей ему отвѣчали проснувшіяся лошади дружнымъ ржаніемъ. Весь міръ оживалъ послѣ ночи, міръ великолѣпный и сложный, міръ, котораго придумать нельзя никакому ученому.

Сомнѣнія проходили. Вѣра возрождалась. Но тянуло заглянуть и въ бездну.

«Я знаю, я слышалъ», — думалъ Саблинъ, — «только вѣру и вѣрующихъ людей. Я читалъ и вдумывался только въ Евангеліе. Духа свѣтлаго я знаю... Но есть, или долженъ быть духъ тьмы. Его ученія я не знаю. Но познать истину можно только черезъ сопоставленіе христіанскаго ученія съ ученіемъ враждебнымъ, чуждымъ христіанству, съ ученіемъ соціализма. Тогда надо его знать... Знать истину... Что есть истина?»

«Омутъ тянулъ. Какъ тянуло Зайчикова, — такъ и меня тянуло.»

«Но знать — это не сомнѣваться. Не сомнѣваться — не мучиться.»

Мысль долго отсутствовала. Саблинъ былъ въ оцѣпенѣніи.

И вдругъ она пришла къ нему острая, жестокая, ясная и безпощадная.

«Знать нельзя... Можно только... вѣрить.»

Саблинъ сѣлъ за письменный столъ, перечелъ письмо великой княжнѣ, написалъ записку сестрѣ Валентинѣ съ просьбою передать письмо по назначенію, запечаталъ конвертъ и вышелъ на воздухъ, чтобы позвать ординарца.

«Надо вѣрить», — повторялъ онъ себѣ.

Встрѣтившій его у штабного барака Семеновъ удив-

вился. Въ темныхъ волосахъ Саблина сильно пробилась сѣдина.

«Да», — подумалъ онъ, — «слава и побѣды не даются даромъ.»

XLIV

— Татьяна Николаевна, вамъ письмо, — сказала сестра Валентина, останавливая великую княжну въ той самой пріемной лазарета, гдѣ Татьяна Николаевна осенью надѣла колечко на палецъ Карпова.

— Отъ кого? — спросила Татьяна Николаевна, и ея сѣрые большіе глаза съ любопытствомъ устремились въ каріе глаза сестры Валентины.

— Отъ Саблина. Не ожидали?

— Да. А вѣдь онъ герой, Валентина Ивановна. Опять атаковалъ въ конномъ строю и тяжелыя пушки взялъ. Давайте, прочтемъ письмо вмѣстѣ.

Онѣ сѣли на стульяхъ у окна, раскрытаго настежь. Іюньское солнце ярко свѣтило, было тепло и радостно въ это лѣтнее утро.

— Вы знаете, — поднимая на сестру Валентину прекрасные глаза, — сказала великая княжна, — генералъ Саблинъ пишетъ, что Карповъ убитъ. Карповъ, тотъ, помните, что лежалъ въ нашемъ лазаретѣ, умеръ героемъ за меня. Вы помните его? Мы его съ сестрами «зайчикомъ» звали. Онъ такъ хорошо разсказывалъ про казаковъ и про войну.

— Царство ему небесное, — крестясь, тихо сказала сестра Валентина. — Какъ же мнѣ его не помнить? Я выходила его... Съ маленькими черными усами. Онъ писалъ вамъ великимъ постомъ, что получилъ георгіевское оружіе. Вы помните?

— Ну, какъ же. Онъ былъ такой застѣнчивый и милый. Я ему колечко подарила, а мама Евангеліе. Какъ жалко, какъ жалко его! Я буду за него молиться.

— Всегда тяжело, когда убьютъ кого-нибудь, — съ

подавленнымъ вздохомъ сказала сестра Валентина. — А молодыхъ мнѣ особенно жалко. Вся жизнь ихъ впереди. Онъ такъ былъ преданъ вамъ и Государю. Такіе люди, Татьяна Николаевна, особенно дороги теперь.

Татьяна Николаевна посмотрѣла на сестру Валентину.

Эти дни такъ много чуялось смутнаго и недоговореннаго и во дворцѣ, и въ Ставкѣ, и въ лазаретѣ.

— Его звали Алексѣемъ, сестра Валентина, — сказала великая княжна. — Я запишу его въ свое поминаніе... Какъ моего брата... И вотъ — убитъ!.. убитъ!.. И мы даже не знаемъ, гдѣ его похоронили. Я бы помолилась на его могилѣ.

Великая княжна обняла сестру Валентину и стала задумчиво смотрѣть въ окно. Тамъ сіялъ прекрасный лѣтній день. Оттуда неслось чириканье воробьевъ и пѣніе птицъ. Сладко и свѣже пахло сиренью и черемухой.

Глаза княжны были влажны отъ слезъ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Такъ кончился «романъ» Алеши Карпова.

1919 — 1921 г.

«Зеленый Мысъ» подъ Батумомъ.
«Шлахтензее» подъ Берлиномъ.